

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ 1895-2005

КРИШНАМУРТИ

Комментарии к жизни

КНИГА ТРЕТЬЯ

LITRU.RU

«Комментарии к жизни» письменно зафиксировали встречи Кришнамурти с искателями истины, шедшими разными дорогами жизни. Здесь он дает комментарии к противоречивым вопросам, являющимся общими для всех, кто жаждет расширить границы личности и избавиться от самоограничения. Том 3 из трехтомного издания представляет собой около 50 освещающих заметок-взглядов Кришнамурти на некоторые темы, такие как: Поиск истины. Жизнь и смерть. Образование.

Джидду Кришнамурти
Комментарии к жизни. Книга третья

Начинается ли размышление с умозаключения?

Холмы по ту сторону озера были очень красивы, а за ними возвышались заснеженные горы. Весь день шел дождь, но теперь, словно неожиданное чудо, небеса внезапно посветлели, и все стало живым, радостным и безмятежным. Цветы были ярко-желтыми, красными и темно-фиолетовыми, и капли дождя на них были подобны драгоценным камням. Это был самый прекрасный вечер, наполненный светом и блеском. Люди вышли на улицы, а вдоль озера кричали от смеха дети. Во всем этом движении и суматохе была очаровывающая прелесть и удивительное, все охватывающее умиротворение.

На длинной скамье, стоящей перед озером, нас было несколько. Какой-то мужчина говорил довольно громким голосом, и было невозможно не подслушать то, что он говорил своему соседу.

«В такой вечер как сегодня хотел бы я оказаться где-нибудь подальше от этого шума и суеты, но моя работа удерживает меня здесь, и я ее ненавижу».

Люди кормили лебедей, уток и нескольких отбившихся от стаи чаек. Лебеди были чисто белыми и очень изящными. На воде сейчас не было ряби, и холмы на другой стороне озера были почти черными, но горы за холмами сверкали из-за заката, а яркие облака позади них казались пылающе живыми.

«Не уверен, что я понимаю вас, — начал мой гость, — когда вы говорите, что знания нужно отложить в сторону, чтобы понять истину». Он был пожилым человеком, много путешествовал и много читал. Он провел год или около того в монастыре, объяснил он, и бродил по всему миру, от порта до порта, работая на судах, экономя деньги и собирая знания. «Я не подразумеваю простые книжные знания, — продолжал он, — я подразумеваю знания, которые накопили люди, но которые не попали на бумагу, таинственные обычаи, не записанные на манускрипты и священнописания. Я немного практиковал оккультизм, но мне он всегда казался довольно-таки глупым и поверхностным. Хороший микроскоп — это куда более выгодно, чем ясновидение человека, который видит метафизические вещи. Я прочел книги некоторых из крупных историков с их теориями и их видением, но... Наделенный превосходным умом и способностью накапливать знания человек должен быть способен делать много добра. Я знаю, что это не модно, но во мне есть закрадывающееся принуждение преобразовать мир, но знания — это моя страсть. Я всегда был страстным человеком по отношению ко многому, и теперь меня смущает мое побуждение знать. На днях я прочитал кое-что из ваших работ, что заинтриговало меня, и когда вы сказали, что должна быть свобода от знания, я решил прийти и увидеться с вами не как последователь, но как любопытствующий».

Следовать за другим, каким бы ученым или благородным он ни был, означает блокировать всякое понимание, не так ли?

«Тогда мы сможем говорить свободно и со взаимным уважением».

Если позволите спросить, что вы подразумеваете под знаниями?

«Да, для начала это хороший вопрос. Знания — это все, чему человек научился через опыт, это то, что он накопил благодаря изучению, через столетия борьбы и боли, во многих областях стремлений как научных, так и психологических. Поскольку даже самый великий историк интерпретирует историю согласно его изучению и настрою, так что и обычный ученый, подобно мне, может перевести знание в действие либо „хорошее“, либо „плохое“. Хотя в данный момент нас не интересует действие, оно неизбежно связано со знаниями, которые являются тем, что человек испытал или чему научился через мысль, через медитацию, через страдания. Знания обширны, они не только записаны в книгах, но и существуют в индивидуальном, также как в коллективном или расовом сознании человека. Научная и медицинская информация,

техническое „ноу-хау“ материального мира внедрены преимущественно в сознание западного человека, тогда как сознанию восточного человека присуща большая чувствительность к духовности. Все это является знанием, охватывающим не только то, что уже известно, но и то, что обнаруживается изо дня в день. Знания — это нескончаемый процесс, процесс постоянного прибавления, нет ему никакого конца, и поэтому то, что человек ищет, может быть бессмертно. Поэтому я не могу понять, почему вы говорите, что всякое знание нужно отложить, если мы хотим понимания истины».

Разделение между знанием и пониманием искусственно, на самом деле его не существует. Но чтобы быть свободным от этого разделения, что означает чувствовать различие между ними, мы должны выяснить, что же является наивысшей формой размышления, иначе будет беспорядок.

Начинается ли размышление с умозаключения? Неужели размышление — это движение от одного умозаключения к другому? Может ли быть размышление, если размышление активное? Разве наивысшая форма размышления не пассивна? Не всякое ли знание — это накопление определений, умозаключений и активных утверждений? Активная мысль, которая основана на опыте, является всегда результатом прошлого, и такая мысль никогда не сможет раскрыть новое.

«Вы утверждаете, что знания — это вечно в прошлом, и что мысль, возникшая из прошлого, должна неизбежно затмить восприятие того, что можно назвать истиной. Однако, без прошлого, без памяти мы бы не смогли узнать этот объект, который мы условились называть стулом. Слово „стул“ отражает умозаключение, к которому пришли с общего согласия, и всякое общение прекратилось бы, если такие умозаключения не были приняты как должное. Большая часть нашего размышления основана на умозаключениях, на традициях, на опытах других, и жизнь была бы невозможна без наиболее очевидных и неизбежных из этих умозаключений. Конечно, вы не имеете в виду, что нам надо избавиться от всех умозаключений, всех воспоминаний и традиций?»

Пути традиции неизбежно ведут к посредственности, и ум, пойманный в ловушку традиции, не может почувствовать то, что истинно. Традиция может быть однодневной, или же она может датироваться тысячелетиями. Это было бы явно абсурдно со стороны инженера отбросить технические знания, которое он получил благодаря опыту тысячи других. А если пробовать отбросить память о том, где живешь, то это только будет означать невротическое состояние. Но накопление фактов не приведет к пониманию жизни. Знания — это одно, а понимание — это другое. Знание не ведет к пониманию, но понимание может обогащать знания, и знания могут служить инструментом понимания.

«Знания необходимы, их не следует презирать. Без знаний не могли бы существовать современная хирургия и сотни других чудес».

Мы не нападаем на знания или защищаем их, а пытаемся понять проблему целостно. Знания — это только часть жизни, а не вся она, и когда эта часть приобретает всепоглощающую важность, чем это грозит нам сейчас, тогда жизнь становится поверхностной, глупой рутинной, из которой человек стремится убежать через какую-либо форму отвлечения внимания и суеверия с плачевными последствиями. Простое знание, каким бы обширным и искусным оно ни было, не решит наши человеческие проблемы. Допускать то, что оно решит, означает навлечь на себя расстройство и страдание. Необходимо кое-что намного более глубокое. Можно знать, что ненависть бесполезна, но освободиться от ненависти — это совершенно другое дело. Любовь — это не вопрос знания.

Итак вернемся, активное размышление — это вовсе не размышление, это просто видоизмененное продолжение того, о чем думали раньше. Время от времени его внешняя форма может изменяться в зависимости от принуждений и давлений, но ядро активного размышления

— это всегда традиция. Активное размышление — это процесс соответствия, и ум, который приспособливается, никогда не сможет находиться в состоянии открытия.

«Но может ли быть отвергнуто активное размышление? Разве оно не необходимо на определенном уровне человеческого существования?»

Конечно, но вся проблема не в этом. Мы пытаемся выяснить, может ли знание стать помехой для понимания истины. Знания необходимы, так как без них нам пришлось бы начинать снова и снова в некоторых областях нашего существования. Это довольно просто и ясно. Но помогут ли нам накопленные знания, даже пусть обширные, понять истину?

«Что есть истина? Неужели это общепринятая позиция, к которой всем нужно шагать? Или же это субъективный, индивидуальный опыт?»

Называйте ее любым именем, а истина должна быть вечно новой, живущей. Но слова «новая» и «живущая» используются только для того, чтобы передать состояние, которое не статическое, не мертвое, не фиксированная точка в пределах человеческого ума. Истину нужно обнаруживать снова и снова от мгновения до мгновения, это не опыт, который можно повторить, она не имеет никакого продолжения, это состояние, не имеющее времени. Разделение между многим и одним должно прекратиться быть для того, чтобы возникла истина. Это не состояние, которое можно достичь, ни точка, до которой ум может развиваться, дорасти. Если истину представлять себе как вещь, которую можно заполучить, то культивирование знаний и накоплений воспоминаний становится необходимым, порождающим гуру и последователя, того, кто знает, и того, кто не знает.

«Тогда вы против гуру и последователей?»

Вопрос не в том, против чего мы, а в восприятии того, что соответствие, которое является желанием безопасности, с его страхами предотвращает переживание бесконечного.

«Думаю, что понимаю то, что вы имеете в виду. Но не слишком ли трудно отказаться от всего, что накоплено? И, вообще, действительно ли это возможно?»

Отказаться, чтобы извлечь пользу, это вовсе никакой не отказ. Видеть ложное как ложное, видеть истинное в ложном и видеть истинное как истинное, вот именно это освобождает ум.

Самопознание или самогипноз?

Дождь шел всю ночь и большую часть утра, и теперь солнце садилось за темными, тяжелыми тучами. Небо было бесцветным, но воздух наполнился ароматом пропитанной дождем земли. Лягушки квакали всю ночь напролет с постоянством и ритмом, но с рассветом они умолкли. Стволы деревьев потемнели от долгих дождей, а листья, начисто вымытые от летней пыли, снова станут сочными и зелеными через несколько дней. Лужайки тоже заново зазеленеют, кустарники вскоре расцветут, и наступит радостная пора. Каким долгожданным был дождь после жарких, пыльных дней! Горы за холмами казались не слишком далекими, а легкий ветерок, дующий от них, был прохладен и свеж. Будет больше работы, больше еды, и голодание уйдет в прошлое.

Один из тех больших коричневых орлов описывал широкие круги по небу, паря по ветру, не взмахивая собственными крыльями. Сотни людей на велосипедах ехали домой после долгого дня, проведенного в офисе. Немногие разговаривали, когда ехали, но большинство из них молчали и очевидно были уставшими. Большая группа людей остановилась, облокотившись на велосипеды, и оживленно обсуждала какой-то вопрос, в то время как полицейский по соседству устало наблюдал за ними. На углу возвышалось большое здание. На дороге было полно коричневых луж, проезжающие мимо автомобили расплескивали из них грязь, которая оставляла темные пятна на одежде. Велосипедист остановился, купил у торговца сигарету и снова поехал.

Подошел мальчик, неся на голове старую банку из-под керосина, наполовину наполненную какой-то жидкостью. Он, должно быть, работал в этом новом здании, которое было в процессе строительства. У него были яркие глаза и необычайно веселое лицо, он был худым, но имел крепкое телосложение, а его кожа была очень темной, загорелой из-за солнца. На нем была рубашка и набедренная повязка, обе землистого цвета, грязные из-за долгого ношения. Его голова имела правильную форму, и в его походке было некоторое высокомерие — мальчишка выполнял мужскую работу. Как только толпа осталась позади, он начал петь, и внезапно вся атмосфера изменилась. Его голос был пообыкновенно ребяческим, сильным и хриплым, но песня имела ритм, и вероятно, он двигал в такт своими руками, поскольку ни одна рука не поддерживала на его голове жестяную керосиновую банку. Он чувствовал, что кто-то шел позади него, но был слишком весел, чтобы стесняться, и его никоим образом не тревожила перемена, произошедшая вокруг. В воздухе разлилась благодать, любовь, которая покрыла все, мягкость, которая была проста и без расчета, совершенство, которое было вечно цветущим.

Мальчик резко прекратил петь и повернулся к обветшалой хижине, которая стояла на некотором отдалении от дороги. Вскоре вновь пойдет дождь.

Посетитель сказал, что он удерживал должность в правительстве, которая была неплохой, когда все шло хорошо, и так как он получил первоклассное образование, и дома, и за границей он мог подняться весьма высоко. Он был женат, как он сказал, и имел двоих детей. Жизнь была довольно приятной, поскольку успех был гарантирован. Он был владельцем дома, в котором они жили, и он отложил деньги на образование своих детей. Он знал санскрит и был знаком с религиозной традицией. Все шло достаточно гладко, сказал он, но однажды утром он очень рано проснулся, принял ванну и сел для того, чтобы медитировать до того, как проснутся его семья или соседи. Хотя он хорошо отдохнул во время сна, медитировать он не смог, и внезапно почувствовал переполняющее побуждение провести оставшуюся часть жизни в медитации. Не было ни колебания, ни сомнения по этому поводу. Он посвятит все оставшиеся ему годы обнаружению того, что бы это ни было, тому, что можно найти через медитацию, и он сказал своей жене и своим двум мальчикам, которые были в колледже, что собрался стать саньясином.

Его коллег удивило его решение, но они приняли его отставку, и через пару дней он покинул свой дом, чтобы никогда не вернуться.

Это произошло двадцать пять лет назад, продолжил он. Он строго дисциплинировал себя, но обнаружил, как это трудно после непринужденной жизни, и ему потребовалось долгое время, чтобы полностью справиться со своими мыслями и страстями, которые присутствовали в нем. Тем ни менее, в конце концов у него стали появляться видения Будды, Христа и Кришны, видения, чья красота приводила в восторг, и он сутками бывало жил, как будто в трансе, постоянно расширяя границы своего ума и сердца, абсолютно поглощенный той любовью, которая является преданностью наивысшему. Все вокруг него — сельчане, животные, деревья, трава — было активно действующее, великолепное в своей живости и очаровании. Ему потребовались все эти годы, чтобы коснуться низа бесконечного, сказал он, и удивительно, что он пережил все это.

«У меня есть несколько учеников и последователей, так как это неизбежно в этой стране, — продолжал он, — и один из них предложил мне, посетить беседу, которую вы должны были вести в этом городе, где мне случилось побывать в течение нескольких бесед. Я был очень увлечен тем, что вы рассказали в ответ на вопрос о медитации. Было сказано, что без самопознания, которое само по себе является медитацией, всякая медитация — это процесс самогипноза, проекции собственной мысли и желания. Я думал обо всем этом и теперь пришел, чтобы поговорить об этом с вами.

Я понимаю, что то, что вы говорите, совершенно истинно, и это для меня огромный удар осознать, что я был в ловушке образов или проекций моего собственного ума. Я теперь очень глубоко осознаю, чем являлась моя медитация. В течение двадцати пяти лет я оставался в красивом саду, созданном мною самим. Персонажи, видения были результатом моей специфической культуры и того, чего я желал, изучал и впитал в себя. Теперь я понимаю значение того, что я делал, и я больше, чем потрясен тем, что впустую потратил так много драгоценных лет».

Мы молчали в течение некоторого времени.

«Что же мне теперь делать? — продолжил он через время, — существует ли какой-то выход из тюрьмы, которую я построил для самого себя? Я понимаю, что то, к чему я пришел в своих медитациях, — тупик, хотя еще несколько дней назад это казалось таким наполненным великого значения. Как бы сильно мне ни хотелось, я не могу вернуться ко всему тому самообольщению и самостимулированию. Я хочу прорваться через завесы иллюзии и натолкнуться на то, что не создано искусственно умом. Вы понятия не имеете, через что я прошел в течение прошлых двух дней! Та структура, которую я так тщательно и основательно создавал в течение двадцати пяти, больше не имеет никакого значения, и мне кажется, будто мне придется начать все заново. Откуда мне начать?»

Может ли быть так, что нет вообще никакого «начала заново», а только лишь восприятие ложного как ложного, что есть начало понимания? Если бы кому-то пришлось начать заново, то он опять-таки оказался бы в ловушке другой иллюзии, возможно, в иной форме. Что ослепляет нас — так это желание достичь цели, результата, но если бы мы почувствовали, что результат, которого мы желаем, находится все еще в пределах области эго, тогда не было бы мысли о достижении. Наблюдение ложного как ложного, а истинного как истинного является мудростью.

«Но я действительно вижу то, что я делал в течение последних двадцати пяти лет, как ложное? Осознаю ли я весь смысл того, что я расценивал как медитацию?»

Жажда опыта — это начало иллюзии. Как вы теперь понимаете, ваши видения были всего лишь проекциями вашего внутреннего «я», созданных внутри вас условий, и именно эти

проекции вы и переживали. Конечно, это не медитация. Начало медитации — это понимание своей внутренней основы, «я», и без этого понимания то, что называется медитацией, радостное или болезненное, является просто формой самогипноза. Вы занимались самоконтролем, овладели мыслями и сконцентрировались на последующем опыте. Такое эгоцентричное занятие, это не медитация, и различить, что это не медитация, — вот начало медитации. Понимание истины в ложном освобождает ум от ложного. Свобода от ложного не возникает через желание достичь ее, она приходит, когда ум больше не заинтересован в успехе, в достижении цели. Должно произойти прекращение всякого поиска, и только тогда есть возможность для возникновения того, что не имеет названия.

«Я не хочу обмануться снова».

Самообман существует, когда имеется любая форма жажды или привязанности, привязанности к предубеждению, к опыту, к системе мышления. Сознательно или подсознательно, переживающий всегда ищет опыт значительнее, глубже, шире, и, пока существует переживающий, будет происходить в той или иной форме заблуждение.

«На все это потребуется время и терпение, не так ли?»

Время и терпение могут быть необходимы для достижения цели. Амбициозный человек, мирской или кокой-то еще, нуждается во времени, чтобы получить результат. Ум — это результат времени, так же как и всякая мысль — это его результат, и мысль, работающая на освобождение себя от времени, только усиливает свое порабощение по отношению ко времени. Время существует только тогда, когда есть психологический промежуток между тем, что есть, и тем, что должно быть, которое называется идеалом, целью. Осознавать ошибочность всего этого способа размышления — значит быть свободным от него, что не потребует никакого усилия, никакой практики. Понимание происходит немедленно, это не имеет времени.

«Медитация, которой я увлекался, может иметь значение только тогда, когда понята как ложная, и думаю, что я понимаю ее как ложную. Но...»

Пожалуйста, не задавайте неизбежного вопроса относительно того, что же будет вместо нее, и так далее. Когда ложное рассеется, тогда появится свобода для возникновения того, что не является ложным. Вы не можете искать истинное с помощью ложного, ложное — это не средство для достижения истинного. Ложное должно полностью прекратить быть, но не в сравнении с истинным. Нет сравнения между ложным и истинным, насилие и любовь нельзя сравнивать. Насилие должно прекратиться, чтобы возникла любовь. Прекращение насилия — это не вопрос времени. Восприятие ложного как ложного — вот окончание ложного. Позвольте уму быть пустым, а не заполненным всякими размышлениями. Тогда только возникает медитация, а не медитирующий, который занимается медитацией.

«Я был поглощен медитирующим, ищущим, наслаждающимся, переживающим, что все есть я сам. Я жил в прекрасном саду, созданном мною самим, и был там как в заключении. Теперь я вижу ошибочность всего этого, смутно, но вижу».

Бегство от того, что есть

Это был довольно-таки приятный сад, с открытыми, зелеными лужайками и расцветшими кустарниками, полностью окруженный широко распространившимися деревьями. Виднелась дорога, бегущая по одной его стороне, и можно было часто случайно услышать громкий разговор, особенно вечерами, когда люди направлялись домой. В другое время в саду было очень тихо. Трава поливалась водой утром и вечером, и в оба эти раза слеталось очень много птиц, бегающих в поисках червей туда-сюда по лужайке. Они были так нетерпеливы в своем поиске, что подходили весьма близко без какого-либо опасения, тогда как вы оставались сидеть под деревом. Две птицы, зеленые и золотистые, с квадратными хвостами и длинными, тонкими торчащими перьями регулярно прилетали, чтобы усесться среди кустов роз. Они были точно

такого же цвета, как и только что раскрывшиеся листья, и увидеть их было почти невозможно. У них были плоские головы, длинные, узкие глаза и темные клювы. Иногда они устремлялись вниз дугой близко к земле, ловили насекомое и возвращались на ветку колеблющегося розового куста. Это было самое прекрасное зрелище, полное свободы и красоты. Нельзя было подобраться к ним поближе, они были слишком пугливы, но если посидеть под деревом, почти не двигаясь, можно было бы увидеть, как они резвятся, а солнце играет на их прозрачных, золотистых крыльях.

Частенько большая мангуста появлялась из густых кустарников, ее красный нос держался высоко в воздухе, острые глаза наблюдали каждое движение в округе. В первый день она казалась очень встревоженной, особенно увидев человека, сидящего под деревом, но вскоре привыкла к человеческому присутствию. Она пересекала сад во всю его длину неторопливо, а ее длинный плоский хвост касался земли. Иногда она проходила вдоль края лужайки, близко к кустам, затем становилась намного внимательней, а ее нос шевелился и подергивался. Как раз вышло целое семейство, впереди шел крупный мангуст, а за ним следовали его жена поменьше, за ней двое поменьше, все одной линией. Малыши останавливались один или два раза, чтобы поиграть, но когда мать учуяв, что их не было сразу позади нее, резко поворачивала свою голову, они мчались вперед и снова выстраивались линией.

В лунном свете сад становился очарованным местом, неподвижные, тихие деревья отбрасывали длинные, черные тени поперек лужайки и среди всех утихших кустарников. После многоголосой суматохи и болтовни птицы уселись на ночь в темной листве. На дороге теперь вряд ли кого увидишь, но иногда вдалеке можно было бы слышать песню или звуки флейты, на которой кто-то играл по пути в деревню. В другое время сад был очень тихим, наполненным нежным шепотом. Не единый лист не пошевелился, и деревья придавали форму туманному, серебристому небу.

Воображению нет места при медитации, его необходимо полностью отбросить, поскольку ум, пойманный в ловушку воображения, может только породить заблуждение. Ум должен быть ясным, без движения, и в свете той ясности приоткрывается бесконечное.

Он был стариком с седой бородой, а его тощее тело едва прикрывала шафрановая одежда саньясина. Он был вежлив в манерах и речи, но его глаза были полны печали, печали из-за тщетного поиска. В возрасте пятнадцати лет он оставил свою семью, отрекся от мира и много лет блуждал по всей территории Индии, посещая ашрамы, изучая, медитируя, бесконечно ища. Какое-то время он даже жил в ашраме религиозно-политического лидера, который очень напряженно трудился ради свободы Индии, и останавливался в другом ашраме, на юге, где было приятное песнопение. В зале, где молча жил один святой, он также, как и многие другие, оставался молча, все еще ища. Были также ашрамы на восточном и на западном побережье, где он останавливался, исследуя, вопрошая, обсуждая. Он также побывал на далеком севере, среди снегов и в холодных пещерах, и медитировал около бурлящих вод священной реки. Живя среди аскетов, он страдал физически и проделывал длительные паломничества в священные храмы. Он был сведущим в санскрите, и пение, когда он переходил с места на место, приводило его в восторг.

«Я искал Бога всеми возможными способами с пятнадцатилетнего возраста, но не нашел Его, и сейчас мне уже за семьдесят. Я пришел к вам, как приходил к другим, надеясь найти Бога. Я должен найти Его прежде, чем я умру, если же, конечно, Он не является всего лишь очередным из многочисленных мифов человечества».

Если можно спросить, сэр, вы думаете, что неизмеримое можно найти, ища его? Через следование различными путями, через дисциплину и самоистязание, через жертву и преданное служение неужели ищущий натолкнется на вечное? Естественно, сэр, существует ли вечное или

нет, неважно, и суть этого может быть раскрыта позже, но что важно, так это понять, почему мы ищем, и что есть то, что мы ищем. Почему мы ищем?

«Я ищу, потому что без Бога жизнь мало что значит. Я ищу Его из-за печали и горечи. Я ищу Его, потому что хочу умиротворения. Я ищу Его, потому что Он постоянен, неизменен, потому что есть смерть, а Он бессмертен. Он — это порядок, красота и совершенство, и по этой причине я ищу Его».

То есть, находясь в агонии из-за непостоянного, мы с надеждой преследуем то, что мы называем постоянным. Повод нашего поиска — это найти утешение в идеале постоянного, а сам этот идеал рожден непостоянством, он вырос из боли постоянного изменения. Идеал нереален, в то время, как боль реальна, но мы, кажется, не понимаем факт боли, и поэтому мы цепляемся за идеал, за надежду безболезненности. Таким образом существует рожденное в нас дуальное состояние факта и идеала с его бесконечным конфликтом между тем, что есть, и тем, что должно быть. Поводом нашему поиску служит побег от непостоянства, от печали туда, что, как думает ум, является состоянием постоянства, вечного блаженства. Но сама эта мысль непостоянна, поскольку она рождена в горечи. Противоположность, как бы ни была она возвеличена, содержит в себе семя ее собственной противоположности. В таком случае, наш поиск является просто побуждением убежать от того, что есть.

«Вы хотите сказать, что мы должны прекратить искать?»

Если мы обратим наше неразделенное внимание на понимание того, что есть, тогда в поиске, каким мы его знаем, вообще не будет необходимости. Когда ум освобожден от печали, какая потребность тогда в поиске счастья?

«Может ли когда-либо ум быть свободным от печали?»

Делать заключение, может ли он или не может быть свободным, означает положить конец всякому исследованию и пониманию. Мы должны нацелить все наше внимание на понимание печали, но мы не можем сделать этого, если мы пытаемся убежать от печали, или же если наши умы заняты поиском ее причины. Должно быть полнейшее внимание, а не уклончивое беспокойство.

Когда ум больше не ищет, больше не порождает конфликт из-за своих потребностей и жажды, когда он молчит из-за понимания, только тогда может возникнуть неизмеримое.

Можно ли знать, что есть хорошо для людей?

В комнате нас было несколько человек. Двое просидели в тюрьме много лет по политическим причинам, они страдали и жертвовали ради получения свободы для страны и были хорошо известны. Их имена часто упоминались в газетах, и хотя они были скромны, но специфическое высокомерие из-за достижения и известности все-таки мелькало в глазах. Они были начитаны, и говорили с плавностью, которая приходит с практикой публичных выступлений. Один был политиком, крупным мужчиной с острым взглядом, был полон всяких проектов и был не против карьеризма. Он также попал в тюрьму по той же самой причине, но теперь занимал должность во власти, и его взгляд был уверенным и целеустремленным. Он мог манипулировать идеями и людьми. Был еще другой, который отказался от имущества и голодал ради силы делать добро. Много знавший и владевший подходящими цитатами, он обладал улыбкой, которая была искренне добродушной и приятной, и в настоящее время он путешествовал по всей территории страны, разговаривая, убеждая и голодая. Было еще трое или четверо остальных, которые также стремились подняться по политической или духовной лестнице признания или смирения.

«Я не могу понять, — начал один из них, — почему вы так сильно против активных действий. Жизнь — это действие, без действия жизнь — процесс застоя. Мы нуждаемся в преданных людях действия, чтобы изменить социальные и религиозные условия этой несчастной страны. Наверное, вы не против реформы: за то, чтобы люди, наделенные землей, добровольно отдали часть земель безземельным, за обучение сельских жителей, за улучшение деревень, за прекращение кастовых разногласий и так далее».

Реформа, хотя и необходимая, только порождает потребность в дальнейшей реформе, и нет этому никакого конца. Что на самом деле необходимо — так это революция в мышлении человека, а не частичная реформа. Без фундаментального преобразования в умах и сердцах людей реформа просто погружает нас в сон тем, что помогает далее быть удовлетворенными. Это довольно очевидно, не так ли?

«Вы имеете в виду, что мы не должны проводить никакие реформы?» — спросил другой с напряжением, которое удивляло. «Думаю, что вы не понимаете его, — пояснил мужчина постарше. — Он имеет в виду, что реформа никогда не вызовет полное преобразование человека. Фактически, реформа препятствует тому полному преобразованию, потому что она усыпляет человека, давая ему временное удовлетворение. Умножая эти приносящие удовлетворение реформы, вы будете медленно накачивать наркотиками вашего соседа до удовлетворенности.

Но если мы строго ограничимся одной существенной реформой, скажем, добровольная отдача земли безземельным, пока этого не произошло, не будет ли это выгодно?»

Вы можете отделить одну часть от целой области существования? Можете ли вы выставить забор вокруг нее, сконцентрироваться на ней, не воздействуя на оставшиеся части области?

«Задействовать полностью всю область существования — это точно то, что мы планируем сделать. Когда мы доведем до конца одну реформу, мы перейдем к следующей».

Можно ли всеобщность жизни понять через часть? Или же сначала нужно воспринять и понять целое, и только тогда можно исследовать и изменить части по отношению к целому? Без постижения целого, просто концентрация на части только порождает дальнейший беспорядок и страдания.

«Вы хотите сказать, — потребовал напряженный, — что мы не должны действовать или совершать реформы без предварительного изучения целостного процесса существования?»

«Это, конечно, абсурд, — вставил политик. — У нас просто нет времени, чтобы найти полное значение жизни. Это придется оставить мечтателям, гуру и философам. Нам приходится иметь дело с каждодневным существованием, мы должны действовать, мы должны издавать законы, мы должны управлять и создавать порядок из хаоса. Нас интересуют дамбы, ирригация, улучшение сельского хозяйства. Мы занимаемся торговлей, экономикой и мы должны иметь дело с иностранными силами. Этого достаточно для нас, если нам удастся жить изо дня в день без какого-либо произошедшего главного бедствия. Мы люди практики на ответственных должностях и мы должны действовать, прилагая все наши способности, чтобы делать хорошее для людей».

Если можно спросить, откуда вы знаете, что хорошо для людей? Вы слишком много предполагаете. Вы начинаете с такого большого количества умозаключений, и, когда вы начинаете с умозаключения, вашего ли собственного или чьего-то другого, прекращается всякое размышление. Спокойное предположение, что вы знаете, а другой нет, приводит к большему страданию, чем страдание из-за возможности питаться только раз в день. Потому что именно тщеславие из-за умозаключений вызывает эксплуатацию человека. В нашем рвении действовать ради того, чтобы сделать хорошее для других, мы, кажется, причиняем много вреда.

«Некоторые из нас думают, что мы действительно знаем то, что хорошо для страны и ее народа», — объяснил политик.

«Конечно, оппозиция тоже считает, что она знает, но оппозиция не очень сильна в этой стране, к счастью для нас, так что мы победим и окажемся в состоянии, чтобы испытать то, что, как мы думаем, хорошо и выгодно».

Каждая партия знает или думает, что знает, что хорошо для народа. Но то, что по-настоящему хорошо, не создаст антагонизма как на родине, так и за границей, оно вызовет единство между одним человеком и другим. То, что по-настоящему хорошо, коснется всего человечества полностью, а не какой-то поверхностной выгоды, которая может привести только лишь к большему бедствию и страданию. Оно положит конец разделению и вражде, которую создали национализм и организованные религии. И так ли легко найти хорошее?

«Если нам придется учесть все значения, что есть хорошо, мы ни к чему не придем, мы окажемся не способными действовать. Немедленные потребности требуют немедленных действий, пусть даже эти действия могут принести несущественный беспорядок, — ответил политический деятель. — Просто у нас нет времени для обдумывания и философствования. Некоторые из нас заняты с раннего утра до позднего вечера, и мы не можем отсиживаться, чтобы рассмотреть полное значение каждого действия, которое нам нужно предпринять. Мы буквально не можем позволять себе удовольствие глубокого размышления, и мы оставляем это удовольствие для других».

«Сэр, вы, кажется, предлагаете, — сказал один из тех, кто до настоящего времени молчал, — что прежде, чем мы исполним то, что мы считаем хорошим поступком, мы должно обдумать полностью значение того поступка, так как, даже при том, что он кажется выгодным, такой поступок может принести больше страдания в будущем. Но возможно ли так глубоко осознавать наши собственные действия? В момент действия мы можем считать, что имеем то осознание, но позже мы можем обнаружить нашу слепоту».

В момент действия мы восторженны, мы в порыве, мы увлечены идеей или личностью и огнем лидера. Все лидеры, от наиболее зверского тирана до самого набожного политического деятеля, заявляют, что они действуют для добра человечества, и они все ведут к могиле. Но тем не менее мы уступаем их влиянию и следуем за ними. Разве вы, сэр, не оказывались под влиянием такого лидера? Возможно, его уже нет в живых, но вы все еще думаете и действуете согласно его санкциям, его формулам, его образу жизни, или же вы находитесь под влиянием

более современного лидера. Так что мы идем от одного лидера к другому, бросая их, когда это нам удобно, или когда появляется лидер получше с еще большим обещанием чего-нибудь «хорошего». В нашем энтузиазме мы и других впутываем в сеть собственных убеждений, и часто они остаются в этой сети, тогда как сами мы перешли к другим лидерам и другим убеждениям. Но то, что хорошо, свободно от влияния, принуждения и удобства, и любой поступок, который не хорош в этом смысле, обязательно породит беспорядок и страдания.

«Думаю, что все мы можем признавать себя виновными в нахождении под влиянием лидера, напрямую или косвенно, — согласился последний говоривший, — но наша проблема вот в чем. Осознавая, что мы получаем много выгоды от общества, а отдаем назад очень мало, при этом видя так много нищеты всюду, мы чувствуем, что несем ответственность за общество, что мы должны что-то делать, чтобы уменьшить это бесконечное страдание. Большинство из нас, однако, чувствует себя довольно потерянными, так что мы следуем за кем-то с сильной индивидуальностью. Его отданная жизнь, его очевидная искренность, его жизненные мысли и действия оказывают на нас очень сильное влияние, и различными путями мы становимся его последователями. Под его влиянием мы вскоре оказываемся в ловушке действий либо за освобождение страны, либо за улучшение социальных условий. В нас имеется закоренелое принятие авторитета, и от этого принятия авторитета вытекает действие. То, что вы нам рассказываете, так противоречит всему, к чему мы приучены, что это не дает мерки судить и действовать. Я надеюсь, что вы понимаете наше затруднение».

Конечно, сэр, любой поступок, основанный на авторитете книги, пусть даже священной, или на авторитете человека, возможно благородного и святого, является бездумным поступком, который должен неизбежно привести к беспорядку и горе. В этой и в других странах лидер получает авторитет благодаря интерпретации так называемых священных писаний, которые он свободно цитирует, или благодаря его собственному опыту, который обусловлен прошлым, или благодаря строгости его жизни, что опять же основано на образе священных записей. Так что жизнь лидера так же повязана авторитетом, как и жизнь последователя, оба являются рабами книг и опыта или знания другого. С этим всем в качестве основы вы хотите переделать мир. Это возможно? Или же вам необходимо отбросить весь этот авторитарный, иерархический взгляд на жизнь и приблизиться ко многим проблемам со свежим, жаждущим умом? Проживание и действие неотделимы, они находятся во взаимосвязи, это объединенный процесс, но сейчас вы отделили их, верно? Вы расцениваете ежедневное проживание с его мыслями и поступками как отличное от действия, которое собирается изменить мир.

«И снова, это верно, — продолжал последний говоривший. — Но как же нам отбросить этот хомут авторитета и традиции, которую мы охотно и с радостью принимали с детства? Это традиция еще с наших незапамятных времен, и тут вы приходите и советуете нам отбросить все это в сторону и положиться на самих себя! Из того, что я услышал и прочитал, вы утверждаете, что сам Атман не имеет постоянства. Так что вы понимаете, почему мы сбиты с толку».

Не может ли быть так, что вы никогда на самом деле не исследовали авторитарный путь существования? Если ставишь авторитет под вопрос — это уже конец авторитету. Нет ни метода, ни системы, по которой ум может освободиться от авторитета и традиции, а если бы имелся, то система стала бы доминирующим фактором.

Почему вы принимаете авторитет, в более глубоком смысле того слова? Вы принимаете авторитет так же точно, как это делает гуру, чтобы быть в безопасности, быть уверенным, быть успокоенным, преуспеть, доплыть до другого берега. Вы и гуру — поклоняющиеся успеху, вы оба ведомые амбицией. Где есть амбиция, нет любви, а действие без любви не имеет никакого значения.

«Разумом я понимаю, что то, о чем вы говорите, истинно, но внутри, эмоционально, я не

чувствую подлинность этого».

Не существует никакого разумного понимания: или мы понимаем, или мы не понимаем. Это разделение нас самих на два водонепроницаемых отсека — еще одна нелепость с нашей стороны. Нам лучше признаться, что мы не понимаем, чем придерживаться того, что существует разумное понимание, что только порождает высокомерие и противоречие, вызванное нами самими.

«Мы отняли у вас так много времени, но, возможно, вы позволите нам прийти снова».

«Я хочу найти источник радости»

Солнце было за холмами, город был в огне от вечернего сияния, и небо было наполнено светом и блеском. При затянувшихся сумерках кричали и играли дети, у них перед ужином было все еще много времени. Вдали звонил диссонирующий колокол храма, а от близлежащей мечети чей-то голос призывал к вечерним молитвам. Попугаи возвращались с далеких лесов и полей к плотно насаженным вдоль всей дороги деревьям с густой листвой. Они создавали ужасный шум перед тем, как усесться на ночь. К ним присоединились вороны с их хриплым криком, были еще другие птицы, и все щебетали и шумели. Это была отдаленная часть города, и звуки движения транспорта тонули в громком щебетанье птиц. Но с наступлением темноты они стали более тихими, и через нескольких минут они умолкли и были готовы ко сну.

Какой-то мужчина пришел с тем, что напоминало толстую веревку вокруг его шеи. Один конец ее он держал. Группа людей болтала и смеялась под деревом, куда падали лучи света от электрической лампы вверху, и мужчина, подойдя к группе, положил веревку на землю. Послышались испуганные крики, когда каждый начал убегать, так как «веревка» оказалась большой коброй, шипящей и надувающей свой капюшон. Смеясь, мужчина подтолкнул ее голыми пальцами ноги и сейчас же поднял снова, держа ее прямо за головой. Конечно, ее клыки были удалены, в действительности она была безвредной, но пугающей. Мужчина предложил мне обвязать змею вокруг моей шеи, но он был удовлетворен, когда я погладил ее. Она была холодной и покрыта чешуей, с сильными, слегка подергивающимися мускулами, и глаза ее были черными и смотрели, не мигая, так как у змей нет век. Мы прошли несколько шагов вместе, и кобра на его шее не успокаивалась, а все время двигалась.

Уличные фонари заставляли звезды казаться тусклыми и далекими, но Марс был красным и ярким. Нищий прошел рядом медленными, усталыми шагами, едва передвигаясь, он был укутан в лохмотья, а его ноги были обернуты в разорванные куски холста, связанные вместе с помощью крепкой нити. У него была длинная палка, он что-то бормотал себе под нос, и, когда мы прошли мимо, он даже не взглянул. Далее по улице стояла шикарная и дорогая гостиница с автомобилями почти любых марок перед нею.

Молодой профессор одного из университетов, довольно нервный, с высоким голосом и блестящими глазами, сказал, что проделал длинный путь, чтобы задать вопрос, который был для него самым важным.

«Я познал различные радости: радость супружеской любви, радость здоровья, увлечения и хороших товарищеских отношений. Будучи профессором литературы, я много читал и находил восторг в книгах. Но я обнаружил, что каждая радость мимолетная по своей природе, от самой маленькой до самой огромной, они все однажды заканчиваются. Кажется, ничто, чего бы я ни касался, не имеет никакого постоянства, даже литература, самая большая любовь в моей жизни, начинает терять ее постоянную радость. Я чувствую, что должен существовать постоянный источник всякой радости, но хотя и искал его, я его не нашел».

Поиск — это удивительный феномен, вводящий в заблуждение, не так ли? Будучи неудовлетворенными настоящим, мы ищем кое-что вне его. Страдая от боли настоящего, мы исследуем будущее или прошлое, и даже то, что мы находим, поглощается настоящим. Мы никогда не прекращаем расследовать полное содержание настоящего, но всегда преследуем мечты о будущем. Или же из числа мертвых воспоминаний прошлого мы выбираем самые насыщенные и придаем им жизнь. Мы цепляемся за то, что было, или отклоняем его в свете завтрашнего дня, так что настоящее получается размытым. Оно просто становится проходом, который нужно как можно быстрее пройти.

«Неважно, в прошлом это или в будущем, но я хочу найти источник радости, — продолжил он. — Вы знаете то, что я имею в виду, сэр. Я больше не ищу объекты, от которых можно получить радость: идеи, книги, люди, природа, а источник самой радости, вне всей скоротечности. Если не найти тот источник, можно быть постоянно охваченным печалью непостоянного».

Не думаете ли вы, сэр, что нам надо понять значение слова «поиск»? Иначе мы будем говорить наперекор друг другу. Отчего возникает побуждение искать, это беспокойство, чтобы найти, это принуждение достичь? Возможно, если нам удастся раскрыть мотив и понять его значение, мы сможем понять значение и поиска.

«Мой мотив прост и ясен: я хочу найти постоянный источник радости, потому что каждая радость, которую я познал, была проходящим явлением. Побуждение, которое заставляет меня искать, — это страдание из-за неимения чего-то длящегося. Я хочу уйти от этой печальной неуверенности и не думаю, что в этом есть что-нибудь неправильное. Любой, кто хоть немного задумывается, должно быть ищет ту радость, которую я ищу. Другие могут давать ей разные названия: Бог, истина, блаженство, свобода, Мокша, и так далее, но, по сути, это одно и то же».

Охваченный болью из-за непостоянства ум заставляет искать постоянное под любым названием, и само его стремление к постоянному создает постоянное, который является противоположностью тому, что есть. Так, в действительности нет никакого поиска, а лишь желание найти успокаивающее удовлетворение в постоянном. Когда ум осознает, что находится в состоянии постоянного непрерывного изменения, он продолжает строить противоположность того состояния, таким образом оказываясь в ловушке конфликта дуальности. А затем, желая убежать от этого конфликта, он преследует еще одну противоположность. Таким образом ум оказывается привязанным к колесу противоположностей.

«Я осознаю этот противодействующий умственный процесс, как вы это объясняете, но нужно ли вообще отказаться от поиска? Жизнь была бы очень скучной, если бы не было открытий».

Открываем ли мы что-нибудь новое через поиск? Новое — это не противоположность старого, не противопоставление тому, что есть. Если новое — это проекция старого, то оно является всего лишь видоизмененным продолжением старого. Всякое узнавание основано на прошлом, и то, что является узнаваемым, не новое. Поиск является результатом боли из-за настоящего, поэтому то, что разыскивается, это уже известное. Вы ищете утешения, и, вероятно, вы его найдете. Но оно также будет мимолетным, поскольку само побуждения найти — непостоянно. Всякое желание чего-либо, будь то радости, Бога или чего-то другого, является мимолетным.

«Правильно ли я вас понимаю, что так как мой поиск — это результат желания, а желание мимолетно, мой поиск напрасен?»

Если вы понимаете суть этого, тогда сама мимолетность — это радость.

«Как мне осознать суть этого?»

Не существует никакого «как», никакого метода. Метод порождает идею о постоянном. Пока ум имеет желание прийти к чему-то, получить, достичь, он будет в противоречивом состоянии. Противоречие — это нечувствительность. Но только лишь чувствительный ум осознает истину. Поиск рождается из-за противоречия, а с прекращением противоречия нет надобности искать. Вот тогда наступает блаженство.

Удовольствие, привычка и аскетизм

Дорога вела к югу от шумного раскинувшегося города с его кажущимися бесконечными рядами новых зданий. Дорога была переполнена автобусами, автомобилями, телегами с волами и сотнями велосипедистов, которые ехали домой из своих офисов, выглядя изнуренными после долгого дня рутинной работы, которая не представляла для них никакого интереса. Многие останавливались на открытом рынке у обочины, чтобы купить увядшие овощи. Когда мы направились в предместья города, там по обеим сторонам дороги стояли сочные зеленые деревья, недавно омытые сильными ливнями. Солнце садилось справа от нас, огромный золотой шар над отдаленными холмами. Среди деревьев паслось много козлов, и друг за другом бежали дети. Изгибающаяся дорога шла мимо башни одиннадцатого века, краснеющей и возвышающейся среди руин Хинду и Могулов. Здесь и там располагались древние могилы, а роскошный, разрушенный сводчатый проход (арка) говорил о славе, которая была давным давно. Автомобиль остановился, и мы пошли по дороге. Группа крестьян возвращалась с работы на полях, это были женщины, и после длинного дня тяжелого труда они пели веселую песню. В этой мирной сельской местности их голоса звучали четко, резонансно и бодро. Когда мы приблизились, они застенчиво прекратили пение, но продолжили петь, как только мы прошли.

Вечерний свет развивался среди мягко перекастистых холмов, а деревья были темными на фоне вечернего неба. На огромной выступающей скале стояли осыпающиеся зубчатые стены древней крепости. Восхищающая красота охватывала землю, она была всюду вокруг нас, заполняя каждый укромный уголок и закоулок земли и потаенные части наших сердец и умов. Есть только любовь, не любовь к Богу и любовь к человеку, ее нельзя разделить. Большая сова тихо пролетела на фоне луны, а группа образованных сельчан громко разговаривала, споря, ехать или не ехать в город, чтобы сходить в кино. Они буйствовали и агрессивно занимали половину дороги.

В мягком лунном свете было приятно находиться, и тени на земле были ясными и четкими. Вдоль дороги ехал, грохоча, грузовик, угрожающе сигналив. Но вскоре он проехал, оставляя деревню очарованию вечера и необъятному уединению.

Он был здоровым, вдумчивым молодым человеком около тридцати и работал в каком-то правительственном учреждении. Он не был слишком против своей работы, объяснил он и, принимая все во внимание, имел довольно хорошее жалование и многообещающее будущее. Он был женат и имел четырехлетнего сына, которого хотел взять с собой, но мать мальчика упорно твердила, что ребенок будет мешать.

«Я посетил одну или две ваших беседы», сказал он, — и, если можно, я хотел бы задать вопрос. У меня некоторые плохие привычки, которые беспокоят меня и от которых я хочу избавиться. В течение нескольких месяцев я пробовал избавиться от них, но безуспешно. Что мне делать?»

Давайте рассматривать непосредственно саму привычку, а не делить ее на хорошую и плохую. Культивирование привычки, какой бы хорошей и благородной она ни была, только делает ум тупым. Что мы подразумеваем под привычкой? Давайте поразмыслим над этим, а не будем зависеть от простого определения.

«Привычка — это часто повторяемый акт».

Это механический импульс к движению в некотором направлении, либо приятном, либо неприятном, он может сработать сознательно или подсознательно, обдуманно или бездумно.

Так ли это?

«Да, сэр, правильно».

Некоторые чувствуют потребность в кофе по утрам, а без него у них болит голова. Поначалу тело, возможно, требовало этого, но постепенно оно привыкло к приятному вкусу и возбуждению из-за кофе, и теперь оно страдает, когда лишено его.

«Но действительно ли кофе — это необходимость?»

Что вы подразумеваете под необходимостью?

«Хорошая пища необходима для хорошего здоровья».

Естественно, но язык привыкает к пище определенного типа или вкуса, и тогда тело чувствует себя обделенным и беспокоится, когда не получает то, к чему оно привыкло. Это настойчивое требование пищи особого типа указывает, что привычка была сформирована, а привычка основана на удовольствии и памяти о нем, ведь так?

«Но как можно покончить с привычкой, доставляющей удовольствие? Избавиться от неприятной привычки сравнительно легко, но моя проблема в том, как избавиться от приятных привычек».

Как я сказал, мы не рассматриваем приятные и неприятные привычки или как покончить с любой из них, а пытаемся понять саму привычку. Мы видим, что привычка формируется, когда имеется удовольствие и требование продолжения удовольствия. Привычка основана на удовольствии и воспоминании о нем. Изначально неприятный опыт может постепенно стать приятной и «необходимой» привычкой.

А теперь, давайте, немного продвинемся в теме. В чем ваша проблема?

«Среди других привычек сексуальное удовлетворение стало мощной и всепоглощающей привычкой для меня. Я пробовал держать ее под контролем, дисциплинируя себя по отношению к этому, сидел на диете, занимался различными опытами и так далее, но несмотря на все мое сопротивление привычка продолжается».

Возможно, в вашей жизни нет другого способа выхода энергии, нет другого зажигающего интереса. Вероятно, вам надоела ваша работа, и вы этого не осознаете. А религия для вас может быть только скучным ритуалом, набором догм и верований вообще без всякого значения. Если вы внутри разбиты, расстроены, тогда секс становится для вас единственным выходом. Надо быть внимательным внутренне, подумать заново о вашей работе, о нелепости общества, выяснять для самого себя истинное значение религии, вот это то, что освободит ум от порабощения любой привычкой.

«Я имел обыкновение увлекаться религией и литературой, но сейчас у меня нет свободного досуга для чего-либо, потому что все мое время занято работой. На самом деле я не несчастен из-за этого, но понимаю, что добыча средств к существованию — это не все. И, может быть, это так, как вы говорите, если мне удастся найти повод для более широких и более глубоких интересов, это поможет сломать привычку, которая беспокоит меня».

Как мы сказали, привычка — это повторение поступка, приносящего радость, вызванного стимулирующими воспоминаниями и образами, которые пробуждают ум. Выделения желез и их результаты, как в случае голода, это не привычка, они нормальный процесс физического организма, но когда ум увлекается ощущениями, стимулируемыми мыслями и изображениями, тогда естественно запускается механизм формирования привычки. Пища необходима, требование особого вкуса пищи основано на привычке. Находя удовольствие в неких мыслях — действиях, тонких или грубых, ум настаивает на их продолжении, таким образом порождая привычку. Повторяющийся акт, как, например, чистка зубов по утрам, становится привычкой, когда ему не уделяется внимание. Внимание освобождает ум от привычки.

«Вы подразумеваете, что мы должны избавиться от всех удовольствий?»

Нет, сэр. Мы не пытаемся избавиться от чего-нибудь или приобретать что-нибудь. Мы стараемся понять полное значение привычки, а также мы должны понять проблемы удовольствия. Многие саньясины, йоги, святые отказывали себе в удовольствии, они истязали себя и вынуждали ум сопротивляться, быть нечувствительным к удовольствию в любой его форме. Это удовольствие видеть красоту дерева, облака, лунного света на воде или человека, а отрицать это удовольствие значит отрицать красоту.

С другой стороны, есть люди, которые отклоняются от уродливого и цепляются за прекрасное. Они хотят остаться в прекрасном саду их собственного творения и закрыться от шума, вонючки и зверства, которые существуют за стеной. Очень часто это им удается, но вы не можете закрываться от уродливого и придерживаться красивого без того, чтобы не стать тупым, нечувствительным. Вы должны быть чувствительны к печали, также как к радости, а не сторониться одного и стремиться к другому. Жизнь является и смертью, и любовью. Любить значит быть уязвимым, чувствительным, а привычка порождает нечувствительность, она уничтожает любовь.

«Я начинаю чувствовать красоту того, что вы говорите. Это правда, что я сделал себя тупым и глупым. Раньше я любил ходить в лес, слушать птиц, наблюдать лица людей на улицах, а я теперь вижу, что позволил привычке сделать со мной. Но что такое любовь?»

Любовь — это не простое удовольствие, воспоминание, это состояние интенсивной ранимости и красоты, которое отклоняется, когда ум строит стены из эгоцентричной деятельности. Любовь — это жизнь, и поэтому она также смерть. Отрицать смерть и цепляться за жизнь означает отрицать любовь.

«Я действительно начинаю проникать во все это и в самого себя. Без любви жизнь на самом деле становится механической и во власти привычки. Работа, которую я выполняю в офисе, в значительной степени механическая, как в действительности и остальная часть моей жизни. Я пойман в обширном колесе рутины и скуки. Я спал, а теперь я должен пробудиться».

Само осознание, что вы спали, — это уже пробужденное состояние. Не никакой потребности в воле.

Теперь, давайте продвинемся в вопросе немного далее. Нет никакой красоты без простоты, верно?

«Это то, что я не понимаю, сэр».

Простота не заключается в каком-то внешнем символе или поступке: носить набедренную повязку или одежду монаха, питаться только один раз в день или жить жизнью отшельника. Такая дисциплинированная простота, пусть даже строгая, это не простота, это просто внешний показ, не имеющий внутренней реальности. Простота — это простота внутреннего уединения, простота ума, который очищен от всякого конфликта, который не в ловушке пожара желания, даже наивысшего желания. Без этой простоты не будет никакой любви, а красота исходит от любви.

«Вы не присоединитесь к нашему обществу защиты животных?»

Солнце в небе было очень ярким, и от моря дул прохладный бриз. Это было еще довольно-таки раннее утро, на улицах было очень мало людей, и интенсивное движение транспорта еще не началось. К счастью, сегодня день не будет слишком жарким, но пыль была всюду, мелкая и везде проникающая, поскольку дождя не было в течение долгого жаркого лета. В маленьком, ухоженном парке пыль толстым слоем лежала на деревьях, но под деревьями и среди кустарников тек ручеек с прохладной, свежей водой, приносимой от озера в отдаленных горах. На скамейке рядом с ручьем было приятно и мирно, и было много тени. Позже днем парк будет переполнен детьми и их няньками, и людьми, которые работали в офисах. Звук журчащей воды среди кустарников был дружелюбным и приветливым, и у края ручья порхало множество птиц, купаясь и счастливо щебеча. Большие павлины блуждали по кустарникам, величественные и незапуганные. В глубоких водоемах с прозрачной водой плавали большие золотые рыбки, и дети каждый день приходили, чтобы наблюдать за ними и кормить их и чтобы восхищаться множеством белых гусей, которые плавали в мелком водоеме.

Покидая небольшой парк, мы поехали по шумной, пыльной дороге к подножию скалистой горы и пошли пешком по крутой дорожке ко входу, который вел в священные окрестности древнего храма. На западе можно было заметить простор синего моря, известного за его историческое военно-морское сражение, и на востоке расположились низменные холмы, бесплодные и неприятные из-за осеннего воздуха, но наполненные тихими и счастливыми воспоминаниями. К северу возвышались более высокие горы, с которых открывался вид на холмы и жаркую долину. Древний храм на скалистом холме стоял в руинах, разрушенный зверским насилием человека. Его сломанные мраморные колонны, вымытые дождями многих столетий, казались почти прозрачными — легкими, выцветшими и величественными. Храм представлял собой все еще совершенное творение, к которому можно прикасаться и тихо, пристально глядеть. Маленький желтый цветок, яркий в утреннем свете, рос в щели у подножия роскошной колонны. Сидеть в тени одной из тех колонн, смотря на тихие холмы и отдаленное море, было переживанием чего-то вне расчетливого ума.

Одним утром, взбираясь на скалистый холм, мы обнаружили вокруг храма большую толпу. Стояли огромные лестницы для камер, отражатели и другие принадлежности, все носило марку известной кинокомпании, стояли и зеленые стулья с парусиновыми спинками, а на них напечатаны имена. Всюду на земле лежали электрические кабели, директора и техники кричали друг на друга, главные актеры прихорашивались, а костюмеры наряжали их. Двое мужчин, одетые в одежды ортодоксальных священников, ожидали, когда их позовут, а весело разодетые женщины болтали и хихикали. Тут снимали кино!

Мы сидели в маленькой комнате, и через открытое окно зеленая лужайка, искрящаяся в утреннем солнце, отбрасывала мягкий зеленый свет на белый потолок.

Одетая в дорогостоящие драгоценности, хорошо сделанные сандалии с высокими каблуками и тори, которое, должно быть, стоило приличную сумму денег, она объяснила, что была одним из главных работников в организации, посвятившей себя улучшению жизни животных. Человек был ужасающе жесток по отношению к животным, избивая их, крутя им хвосты, гоняя палками, у которых в конце были гвозди, и иными способами совершая над ними отвратительные глумления. Их нужно защищать в соответствии с законодательством, и для этой цели общественное мнение, которое так безразлично, должно быть пробуждено через пропаганду и

тому подобное.

«Я пришла, чтобы спросить, поможете ли вы в этом важном деле. Другие видные общественные фигуры вызвались и предложили свою помощь, и было бы здорово, если бы вы также присоединились к нам».

Вы имеете в виду, что я должен присоединиться к вашему обществу?

«Это было бы большой помощью, если бы вы так поступили. Присоединитесь?»

Вы считаете, что организации против жестокости человека привнесут любовь в жизнь? Через законодательство можете ли вы вызвать братство среди людей?

«Если не трудиться ради того, что является добром, как еще его можно вызвать? Хорошее не возникает благодаря нашему уходу от общества, наоборот, мы все должны работать вместе, от мала до велика среди нас, чтобы оно возникло».

Конечно, мы должны трудиться вместе, что является наиболее естественным, но сотрудничество — это не вопрос соответствия проекту, установленному государством, лидером партии или группы, или любой другой властью. Трудиться вместе из-за страха или из-за жадности награды — это не сотрудничество. Сотрудничество приходит естественно и легко, когда мы любим то, что делаем, и тогда сотрудничество — это восторг. Но чтобы любить, надо для начала отбросить амбиции, жадность и зависть. Не так ли?

«Чтобы отбросить личную амбицию, понадобятся столетия, а тем временем бедные животные страдают».

Не существует «тем временем», существует только «сейчас». Вы по-настоящему хотите, чтобы человек любил животных и его сотоварищей-людей, верно? Вы по-настоящему хотите положить конец жестокости, не через некоторое время в будущем, а сейчас. Если вы мыслите понятиями будущего, любовь не имеет никакой действительности. Если можно поинтересоваться, что является истинным началом любого действия, является ли это любовь или же способность организовать?

«Почему вы разделяете два понятия?»

Есть ли разделение, подразумеваемое в только что заданном вопросе?

Если действие происходит из-за понимания необходимости определенной работы и из-за имеющейся возможности организовать ее, то такое действие ведет по направлению, противоположному от того, которое есть результат любви и в котором также имеется возможность организовать. Когда действие происходит из-за расстройства или из-за желания власти, каким бы прекрасным ни было действие само по себе, его последствия обязательно будут запутывающими и обернутся горем. Действие любви не фрагментарное, не противоречащее или разделяющее, его последствия всеобъемлющие, объединяющие.

«Почему вы поднимаете эту проблему? Я пришла, чтобы спросить, не будете ли вы любезны помочь нам в нашей работе, а вы подвергаете сомнению источник действия. Зачем?»

Если можно спросить, что является источником вашего собственного интереса в создании организации, которая поможет животным? Почему вы так активны?

«Думаю, что это довольно очевидно. Я вижу, как ужасно обращаются с несчастными животными, и я хочу через законодательство и другие средства помочь положить конец этой жестокости. Не знаю, есть ли у меня какой-то еще другой повод, кроме этого. Возможно, есть».

Не важно ли это выяснить? Тогда вы окажетесь способны помочь животным и человеку в более значимом и более глубоком смысле. Вы организуете это движение из-за желания быть кем-то, удовлетворить ваши амбиции или убежать из чувства расстройства?

«Вы очень серьезны. Вы хотите добраться до сути вещей, не так ли? Я могла бы также быть откровенной, я очень амбициозна в некотором роде. Я хочу прославиться как реформатор, я хочу добиться успеха и не потерпеть сокрушительную неудачу. Каждый борется, идя по лестнице

успеха и известности, думаю, это нормально и по-человечески. Почему вы возражаете против этого?»

Я не возражаю против этого. Я просто указываю на то, что если ваш мотив — это не реальная помощь животным, то вы используете их как средство для вашего самовозвеличивания, что является тем же самым, что делает управляющий телегой с волами. Он делает это грубым, зверским способом, в то время как вы и другие — более тонко и изощренно, вот и все. Вы не останавливаете жестокость, пока ваши усилия остановить ее выгодны вам самим. Если бы, помогая животным, вы не могли удовлетворить ваши амбиции или убежать от вашего расстройств и печали, тогда бы вы обратились к каким-нибудь другим средствам удовлетворения. Все это указывает, не так ли, что вас вообще не беспокоят животные, кроме как если они средство для вашей собственной личной выгоды.

«Но каждый делает это так или иначе, так ведь? А почему я не должна?»

Конечно, именно это и делает подавляющее большинство людей. От самого крупного политического деятеля до деревенского заводилы, от самого высокопоставленного прелата до местного священника, от самого великого социального реформатора до изнеможенного общественного работника, каждый использует страну, бедных или имя бога как средство исполнения его идей, его надежд, его утопий. Он — это центр, ему принадлежит власть и слава, но всегда от имени людей, от имени святых, от имени растоптанных. Именно по этой причине в мире существует такой пугающий и печальный беспорядок. Они — это не люди, которые принесут умиротворение миру, которые остановят эксплуатацию, которые положат конец жестокости. Наоборот, они ответственны за куда больший беспорядок и нищету.

«Я прекрасно вижу суть этого, когда вы объясняете, но есть удовольствие в осуществлении власти, и я, подобно другим, поддаюсь ему».

Разве мы не можем забыть о других во время нашего обсуждения? Когда вы сравниваете себя с другими, это значит оправдывать или осуждать то, что вы делаете, и тогда вы вообще перестаете думать. Вы защищаетесь тем, что принимаете их точку зрения, а этим путем мы придем в никуда. Теперь же как человек, который как-то осознает значение всего, о чем мы говорили этим утром, разве вы не чувствуете, что может быть иной подход к всей этой жестокости, к амбициям человека и тому подобному?

«Сэр, я много слышала о вас от своего отца и пришла частично из любопытства, и частично потому, что думала, что вы могли бы присоединиться к нам, если я была бы достаточно убедительна. Но я ошибалась».

Можно спросить: как мне забыть о себе, внешне и внутри, и действительно полюбить? В конце концов, я являюсь брамином и все такое, у меня в крови религиозная жизнь. Но я далеко ушла от религиозного взгляда на жизнь, так что не думаю, что я снова смогу когда-либо вернуться к этому. Что мне делать? Возможно, я не задаю этот вопрос со всей серьезностью, и я, вероятно, буду продолжать свою поверхностную жизнь, но не могли бы вы сообщить мне кое-что такое, что останется во мне подобно семени и прорастет несмотря на мое «я»?»

Религиозная жизнь — это не вопрос возрождения, вы не можете обосновать новую жизнь в том, что является прошлым и ушедшим. Позвольте похоронить прошлое, не пробуйте его восстановить. Осознайте, что вы заинтересованы собой, и что ваши действия являются эгоцентричными. Не притворяйтесь, не обманывайте себя. Осознайте факт, что вы амбициозны, что вы стремитесь к власти, положению, престижу, что вы хотите быть важной. Не оправдывайте это по отношению к вам самим или к другому. Будьте просты и прямы по отношению к тому, какая вы. Тогда любовь может прийти добровольно, когда вы ее не ищете. Одна любовь может очистить хитроумные преследования от скрытых мест, где прячется ум. Любовь — это единственный выход из человеческого замешательства и горя, а не эффективные

организации, которые он создает.

«Но как может один индивидуум, даже при том, что он может любить, повлиять на ход событий без коллективной организации и действия? Чтобы положить конец жестокости, потребуется взаимодействие очень многих людей. Как этого можно достичь?»

Если вы действительно чувствуете, что любовь — это единственный истинный источник действия, вы поговорите об этом с другими, и тогда вы вместе соберете нескольких, которые имеют подобное чувство. Малое количество может перерасти во множество, но это не ваша забота. Вас волнует любовь и ее всеобщее воздействие. Именно только это всеобщее воздействие со стороны каждого индивидуума создаст совершенно иной мир.

Условности и побуждение быть свободным

Это была восхитительная прогулка. Дорожка от дома пролегла через виноградник, и виноград только начинал созревать, он был сочным и крупным, и из него выйдет много красного вина. Виноградник был ухоженным, в нем не было никаких сорняков. За ним шел красиво усаженный участок с табаком, длинный и широкий. После дождя растения начинали цвести розовыми цветами, аккуратными и опрятными, едва уловимый запах свежего табака, совершенно отличавшийся от вызывающего отвращение запаха подожженного табака, станет более насыщенным на раскаленном солнце. Длинный стебель, на котором росли цветы, будет вскоре срезан, чтобы бледные, серебристо-зеленые листья табака, уже весьма крупные, становились еще больше и крупнее к тому времени, когда придет пора их собирать. Тогда их соберут все вместе, распределяют, привяжут к длинным нитям и натянут вдоль высокого здания позади дома, чтобы дать высохнуть равномерно, где солнце их не коснется, но где будет вечерний ветерок. Люди даже в то время работали с волами на том участке табака, протягивая борозду между длинными, прямыми рядами растений и выкорчевывая сорняки. Почва была тщательно подготовлена и хорошо удобрена, и сорняки росли в ней так же как густо, как и табак. Но в конце той недели не было заметно ни одного сорняка.

Дальше дорожка проходила через сад с персиками, грушами, сливами, сливами-венгерками, нектаринами и другими деревьями, все отяжелели от поспевающих плодов. Вечером в воздухе стоял приятный аромат, а в течение дня жужжание множества пчел. За садом дорожка спускалась вниз по длинному склону, в глубь густого, дающего убежище леса. Здесь земля под ногами была мягкой из-за сухих листьев после многих лет. Под деревьями было очень прохладно, так как у солнца имелось мало возможностей проникнуть через их толстую листву. Почва всегда была влажной и душистой, издавая аромат богатого перегноя. Было огромное количество грибов, большинство из них несъедобных. То здесь, то там можно было найти виды, которые были съедобными, но вам пришлось бы поискать их, они были большей частью спрятанными, обычно скрытыми под листом того же самого цвета. Крестьяне рано придут, чтобы собрать их для рынка или для собственного использования.

В том лесу, который раскинулся на мили по мягкой холмистой местности, едва можно было увидеть каких-нибудь птиц. Там было очень тихо, среди листьев не было даже дуновения ветерка. Но всегда было в том лесу какое-то неопределенное движение, и это движение было частью необъятной тишины. Оно не было тревожащим и, казалось, присоединялось к спокойствию ума. Деревья, насекомые, разросшиеся папоротники не были отделены, не были чем-то замеченным снаружи, они были частью той тишины внутри нее и за ее пределами. В той тишине содержался даже приглушенный грохот отдаленного поезда. Было полное отсутствие сопротивления, и лай собаки, настойчивый и назойливый, казалось, усиливал тишину.

За лесом показалась прекрасная, изгибающаяся река. Она не была слишком широкой или внушительной, но достаточно широкой, так что пришлось бы щурить глаза, чтобы рассмотреть людей на противоположном берегу. Всюду по обеим берегам росли деревья, главным образом, тополи, высокие и величественные, а их листья дрожали на ветру. Вода была глубокой, прохладной и вечно текущей. За ней было приятно наблюдать, настолько живой и богатой. Одиноким рыбак сидел на табурете, около него стояла корзина для пикника, а на его колени лежала газета. Река давала удовольствие и умиротворение, хотя рыба, казалось, избегала приманки. Река всегда будет там, пусть даже пройдут войны и погибнут люди, она всегда будет питать землю и людей. Где-то далеко были заснеженные горы, и ясным вечером, когда садящееся солнце урегулирования было над ними, их высокие пики можно было принять за

освещенные солнцем облака.

В комнате нас было трое или четверо, а прямо за окном была широкая, освещенная лужайка. Небо было бледно-голубым, с тяжелыми, волнистыми облаками.

«Разве это вообще когда-либо возможно, — спросил мужчина, — чтобы ум освободил себя от созданных им условностей? Если так, что же это за состояние ума, при котором он сам себя избавил от условностей? Я слушал ваши беседы в течение нескольких лет и придавался размышлениям по этому вопросу, и все же мой ум кажется не способным покончить с традициями и идеями, которые были внедрены в детстве. Соответствовать, учат или жестоко, или с нежностью и ласковыми указаниями, пока соответствие не становится инстинктивным, и ум боится ненадежности из-за несоответствия».

«У меня есть подруга, которая выросла в среде католиков, — продолжал он, — и, конечно, ей рассказывали о грехе, адском огне, утешающих райских радостях и обо всем прочем. Достигнув зрелого возраста и после длительного размышления, она отбросила католический образ мысли, но даже теперь, в середине своей жизни, она обнаруживает, что находится под влиянием идеи об аде и вредно воздействующих страхов из-за него. Хотя мое образование и происхождение внешне совершенно отличаются, я, как и она, также боюсь несоответствия. Я понимаю нелепость соответствия, но не могу сбросить это с себя, и, даже если бы и мог, я бы, наверное, делал то же самое другим способом — просто соответствовал новому образцу».

«В этом также и моя трудность, — добавила одна леди. — Я осознаю очень ясно многие пути, которыми я привязана к традиции, но смогу ли я покончить с моей существующей неволей без того, чтобы оказаться в новой? Есть люди, которые кочуют от одной религиозной организации к другой, всегда ища и никогда не находя удовлетворения. И, когда, наконец, они являются удовлетворенными, они становятся ужасными занудами. Вероятно, вот что случится со мной, если я попытаюсь покончить с моими нынешними условностями: не зная сама, я буду втянута в другой образ жизни».

«Фактически, — продолжил мужчина, — большинство из нас никогда не размышляло очень глубоко о том, как наш ум практически полностью сформирован обществом и культурой, в которой мы выросли. Мы не осознаем условности в нас, а просто продолжаем жить, борясь, достигая или расстраиваясь в пределах образца данного общества. Это участь почти всех из нас, включая политических и религиозных лидеров. Возможно, к несчастью для меня, я пришел, чтобы послушать некоторые из ваших бесед, и тогда началась боль из-за задаваемых себе самому вопросов. В течение некоторого времени я не очень глубоко раздумывал над этим вопросом, но внезапно обнаружил, что становлюсь серьезным. Я экспериментировал, и теперь осознаю во мне самом многие вещи, которые никогда прежде не замечал. Если я могу продолжить, и никто не будет считать, что я слишком много говорю, мне хотелось бы немного глубже вникнуть в этот вопрос условностей».

Когда другие уверили его, что они также сильно интересовались этой темой, он продолжил.

«Услышав или прочитав большинство вещей, о которых вы рассказали, я понял, как зависим от условностей, и точно осознал, что надо освободиться от условностей — не только от условностей поверхностного ума, но также и от условностей неосознанного характера. Я ощутил в этом абсолютную потребность. Но то, что фактически происходит, это следующее: условности, усвоенные мной в юности, продолжают существовать, и в то же самое время имеется сильное желание во мне отбросить условности. Так что мой ум в ловушке этого противоречия между осознанными мной условностями и побуждением быть свободным от них. Это мое фактическое положение прямо сейчас. Как мне выбраться из него?»

Разве побуждение ума освободить себя от созданных им условностей не запускает в

действие другой образец сопротивления и условностей? Осознав рамки или определенные стандарты, в которых вы выросли, вам хочется быть свободным от них, но не поставит ли снова в зависимость ум это желание освободиться, но иным способом? Старый образец настаивает, чтобы вы соответствовали авторитету, но теперь вы развиваете новый, который утверждает, что вы не должны соответствовать. Так что вы имеете два образца, один в противоречии по отношению к другому. Пока существует это внутреннее противоречие, происходит дальнейшее создание условностей.

«Я знаю, что старый образец совсем абсурден и мертв, и что нужно освободиться от него, иначе мой ум продолжит работать тем же самым глупым образом».

Давайте будем терпеливыми и вникнем в суть: страху ненадежности и так далее вы соответствовали. Теперь же по причинам иного рода, но в которых все еще присутствует страх и желание безопасности, вы чувствуете, что не должны соответствовать. Это так, верно?

«Да, так, более или менее. Но старый образец глуп, и я должен быть свободен от глупости».

Могу я заметить, сэр, что вы не слушаете. Вы продолжаете настаивать, что старый является плохим, и вам нужен новый. Но получение нового — это вообще не проблема.

«В этом моя проблема, сэр».

Разве? Вы так думаете, но давайте посмотрим. Пожалуйста, не высказывайте ваши собственные мысли о проблеме, а просто слушайте, хорошо?

«Попытаюсь».

Кто-то инстинктивно соответствует по различным причинам: из-за привязанности, страха, желания вознаграждения и так далее. Это первая реакция. Потом этот кто-то приходит и говорит, что ему нужно освободиться от условностей, и отсюда возникает побуждение не соответствовать. Вы следите за мыслью?

«Да, сэр, это ясно».

Ну а теперь, есть ли какое-либо существенное различие между желанием соответствовать и стремлением освободиться от соответствия?

«Кажется, как будто должно быть, но в действительности я не знаю. Что вы скажете, сэр?»

Это не я должен вам сообщить, а вы принять. Разве не должны вы выяснить это сами, есть ли какое-либо фундаментальное различие между этими двумя кажущимися противостоящими желаниями?

«Как мне выяснить?»

Не осуждая одно, не жаждуя и преследуя другое. Что это за состояние ума, которое голодает по свободе от соответствия и отрицает соответствие? Пожалуйста, не отвечайте мне, а прочувствуйте это, фактически испытайте это состояние. Слова необходимы для общения, но слово — это не настоящее переживание. Если вы в реальности не испытаете и не поймете то состояние, ваши усилия освободиться вызовут лишь формирование других образцов. Ведь это так?

«Я не совсем понимаю».

Конечно, не положить окончательно конец механизму, который создает образцы, шаблоны как положительные, так и отрицательные, означает продолжать жить по видоизмененному образцу или согласно условностям.

«Я могу понять сказанное на словах, но по-настоящему я не чувствую это».

Голодному человеку бесполезно просто описывать пищу, он все равно хочет есть. Но существует побуждение, которое приводит к соответствию, и побуждение быть свободным. Какими несхожими могли бы казаться эти два побуждения, разве по сути они не подобны? И если они подобны по сути, тогда ваше преследование свободы напрасно, так как вы только будете переходить от одного образца к другому, и так бесконечно. Не существует никаких более

благородных или лучших условностей, всякие условности — это боль. Желание быть или не быть порождает условности, и именно это желание необходимо понять.

Внутренняя пустота

Она несла большую корзину на своей голове, поддерживая ее одной рукой. Должно быть, она была весьма тяжелой, но ритмичное покачивание ее поступи не изменилось из-за груза. Она красиво держала равновесие, ее походка была легкой и плавной. На ее руке были большие металлические браслеты, которые издавали тихое звяканье, а на ногах старые, поношенные сандалии. Ее тори из-за длительного ношения было изорванное и грязное. Обычно с ней шло несколько знакомых, все они несли корзины, но тем утром она была одна на неровной дороге. Солнце еще не слишком пекло, и высоко в синем небе несколько стервятников летали широкими кругами, не взмахивая крыльями. У дорог неторопливо бежала река. Это было очень тихое утро, и та одинокая женщина с большой корзиной на голове, казалось, была центром красоты и изящества. Все вещи, как-будто указывали на нее и принимали как часть собственного бытия. Она не была отдельной сущностью, а частью вас, меня и этого тамариндового дерева. Она не шла впереди меня, а это я шел с той корзиной на своей голове. Это была не иллюзия, не выдумка, не желаемое и не искусственное отождествление, что было бы чрезмерно неприятно, а переживание, которое было естественным и сиюминутным. Несколько шагов, которые отделяли нас, исчезли, время, память и широкое расстояние, которое порождается мыслью, полностью исчезли. Была только что женщина, а не я, смотрящий на нее. А это был длительный путь к городу, где она будет продавать содержимое своей корзины. К вечеру она будет возвращаться по той дороге и пересечет маленький бамбуковый мост по пути к своей деревне, только чтобы вновь появиться с полной корзиной следующим утром.

Он был очень серьезен и больше не молод, но он имел приятную улыбку и отменное здоровье. Сидя со скрещенными ногами на полу, он объяснил на английском, немного запинаясь, из-за чего немного смущался, что учился в колледже и сдал экзамены на степень магистра, но так много лет не говорил по-английски, что почти забыл его. Он читал много литературы на санскрите, и частенько слова санскрита слетали с его губ. Он пришел, чтобы задать несколько вопросов о внутренней пустоте, пустоте ума. Затем он начал петь на санскрите, и комната тут же наполнилась глубоким резонансом, чистым и проникновенным. Он продолжал петь в течение некоторого времени, и слушать было восторгом. Его лицо светилось смыслом, который он придавал каждому слову, и любовью, которую он чувствовал к содержанию каждого слова. Он был лишен всякой напыщенности и был слишком серьезен, чтобы притворяться.

«Я очень счастлив спеть эти слова в вашем присутствии. Для меня они имеют большое значение и красоту, я много лет медитировал с ними, и они для меня были источником руководства и силы. Я приучил себя не приходить в волнение быстро, но они вызывают слезы на моих глазах. Само звучание слов, с их богатым значением заполняет мое сердце, и тогда жизнь — это больше не мука и страдание. Как и любой другой человек, я познал горе, в жизни была и смерть, и боль. У меня была жена, которая умерла прежде, чем я покинул комфортные условия в доме своего отца, и теперь мне известно значение добровольной бедности. Я рассказываю вам все это, просто объясняя. Я не расстроен, не одинок или что-то в этом роде. Мое сердце восхищается многими вещами, но раньше мой отец рассказывал мне кое-что о ваших беседах, и один знакомый убедил меня встретиться с вами, и вот я здесь.

«Я хочу, чтобы вы поговорили со мной о неизмеримой пустоте, — продолжил он, — у меня есть ощущение этой пустоты, и я думаю, что прикоснулся к ее краю в своих медитациях и размышлениях». Затем он процитировал слог, чтобы пояснить и подтвердить свое переживание. Чей-то авторитет, пусть даже этот кто-то велик, не является доказательством истинности вашего

опыта. Правда не нуждается ни в каком доказательстве с помощью действия, так же как она не зависит от какого-либо авторитета. Так что давайте отбросим всякий авторитет и традицию и попробуем выяснить суть этого вопроса самостоятельно.

Для меня это было бы очень трудно, потому что я погряз в традициях, не в обычных мирских традициях, а в учениях Гиты, «Упанишад» и тому подобном. Правильно ли с моей стороны позволить всему этому исчезнуть из моей жизни? Не будет ли это неблагодарностью с моей стороны?»

Ни благодарность, ни неблагодарность здесь ни при чем. Мы заинтересованы в обнаружении истинности или ошибочности той пустоты, о которой вы говорили. Если вы пойдете путем следования авторитету и традиции, что является знанием, вы переживете только то, что пожелаете пережить, а авторитет и традиция будут вам помогать. Это не будет открытием, это будет уже известным явлением, которое было узнано и испытано. Авторитет и традиция могут быть ошибочными, они могут быть утешающей иллюзией. Чтобы обнаружить, является ли эта пустота истинной или ложной, существует ли она в действительности или же это просто еще одно изобретение ума, ум должен быть свободен от пут авторитета и традиции.

«А может ли ум когда-либо освободить себя от этих пут?»

Ум не может освободить себя, поскольку любое усилие быть свободным с его стороны лишь ткнет другие пути, в которые он снова будет пойман. Свобода — это не противоположность, быть свободным не означает быть свободным от чего-то, это не состояние освобождения от неволи. Побуждение быть свободными порождает его собственную неволю. Свобода является состоянием бытия, которое не есть результат желания быть свободным. Когда ум это понимает и видит ошибочность авторитета и традиции, только тогда ложное по-настоящему уходит прочь.

«Может быть и так, что я был вынужден чувствовать определенные вещи из-за моего чтения и мыслей, основанных на этом чтении. Но помимо всего этого, я с детства как-то чувствовал, как будто во сне, существование этой пустоты. Всегда присутствовало какое-то указание на ее присутствие, ностальгическое чувство по отношению к ней, и когда я становился старше, чтение разного рода религиозной литературы только усиливало это чувство, придавая ему больше жизненности и смысла. Но я начинаю понимать то, что вы имеете в виду. Я почти полностью зависел от описания опытов других, как написано в священных писаниях. Я могу избавиться от этой зависимости, так как теперь понимаю необходимость так поступить, но смогу ли я возродить то подлинное, ничем не испорченное чувство того, что вне всяких слов?»

То, что возрождено, это не живое, не новое, это воспоминание, мертвая вещь, а дать жизнь мертвому вы не можете. Возродить и жить воспоминаниями значит быть рабом искусственного возбудителя, а ум, что зависим от возбудителя, сознательно или неосознанно, неизбежно становится тупым и нечувствительным. Возрождение — это увековечивание смятения. Обращаться к мертвому прошлому в моменте живого острого переживания означает искать образец жизни, чьи корни уходят в глубь к распаду. То, что вы испытали, будучи юношей или только вчера, закончено и прошло, но если вы цепляетесь за прошлое, вы мешаете пульсирующему переживанию нового.

«Как я считаю, вы поймете, сэр, я действительно искренен, и для меня стало безотлагательной потребностью понять ту пустоту и принадлежать ей. Что мне делать?»

Нужно освободить ум от известного, все знания, которые накопились, должны прекратить оказывать хоть какое-то влияние на живой ум. Знание вечно принадлежит прошлому, оно само является процессом прошлого, и ум надо освободить от этого процесса. Узнавание — это часть процесса знания, не так ли?

«Как это?»

Чтобы узнавать что-то, предварительно вы должны узнать или испытать это, и полученный

опыт хранится как знание, как память. Узнавание исходит из прошлого. Когда-то давно вы, возможно, пережили эту пустоту, и, однажды пережив, вы жаждете ее снова. Первоначальный опыт возник без вашего стремления получить его, но теперь вы преследуете его, и то, что вы ищете, — не пустота, а возобновление старого воспоминания. Если этому суждено снова случиться, всякое воспоминание, всякое знание должно исчезнуть. Всякий поиск должен прекратиться, поскольку поиск основан на желании испытать.

«Вы действительно имеете в виду, что я не должен этого искать? Это кажется невероятным!»

Мотив поиска имеет гораздо большее значение, чем сам поиск. Мотив обосновывает, направляет и формирует поиск. Мотив вашего поиска — это желание испытать непостижимое, познать его блаженство и необъятность. Из-за этого желания возник переживающий, который жаждет переживания. Переживающий стремится к более значительному, более обширному и более важному переживанию. Все другие переживания потеряли свой вкус, и переживающий теперь тоскует по пустоте, итак, есть переживающий и то, что переживается. Таким образом, начинается противоречие между ими двумя, между преследователем и преследуемым.

«Это я очень хорошо понимаю, потому что это точно такое состояние, в котором я нахожусь. Теперь-то я вижу, что оказался в сетях, мною же созданных».

Точно так же как каждый ищущий и не только ищущий истину, Бога, пустоту и так далее. Каждый амбициозный или алчный человек, который жаждет власти, положения, престижа, каждый идеалист, каждый боготворящий государство, каждый строитель совершенной утопии — все они пойманы в те же самые сети. Но если однажды вы поймете итоговое значение поиска, продолжите ли вы искать пустоту?

«Я уловил внутреннее значение вашего вопроса и уже прекратил искать».

Допустим, что это факт, тогда что же это за состояние ума, которое не ищет?

«Не знаю. Все это настолько ново для меня, что мне придется собраться и понаблюдать за собой. Можно подождать несколько минут прежде, чем мы пойдем дальше?»

После паузы он продолжил.

«Я ощущаю, как необычайно тонко это, как трудно переживающему, наблюдателю не вмешиваться. Кажется, почти невозможно, чтобы мысль не создавала думающего. Но пока существует думающий, переживающий, очевидно будут разделение и конфликт с тем, что нужно переживать. А вы спрашиваете, верно, что это за состояние ума, когда нет никакого конфликта?»

Конфликт существует, когда желание принимает форму переживающего и преследует то, что нужно переживать, так как то, что должно быть пережито, также придумано желанием.

«Пожалуйста, будьте терпеливы со мной и позвольте мне понять то, что вы говорите. Желание не только проектирует переживающего, наблюдателя, но также и дает жизнь тому, что переживается и наблюдается. Так что желание — это причина разделения между переживающим и тем, что переживается, и именно данное разделение поддерживает конфликт. Теперь же, вы спрашиваете, что является тем состоянием ума, в котором больше нет конфликта, которое не ведомо желанием? Но можно ли ответить на этот вопрос без наблюдателя, кто наблюдает за переживанием состояния отсутствия желания?»

Когда вы осознаете ваше смирение, разве смирение не прекращается? Имеется ли добродетель, когда вы преднамеренно занимаетесь добродетелью? Такая практика — это укрепление эгоцентричной деятельности, что кладет конец добродетели. В тот миг, когда вы осознаете, что счастливы, вы прекращаете быть счастливым. Что это за состояние ума, которое не в ловушке противоречия желания? Побуждение выяснить — составляющая часть желания, которое породило переживающего и то, что переживается, так ли это?

Это так. Ваш вопрос оказался для меня западней, но я благодарен, что вы его задали. Я осознаю сейчас больше запутанных тонкостей желания».

Это не было западней, а естественным и неизбежным вопросом, который вы сами задали себе в ходе вашего исследования. Если ум крайне невнимателен, не осознает, вскоре он снова окажется в сетях собственного желания.

«Один заключительный вопрос: действительно ли это возможно, чтобы ум был полностью свободным от желания переживания, что сохраняет разделение между переживающим и тем, что переживается?»

Выясните, сэр. Когда ум полностью свободен от структуры желания, разве тогда ум отличается от пустоты?

Проблема поиска

Было очень раннее утро освещенного солнцем дня, прозрачного и ясного, беспокойное море было тихим, мягко накатывающимся на белый берег. Было едва заметно какое-либо движение просторной глади воды, которая была ярко-синей, как будто бы добавили какого-то искусственного красителя. Море искрилось и было полно веселости, оно было синее, чем синее небо, и это было старо и наполнено радостью. На прошлой неделе вода была буйной и грозной, с сильным течением, которое бы унесло вас вглубь. Но сейчас она была тихой, и едва можно было уловить шелест движения. Ветер истощился после многих дней сильных порывов, и не было даже легкого ветерка. Дым парохода далеко в море шел в безоблачном небе почти ровно. Было настолько тихо, что можно было услышать звук поезда на расстоянии нескольких миль, когда он приезжал вдоль низкого утеса, возвышающегося над морем. Слабый грохот превращался в рев, и вскоре земля дрожала, как длинный грузовой поезд, с сотнями стальных автомобилей, ведомый быстро бегущим новым дизелем, стремительно проезжал над головами. Водитель помахал рукой и улыбнулся. Вскоре поезд оказался вне поля зрения, и вновь на синем море установилось спокойствие. Несколько миль к северу можно было увидеть только ряды тщательно высаженных пальмовых деревьев с зелеными лужайками, где город спускался к краю моря, но здесь было очень спокойно. На пляже были сотни чаек.

У одной, по-видимому, было сломано крыло, потому что она стояла обособленно, а ее крыло свисало вниз. Чуть подалее мертвая чайка была почти скрыта под сыпучими песками. Подошла большая собака, милое существо на солнце, и целая стая птиц отлетела к морю, сделала большой полукруг и снова приземлилась на песке, на некотором расстоянии от собаки. С испуганным криком раненая чайка побежала к воде, таща свое крыло. Собака видела ее, но, не обращая никакого внимания, пошла своей дорогой, преследуя маленьких крабов, которые выползали из влажного песка.

Работая клерком в каком-то офисе, он был степенный и очень важный, с яркими, серьезными глазами и вечно готовой улыбкой. Цены поднялись, сказал он, и проживание стало настолько дорогим, что было трудно сводить концы с концами. Будучи еще весьма молодым, где-то около тридцати лет, он беспокоился о будущем, так как на нем лежала ответственность: не было детей, объяснил он, но была жена и старушка-мать, которых надо обеспечивать.

«В чем смысл жизни — этого монотонного, рутинного существования? — спросил он внезапно. — Я всегда искал нечто: искал работу, когда окончил колледж, искал удовольствия со своей женой, стремился улучшить мир, присоединившись к коммунистической партии, которую я вскоре покинул, случайно, потому что это всего лишь еще одна организованная религия, подобно любой другой. Теперь я ищу Бога. По характеру я не пессимист, но все в жизни печалит меня. Мы ищем и ищем, и кажется, что никогда не найдем. Я прочел те книги, которые читают самые образованные люди, но интеллектуальное стимулирование вскоре становится утомительным. Я должен найти, а моя жизнь укорачивается. Я хочу очень серьезно поговорить с вами, потому что чувствую, что вы сможете помочь мне в моем поиске».

Мы можем медленно и терпеливо вникать в это движение, называемое поиском? Есть те, кто утверждает, что они искали и нашли, и удовлетворенные тем, что они нашли, получают свое вознаграждение. Вы утверждаете, что вы ищете. Знаете ли вы, почему вы ищете, и что это является тем, что вы ищете?

«Как и любой другой, я искал многое, большая часть которого прошла, но, подобно какой-то болезни, для которой нет никакого лекарства, поиск продолжается».

Прежде, чем мы вникнем в весь вопрос, что же мы ищем, давайте выясним, что мы

подразумеваем под словом «поиск». Какое оно состояние ума, которое ищет?

«Это состояние усилия, при котором ум пытается уйти от болезненных или противоречивых ситуаций и найти радостные и успокаивающие».

Разве такой ум действительно ищет? То, что ум ищет, он найдет, но то, что он найдет, будет его собственное проецирование. Существует ли истинный поиск, если поиск — это результат мотива? Всякий ли поиск должен иметь мотив или есть поиск, который не имеет никакого мотива вообще? Может ли ум существовать без движения поиска? Является ли поиск, каким мы его знаем, просто другим средством, с помощью которого ум убегает от себя? Если так, что же это, что заставляет ум убегать? Без понимания полного содержания ума, который ищет, поиск имеет маленькое значение.

«Боюсь, сэр, что все это слишком трудно для меня. Не могли бы вы объяснить мне более простым языком?»

Давайте начнем с процесса, который нам известен. Почему вы ищете и что вы ищете?

«Каждый ищет разное: счастье, безопасность, комфорт, постоянство, Бога, общества, которое не находится в состоянии постоянной войны внутри себя, и так далее».

Состояние, в котором вы фактически находитесь, и цель, которую вы ищете, оба творения ума, не так ли?

«Пожалуйста, сэр, не слишком усложняйте. Я знаю, что страдаю, и хочу найти выход из этого, я хочу перейти в состояние, в котором не будет никакой печали».

Но цель, которую вы ищете, — все еще проекция ума, который не хочет быть потревоженным, верно? А такой вещи может и не быть, она может оказаться мифом.

«Если это миф, то должно быть кое-что еще, что является реальным, и которое я должен найти».

Мы пытаемся понять, правда ведь, полное значение поиска, а не то, как найти реальное. Мы сможем обнаружить это немного времени спустя. А в настоящий момент нас волнует то, что мы подразумеваем, когда говорим, что ищем, так что давайте исследовать целостное значение этого слова. Являясь несчастным, вы ищете счастье, так ведь? Один человек ищет счастье во власти, положении, престиже, другой — в богатстве или знаниях, третий в Боге, четвертый в идеальном государстве, совершенной утопии, и так далее. Как человек, который честолюбив в мирском смысле слова, неотступно идет путем его полного удовлетворения, на котором есть жестокость, расстройство, страхи, возможно, прикрытые приятно звучащими словами, так и вы тоже стремитесь исполнить ваше желание, даже если оно относится к наивысшим. И когда вы точно знаете, какова цель, есть ли на самом деле поиск?

«Конечно, сэр, Бог или благодать не могут быть известными заранее, их надо разыскать».

Как вы можете разыскивать то, что вы не знаете? Вы знаете или думаете, что вы знаете, что такое Бог, а знаете вы согласно вашим условностям или согласно вашему собственному опыту, который основан на вами созданных условностях. Таким образом, сформулировав, что есть Бог, вы приступаете к «обнаружению» того, что спроектировал ваш ум. Это явно не поиск, вы просто преследуете то, что уже знаете. Поиск прекращается, когда вы знаете, потому что знание — это процесс узнавания, а узнавать — это действие прошлого, известного.

«Но я действительно ищу Бога, каким бы именем его ни называли».

Вы ищете Бога, так же точно, как другие ищут счастье в спиртных напитках, в приобретении власти, и так далее. Все это хорошо известные и устоявшиеся мотивы. Мотив порождает желанный результат. Но есть ли поиск, когда есть мотив?

«Думаю, что я начинаю понимать то, что вы имеете в виду. Пожалуйста, продолжайте, сэр».

Если вы действительно искренни, то в тот миг, когда почувствуете, что во всей этой схеме

так называемого поиска вообще нет никакого поиска, вы откажетесь от него. Но причина вашего поиска все еще остается. Вы можете отложить схему А, которая является поиском того, что ум спроецировал, но тогда вы возьметесь за схему В, которая основывается на идее, что вы не должны преследовать схему А. Но если это не схема В, то это будет схема С, N или Z. Ядро вашего ума не осознало целостную проблему поиска, и именно поэтому оно перемещается от одной схемы к другой, от одного идеала к другому, от одного гуру или лидера к другому. Оно вечно движется в сетях известного.

А теперь, может ли ум оставаться без поиска? Есть ли ум, ищущий, когда нет этого движения поиска? Ум кочует от одного движения поиска к другому, вечно ища, вечно нащупывая, вечно попадая в сети опыта. Это движение всегда направлено на «больше»: большее возбуждения, больше опыта, более обширные и более глубокие знания. Охотник вечно проектирует то, за чем охотится. Ищет ли ум, как только он осознает значение этого целостного процесса поиска? А, когда ум не ищет, есть переживающий по отношению к переживаемому?

«Что вы подразумеваете под переживающим?»

Пока существует ищущий и то, что ищется, обязательно будет переживающий, тот, кто узнает, и это является ядром эгоцентричного движения ума. От этого центра начинается всякая деятельность: или благородная, или позорная: желание богатства и власти, принуждение быть довольным тем, что есть, побуждение искать Бога, производить реформы и так далее.

«Я вижу в самом себе истинность того, что вы говорите. Ко всему этому у меня был неправильный подход».

Это означает, что вы собираетесь подойти к этому «правильно»? Или же вы осознаете, что любой подход к проблеме, «правильный» или «неправильный, является эгоцентричной деятельностью, которая только усиливается, слегка или в значительной степени, переживающего?

«Какой же хитрый ум, какие быстрые и утонченные его действия, чтобы поддержать себя! Я очень четко это понимаю»

Когда ум прекращает искать, потому что он понял полное значение поиска, разве не ломаются ли ограничения, которые он на себя наложил? И не становится ли ум тогда неизмеримым, непознанным?

Психологическая революция

Перед тем, как отъехал поезд, была огромная суматоха и суета. Длинные вагоны были сильно переполнены, набиты людьми и полны дыма, и каждое лицо скрывалось за газетой. Но, к счастью, все еще было одно или два свободных места. Поезд был электричкой, и вскоре он оказался за пределами тущоб и набирал скорость на открытой местности, проезжая мимо автомобилей и автобусов на шоссе, которое пролегало параллельно рельсам. Это была красивая местность, с зелеными покатыми холмами и древними, историческими городами. Солнце светило ярко и нежно, потому что это была ранняя весна, и на фруктовых деревьях только начинали показываться розовые и белые цветы. Вся сельская местность была в зелени, свежей и молодой, с нежными листочками, сияющими и танцующими на солнце. Это был божественный день, но в вагоне было полно утомленных людей, а воздух отяжелел от табачного дыма. Маленькая девочка и ее мать сидели прямо поперек прохода, и мать объясняла ей, что она не должна смотреть на незнакомцев. Но ребенок не обращал ни малейшего внимания, и через некоторое время мы улыбались друг другу. После этого момента она почувствовала себя раскованно, часто поглядывая, чтобы увидеть, смотрят ли на нее, и улыбаясь, когда наши глаза встречались. Спустя некоторое время она уснула, свернувшись калачиком на своем месте, и мать прикрыла ее пальто.

Должно быть, это было прекрасно — пройти по той дорожке через поля, посреди такой красоты и чистоты. Люди махали руками, когда мы с ревом проезжали вдоль по хорошо заасфальтированной дороге. Большие белые волю медленно тянули телеги, нагруженные удобрением, и некоторые из мужчин, которые вели их, должно быть, пели, так как их рты были открыты, и можно было видеть по их лицам, что они наслаждались свежим утренним воздухом. В полях были мужчины и женщины, которые копали, сажали и сеяли.

Я побрел по длинному проходу с местами по обеим сторонам к голове поезда. Проходя через обеденный вагон и мимо кухни, я толкнул и открыл дверь и вошел в багажный вагон. Никто не остановил меня. Вещи багажа были аккуратно выстроены на стойках, а их ярлыки трепетали на сквозняке. Я вошел в другую дверь, и там оказалось два водителя поезда, полностью окруженные большими, широкими окнами, которые давали полное представление обо всем в этой прекрасной сельской местности. Один из мужчин управлял рычагом, который регулировал электричество, и перед ним были различные измерительные приборы. Другой, который наблюдал и неторопливо курил, предложил свое место и, взяв табурет, сел прямо позади меня. Он очень настаивал, чтобы я сел там, и начал задавать несметное количество вопросов. Между вопросами он останавливался, чтобы показать замки на вершинах холмов, некоторые из них превратились в руины, а другие все еще хорошо сохранились. Он объяснил, что означали те блестящие красные и зеленые огни, и, бывало, вынимал свои часы, чтобы посмотреть, успевали ли мы по графику на каждой станции. Мы мчались со скоростью между 100 и 110 километрами вверх по прекрасным склонам, по мостам и по длинным, прямым участкам рейса. Но мы никогда не ехали больше 110 километров. «Если вы вышли бы на станции, которую мы только проехали, и сели на другой поезд, — сказал он, — вы бы поехали в город, названный по имени известного святого». С грохотом проносясь мимо железнодорожных стрелок, мы со свистом ехали мимо станций с названиями, которые происходили с древних времен. Мы теперь бежали вдоль берега синего туманного озера и могли видеть только города на другой стороне. В этом районе произошло известное сражение, от исхода которого зависела судьба целого народа. Вскоре мы миновали озеро, и, поднимаясь из долины и холмов, мы оставляли позади нас оливковые деревья и кипарисы и оказались в более заросшей местности.

Мужчина позади меня объявил название грязной реки, когда мы проезжали мимо нее, она выглядела маленькой и хрупкой для такого известного течения. Другой мужчина, который только однажды или дважды оторвал свою руку от дросселя в течение двух с половиной часовой поездки, принес извинения от имени их обоих, что они не умеют говорить по-английски. «Но какое это имеет значение, — сказал он, — раз вы понимаете наш красивый язык?»

Сейчас мы уже подъезжали к предместьям большого города, и голубое небо было затянуто его дымом.

В той маленькой комнате с видом на красивое озеро нас было несколько, и это было тихо, хотя приятно шумели птицы. Среди группы присутствовал крупный мужчина, полный здоровья и энергии, с острым, но приятным взглядом и медленной, осторожной речью. Поскольку он жаждал высказаться, другие молчали, но они присоединятся, когда почувствуют, что это необходимо.

«Я в политике уже много лет, и по-настоящему старался ради того, что искренне считал благом для страны. Это не означает, что я не стремился к власти и положению. Я действительно стремился к этому, боролся с другими из-за этого и, как вы можете заметить, достиг этого. Впервые я услышал о вас много лет назад, и, хотя некоторые из вещей, о которых вы говорили, находили отклик в душе, весь ваш подход к жизни имел для меня только сиюминутный интерес, он никогда не пускал во мне глубокие корни. Однако, годы спустя, после всей этой борьбы и боли, кое-что созрело во мне, и с недавних пор я стал посещать ваши беседы и обсуждения всякий раз, когда мог. Теперь-то я полностью осознаю, что то, о чем вы говорите, — это единственный выход из опутывающих нас трудностей. Я побывал везде в Европе и Америке и как-то раз обратился за решением к России. Я был активным работником в коммунистической партии и с хорошими и серьезными намерениями сотрудничал с ее религиозно-политическими лидерами. Но теперь я ухожу ото всего. Это все стало коррумпированным и неэффективным, хотя в некоторых направлениях был достигнут неплохой прогресс. Много размышляя по поводу этих вопросов, сейчас я хочу исследовать все это заново, и чувствую, что я готов к чему-то новому и проясняющему».

Чтобы исследовать, не стоит начинать с умозаключения, с лояльности партии или предубеждения. Не должно быть никакого желания успеха, никакого требования немедленного действия. Если вы вовлечены в любое из этих явлений, истинное исследование совершенно невозможно. Чтобы заново исследовать целостную проблему существования, ум должен до конца избавиться от какого-либо личного мотива, какого-либо чувства расстройств, какого-либо поиска власти либо для себя, либо для группы, что одно и то же. Это так ведь, сэр?

«Пожалуйста, не называйте меня „сэр“! Конечно, это единственный способ исследовать и понять что-либо, но я не знаю, способен ли я на это».

Способность приходит вместе с прямым и немедленным применением. Чтобы исследовать множество сложных проблем существования, нам надо начать, не являясь преданными какой-либо философии, какой-либо идеологии, какой-либо системе мышления схемы действия. Способность постигать — это не вопрос времени, это немедленное восприятие, не так ли?

«Если я воспринимаю что-то как ядовитое, избежать этого не проблема. Мне достаточно не прикасаться к нему. Точно так же, если я вижу, что некоего рода умозаключения мешают полному исследованию жизненных проблем, тогда все умозаключения, личные и коллективные, отпадают. Мне не приходится бороться, чтобы освободиться от них. Так ли это?»

Да. Но доходчивое утверждение факта — это не настоящий факт. Быть по-настоящему свободным от умозаключений — это совсем другой вопрос. Как только мы чувствуем, что всякого рода предвзятое отношение препятствует полному исследованию, мы сможем приступить к рассмотрению без предвзятости. Но из-за привычки ум имеет тенденцию

прибегать к авторитету, к укоренившейся традиции, и надо к тому же так осознать эту тенденцию, чтобы она не вмешивалась в процесс исследования. Поняв это, продолжим дальше?

Теперь же, что является самой фундаментальной потребностью человека?

«Пища, одежда и кров. Но чтобы было равноправное распределение этих основных потребностей — это проблема, потому что человек по природе жадина и собственник».

Вы имеете в виду, что общество его поощряет и учит быть таким, какой он есть? А сейчас, другой вид общества через законодательство и другую форму принуждения может быть способным вынудить его не быть жадина и собственником, но это только вызывает обратную реакцию, и таким образом появляется конфликт между индивидуумом и идеалом, установленным государством или мощной религиозно-политической группировкой. Чтобы равноправно распределить продовольствие, одежду и кров, необходим совершенно иной вид общественной организации, не так ли? Отдельные нации и затем суверенные правительства, политические блоки и конфликтующие экономические структуры, также как кастовая система и организованные религии — все они провозглашают, что их собственный путь — это единственный истинный путь. Все это должно прекратить быть, что означает, надо положить конец иерархическому, авторитарному отношению к жизни.

«Я понимаю, что это единственная реальная революция».

Это полная психологическая революция, и такая революция необходима, если люди во всем мире не должны нуждаться в удовлетворении основных физиологических потребностей. Земля наша, она не принадлежит англичанам, русским или американцам, и при этом она не принадлежит и какой-то идеологической группе. Мы люди, а не индусы, буддисты, христиане или мусульмане. Все эти разделения должны исчезнуть, включая самые последние, коммунистов, если нам суждено создать полностью иную экономико-социальную структуру. Это должно начаться с вас и меня.

«Могу ли я политически содействовать, чтобы помочь устроить такую революцию?»

Если позволите спросить, что вы подразумеваете, когда говорите о политическом содействии? Является ли политическое содействие, каким бы оно ни было, отделенным от общечеловеческого содействия или же оно часть его?

«Под политическим содействием я подразумеваю действие на правительственном уровне: законодательное, экономическое, административное и так далее».

Конечно, если политическое содействие отделено от общечеловеческого содействия, если оно не учитывает целостное бытие человека, его психологическое, также как его физическое состояние, тогда оно вредно и приносит дальнейшее замешательство и страдания. А это именно то, что происходит в настоящее время в мире. Не может ли человек со всеми его проблемами действовать как цельная человеческая сущность и не как политическое лицо, отделенное от его психологического или «духовного» состояния? Дерево — это корень, ствол, ветвь, лист и цветок. Любое действие, которое не всестороннее, не всеохватывающее, должно неизбежно привести к горю. Существует только общечеловеческое действие, а не политическое действие, религиозное действие или индийское действие. Действие, которое является отделенным, фрагментарным, всегда ведет к конфликту, как внутреннему, так и внешнему.

«Означает ли сказанное вами невозможность политического содействия?»

Вовсе нет. Понимание всеохватывающего действия, конечно, не мешает политической, образовательной или религиозной деятельности. Они не отдельные действия, все они являются частями объединенного процесса, который проявляет себя в различных направлениях. Что является важным, так это тот объединяющий процесс, а не отдельное политическое действие, каким бы очевидно выгодным оно ни было.

«Думаю, что я понимаю то, что вы имеете в виду. Если у меня будет общее понимание

человека или непосредственно самого себя, мое внимание может быть обращено в различных направлениях по мере необходимости, но все мои действия будут в прямом отношении к целому. Действие, которое является отделенным, обособленным, может привести только к хаотическим результатам, как я начинаю осознавать. Смотря на все это не как политик, а как человек, я совершенно меняю взгляд на мою жизнь. Я больше не принадлежу какой-то стране, какой-то партии, какой-то особой религии. Мне нужно познать Бога, как мне нужно иметь пищу, одежду и кров, но, если я стремлюсь к одному, забывая о другом, мое стремление приведет только к различного рода бедствиям и беспорядкам. Да, я вижу, что это так. Политика, религия и образование — все крепко связаны друг с другом.

Хорошо, сэр, я больше не политический деятель, с политической предвзятостью при каком-либо действии. Я хочу обучать моего сына не как коммунист, индус, христианин, а как человек. Можем ли мы обсудить эту тему?»

Объединенные действие и жизнь — вот что есть обучение. Объединение не приходит с соответствием какому-то образцу: или вашему собственному, или чьему-то другому. Оно приходит с пониманием множества влияний, на которые ребенок наталкивается, приходит с осознанием их без того, чтобы подвергаться им. Родители и общество создают условности для ребенка указаниями, скрытыми, невысказанными желаниями и принуждениями и постоянным повторением некоторых догм и верований. Помогать ребенку осознавать все эти влияния, с их внутренним, психологическим значением, помогать ему понимать воздействие авторитета и не оказаться в сетях общества, вот что значит образование.

Образование не просто вопрос передачи навыков, которые позволят мальчику получить работу, но оно обязано помочь ему обнаружить то, что он любит делать. Эта любовь не может существовать, если он стремится к успеху, к известности или власти, и помогать ребенку понять это — и есть образование.

Самопознание — это образование. В процессе образования нет ни обучающего, ни обучаемого, есть только познавание. Педагог также познает, как и студент. Свобода не имеет ни начала и ни окончания, понимать это — вот образование.

В каждый из этих пунктов нужно тщательно вникнуть, и у нас нет сейчас времени, чтобы рассмотреть слишком много деталей.

«Думаю, что я понимаю в общем смысле, что вы подразумеваете под образованием. Но где те люди, которые будут преподавать этим новым способом? Такие педагоги просто не существуют».

Сколько лет, вы сказали, что работали в политической области?

«Больше лет, чем я могу припомнить. Я боюсь, что значительно более двадцати».

Конечно, чтобы обучать, педагогу нужно трудиться ради этого с таким усердием, как вы работали в политике, только это намного более напряженная задача, которая требует глубокого психологического прозрения. К сожалению, никто, кажется, не заботится о правильном образовании, хотя это гораздо более важно, чем любой другой фактор в создании фундаментального социального преобразования.

«Большинство из нас, особенно политики, так заинтересованы в немедленных результатах, что мы думаем только короткими понятиями и не имеем никакого представления о дальнейшей перспективе развития.

А сейчас могу я задать еще один вопрос? Во всем, о чем мы говорили, где место наследования?»

Что вы подразумеваете под наследованием? Это касается наследования собственности или психологического наследования?

«Я думал о наследовании собственности. По правде говоря, я никогда не задумывался о

чем-то другом».

Психологическое наследование также обуславливает, как наследование собственности, оба ограничивают и удерживают ум в специфических рамках общества, что предотвращает фундаментальное преобразование общества. Если наша забота в том, чтобы создать совершенно иную культуру, культуру, не основанную на амбиции и жадности, то психологическое наследование будет служить помехой.

«Что точно вы подразумеваете под психологическим наследованием?»

Отпечаток прошлого на молодом разуме, сознательные и неосознанные условности студента, чтобы повиноваться, чтобы соответствовать. Коммунисты теперь делают это очень эффективно, как поступали католики в течение поколений. Другие религиозные секты также делают это, но не так целенаправленно или продуктивно. Родители и общество формируют умы детей через традицию, веру, догму, умозаключение, мнение, и это психологическое наследование мешает возникновению нового социального порядка.

«Это я понимаю, но положить конец такой форме наследования почти невозможно, верно?»

Если вы действительно видите необходимость положить конец этой форме наследования, неужели вы не уделите огромное внимание, чтобы дать правильный вид образования вашему сыну?

«Опять же, большинство из нас так охвачено нашими собственными заботами и опасениями, что мы не вникаем в эти вопросы очень глубоко, если вообще вникаем. Мы — поколение лицемеров, бросающих слова на ветер. Наследование собственности — это другая трудная проблема. Все мы хотим владеть чем-то: частью земли, пусть даже маленькой, или другим человеком, а если не этим, то мы хотим иметь идеологию или веру. Мы неисправимы в нашем стремлении к обладанию»

Но когда вы очень глубоко осознаете, что наследование собственности столь же разрушительно, как и психологическое наследование, тогда вы начнете помогать вашим детям освобождаться от обеих форм наследования. Вы научите их быть полностью самостоятельными, не зависеть от вашего покровительства или покровительства других людей, любить свою работу и быть уверенными в своих способностях трудиться без амбиции, без поклонения успеху. Вы будете учить их иметь чувство ответственности во взаимодействии и поэтому знать, когда не стоит взаимодействовать. Нет никакой необходимости, чтобы ваши дети унаследовали вашу собственность. Они изначально свободные люди, а не рабы семьи или общества.

«Это идеал, который, я боюсь, никогда не сможет быть реализован»

Это не идеал, не то, что нужно достичь на земле несбыточных мечтаний какой-то нереальной утопии. Понимание — это сейчас, не будущее. Понимание — это действие. Понимание не приходит первым, а действие позже. Действие и осознание неотделимы. В моменте наблюдения кобры присутствует действие. Если суть всего того, о чем мы говорили сегодня утром, усвоена, то действие рождено вместе с тем восприятием. Но мы так запутываемся в словах, в стимулирующих вещах интеллекта, что слова и интеллект становятся препятствиями для действия. Так называемое интеллектуальное понимание — это только слушание словесных объяснений или слушание идей, и такое понимание не имеет никакого значения, как просто описание пищи не имеет никакого смысла для голодного человека. Или вы понимаете, или вы не понимаете. Понимание — это целостный процесс, оно неотделимо от действия, не является оно и результатом времени.

Не существует думающего, а лишь обусловленное мышление

Дождь начисто вымыл небеса, туман, который повсюду висел, испарился, и небо было ясным и ярко-голубым. Тени были четкими и глубокими, и вверху на холме прямо поднимался столб дыма. Там что-то сжигали, и можно было услышать голоса. На склоне стоял небольшой дом, но хорошо укрытый, с собственным маленьким садом, к которому проявляли любовь и заботу. Но этим утром он был частью всего существования, и стена вокруг сада казалась такой ненужной. На той стене росли ползучие растения, которые скрывали камни, но то здесь, то там они проглядывали. Это были красивые камни, омытые многими дождями, и на них рос серо-зеленый мох. За стеной было что-то наподобие дикой местности, и так или иначе эта дикая местность была частью сада. От ворот сада тропинка вела к деревне, где стояла обветшавшая старая церковь с кладбищем позади нее. Очень мало людей приходило в церковь, даже по воскресеньям, главным образом, старики, и в будние дни не приходил никто, потому что в деревне были другие развлечения. Маленький дизельный локомотив с двумя вагонами, бежевый с красным, дважды в день отправлялся в более крупный город. Поезд был всегда заполнен веселой, болтающей толпой. За деревней другая тропинка сворачивала направо, мягко взбираясь на холм. На той тропинке вам повстречался бы случайный крестьянин, что-то несущий, и он пройдет мимо вас с ворчанием. На другой стороне холма тропинка спускалась вниз к густому лесу, куда никогда не проникало солнце. И уходить с сияющего солнечного света в прохладную тень леса был подобно тайному благословию. Никто, казалось, не ходил тем путем, и лес был заброшенным. Темная зелень сочной листвы освежала глаза и ум. Там можно сидеть в полной тишине. Даже легкий ветерок утих, ни один листочек не шевелился, и возникло то странное спокойствие, которое приходит в места, не часто посещаемые людьми. Вдали лаяла собака, и коричневый олень пересек тропу с легкой неспешностью.

Он был пожилым человеком, набожным и жаждущим сочувствия и благословения. Он объяснил, что регулярно в течение нескольких лет ездил к какому-то учителю на севере, чтобы послушать его объяснительные беседы о священных писаниях, а сейчас двигается, чтобы воссоединиться со своей семьей на юге.

«Один друг сообщил мне, что вы здесь проводите несколько бесед, и я остался, чтобы посетить их. Я тщательно и внимательно вслушивался во все, что вы говорили, и знаю то, что вы думаете о направляющих помощниках и об авторитете. Я полностью не согласен с вами, потому что мы, люди, нуждаемся в помощи от тех, кто может предложить ее, и тот факт, что кто-то с удовольствием принимает такую помощь, не делает из него последователя».

Естественно, желание руководства приводит к соответствию, а ум, который соответствует, неспособен к обнаружению истинного.

«Но я не пытаюсь соответствовать, я не доверчив, и при этом я не слепо слепо слепо слепо слепо. Наоборот, я использую свой разум, подвергаю сомнению все то, о чем говорит этот учитель, к которому я еду».

Искать просвещения у другого, без самопознания, означает слепо следовать. Всякое следование происходит вслепую.

«Я не думаю, что способен проникнуть через более глубокие слои „я“, и поэтому ищу помощи. Мой приход к вам за помощью не делает из меня вашего последователя».

Если можно заметить, сэр, установление авторитета — сложный вопрос. Проследование за другим — просто следствие более глубокой причины, и без понимания этой причины, внешне

следует ли вы или нет — имеет очень маленькое значение. Желание прибыть, чтобы достичь другого берега, является началом нашего человеческого поиска. Мы жаждем успеха, стабильности, комфорта, любви, длительного состояния умиротворения, а если ум не свободен от этого желания, то обязательно будет следование прямым или окольным путем. Следование — это просто признак страстного желания безопасности.

«Я действительно хочу достичь другого берега, как вы выразились, и возьму любую лодку, которая перевезет меня через реку. Для меня важна не лодка, а другой берег».

Важен не другой берег, а река и берег, на котором вы стоите. Река — это жизнь, каждодневное проживание с его необычайной красотой, с его радостью и восхищением, с его уродством, болью и горечью. Жизнь является всеобъемлющим комплексом всех этих явлений, это не просто проход, через который надо как-то пройти, и вы должны это понять и не устремлять свой взор на другой берег. Вы и есть эта жизнь с завистью, насилием, проходящей любовью, амбициями, расстройством, страхом. И вы — это также страстное желание убежать от всего сказанного к тому, что вы называете другим берегом, постоянным, душой, Атманом, Богом и так далее. Без понимания жизни, без освобождения от зависти, с удовольствиями и болями из-за нее, другой берег — всего лишь миф, иллюзия, идеал, изобретенный испуганным умом в его поиске безопасности. Необходимо заложить правильный фундамент, иначе дом, каким бы благородным он ни был, не будет стоять.

«Я уже напуган, а вы добавляете к моему страху новый, вы не убираете его от меня. Мой друг сказал мне, что вас нелегко понять, и я понимаю, почему. Но считаю, что я серьезен и действительно хочу кое-чего большего, чем простую иллюзию. Я совершенно согласен, что нужно заложить правильный фундамент, но самому прочувствовать, что есть истинное и что есть ложное, является другим вопросом».

Нисколько, сэр. Конфликт зависти, с ее удовольствием и болью, неизбежно порождает замешательство, как внешнее, так и внутреннее. Только когда есть свобода от этого замешательства, ум может открыть, что является истинным. Всякая деятельность сбитого с толку ума ведут только к дальнейшему замешательству.

«Как мне освободиться от замешательства?»

«Как» подразумевает постепенное освобождение, но замешательство нельзя прояснить по частям, в то время как остальные части ума останутся сбитыми с толку, так как та часть, которая прояснена, скоро снова становится запутанной. Вопрос, как прояснить это замешательство, возникает только тогда, когда ваш ум все еще озабочен другим берегом. Вы не видите полное значения жадности или насилия, или чего-то подобного. Вы только хотите избавиться от них, чтобы достигнуть чего-то еще. Если бы вас полностью волновала зависть и страдание как ее результат, вы бы никогда не спрашивали, как избавиться от нее. Понимание зависти — это целостное действие, в то время «как» подразумевает под собой постепенное достижение свободы, что является всего лишь действием из-за замешательства.

«Что вы подразумеваете под целостным действием?»

Чтобы понять целостное действие, мы должны исследовать разделение между думающим и его мыслью.

«Не существует ли наблюдателя, который стоит над думающим и его мыслями? Я чувствую, что существует. В один блаженный момент я испытал это состояние».

Такие переживания — результат деятельности ума, который был сформирован традицией и тысячами влияний. Религиозные видения христианина будут весьма отличаться от таковых индуса или мусульманина, так как все по существу основаны на особого рода условностях ума. Критерий истинности — это не переживание, а то состояние, в котором ни переживающего, ни переживания больше не существует.

«Вы имеете в виду состояние самадхи?»

Нет, сэр. Используя это слово, вы просто-напросто указываете описание опыта других.

«Неужели нет наблюдателя вне и над думающим и его мыслями? Я совершенно определенно чувствую, что есть».

Начинать с умозаключения означает прекращение всякого размышления, не так ли?

«Но это не умозаключение, сэр. Я знаю, я почувствовал его истинность».

Тот, кто говорит, что он знает, не знает. То, что вы знаете или чувствуете, является истинным, это то, чему вас научили. Другой, которому доведется по-другому быть обученным его обществом, его культурой, будет утверждать с равной степенью откровенности, что его знание и опыт показывают ему, что нет никакого наивысшего наблюдателя. Вы оба, приверженец и противник, находитесь в равной категории, верно ведь? Вы оба начинаете с умозаключения и с опыта, основанных на ваших условностях, не так ли?

«Когда вы освещаете это таким образом, то действительно кажется, что я заблуждаюсь, но я все еще не убежден».

Я не пытаюсь вводить вас в заблуждение или убеждать в чем-либо. Я только указываю на некоторые вещи, которые вам стоит исследовать.

«После тщательного чтения и изучения я вообразил, что полностью обдумал этот вопрос о наблюдателе и наблюдаемом. Мне кажется, что как глаз видит цветок, а ум наблюдает через глаз, так и за умом должна иметься сущность, которая осознает целостный процесс, то есть и ум, и глаз, и цветок».

Давайте исследовать это без утверждения, без поспешности или догматизма. Как возникает размышление? Есть восприятие, контакт, ощущение, а затем мысль, основанная на памяти, говорит: «Это роза». Мысль создает мыслителя, именно процесс размышления дает жизнь мыслителю. Сначала появляется мысль, а затем думающий, а не наоборот. Если мы не уясним это как факт, нас будут вводить в разного рода заблуждения.

«Но существует разделение, промежуток, узкий или широкий, между мыслителем и его мыслью. И не указывает ли это на то, что сначала возник мыслитель?»

Давайте посмотрим. Воспринимая себя как непостоянное, находящееся в опасности и желающее постоянства, безопасности, мысль привносит в бытие думающего, а затем подталкивает думающего к более и более высоким уровням постоянства. Так что существует кажущийся неразрывный промежуток между мыслителем и его мыслью, между наблюдателем и наблюдаемым, но весь этот процесс протекает все-таки в пределах области мысли, не так ли?

«Вы хотите сказать, сэр, что наблюдателя в действительности нет, что он является столь же непостоянным, как и мысль? Мне трудно поверить в это».

Вы можете называть его душой, Атманом, или каким пожелаете именем, но наблюдатель — это все еще творение мысли. Пока мысль каким-то образом связана с наблюдателем, или наблюдатель управляет, формирует мысль, он все еще находится в пределах области мысли, в пределах процесса времени.

«Как мой разум возражает против этого! Все же, несмотря на мое внутреннее состояние, я начинаю понимать, что это факт. А если это факт, тогда существует только процесс мышления и никакого мыслителя».

Это так, верно? Мысль породила наблюдателя, мыслителя, осознающего или не осознающего цензора, который постоянно судит, осуждает, сравнивает. Именно наблюдатель вечно в конфликте с его мыслями, вечно прилагает усилие, чтобы направлять их.

«Пожалуйста, немного помедленнее. Я действительно хочу прочувствовать сам. Вы указываете, что любая форма усилия, благородного или позорного, является результатом этого искусственного, иллюзорного разделения между мыслителем и его мыслями. Но вы пробуете

устранить усилие? Разве усилие не необходимо для всякого изменения?»

Через время мы обсудим это. Мы увидели, что есть только мысль, которая изобрела мыслителя, наблюдателя, цензора, контролера. Между наблюдателем и наблюдаемым имеется конфликт из-за усилия, прилагаемого одним, чтобы преодолеть или по крайней мере изменить другое. Усилие тщетно, так как оно никогда не сможет произвести фундаментальный переворот в мысли, потому что мыслитель, цензор сам является частью того, что он желает изменить. Одна часть ума никоим образом не может преобразовать другую часть, которая является всего лишь продолжением ее самой. Одно желание может и часто действительно преодолевает другое желание. Но желание, которое является доминирующим, все еще порождает другое желание, которое, в свою очередь становится проигравшим или получившим выгоду, и таким образом запускается конфликт дуальности. Нет конца этому процессу.

«Мне кажется, что вы утверждаете, что только через устранение конфликта есть возможность фундаментального изменения. Я не совсем понимаю. Не будете ли вы любезны немного поподробней объяснить это?»

Думающий и его мысли — это объединенный процесс, который не имеет независимого продолжения, наблюдатель и наблюдаемое неотделимы. Все качества наблюдателя содержатся в его размышлении, если нет размышления, нет и наблюдателя, мыслителя. Это ведь факт, правильно?

«Да, пока мне понятно».

Если понимание происходит просто на словах, разумом, оно имеет небольшое значение. Должно быть фактическое переживание думающего и его мыслей как единого целого, как объединения двоих. Только тогда происходит процесс размышления.

«Что вы подразумеваете под процессом размышления?»

Путь или направление, по которому направляется мысль: личное или безличное, индивидуальное или коллективное, религиозное или мирское, индуистское или христианское, буддистское или мусульманское и так далее. Нет такого мыслителя, который является мусульманином, а только лишь размышление, которое в зависимости от условностей мусульманства. Размышление — созданных им самим условностей. Процесс или возникновение мышления неизбежно порождает конфликт, и, когда через различные средства прилагаются усилия, чтобы преодолеть конфликт, это только создает другие формы сопротивления и конфликта.

«Это ясно, по крайней мере, я так думаю».

Такой способ мышления должен полностью прекратиться, поскольку он порождает замешательство и страдание. Не существует лучшего или более благородного мышления. Всякое размышление обусловлено.

«Вы, кажется, подразумеваете, что только когда мысль прекращает быть, возникает радикальная перемена. Но так ли это?»

Мысль обусловлена. Ум, будучи хранилищем опытов, воспоминаний, из-за которых возникает мысль, сам является зависимым от условностей, и любое движение ума, в любом направлении, приводит к его собственным ограниченным результатам. Когда ум делает усилие, чтобы преобразовать себя, он просто строит другой шаблон, возможно отличающийся, но все еще шаблон. Каждое усилие ума освободить себя — это продолжение мысли, это может быть на более высоком уровне, но все еще в пределах им очерченного круга, принадлежащего мысли, времени.

«Да, сэр, я начинаю понимать. Пожалуйста, продолжайте».

Любое движение любого вида со стороны ума только придает силу продолжению мысли, с ее завистливым, амбициозным, жадно впитывающим преследованием. Когда ум полностью

осознает этот факт, как он полностью осознает ядовитую змею, тогда вы увидите, как движение мысли приходит к завершению. Только тогда совершается полная революция, а не продолжение старого в иной форме. Это состояние не описать, тот, кто описывает, не осознает его.

«Я действительно чувствую, что понял не только ваши слова, но и полное значение того, о чем вы говорили».

«Почему это должно было случиться с нами?»

Что-то выстрелило со взорвавшимся хлопком. Была половина пятого утра, и все еще очень темно. Рассвет не наступит еще в течение часа или больше. Птицы пока еще спали на деревьях, и сильный звук, казалось, их не потревожил, но они начнут склочную болтовню сразу же, как только начнет светать. Стоял небольшой туман над землей, но звезды были очень яркими. После первого взрыва вдалеке последовало несколько других. Был период затишья, а затем всюду начался фейерверк. Праздничный день начался. Тем утром птицы не продолжали свое чириканье как обычно, а сократили его и быстро разлетелись, оттого что сильные звуки были пугающими. Но к вечеру они вновь будут восседать на тех же самых деревьях, чтобы шумно сообщить друг другу об их ежедневных событиях. Солнце теперь касалось верхушек деревьев, и они засветились мягким светом. Прекрасные в своем спокойствии, они придавали небу форму. Единственная роза в саду отяжелела от росы. Хотя уже было шумно из-за фейерверка, город был медлителен и нетороплив при пробуждении, поскольку намечался один из самых великих праздников в году. Будет празднование и веселье, и богатые, и бедные будут дарить вещи друг другу.

Когда тем вечером становилось темно, люди начали собираться на берегах реки. Они аккуратно отпускали в плыв по воде маленькие блюдца из обожженной глины, наполненные маслом и с зажженным фитилем. Они проговаривали молитвы и отпускали огни плыть вниз по реке. Скоро появились тысячи этих точек света на темной, неподвижной воде. Это был удивительный вид для созерцания, оживленные лица, освещенные маленьким огнем, и река как чудо света. Небеса с миллиардами звезд смотрели свысока на эту реку света, и земля успокоилась из-за любви людей.

Нас было пятеро в той освещенной солнцем комнате: какой-то мужчина и его жена и двое других мужчин. Все они были молоды. Жена казалась грустной и несчастной, муж также серьезен и не склонен к улыбкам. Двое молодых людей застенчиво сидели молча и позволили начать другим, но они, несомненно, заговорят, когда подвернется случай и когда их застенчивость постепенно немного пройдет.

«Но почему это должно было случиться с нами? — спросила она. В ее голосе было негодование и гнев, но слезы начали наполнять ее глаза и заструились по щекам. — Мы были так добры к нашему сыну, он был так весел и проказничал, всегда был готов рассмеяться, и мы любили его. Мы так заботливо его воспитали и планировали для него богатую жизнь...» Не в состоянии продолжать говорить, она остановилась и подождала, пока немного не успокоилась. «Извините, что я так расстроилась прямо перед вами, — продолжила она через некоторое время, — но все это было невыносимо для меня. Он игрался и кричал, а несколькими днями позже ушел навсегда. Это очень жестоко, и почему это произошло с нами? Мы вели порядочную жизнь, но любим друг друга, и даже больше, мы любили нашего мальчика. Но теперь его нет, и наша жизнь стала пустой — мой муж в своем офисе, а я дома. Все это стало настолько безобразным и бессмысленным». Она продолжала и продолжала рассказывать о своей горечи, но муж мягко остановил ее. Сейчас уже она рыдала, совсем не сдерживаясь, но через время умолкла.

Это происходит с каждым из нас, не так ли? Когда вы спрашиваете, почему это должно было случиться с вами, вы на самом деле не имеете в виду, что это должно касаться только других, а не вас. Вы делите горе с остальными.

«Но что мы сделали, чтобы заслужить такое? Какова наша карма? Почему его нет в живых? Я с удовольствием отдала бы свою жизнь ради него».

Заполнит ли какое-либо объяснение, какой-либо хитрый аргумент или рациональное верование, пустоту приносящую вам боль?

«Естественно, что я хочу утешения, но не простыми словами и не какой-то надеждой на будущее. А в результате, я вообще не могу найти какое-то утешение. Мой муж пробовал утешить меня верой в перевоплощение, но напрасно. Он также страдает, даже при том, что верит в перевоплощения, отвратительный кошмар».

Снова ее муж вмешался, чтобы успокоить поднимающиеся в ней чувства.

«Я буду спокойной и вдумчивой, и простите».

«Сэр, мы так мало знаем о жизни, о смерти, и так мало о нашей собственной печали, — сказал ее муж. — После этого случая я, кажется, внезапно повзрослел и могу теперь задавать серьезные вопросы. А раньше жизнь была весела, и мы постоянно смеялись. Но большинство вещей, которые делали нас счастливыми, теперь кажутся настолько глупыми, настолько тривиальными. Это было, словно буря, которая выкорчевывает дерево и засыпает песком пищу. Ничто никогда снова не будет, как прежде. Внезапно я обнаружил, что сам стал ужасно серьезным, желая разузнать, что все это значит. И, начиная со смерти нашего сына, я прочитал больше религиозной и философской литературы, чем за всю свою прежнюю жизнь. Но когда есть боль, простые слова не легко принять. Я знаю как легко вера становится медленным ядом. Вера притупляет острые края мысли, но она к тому же притупляет боль, и без нее ум стал бы как открытая, чувствительная рана. Мы пришли, чтобы послушать вас прошлым вечером. Вы не дали нам никакого утешения, что, насколько я понимаю, правильно. Но мы все еще хотим залечить наши раны. Вы можете нам помочь?»

«Рана, которая есть у всех нас, — вставил один из тех двоих, — не излечивается словами, успокаивающей фразой. Мы пришли сюда, не для того, чтобы принять другую веру, а чтобы найти причину нашей боли».

Вы считаете, что простое знание причины освободит вас от боли?

«Как только я узнаю, каковы причины моей внутренней боли, я смогу избавиться от нее. Я не стану что-то есть, когда знаю, что это отравит меня».

Вы думаете, что это так легко — избавиться от внутренних ран? Давайте вникнем в это терпеливо, тщательно. В чем же ваша проблема?

«Моя проблема, — ответила жена, — проста и ясна. Почему у меня забрали сына? Какова была причина этого?»

Удовлетворит ли вас какое-либо объяснение, каким бы успокаивающим оно ни было в настоящий момент? Разве вы сами не выяснили суть вопроса?

«Как мне приступить к этому?» — потребовала жена.

«Это также одна из моих проблем, — сказал один из тех двоих. Как мне выяснить, что истинно в этом безумном недоумении, которое является моим „я“?»

«Что же у нас за карма, что мы должны страдать, терять тех, кого мы больше всего любим?» — спросил муж.

«Возможно, я сумела бы перенести боль смерти моего сына», — добавила жена, — если бы я могла только найти утешение в знании, почему его забрали».

Утешение — это одно, а истина — другое, они уводят прочь одно от другого. Если вы ищете утешения, вы можете найти его в объяснении, в наркотике или вере, но это будет временно, и рано или поздно вам придется начинать снова. А есть ли такая вещь как утешение? Возможно, что вам сначала надо столкнуться лицом к лицу с этим фактом: ум, который ищет утешения, безопасности, всегда будет в печали. Удовлетворяющее объяснение, успокаивающая вера могут помещать усыпить вас, но этого ли вы хотите? Это избавит вас от горя? Можно ли избавиться от горя с помощью принудительного сна?

«Кажется, что то, чего я действительно хочу, продолжала жена, — это возвратиться в то счастливое состояние, которое я когда-то знала, снова иметь радость и удовольствие. Так как я не могу достичь этого, я разрываюсь от горя, и поэтому ищу утешения».

Вы имеете ввиду, что не хотите столкнуться с фактом, который, как вы полагаете, является причиной горя, и поэтому вы пытаетесь убежать от него?

«Почему бы мне и не искать утешения?»

Но можете ли вы найти длительное утешение? Его может и не быть. Ища утешения, мы хотим того состояния, в котором не будет психологического волнения вообще. А существует ли такое состояние? Можно выдумать с помощью различных средств состояние утешения, но жизнь вскоре придет, стучась в дверь. Этот стук в дверь, это пробуждение называется горем.

«Когда вы указываете на это, я понимаю, что это так. Но что я должна делать?» — настаивала жена.

Не надо ничего делать, кроме как понять суть этого факта, что ум, который ищет утешения, безопасности, всегда будет подвержен горю. Это осознание и есть само действие. Когда человек понимает, что он заключенный, он не спрашивает, что делать, а возникает целый ряд действий или бездействий. Из-за самого осознания существует действие. «Но, сэр, — вставил муж, — наши раны реальны, неужели мы не можем излечить их? Неужели вообще нет никакого процесса лечения, а только состояние горькой безнадежности?»

Ум может искусственно создать любое состояние, которое он пожелает, но выяснить истину всей этой ситуации — это совсем другой вопрос. Ну а теперь, что же это, за чем вы гонитесь?

«Ни один человек в своем уме не хотел бы искусственно создать горечь. Наверняка существует философия безнадежности, но у меня вовсе нет никакого намерения следования тем путем. Я действительно хочу выяснить, что является причиной, кармой нашего горя».

Вы двое также желаете вникнуть в этот вопрос?

«Конечно, мы очень хотим, сэр. У нас есть наши собственные проблемы, имеющие отношение к целому механизму кармы, и нам также помогло бы, если мы могли бы разобраться в этом вместе».

Что означает корень слова «карма»?

«Корень этого слова означает „действовать“, — ответил муж, а остальные закивали в знак согласия. — Карма обычно, и я считаю неправильно, понимается как действие, предопределяющее причину. Будущее установлено прошлым действием. Как вы сеете, так и пожнете. Я сделал что-то в прошлом, за которое буду расплачиваться или за которое мне будет награда. Если мой сын умирает молодым, это из-за некой причины, скрытой в жизни. Существует много разновидностей этой общей формулировки».

Все вещи возникают и проходят в своем существовании через цепь причин и следствий, не так ли?

«Это, кажется, факт, — ответил один из двоих. — Я нахожусь в этом мире из-за моего отца и матери и из-за предыдущих причин. Я есть результат причин, которые простираются назад бесконечно в прошлое. Мысль и действие — это результат различных причин».

Отделено ли следствие от причины? Есть ли между ними промежуток, короткий или длинный интервал времени? Является ли причина фиксированной, также как и следствие? Если причина и следствие статические, тогда будущее уже установлено, а если это так, то для человека нет никакой свободы, он навечно в ловушке предопределенной колеи. Но это не так, как вы можете наблюдать в повседневных событиях, где обстоятельства непрерывно влияют на ход действий. Всегда есть движение продолжающегося изменения, либо немедленного, либо

постепенного.

«Да, сэр, я это понимаю. И для меня это огромное облегчение, выросшего в условиях одной причины и одного следствия, осознать, что мы не должны быть рабами прошлого».

Ум не стоит удерживать с помощью созданных им условностей. Следствие причины не обязательно будет следовать за причиной, его можно устранить. Не существует даже вечного ада. Причина и следствие не статичны, не фиксированы. То, что было следствием, становится причиной совсем другого следствия. Сегодня формируется согласно вчерашнему дню, и завтра — согласно сегодняшнему дню. Это истинно, верно? Так что причина и эффект не отделены, они объединенный процесс. Неправильные средства не могут использоваться для правильной цели, потому что средства — это и есть цель, одно содержит в себе другое. Семя содержит в себе целое дерево. Если каждый по-настоящему прочувствует суть этого, тогда мысль — это действие, нет сначала никакого размышления, а за ним следующего действия, с неизбежной проблемой того, как построить между ними мост. Полное осознание причины и следствия как неделимой единицы кладет конец прилагающему усилию «я», которое извечно кем-то становится с помощью каких-то средств.

«Не даете ли вы ваше собственное определение карме?» — спросил муж.

Либо это истинно, либо — ложно. То, что является истинным, не требует никакой интерпретации, а то, что интерпретируется, не истинно. Интерпретирующий становится предателем, поскольку он просто предлагает собственное мнение, а мнение — это не истина.

«Книги говорят, что каждый из нас начинает жизнь с определенным количеством накопленной кармы, которую нужно отработать — продолжал муж. — Нам говорят, что именно в отработке этой накопленной кармы, в течение одной жизни или нескольких жизней, проявляется действие свободной воли. Так ли это?»

А что вы думаете, невзирая на авторитет книг?

«Я не считаю себя способным самому это рассматривать».

Давайте вместе рассмотрим этот вопрос. Чья-либо жизнь в нынешнем существовании начинается с определенного количества созданных условностей, кармы. На каждого ребенка оказывает влияние окружающая среда, чтобы он думал в пределах определенного образца, а его будущее имеет тенденцию быть предопределенным согласно этому образцу. Либо он следует с некоторой долей свободы тому, что диктует образец, либо он полностью вырывается из него. В последнем случае та часть ума, которая совершает усилие, чтобы вырваться, это также результат создания условий, кармы. И так, вырвавшись из одного образца, ум создает другой, в ловушке которого он вновь оказывается.

«В этом случае, как же ум когда-либо может быть свободным? Я очень ясно понимаю, что часть ума, которая желает быть свободной от образца, и часть, которая у него в ловушке, обе удерживаются, на самом деле, в рамках. Прежняя считает, что она отличается от предыдущей, но, по существу, они обладают одинаковым качеством в том, что ни одна полностью не свободна. Но что же тогда является свободой?»

«Большинство людей, — вмешался один из молодых людей, — утверждают, что есть сверхдух, Атман, который будет воздействовать на созданные нами условности и стирать их через преданность и добрые дела и через концентрацию на наивысшем».

Но сущность, которая предана, которая делает добрые дела, сама обусловлена. А наивысшее, на котором она концентрируется, — проецирование его условностей, так это?

«Я понимаю, — нетерпеливо сказал муж. Наши боги, религиозные концепции, идеалы, находятся в пределах образца созданных нами условностей. Теперь, когда вы указали на это, мне оно кажется настолько очевидным и реальным. Но тогда нет для человека никакой надежды».

Досрочно делать вывод и начинать думать, исходя из этого вывода, означает мешать

пониманию и любому дальнейшему открытию. Когда полностью весь ум осознает, что он удерживается в пределах образца, что происходит?

«Я не совсем понимаю ваш вопрос, сэр».

Осознаете ли вы, что полностью весь ваш ум обусловлен, включая часть, которая, как предполагается, является сверхдухом, Атманом? Вы чувствуете это, осознаете как факт, или просто принимаете устное объяснение? Что фактически происходит?

«Я не могу точно сказать, потому что я никогда не обдумывал данный вопрос до конца».

Когда ум осознает полностью все созданные им условности, чего он не может сделать, пока он просто преследует свой собственный комфорт или лениво выбирает легкий путь, тогда все его движения завершаются. Он полностью спокоен, без всякого желания, без всякого принуждения, без всякого мотива. Только тогда возникает свобода. «Но нам надо жить в этом мире, и что бы мы ни делали — от добывания средств к существованию до наиболее тонкого исследования ума — все имеет определенный мотив. А бывает ли когда-нибудь действие без мотива?»

Разве вы не считаете, что есть? Действие любви не имеет никакого мотива, но любое другое действие имеет.

Жизнь, смерть и выживание

Это было величественное старое тамариндовое дерево, богатое плодами, и с нежными молодыми листьями. Возросшее у глубокой реки, оно хорошо питалось влагой и давало совершенно необходимое количество тени для животных и людей. Под ним всегда происходила какая-то суета и шум, шел громкой разговор, или теленок звал свою мать. Оно имело красивые формы и на фоне голубого неба было роскошным. В нем была нестареющая живучесть. Должно быть, оно повидало многое, так как в течение бесчисленных лет наблюдало за рекой и происходящим на ее берегах. Это была интересная река, широкая и священная, и, чтобы искупаться в ее священных водах, со всех частей страны приходили паломники. По ней ходили лодки, передвигаясь тихо, с темными квадратными парусами. Когда взойдет луна, полная и почти красная, создавая серебристую дорожку на танцующих водах, в соседней деревне и в деревне на другом берегу реки будет веселье. В церковные праздники сельские жители сходились к краю воды, напевая радостные, ритмичные песни. Принося с собой еду, много болтая и смеясь, они купаются в реке. Затем они укладывают гирлянду у подножия большого дерева, а также красную и желтую золу вокруг его ствола, потому что оно тоже было священным, как и все деревья. Когда, наконец, болтовня и крик прекращаются, и все расходится по домам, остаются гореть одна или две лампы, забытые каким-то набожным сельским жителем. Эти лампы представляли собой фитиль домашнего изготовления в небольшом терракотовом блюде с маслом, что сельский житель с трудом мог себе позволить. Тогда дерево было превыше всего, все вещи принадлежали ему: земля, река, люди и звезды. Спустя некоторое время оно уйдет в себя, чтобы дремать, пока его не коснутся первые лучи утреннего солнца.

Часто к краю реки приносили мертвое тело. Очистив землю рядом с водой, они сначала укладывали тяжелые бревна в качестве основы для жертвенного костра, затем обкладывали его более легкой древесиной, а сверху клали тело, покрытое новой белой тканью. После этого самый близкий родственник подносил к костру горящий факел, и огромное пламя вздымалось во тьме, освещая воду и молчаливые лица присутствующих на похоронах и друзей, которые сидели вокруг костра. Дерево вбирало часть света и отдавало свое умиротворение танцующему огню. Требуется несколько часов для того, чтобы тело поглотил огонь, но они все будут сидеть до тех пор, пока ничего не останется, кроме ярких тлеющих угольков и нескольких языков пламени. Посреди этой необъятной тишины внезапно раздается плач младенца, и начнется новый день.

Он был довольно-таки известным человеком. Умирая, он лежал в маленьком доме позади стены, а небольшой сад, о котором когда-то заботились, теперь был заброшен. Его окружали жена, дети и другие близкие родственники. Возможно, пройдет несколько месяцев или даже больше, прежде чем он скончается, но все они были вокруг него, и комната была отягощена печалью. Когда я вошел, он попросил, чтобы все ушли, они неохотно покинули комнату, кроме одного маленького мальчика, который играл на полу с какими-то игрушками. Когда они вышли, он указал мне рукой на стул, и мы сидели в течение некоторого времени, не проронив ни слова, а в это время в комнату пробивался шум домашнего хозяйства и улицы.

Он с трудом разговаривал.

«Знаете, я так много думал в течение долгих лет о жизни, и даже больше о смерти, потому что у меня затяжная болезнь. Смерть кажется такой странной вещью. Я прочел различные книги, касающиеся этой проблемы, но все они были довольно поверхностны».

Разве все умозаключения поверхностны?

«Я не настолько уверен. Если бы можно было прийти к определенным умозаключениям, которые бы глубоко удовлетворяли, они приобрели бы некоторое значение. Что плохого в том,

чтобы прийти к умозаключениям, пока они удовлетворяют?»

Нет ничего плохого в них, но разве это не очерчивает вводящий в заблуждение горизонт? У ума есть сила создавать любую форму иллюзии, и оказаться у нее в ловушке кажется настолько ненужным и незрелым.

«Я жил довольно богатой жизнью и следовал тому, что считал своим долгом. Но, конечно же, я человек. Так или иначе, с той жизнью теперь покончено, и вот я здесь, бесполезное существо. Но, к счастью, мой ум еще не поврежден. Я много читал, и я все еще так же жажду узнать то, что случается после смерти. Я продолжу существовать, или ничего не остается, когда тело умирает?»

Сэр, если позволите спросить, почему вы так заинтересованы узнать, что происходит после смерти?

«Разве каждый не хочет этого знать?»

Возможно, да. Но если мы не знаем, что такое жизнь, можем ли мы вообще узнать, что такое смерть? Жизнь и смерть могут быть одним и тем же, и тот факт, что мы отделили их, может быть источником большой печали.

«Я в курсе того, что вы рассказывали об этом в ваших беседах, но все-таки я хочу знать. Пожалуйста, скажите мне, что происходит после смерти? Я не повторю это кому-то другому».

Зачем вы так рьяно боретесь, чтобы узнать? Почему вы позволяете целому океану жизни и смерти быть, не тыкая в него пальцем?

«Я не хочу умирать, — сказал он, держа своей рукой мое запястье. — Я всегда боялся смерти. И хотя я пробовал утешать сам себя разумными мыслями и верой, они просто выступали как тонкий налет на этой глубокой агонии страха. Все мое чтение о смерти было попыткой убежать от этого страха, найти выход из него, и это все по той же самой причине, как я теперь начинаю осознавать».

Освободит ли какое-либо бегство ум от страха? Разве не сам акт побега порождает страх?

«Но вы можете сказать мне, и то, что вы скажете, и будет истиной. Эта истина освободит меня...»

Некоторое время мы сидели молча. Немного погодя он снова заговорил.

«Это молчание было более исцеляющим, чем все мои беспокойные вопросы. Хотелось бы мне остаться в нем и спокойно умереть, но мой ум не позволит мне. Мой ум стал охотником, и в то же время преследуемым, я терзаюсь. У меня острая физическая боль, но это не ничто по сравнению с тем, что происходит в моем уме. Есть ли похожее продолжение после смерти? Это „я“, которое наслаждалось, страдало, знало, оно продолжится?»

Что является этим «я», за которое цепляется ваш ум, и что вы хотите, чтобы продолжилось? Пожалуйста, не отвечайте, а спокойно послушайте, хорошо? «Я» существует только через отождествление с собственностью, с именем, с семьей, с неудачами и успехами, со всеми вещами, которыми вы были и хотите быть. Вы — это то, с чем вы отождествили себя. Вы составлены из всего этого, и без этого вас нет. Именно это отождествление с людьми, собственностью и идеями, вы хотите, чтобы продолжилось даже после смерти, а живое ли это существо? Или это всего лишь масса противоречащих желаний, стремлений, удовлетворений и расстройств, с горем, перевешивающим радость?

«Может быть, это то, что вы предполагаете, но это лучше, чем вовсе ничего не знать».

Лучше известное, чем неизвестное, это вы хотели сказать? Но известное настолько мало, настолько мелочно, так ограничивающее. Известное — это горе, и все же вы жаждете его продолжения.

«Подумайте обо мне, будьте сострадательным, не будьте настолько неприступным. Если бы я только знал, я мог бы умереть счастливо».

Сэр, не боритесь столь усердно за знание. Когда всякое усилие узнать прекращается, тогда возникает кое-что, что не было сотворено умом. Неизвестное намного больше, чем известное. Известное — это всего лишь парусник в океане неизвестного. Позвольте всем вещам происходить и быть.

Именно тогда вошла его жена, чтобы дать ему что-то выпить, а ребенок встал и выбежал из комнаты, не посмотрев на нас. Он велел жене закрыть дверь, когда она вышла, и не позволять мальчику входить снова.

«Я не беспокоюсь о своей семье, потому что об их будущем позаботятся. Это за мое собственное будущее я переживаю. В душе я знаю, что то, о чем вы говорите, истинно, но мой ум похож на скачущую лошадь без наездника. Вы поможете мне или же мне уже не помочь?»

Истина — странная вещь: чем больше вы ее преследуете, тем больше она будет уклоняться от вас. Вам не поймать ее какими бы то ни было средствами, пусть даже изощренными и хитрыми. Вам не удержать ее в сетях вашей мысли. Осознайте это по-настоящему и позвольте всему происходить. В этом путешествии по жизни и смерти вы должны идти один, в этом путешествии нельзя искать утешения в знаниях, в опыте, в воспоминаниях. Ум должен быть очищен ото всего, что он собрал в своем побуждении быть в безопасности. Его богов и добродетелей надо обратно отдать обществу, которое породило их. Должно быть полное, ничем не оскверненное уединение.

«Мои дни сочтены, я задыхаюсь, а вы просите очень трудную вещь: чтобы я умер, не узнав, что такое смерть. Но я хорошо проинструктирован. Пусть будет моя жизнь, и пусть она будет благословенна».

Развращение ума

Вдоль крутого, длинного и широкого изгиба реки стоял город, священный, но очень грязный. Река создавала здесь сильное течение, и его главная сила ударяла по краю города, часто смывая ступеньки, ведущие вниз к воде, и некоторых из старых зданий. Но какой бы ущерб она ни приносила в своем неистовстве, река все еще оставалась священной и прекрасной. Тем вечером было особенно красиво, солнце садилось над потемневшим городом, за единственным минаретом, который, казалось, один из целого города достигал до небес. Облака были золотисто-красными в огне от сияния солнца, которое путешествовало по земле удивительной красоты и печали. И когда сияние поблекло, там, над темным городом, появился молодой месяц, изящный и хрупкий. С противоположного берега, на некоторое расстояние вниз по реке, весь околдовывающий вид казался волшебным, но все же совершенно естественным, без налета искусственности. Медленно молодой месяц опустился за массивы города, и начали появляться огни. Но река все еще хранила свет вечернего неба, золотистое великолепие невероятной нежности. На этом свету, который был рекой, плавали сотни маленьких рыбацких лодок. Все послеобеденное время тощие, загорелые мужчины с длинными веслами трудолюбиво проделывали свой путь с помощью весел вверх по реке против течения единой вереницей близко к берегу. Отчаливая от рыбацкой деревни ниже города, каждый мужчина в своей лодке, иногда с ребенком или двумя, медленно продвигался по реке мимо длинного, тяжелого моста, а теперь они сотнями плыли вниз, уносимые сильным течением. Они будут рыбачить всю ночь, ловя крупную, тяжелую рыбу длиной от десяти до пятнадцать дюймов, которая будет впоследствии вывалена в кучу на лодках поболее, а некоторые из них все еще будут корчиться, привязанные к берегу, чтобы быть проданными на следующий день.

Улицы города были переполнены телегами с волами, автобусами, велосипедами и пешеходами, и то здесь, то там попадалась корова или две. Узкие переулки, выровненные из-за тускло освещенных магазинов и бесконечно сворачивающие то вправо, то влево, были в грязи из-за недавних дождей и испачканы отходами человека и животного. Один из переулков вел к широким ступенькам, которые спускались к самому краю реки, и как раз на этих ступеньках все и происходило. Некоторые люди сидели близко к воде с закрытыми глазами в молчаливой медитации. Рядом с ними пел мужчина перед восторженной толпой, которая протянулась далеко вверх по ступенькам. Чуть далее прокаженный нищий протягивал свою усыхающую руку, в то время как человек с пеплом на лбу и со спутанными волосами инструктировал людей. Поблизости саньясин с чистым лицом и кожей, в недавно постиранных одеждах сидел неподвижно, его глаза были закрыты, а ум был поглощен длительной и легкой практикой. Человек с рукой в виде чаши молча молил небеса наполнить ее. И мать с голой левой грудью кормила своим молоком младенца, забыв обо всем. Далее вниз по реке, мертвые тела, принесенные из соседних деревень и из растянувшегося, грязного города, сжигались в огромных, ревуших кострах. Здесь все и происходило, поскольку это был самый священный и святой из городов. Но красота плавно текущей реки, казалось, стирала весь хаос человека, в то время как небеса над ним смотрели вниз с любовью и удивлением.

Нас было несколько человек две женщины и четверо мужчин. Одна из женщин, с хорошими способностями и острыми глазами, получила очень хорошее образование дома и за границей. Другая была более скромна, с печальным, просящим взглядом. Один из мужчин, бывший коммунист, который покинул партию несколько лет назад, был настойчив и требователен, другой был художником, престарелым и застенчивым, но достаточно смелым, чтобы защитить свои права, когда того требовал случай. Третий был должностным лицом в правительственной

бюрократии, а четвертый преподавателем, очень кротким, с улыбкой, которая появлялась мгновенно, и жаждущим учиться. Каждый молчал некоторое время, а после этого заговорил прежний коммунист.

«Почему так много испорченности в каждой сфере жизни? Я могу понять, как власть, даже от имени людей, является по существу злом и развращением, как вы заметили. Можно увидеть, как этот факт проявляется в истории. Семя зла и коррупции присуще всем политическим и религиозным организациям, как проявилось в церкви через столетия и в современном коммунизме, который так много обещал, но который сам стал коррумпированным и тираническим. Почему все обязательно ухудшается таким образом?»

«Мы так много знаем о многих вещах, — добавила образованная леди, — но знание, кажется, не останавливает моральное разложение, которое есть в человеке. Я немного пишу, и одна или две из моих книг были изданы, но я вижу, как легко ум может распасться на части, как только он в ловушке чего-либо. Изучите технику, как хорошо себя преподавать, откопайте несколько интересных или захватывающих тем, примите за привычку писать, и вы готовы для жизни, вы станете популярными, и все — вы испорчены. Я не говорю это из-за какой-то злобы или горечи, потому что я неудачница, или имею только посредственный успех, а потому что вижу этот процесс, происходящий в других и во мне самой. Мы, кажется, не уходим от коррозии рутины и возможностей. Чтобы начать что-то, потребуется энергия и инициатива, но когда это что-то начато, семя коррупции уже находится в нем. Можно ли когда-либо убежать от такого процесса ухудшения?»

«Я тоже, — сказал бюрократ, — в ловушке рутины распада. Мы планируем будущее на пять или десять лет, мы строим дамбы и поддерживаем новые отрасли промышленности, все это хорошо и необходимо. Но даже при том, что дамбы могут быть красиво построены и превосходно обслуживаться, а механизмы сделаны, чтобы функционировать с минимумом эффективности, наш разум, с другой стороны, становится все более и более неэффективным, глупым и ленивым. Компьютеры и другие сложные электронные устройства превосходят человека на каждом шагу, но все-таки без человека они не могли бы существовать. Простой факт таков: несколько мозгов активно и творчески работают, а остальная часть нас живет благодаря им, сгнивая и часто радуясь нашей гнили».

«Я всего лишь преподаватель, но я заинтересован в ином рода образовании, образовании, которое предотвратит насаждение этого морального разложения ума. В настоящее время мы „обучаем“ живое человеческое существо, как стать каким-нибудь глупым бюрократом, простите меня, с важным постом и приличным жалованьем или с зарплатой клерка и куда более несчастным существованием. Я знаю, о чем говорю, потому что завяз в этом. Но, по-видимому, это именно тот вид образования, которое хочет правительство, потому что они вкладывают в него деньги, и каждый так называемый педагог, включая меня самого, помогает и содействует быстрому развращению человека. Положит ли конец этому разложению улучшенная методика или техника? Пожалуйста, поверьте мне, сэр, я очень серьезен, интересуюсь данным вопросом, я не задаю его просто ради того, чтобы поговорить. Я читал недавние книги об образовании, и неизменно они имеют дело с той или иной методикой. И с тех пор, как услышал вас, я начал все это подвергать сомнению».

«Я художник широкого профиля, и один или два музея купили мои работы. К сожалению, я буду говорить о личном, против чего, я надеюсь, другие не будут возражать, поскольку их проблема — это и моя проблема. Я могу рисовать какое-то время, затем переключиться на работу с глиной и потом заняться какой-нибудь скульптурой. Это то же самое стремление, выражающее себя различными способами. Гений — это та сила, то необычайное чувство, которому нужно придать форму, а не человек или посредник, через которого она себя выражает.

Может, я неправильно объяснил, но вы знаете, что я имею в виду. Именно эта творческая сила должна сохраниться живой, мощной, под огромным давлением, подобно пару в котле. Бывают периоды, когда чувствуешь эту силу, и, однажды испытав ее, ничто на земле не сможет помешать вашему желанию возвратиться обратно. С того самого момента и далее вы терзаетесь, вечно неудовлетворены, потому что то пламя никогда не бывает постоянным и никогда завершенным. Поэтому его надо подпитывать, лелеять, и каждая подпитка делает его более слабым, менее и менее полным. Таким образом пламя постепенно угаснет, хотя талант и техника продолжают существовать, и вы можете стать известным. Жест остается, но любовь прошла, сердце мертво, и так начинается ухудшение».

Ухудшение — это центральный фактор, так? Каким бы ни был наш жизненный путь. Художник может чувствовать это одним способом, а преподаватель другим. Но если мы вообще заботимся о других и нашем собственном умственном процессе, это довольно очевидно и старым, и молодым, что то ухудшение ума действительно происходит. Ухудшение, кажется, свойственное деятельности самого ума. Как механизм изнашивается через использование, так и ум, кажется, ухудшается через его собственное действие.

«Все мы знаем это, — сказала образованная леди. — Огонь, творческая сила исчезает после одного или двух всплесков, но способность остается, и этот возмещающий творческий потенциал становится на время заменой реальной вещи. Нам это слишком хорошо известно. Мой вопрос вот какой: как это творческое что-то может сохраниться, не теряя красоту и силу? Что является факторами ухудшения? Если узнать их, возможно, было бы можно положить конец им.

«А имеются ли какие-либо ясно определенные факторы, на которые можно указать? — спросил бывший член партии. Ухудшение может быть свойственно самой природе ума».

Мнение — это творение общества, культуры, в которой он был воспитан, и поскольку общество всегда находится в состоянии коррупции, всегда уничтожая себя изнутри, ум, который продолжает находиться под воздействием общества, обязательно будет в состоянии коррупции или ухудшения. Не так ли это?

«Несомненно. И именно потому, что мы восприняли этот факт, — объяснил экс-коммунист, — некоторые из нас трудились упорно и, боюсь, довольно жестоко для того, чтобы создать новый и прочный образец, согласно которому, как мы полагали, общество должно функционировать. К сожалению, несколько коррумпированных личностей захватили власть, и результат всем нам известен».

А не может быть это так, сэр, что это ухудшение неизбежно, когда создается образец для личной и коллективной жизни человека? От имени какого авторитета, кроме как хитрого авторитета власти, имеет право какой-то индивидуум или группировка создавать всем известный образец для человечества? Это сделала церковь с помощью силы страха, лести и обещания, превратить человека в заключенного.

«Я думал, что знал, как думает священник, что он понимает, как жить человеку. Но теперь, наряду со многими другими, я вижу, какое глупое это высокомерие. Тем не менее факт остается фактом. Ухудшение — это наш удел, но может ли кто-нибудь избежать его?»

«Неужели мы не можем обучать молодежь, — спросил преподаватель, — так осознать факторы коррупции и ухудшения, что они будут инстинктивно избегать их, как избегали бы чумы?»

А не ходим ли мы вокруг да около предмета разговора, не понимая смысла? Давайте вместе рассмотрим это. Мы знаем, что наши умы ухудшаются различными путями, в зависимости от наших индивидуальных характеристик. Сейчас, можно ли положить этому процессу конец? И

что мы подразумеваем под словом «ухудшение»? Давайте медленно вникнем в смысл слова. Действительно ли ухудшение — это состояние ума, которое стало известно через сравнение с неиспорченным состоянием, которое ум на мгновение испытал и теперь живет воспоминаниями, надеясь какими-то средствами восстановить его? Является ли ошибка состоянием ума, которое расстроено из-за своего желания успеха, самореализации и тому подобного. Ведь ум пытался и не сумел стать кем-то, и после этого не чувствует ли он сам, что ухудшается?

«Это все вместе, — сказала образованная леди. — По крайней мере, я, кажется, нахожусь в одном, если не во всех состояниях, которые вы только что описали».

Когда возникло то пламя, о котором вы говорили ранее?

«Оно пришло неожиданно, без моего стремления к нему, и когда оно прошло, я был неспособен вернуть его. Почему вы спрашиваете?»

Оно пришло, когда вы его не искали. Оно пришло ни благодаря вашему желанию успеха, ни из-за страстного томления о том опьяняющем чувстве восторга. Теперь же, когда оно прошло, вы его преследуете, потому что оно придало мгновенное значение жизни, которая иначе не имела никакого смысла. А поскольку вы не можете вернуть его, вы чувствуете, что началось ухудшение. Не так ли?

«Думаю, что это происходит не только со мной, но и с большинством из нас. Умные строят философию вокруг памяти о том переживании, и таким образом ловят невинных людей в их сети».

Разве все это не указывает на кое-что, что может быть центральным и доминирующим фактором ухудшения?

«Вы имеете в виду амбицию?»

Это всего лишь один аспект накапливающего ядра: этот целеустремленный, эгоцентричный сгусток энергии, которая является «я», эго, цензором, переживающим, который судит переживание. Не может быть так, что это является центральным, единственным фактором ухудшения?

«Неужели эгоцентричная, эгоистичная деятельность, — спросил художник, — это осознать то, что чья-то жизнь проходит без того творческого опьянения? Я едва могу поверить в это».

Это не вопрос доверия или веры. Давайте рассмотрим это далее. То творческое состояние возникло без вашего ведома, оно было там без вашего стремления к нему. Теперь же, когда оно исчезло и стало явлением прошлого, вы хотите его восстановить, что вы пробовали делать через различные формы стимуляции. Вы, возможно, иногда касались его края, внешней грани, но этого недостаточно, и вы вечно голодаете по нему. Теперь, не всякое ли стремление, даже к самому высокому, является деятельностью «я»? Разве оно не эгоистично?

«Кажется, что да, когда вы это так выставляете, — согласился художник. — Но именно стремление в той или иной форме мотивирует нас всех, начиная от строгого святого и кончая неприятельным крестьянином».

«Вы имеете в виду, — спросил преподаватель, — что всякое самосовершенствование эгоцентрично? Каждое усилие улучшить общество — это эгоцентричная деятельность? Разве суть образования не в расширении границ совершенствования, не в прогрессе в правильном направлении? Неужели эгоистично соответствовать улучшенному образцу общества?»

Общество всегда находится в состоянии вырождения. Нет совершенного общества. Совершенное общество может существовать в теории, но не в действительности. Общество основано на человеческих взаимоотношениях, мотивированных жадностью, завистью, алчностью, мимолетной радостью, стремлением к власти и так далее. Вы не можете улучшить зависть — она должна прекратиться. Наложить цивилизованное покрытие на насилие с

помощью лицемерия идеалов не означает окончание насилия. Обучать студента соответствовать обществу — это только поощрять в нем ухудшающееся побуждение быть в безопасности. Восхождение по лестнице успеха, становиться кем-то, получать признание — это сама сущность нашей вырождающейся социальной структуры, и быть ее частью — значит ухудшаться.

«Вы предлагаете, — спросил преподаватель довольно тревожно, — что нужно отказаться от мира и стать отшельником, саньясином?»

Сравнительно легко и по-своему выгодно отказаться от внешнего мира, от дома, семьи, имени, собственности. Но совсем другое дело положить конец, без всякого повода, без обещания счастливого будущего внутреннему миру амбиций, власти, достижения и по-настоящему быть как ничто. Человек начинает не с того конца вещей и поэтому вечно остается в смятении. Начните с правильного конца, начните с ближнего, чтобы идти далеко.

«Не должна ли быть внедрена определенная практика, чтобы покончить с ухудшением, этой неэффективностью и ленью ума?» — спросил мужчина, занимавший правительственную должность.

Практика или дисциплина подразумевает стимул, получение результата, а это разве не эгоцентричная деятельность? Стать добродетельным — означает процесс личного интереса, приводящего к уважению. Когда вы возвращаете в себе состояние ненасилия, вы все еще являетесь жестоким, но под иным названием. Помимо всего этого, имеется другой фактор вырождения: усилие, во всех его утонченных формах. Это не означает, что мы защищаем лень.

«О боже, сэр, вы, наверное, все отнимаете у нас! — воскликнул мужчина, занимавший правительственную должность. — А когда вы отнимите все, что же от нас останется? Ничего!»

Творчество — это не процесс становления или достижения, а состояние бытия, в котором полностью отсутствует эгоистическое усилие. Когда «я» делает усилие, чтобы отсутствовать, «я» присутствует. Всякое усилие со стороны этой сложной вещи, названной умом, должно прекратиться, без всякого повода или стимула.

«Это означает смерть, не так ли?»

Смерть по отношению ко всему, что известно, что является «я». Только когда полностью весь ум утихнет, появляется творческое, не имеющее названия.

«Что вы подразумеваете под умом?» — спросил художник.

Сознательное, также как подсознательное, скрытые укромные уголки души, также как разумные частицы ума.

«Я послушала, — сказала молчавшая леди, — и теперь мое сердце понимает».

Пламя недовольства

В раннем утреннем солнечном свете листья дерева прямо за окном создавали танцующие тени на белой стене комнаты. Дул нежный ветерок, и те тени никогда не успокаивались. Они были настолько же живыми, как сами листья. Один или два потихоньку двигались с изяществом и непринужденностью, но движение остальных было сильным, судорожным и беспокойным. Солнце только что взошло из-за лесистого холма. День не будет жарким, потому что бриз дул с севера, от заснеженных гор. В тот ранний час царила удивительная тишина, тишина дремлющей земли, прежде чем человек начнет свой тяжелый труд. В пределах этой тишины было слышно визжание попугаев, безумно летящих к полям и лесам; в пределах нее были хриплые крики ворон и щебетание множества птиц; в пределах нее были отдаленные гудки поезда и звук фабричного свистка, объявляющего час. Это был час, когда ум был столь же открыт, как небеса, и столь же чувствителен, как любовь.

Дорога была очень переполнена, и люди, идущие по ней, едва обращали внимание на автогужевой транспорт; они, было, с улыбкой отступали в сторону, но сначала должны были посмотреть вокруг, чтобы увидеть, кто позади них делал так много шума. Ехали велосипеды, автобусы и телеги с волами и люди, тянущие более легкие телеги, нагруженные мешками с зерном. Магазины, продавая все, что человек мог захотеть, от иголок до автомобилей, разрывались из-за обилия людей.

Эта же самая дорога вела через богатую часть города с обычной для нее отчужденностью и опрятностью к открытой местности, и недалеко стояла известная могила с надгробием. Вы оставляете автомобиль у внешнего входа, поднимаетесь на несколько ступенек и идете через открытый сводчатый проход в ухоженный и поливаемый сад. Поднимаясь по песчаной дорожке и по еще нескольким ступенькам, вы проходите через другой сводчатый проход с синими плитками и вступаете во внутренний сад со стеной вокруг него. Он был огромен, там были акры сочных, зеленых лужаек, прекрасных деревьев и фонтанов. В тени было прохладно, и звук падающей воды был приятен. Обходная тропа, которая шла вдоль стены по краю лужайки, имела границу из великолепных цветов, и потребовалось бы долгое время, чтобы обойти вокруг нее. Следуя за тропой, которая делала срез через лужайки, вы задавались вопросом, как так много места, красоты и работы можно было отдать могиле. Затем вы поднимались по длинному ряду ступенек, которые открылись на обширной платформе, покрытой плитами из красновато-коричневого песчаника. На этой платформе возвышалась величественная могила. Она была построена из гладкого, отполированного мрамора, и единственный мраморный гроб в ней сиял из-за мягкого света солнца, который просачивался через замысловатое решетчатое мраморное окно. Она казалась одинокой в своем покое, хотя была окружена великолепием и красотой.

С платформы вы могли видеть, где древний город с его куполами и воротами встречался с новым, с его стальными опорами для радиостанций. Было странно видеть соприкосновение старого и нового, и воздействие этого будоражило все ваше бытие. Это было, как если бы прошлое и настоящее всей жизни лежало перед вами, как простой факт, без вмешательства цензора и его выбора. Синий горизонт протянулся вдаль за городом и лесами. Он останется навсегда, в то время как новое превратится в старое.

Их было трое, все довольно молодые: брат, сестра и друг. Хорошо одетые и очень образованные, они легко говорили на нескольких языках и могли рассказать о самых последних книгах. Было странно усадить их в той голой комнате. Там было только два стула, и одному из молодых людей пришлось неловко на полу без удобства, портя складки на хорошо отутюженных брюках. Воробей, чье гнездо было сразу снаружи, внезапно появился на подоконнике открытого

окна, но увидев незнакомые лица, запорхал и улетел подальше.

«Мы пришли, чтобы обсудить довольно личную проблему, — объяснил брат, — и надеемся, что вы не возражаете. Я могу рассказать о ней? Понимаете, у моей сестры сейчас ужасный период в жизни. Она стесняется, когда объясняет это, так что я сейчас рассказываю за нее. Мы очень любим друг друга, и были почти неразлучны с тех пор, как были подростками. Нет ничего нездорового в том, что мы вместе, но она была дважды замужем и дважды разводилась. Через это все мы прошли вместе. Мужья по-своему были неплохими, но я беспокоюсь за свою сестру. Мы консультировались с известным психологом, но так или иначе это не срабатывало. Нам нужно сейчас во все это вникать. Хотя я никогда не встречался с вами лично, я узнавал о вас в течение нескольких лет и прочитал некоторые из ваших изданных бесед.

Так я убедил свою сестру и нашего общего друга прийти со мной, и вот мы здесь». Он колебался в течение нескольких минут, а затем продолжил.

«Наша трудность состоит в том, что моя сестра, кажется, ничем не удовлетворена. Буквально ничто не приносит ей какого-либо рода удовлетворение или довольство. Недовольство стало почти ее манией, и, если что-то не выходит, она совсем разбита».

Разве это не хорошо быть недовольной?

«До определенной степени, да, — ответил он, — всему имеются пределы, а это заходит слишком далеко».

Что плохого в том, чтобы быть полностью недовольным? Что мы обычно называем недовольством — это неудовлетворенность, которая возникает, когда не исполнилось какое-то желание. Не так ли?

«Возможно, но моя сестра пробовала так много вещей, включая эти два брака, но и не была счастлива ни в одном из них. К счастью, не было детей, которые бы далее усложнили дело. Но думаю, что она теперь может говорить за себя. Я только хотел начать распутывать клубок».

Что является довольством и что такое недовольство? Приведет ли недовольство к удовлетворенности? Будучи недовольным, вы когда-либо сможете обнаружить другое?

«Ничто по-настоящему меня не удовлетворяет, — сказала сестра. — Мы хорошо живем, но вещи, которые можно покупать за деньги, потеряли свою значимость. Я много читала, но, как я уверена, что вы знаете, это ни к чему не приводит. Я немного увлекалась различными религиозными доктринами, но они все кажутся совсем надуманными. И что вам после этого остается? Я много думала об этом и знаю, что я такая не из-за отсутствия детей. Если бы у меня были дети, я отдавала бы им свою любовь и все такое, но это мучение из-за недовольства, конечно же, продолжалось бы. Я не могу найти способ для управления им или направления в определенное русло, как, кажется, делает большинство людей, в некую поглощающую деятельность или интерес. Тогда бы оно легко уплывало, возникал бы случайный шквал, который неизбежен в жизни, но можно было бы всегда находиться в пределах спокойных вод. Я чувствую, как будто бы нахожусь в бесконечном шторме, без какой-нибудь пристани безопасности. Где-нибудь я хочу найти какое-то успокоение. Но, как я сказала, то, что могут предложить религии, кажется мне совсем глупым, ничем, кроме кучи суеверий. Все остальное, включая служение государству, является только рациональной заменой реальности, а я не знаю, какова реальность. Я пробовала различные отвлекающие подходы, включая текущую философию безнадежности во Франции, но осталась с пустыми руками. Я даже экспериментировала с принятием одного или двух из самых новейших наркотиков, но это, конечно, является окончательным актом отчаяния. Можно было бы с таким же успехом совершить самоубийство. Теперь вы все об этом знаете».

«Если позволите вставить слово, — сказал друг, — то мне кажется, что все это было бы решено, если бы она могла только найти что-то, что действительно интересовало ее. Если бы

она имела живой интерес, который занял ее ум и ее жизнь, то это недовольство, которое сдает ее, исчезло бы. Я знаю эту леди и ее брата много лет, и продолжаю говорить ей, что несчастье является результатом отсутствия чего-то, что оторвет ее ум от нее самой. Но никто не обращает внимания на то, что сказано старым другом».

Я могу поинтересоваться, почему вы не должны быть недовольной? Почему вы не должны быть поглощены недовольством? И что вы подразумеваете под данным словом?

«Это боль, агонизирующее беспокойство, и, естественно, что каждый хочет избавиться от них. Это было бы неким садизмом хотеть остаться в данном состоянии. В конце концов, нужно быть способным жить счастливо, а не быть непрерывно терзаемым болью неудовлетворенности».

Я не говорю, что вы должны наслаждаться болью или просто терпеть, но почему вы должны пытаться убежать от этого с помощью интересного занятия или с помощью некой иной формы постоянного удовлетворения?

«Разве это не самое естественное, что можно сделать? — спросил друг. — Если вам больно, вы хотите избавиться от боли».

Мы не понимаем друг друга. Что мы подразумеваем под быть недовольным? Мы не исследуем простое словесное или объяснительное значение этого слова, и при этом мы не ищем причины недовольства. Мы придем к причинам позже. Что мы пытаемся делать, так это исследовать состояние ума, который пойман в ловушку боли из-за недовольства.

«Другими словами, что делает мой ум, когда он недоволен? Не знаю, я никогда прежде не задавала себе этот вопрос. Позвольте мне подумать. Но прежде всего, я поняла вопрос?»

«По-моему, я понимаю то, о чем вы спрашиваете, сэр, — вмешался брат. — Какое чувство у ума, что он находится в муках недовольства? Не так ли?»

Что-то вроде этого. Чувство необычно само по себе, верно? Независимо от его удовольствия или боли.

«Но может там быть вообще какое-либо чувство, — спросила сестра, — если оно не отождествлено с удовольствием или болью?»

Разве отождествление вызывает чувство? Не может быть чувства без отождествления, без названия? Чуть позже мы сможем подойти к этому вопросу. Но снова, что мы подразумеваем под недовольством? Существует ли недовольство само по себе, как изолированное чувство, или же оно с чем-то связано?

«Оно всегда связано с другим определенным фактором, с каким-нибудь побуждением, желанием или потребностью, не так ли? — сказал друг. — Должна всегда иметься причина, недовольство — это только признак. Мы хотим быть кем-то или приобрести что-то, а по какой-то причине не можем, и становимся недовольными. Я думаю, вот в чем источник ее недовольства».

Правда ли это?

«Не знаю, я не думала так глубоко», — ответила сестра.

Неужели вы не знаете, почему вы недовольны? Это потому, что вы не нашли что-нибудь, в чем могли бы забыться? А если бы вы действительно нашли некий интерес или деятельность, которой вы могли бы полностью занять ваш ум, прошла бы боль недовольства? Это оттого, что вы хотите быть довольной?

«О боже, нет! — воскликнула она. — Это было бы ужасно, это был бы застой»

Но не это ли то, что вы ищете? В вас может быть ужас быть удовлетворенной, но все же в желании быть свободной от недовольства вы преследуете превосходящий вид довольства, разве нет?

«Я не считаю, что хочу довольства. Но я действительно хочу освободиться от этого

бесконечного страдания из-за недовольства».

А разве эти два желания отличаются? Большинство людей недовольны, но они обычно приручают его, находя что-нибудь такое, что дает им удовлетворение, а затем функционируют механически и перестают развиваться или же становятся ожесточенными, циничными и так далее. Является ли это тем, к чему вы стремитесь?

«Я не хочу стать циничной или просто перестать развиваться, это было бы слишком глупо. Я всего лишь хочу найти способ смягчить боль этой неуверенности».

Боль существует только тогда, когда вы сопротивляетесь неуверенности, когда вы хотите освободиться от нее.

«Вы имеете в виду, что мне надо остаться в таком состоянии?»

Пожалуйста, послу вы находитесь. Ваш ум противостоит ему. Недовольство — это пламя, которое нужно сохранять ярко горящим, а не тушить каким-нибудь интересом или деятельностью, к которой стремятся в результате реакции на боль из-за него. Недовольство болезненно, только когда ему сопротивляются. Человек, который просто удовлетворен, без того, чтобы понять полное значение недовольства, спит. Он не чувствителен к целому движению жизни. Удовлетворение — наркотик, и его сравнительно легко найти. Но, чтобы понимать полное значение недовольства, нужно прекратить поиск.

«Трудно не хотеть быть в чем-то уверенным».

Кроме механической уверенности, есть ли вообще какая-либо уверенность, какое-либо психологическое постоянство? Или имеется только непостоянство? Всякие взаимоотношения непостоянны. Все мысли с их символами, идеалами, проекциями непостоянны. Собственность потеряют, и даже сама жизнь заканчивается смертью, неизвестным, хотя человек строит тысячу хитрых структур верований, чтобы преодолеть ее. Мы отделяем жизнь от смерти, и, таким образом, оба остаются неизвестными. Довольство и недовольство подобно двум сторонам одной монеты. Чтобы быть свободным от боли недовольства, ум должен прекратить искать довольство.

«И что тогда нет никакого полного удовлетворения?»

Самоудовлетворение — это напрасное стремление, ведь так? В самом полном удовлетворении себя присутствует страх и разочарование. То, которое получено, становится прахом, но мы снова боремся, чтобы получить, и снова мы пойманы в ловушку горя. Если однажды мы осознаем этот целостный процесс, то самоудовлетворение в любом направлении, на любом уровне не будет иметь никакого значения вообще.

«Из этого следует, что бороться против недовольства означает тушить пламя жизни, — заключила она. — Я думаю, что понимаю значение того, что выговорите».

Внешнее изменение и внутренний распад

Поезд на юг был очень переполнен, но втискивалось еще большее количество людей с их котомками и чемоданами. Все они были одеты по-разному. Некоторые носили тяжелые пальто, в то время как на других почти ничего не было, даже при том, что было довольно холодно. Были длинные пальто и тесные шерстяные шали, небрежно завязанные тюрбаны, и тюрбаны, которые были аккуратно завязаны, и все было различных цветов. Когда каждый более или менее примостился, можно было слышать крики торговцев на платформе станции. Они продавали почти все: газировку, сигареты, журналы, арахис, чай и кофе, конфеты и выпечку, игрушки, коврики и, что достаточно странно, даже флейту, сделанную из полированного бамбука. Его продавец играл на такой же, и она издавала приятные звуки. Это была возбужденная и шумная толпа. Пришло много людей, чтобы проводить мужчину, который, должно быть, был довольно важным человеком, потому что на нем висело множество гирлянд. Они имели приятный аромат среди резкой копоти двигателя и других неприятных запахов, связанных с железнодорожными станциями.

Двое или трое людей помогали старухе войти в купе, так как она была довольно тучная и настаивала на том, чтобы занесли ее тяжелую связку. Младенец кричал, визжа что было силы, а мать пыталась прижимать его к груди. Зазвонил звонок, загудел свисток, и поезд начал двигаться, чтобы уже не останавливаться в течение нескольких часов.

Это была красивая местность, и роса все еще виднелась на полях и на раскинувшихся деревьях. Мы ехали некоторое расстояние вдоль полноводной реки, и сельская местность, казалось, раскрывалась в бесконечной красоте жизни. То там, то здесь попадались маленькие, задымленные деревни с домашними животными, бродившими по полям или тянувшими воду из колодцев. Мальчишка, одетый в грязные обноски, вел две или три коровы перед собой по дорожке. Он помахал, когда поезд прогрохотал мимо. Тем утром небо было особенно голубым, деревья были омыты, а поля хорошо увлажнены недавними дождями, и люди шли на работу. Но вовсе не по причине того, что небеса были очень близко к земле. В воздухе витало чувство чего-то священного, к чему тянулось все ваше существо. Некое благословение было удивительным и согревающим. Одиноким человек, идущий по той дороге, и лачуга у обочины — все купалось в нем. Вы никогда не нашли бы его в церквях, храмах или мечетях, потому что они искусственно созданы и их боги выдуманные. Но там, на открытой местности, и в том грохочущем поезде была неистощимая жизнь, благословение, которое нельзя ни отыскать, ни получить. Это было уже там вместо захвата, подобно этому маленькому желтому цветку, растущему вверх так близко к рельсам. Люди в поезде болтали и смеялись или читали утренние газеты, но оно было там, среди них и среди нежных, растущих существ ранней весны. Оно было там, неизмеримое и простое, любовь, которую никакая книга не сможет показать, и к которой не сможет прикоснуться ум. Оно было там тем дивным утром, сама жизнь жизни.

Нас было восемь человек в комнате, которая была приятно темной, но только двое или трое приняли участие в беседе. Снаружи на улице косили траву, кто-то точил косу, детские крики и голоса доносились в комнату. Те, кто пришел, были очень серьезными, они все упорно трудились различными способами ради улучшения общества, а не ради личной внешней выгоды, но тщеславие — странная вещь, оно прячется под одеянием достоинства и уважения.

«Учреждение, которое мы представляем, распадается, — начал самый старший, — оно тонуло в течение прошлых нескольких лет, и мы должны что-то сделать, чтобы остановить этот распад. Настолько легко уничтожить организацию, но так трудно ее построить и поддерживать.

Мы сталкивались со многими кризисами, и, так или иначе, нам всегда удавалось пережить их, мы были с повреждениями, но все еще способными функционировать. Теперь же, однако, мы достигли точки, где должны предпринять что-то решительное. Вот в чем наша проблема».

Что необходимо сделать, зависит от симптомов пациента и от тех, кто ответственен за пациента.

«Нам очень хорошо известны симптомы распада, они слишком очевидны. Хотя внешне учреждение признано и процветает, внутри оно гниет. Наши работники такие, как они есть, у нас есть различия, но мы сумели протянуть вместе больше лет, чем я могу припомнить. Если бы мы были удовлетворены простыми внешними проявлениями, то полагали бы, что все хорошо. Но те из нас, кто находится во внутренней части, знают, что есть упадок».

Вы и другие, которые создали и ответственны за это учреждение, сделали его таким, чем оно является. Вы и есть это учреждение. А распад свойственен любой организации, любой культуре, любому обществу, разве не так?

«Это так, — согласился другой. — Как вы говорите, мир сотворен нами. Мир — это мы, а мы — это мир. Чтобы изменить мир, мы должны измениться сами. Наше учреждение является частью мира. Когда гноимся мы, гноится и мир, и учреждение. Обновление должно поэтому начинаться непосредственно с нас. Неприятность в том, сэр, что жизнь для нас — не целостный процесс. Мы действуем на различных уровнях, каждый в противоречии с другими. Учреждение — это одно, а мы — это другое. Мы менеджеры, президенты, секретари, высокопоставленные должностные лица, те, с чьей помощью управляется учреждение. Мы не расцениваем его как нашу собственную жизнь, это что-то вне нас, что-то, чем надо управлять и преобразовывать. Когда вы говорите, что эта организация есть то, чем являемся мы, мы признаем это на словах, но не внутри. Мы заинтересованы в управлении учреждением, а не нами самими».

Вы понимаете, что это вам нужно хирургическое вмешательство?

«Я понимаю, что нам потребуется решительное хирургическое вмешательство, — сказал самый старый. — Но кто должен быть хирургом?»

Каждый из нас хирург и пациент, нет авторитета на стороне, который будет орудовать ножом. Само восприятие того факта, что операция необходима, приводит в движение действие, которое само по себе послужит операцией. Но если суждено быть операции, это означает сильное вмешательство, дисгармонию, так как пациенту надо прекратить жить общепринятым способом. Вмешательство неизбежно. Избегать всякого нарушения покоя вещей значит иметь гармонию как на кладбище, которое хорошо ухожено и упорядоченно, но полно захороненных гниющих останков.

«Но действительно ли это возможно при том что, мы так устроены, оперировать на нас самих?»

Сэр, задавая этот вопрос, вы не строите стену из сопротивления, которое мешает произойти операции? Таким образом вы подсознательно позволяете ухудшению продолжаться.

«Я хочу оперировать на самом себе, но, кажется, я не способен это делать».

Когда вы пытаетесь оперировать на вас самих, тогда вообще нет никакой операции. Приложение усилий, чтобы остановить ухудшение — это еще один путь ухода от факта, это означает позволить ухудшению продолжаться. Сэр, вы в действительности не хотите операции, вы хотите кое-как исправить, улучшить внешние проявления с помощью небольших изменений там и здесь. Вы хотите преобразовать, покрыть гниль золотом, чтобы вы могли иметь мир и учреждение, которые желаете. Но мы все стареем. Я вам это не навязываю, но почему бы вам не убрать вашу руку и не позволить там быть операции? Если вы не будете этому препятствовать, потечет чистая и здоровая кровь.

Чтобы изменить общество, вам нужно вырваться из него

Тем же утром море было очень спокойным, больше, чем обычно, потому что прекратил дуть ветер с юга. Море отдыхало перед тем, как подуют северо-восточные ветры. Пески отбеливались солнцем и соленой водой, стоял сильный запах озона, смешанный с запахом морской водоросли. На пляже еще никого не было, и море было в вашем распоряжении. Большие крабы с одной клешней намного больше другой медленно перемещались всюду, наблюдая и махая в воздухе большой клешней. Были также крабы поменьше, обычного вида, которые стремительно бегали к накатывающейся воде или бросались в круглые отверстия во влажном песке. Всюду стояли сотни чаек, отдыхая и поправляя оперение. Краешек солнца только показался из моря, и он проделал золотую дорожку на неподвижных водах. Все, казалось, ожидало этого момента — а как быстро он пройдет! Солнце продолжило подниматься из-за моря, которое было столь же тихим, как укромное озеро в каком-нибудь глубоком лесу. Никакой лес не мог вместить в себя эти воды, они были слишком беспокойными, слишком бурными и обширными. Но тем утром они были умеренными, дружественными и манящими.

Под деревом, возвышавшимся над песками и синей водой, шла жизнь, не зависящая от крабов, соленой воды и чаек. Большие, черные муравьи стремительно бегали вокруг, не определившись, куда идти. Они, было, поднимались на дерево, потом внезапно неслись вниз по неопределенной причине. Двое или трое нетерпеливо остановились, повертели своими головами по сторонам, а затем, с бурным взрывом энергии пробежали по всему протяжению части дерева, которую они, должно быть, исследовали прежде сотни раз. Они снова исследовали ее с нетерпеливым любопытством, а потом, секундой позже, потеряли к ней интерес. Под деревом было очень тихо, хотя все под ним было очень оживленным. Не было и дуновения ветерка, шевелившего листья, но каждый лист изобиловал красотой и светом утра, рядом с деревом была напряженность, не ужасная напряженность достижения, стремления к успеху, но напряженность состояния полноты, простоты, уединения и все же ощущения себя как части земли. Краски и цвета листьев, немногих цветов, темного ствола были усилены во сто крат, а ветки, казалось, выдерживали небеса. В тени этого единственного дерева было невероятно ясно, ярко и оживленно.

Медитация — это напряжение ума, которое находится в полноте молчания. Ум не утихает, как какое-нибудь прирученное, испуганное или дисциплинированное животное, он утихает, как утихают воды на глубине многих морских саженей. Спокойствие там не похоже на спокойствие поверхности, когда умирают ветра. Оно имеет собственную жизнь и движение, которые связаны с внешним потоком жизни, но не тронуты им. Его напряженность не такая, как у некой мощной машины, которая была собрана умелыми и способными руками, она столь же проста и естественна, как любовь, как молния, как полноводная река.

Он сказал, что был глубоко погружен в политику. И делал все, чтобы подняться по лестнице успеха: поддерживал отношения с нужными людьми, водил дружбу с лидерами, которые сами взобрались по той же самой лестнице, и его подъем был быстрым. На многие важные комитеты его посылали за границу, и к нему относились с уважением те, с кем считались, так как он был честен и неподкупен, хотя и столь же честолюбив, как остальная их часть. Вдобавок ко всему этому, он был начитан, и легко находил слова. Но теперь благодаря какому-то счастливому случаю он утомлен этой игрой в помощь стране, продвигая себя и становясь высокопоставленным лицом. Он устал от этого, не потому что не мог подняться еще выше, а

потому что благодаря естественному разумному процессу пришел к выводу, что глубокое улучшение человечества не полностью опирается на планирование, на эффективность в схватке за власть. Так что он выбросил это все за борт и начал заново обдумывать всю полноту жизни.

Что вы подразумеваете под всей полнотой жизни?

«Я на самом деле провел долгие годы у притока реки, и хочу провести оставшиеся годы моей жизни на самой реке. Хотя я наслаждался каждой минутой политической борьбы, я не оставляю политику с сожалением, но желаю внести вклад в улучшение общества от моего сердца, а не от вечно расчетливого ума. То, что я беру от общества, должно быть возвращено ему, по крайней мере, в десятикратном размере».

Если можно спросить, почему вы размышляете понятиями дать и взять?

«Я так много взял от общества, и все, что оно мне дало, я должен отдать обратно».

Чем вы обязаны обществу?

«Всем, что я имею: мой счет в банке, мое образование, мое имя — о, много кое-чего!»

В действительности, вы ничего не взяли от общества, потому что вы — его часть. Если бы вы были отделенной сущностью, не связанной с обществом, тогда бы вы могли отдать обратно то, что взяли. Но вы являетесь частью общества, частью культуры, которая сотворила вас. Вы можете возвращать взятые в долг деньги, но что вы можете отдать обратно обществу, если вы — это часть общества?

«Благодаря обществу я имею деньги, пищу, одежду, кров и я должен сделать что-нибудь в ответ. Я воспользовался моим накопленным добром в пределах рамок общества, и было бы неблагодарностью с моей стороны повернуться к нему спиной. Я должен сделать что-то хорошее для общества, хорошее в широком смысле, и не как какой-нибудь добряк».

Я понимаю, что вы имеете в виду. Но даже если вы возвратили бы все, что накопили, освободило бы это вас от вашего долга? То, что общество уступило благодаря вашим усилиям, сравнительно легко отдать обратно. Вы можете отдать это бедным или государству. А потом что? Вы все еще имеете ваш «долг» перед обществом, потому что вы все еще часть его, вы один из его граждан. Пока вы принадлежите обществу, отождествляете себя с ним, вы являетесь и дающим, и берущим. Вы сохраняете его, вы поддерживаете его структуру, не так ли?

«Да, так. Я, как вы говорите, неотъемлемая часть общества, без него меня нет. Так как я являюсь и хорошим, и плохим для общества, то должен избавляться от плохого и поддерживать хорошее».

В любой данной культуре или обществе, «хорошее» — это принятое, уважаемое. Вы хотите поддерживать то, что является благородным в пределах структуры общества, так ли это?

«Что я хочу делать, так это изменить общественный устой, в ловушке которого находится человечество, я говорю это совершенно искренне».

Общественный устой основан человеком. Он не является не зависимым от человека, хотя и имеет собственную жизнь, человек тоже не является не зависимым от него, они находятся во взаимосвязи. Изменение в пределах устоявшегося образца — это вообще не изменение, а простая модификация, преобразование. Только покончив с общественным устоем, не строя другой, вы можете «помочь» обществу. До тех пор, пока вы принадлежите обществу, вы только помогаете ему ухудшаться. Все общества, включая самые удивительно утопические, имеют внутри семена их собственной коррупции. Чтобы изменить общество, вам нужно вырваться из него. Вы должны прекратить быть таким, каково общество: алчным, амбициозным, завистливым, стремящимся к власти и так далее.

«Вы имеете в виду, что я должен стать монахом, саньясином?»

Конечно, нет. Саньясин просто отказался от внешнего проявления мира, от общества, но внутри он все еще часть его. Он все еще сгорает от желания достичь, получить, стать.

«Да, я понимаю это».

Конечно, так как вы сожгли себя в политике, ваша проблема не только в том, чтобы вырваться из общества, но и полностью вернуться к жизни снова, чтобы любить и быть простым. Без любви, что хотите, делайте, но вы не познаете полноту действия, единственно которое может спасти человечество.

«Это правда, сэр: мы не любим, мы не просты по-настоящему».

А почему? Потому что вы так обеспокоены реформами, обязанностями, респектабельностью, становлением кем-то, стремлением к противоположному берегу. Во имя другого вы обеспокоены вами же самими. Вы в ловушке вашей собственной скорлупы. Вы думаете, что вы центр этой прекрасной земли. Вы никогда не приостанавливаетесь, чтобы взглянуть на дерево, на цветок, на плавно текущую реку, а если как-то случайно вы взглянете, ваши глаза наполняются умственными идеями, а не красотой и любовью.

«Опять же, это правда. Но что делать?»

Вглядывайтесь и будьте просты.

Где есть «я», там нет любви

Кусты роз прямо за воротами были усыпаны яркими красными цветами, сильным ароматом, и над ними парили бабочки. Там были также ноготки и цветущий сладкий горох. Сад выходил к реке, и тем вечером она была напонена золотистым светом от лучей заходящего солнца. Рыбацкие лодки, созданные по форме гондол, темнели на тихой глади реки. Деревня среди деревьев на противоположной стороне была на расстоянии свыше мили, и все же через воду ясно доносились голоса. От ворот шла тропинка, ведущая вниз к реке. Она присоединилась к грунтовой дороге, которая использовалась сельскими жителями для того, чтобы добираться в город и обратно. Дорога резко обрывалась у берега ручья, который впадал в большую реку. Это не был песчаный берег, в нем преобладало большее количество влажной глины, и ноги утопали в ней. Через ручей в этом месте вскоре построят бамбуковый мост, но сейчас была лишь неуклюжая баржа, загруженная спокойными сельчанами, которые возвращались после торговли в городе. Двое мужчин перевезли нас через ручей, в то время как сельские жители сидели, поеживаясь от вечернего холода. Там имелась маленькая жаровня, которую зажгут, когда станет еще темнее, но луна даст им свет. Маленькая девочка несла корзину дров, которая была слишком для нее тяжела. Когда девочка пересекла ручей, то оказалось, что ей трудно поднять ее, но с некоторой помощью она аккуратно поставила ее на свою маленькую голову, и ее улыбка, казалось, озарила вселенную. Все мы поднялись осторожными шагами на крутой берег, и вскоре сельчане отправились, болтая, вниз по дороге.

Здесь была открытая местность, и почва была очень богата илом многих столетий. Плоская, хорошо вспаханная земля, местами с изумительными старыми деревьями, протянулась к горизонту. Преобладали поля приятно пахнущего гороха, белые из-за цветов, а также озимой пшеницы и других зерновых. На одной стороне текла река, широкая и изгибающаяся, у реки стояла деревня, шумевшая от деятельности. Дорожка здесь была очень древней, как считают, по ней прошелся Просвещенный, и паломники использовали ее в течение многих столетий. Это был священный путь, и то здесь, то там вдоль этого священного пути стояли маленькие храмы. Манговые и тамариндовые деревья были тоже очень старые, и некоторые усыхали, повидав так много. На фоне золотого вечернего неба они казались величественными, а их ветви темными и открытыми. Немного далее была бамбуковая роща, желтеющая от возраста, и в маленьком фруктовом саду коза, привязанная к дереву, бляла своему дитя, которое всюду скакало и прыгало. Тропа вела далее мимо скотного водоема в другую манговую рощу. Там было затаившее дыхание спокойствие, и все познало благословенный час. Земля и все на ней стало святым. Это не было так, что ум осознавал это спокойствие как что-то вне себя, что-то, что нужно запомнить и сообщить, а как полное отсутствие всякого движения ума, нечто неизмеримое.

Он был молодежью мужчиной, сказав, что ему чуть за сорок, и хотя ему доводилось стоять перед зрителями и говорить с большой уверенностью, он довольно застенчиво вел себя. Как и многие другие из его поколения, он немного увлекался политикой, религией и социальной реформой. Был склонен к написанию стихов и мог рисовать на холсте. Несколько из выдающихся лидеров были его друзьями, и сам он мог продвинуться далеко в политике. Но сделал иной выбор и был доволен держать свой свет, укрытый в далеком городе в горах.

«Я желал повидаться с вами уже много лет. Вы можете не помнить этого, но я присутствовал однажды на том же самом теплоходе, что и вы, отправлявшемся в Европу до второй мировой войны. Мой отец очень интересовался вашим учением, но я ушел глубоко в политику и другие вещи. Мое желание поговорить с вами стало настолько постоянным, что это

нельзя было дольше откладывать. Я хочу открыть свое сердце. Несколько раз я посетил ваши беседы и обсуждения в разных местах, но недавно у меня появилось сильное побуждение повидаться с вами с глазу на глаз, потому что я зашел в тупик».

Какой?

«Я, кажется, не способен „прорваться“. Я выполнял определенный вид медитации, не ту, которая гипнотизирует вас, а которая помогает осознавать свое собственное мышление, и так далее. При этом процессе я обязательно засыпаю. Наверное оттого, что я ленив и легкомыслен. Я постился и пробовал различные диеты, но эта летаргия сохраняется»

Действительно ли это из-за лени или чего-то другого? Есть ли какое-то глубокое внутреннее расстройство? Стал ли ваш ум унылым, нечувствительным из-за событий вашей жизни? Если позволите спросить, не оттого ли это, что в нем нет любви?

«Не знаю, сэр. Я мало думал об этих вопросах и никогда не был способен выявить что-нибудь. Возможно, меня подавляли слишком многие хорошие и плохие явления. В некотором смысле жизнь была слишком легка для меня, с семьей, деньгами, определенными возможностями и тому подобным. Ничто не давалось очень трудно, и в этом, возможно, моя проблема. Общее чувство непринужденности и наличие возможности найти выход из почти любой ситуации, наверное, сделали меня мягким».

Так ли это? Это не просто описание поверхностных событий? Если бы те вещи глубоко на вас воздействовали, вы вели бы иной образ жизни, вы следовали бы легким курсом. Но вы не следовали, тогда должен существовать другой процесс, который делает ваш ум вялым и неспособным.

«Тогда что это? Меня не слишком беспокоит секс, я баловался им, но это никогда не было страстью до такой степени, чтобы я стал его рабом. Это начиналось с любви, а заканчивалось разочарованием, но не расстройством. В этом я довольно уверен. Я не осуждаю, не преследую секс. Так или иначе, это не проблема для меня».

Это безразличие разрушило чувствительность? В конце концов, любовь уязвима, и ум, который построил защиту против жизни, прекращает любить.

«Я не думаю, что построил защиту против секса, но любовь — не обязательно секс, и я действительно не знаю, люблю ли я вообще».

Понимаете ли, наши умы так тщательно искусственно удобряются, что мы заполняем наши сердца вещами от ума. Мы отдаем большую часть нашего времени и энергии на добычу средств к существованию, накопление знаний, огню веры, патриотизму и поклонению государству, деятельности социальной реформы, преследованию идеалов и достоинств и многим другим вещам, которыми поглощен наш ум. Так что сердце стало пустым, а ум становится богатым своими хитростями. Это приводит к нечувствительности, не так ли?

«Это правда, что мы чересчур удобряем наши умы. Мы поклоняемся знанию, и в почете человек разумный, но немногие из нас любят в том смысле, о котором вы говорите. Говоря за себя, я честно не знаю, имею ли я любовь вообще. Я не убиваю, чтобы поесть, я люблю природу. Мне нравится ходить в лес и чувствовать его тишину и красоту, мне нравится спать под открытым небом. Но указывает ли все это на то, что я люблю?»

Чувствительность к природе — это часть любви, но не любовь, не так ли? Быть чутким и добрым, чтобы делать добро, не прося ничего взамен, является частью любви, но это не любовь, верно?

«Тогда, что есть любовь?»

Любовь — не только все эти составляющие, но и намного больше. Вся целостность любви находится вне всякого измерения ума, и, чтобы познать эту целостность, ум должен быть свободен от его занятий, одинаково как благородных, так и эгоцентричных. Спрашивать, как

освободить ум или как не быть эгоцентричным означает преследовать метод, а преследование метода — это еще одно занятие мышления.

«Но возможно ли освободить ум без некоторого усилия?»

Всякое усилие, «правильное», также как и «неправильное», поддерживает центр, ядро достижения, «я». Где «я», там нет любви. Но мы говорили об апатии ума, его нечувствительности. Вы много читали? А не могут знания быть частью этого процесса нечувствительности?

«Я не ученый, но читаю много, и мне нравится копаться в библиотеках. Я уважаю знания и не совсем понимаю, почему вы считаете, что они обязательно приводят к нечувствительности».

Что мы подразумеваем под знаниями? Наша жизнь большей частью — это повторение того, чему нас учили, верно ведь? Мы можем добавлять что-то к нашим знаниям, процесс повторения продолжается и усиливает привычку накапливать. Что вы знаете помимо того, что прочитали, вам рассказали или что вы испытали? То, что вы испытываете сейчас, формируется согласно тому, что вы испытывали прежде. Дальнейшее переживание — это то, что было уже испытано, только увеличено или видоизменено, таким образом, процесс повторения поддерживается. Повторение хорошего или плохого, благородного или тривиального явно приводит к нечувствительности, потому что ум перемещается только в пределах области известного. Не из-за этого ли ваш ум уныл?

«Но я не могу отбросить все то, что знаю и все то, что накопил как знание».

Вы и есть это знание, вы — это все, что вы накопили. Вы — это пластинка граммофона, которая вечно повторяет то, что записано на ней. Вы — это песня, шум, болтовня общества, вашей культуры. Есть ли неразвращенный «вы», не считая всей этой болтовни? Этот центр «я» теперь стремится освободить себя от вещей им же собранных. Но то усилие, которое он предпринимает, чтобы быть свободным, — это все еще часть процесса накопления. У вас есть для проигрывания новая пластинка, с новыми словами, но ваш ум все еще вялый, нечувствительный.

«Я прекрасно это понимаю. Вы очень хорошо описали мое состояние ума. Я в свое время изучил жаргоны различных идеологий: и религиозных, и политических, но, как вы заметили, суть моего ума остается той же самой. Теперь я очень четко осознаю это, а также то, что этот целостный процесс делает ум поверхностно внимательным, умным, внешне гибким, в то время как ниже поверхности он все еще тот же самый старый эгоцентр, который есть „я“.

Вы осознаете все это как факт, или вы знаете это только через описание другого? Если это не ваше собственное открытие, что-то, что вы выяснили сами, то это все еще только слово, а не факт, который является важным.

«Я не совсем это понимаю. Пожалуйста, помедленней, сэр, и объясните снова».

Вы знаете что-нибудь или вы только признаете? Признание — это процесс ассоциации, памяти, которая является знанием. Это верно, не так ли?

«Думаю, что понимаю, что вы имеете в виду. Я знаю, что та птица — это попугай только потому, что мне так сказали. Через ассоциацию, память, которые являются знаниями, возникает признание, и затем я говорю: „Это попугай“.

Слово «попугай» блокировало ваш взгляд на птицу, существо, которое летает. Мы почти никогда не смотрим на факт, а лишь на слова или символы, которые стоят за этим фактом. Факт отступает, и слово, символ становятся существенно важными. А сейчас вы можете посмотреть на факт, независимо от того, что это может быть, отдельно от слова, символа?

«Мне кажется, что восприятие факта и понимание слова, представляющего факт, происходит в уме одновременно».

Может ли ум отделить факт от слова?

«Не думаю, что может».

Возможно, мы это усложняем, чем есть на самом деле. Тот объект называется деревом, слово и объект — это два отдельных явления, так?

«Фактически так, но, как вы утверждаете, мы всегда смотрим на объект через слово».

Вы можете отделить объект от слова? Слово «любовь» — это не чувство, факт любви.

«Но, в некотором роде, слово — это тоже факт, не так ли?»

В некотором роде, да. Слова существуют, чтобы общаться, а также чтобы помнить, фиксировать в уме мимолетный опыт, мысль, чувство. Так что сам ум — слово, опыт, это память о факте в понятиях удовольствия и боли, хорошего и плохого. Этот целостный процесс происходит в пределах области времени, области известного. И любой переворот в пределах области — это вовсе никакая не революция, а всего лишь видоизменение того, что было.

«Если я правильно вас понимаю, вы утверждаете, что я сделал свой ум унылым, апатичным, нечувствительным из-за традиционного или повторяющегося мышления, частью которого является самодисциплина. Чтобы положить конец процессу повторения, пластинка граммофона, которая является „я“, должна быть сломана. А она может быть сломана только через видение факта, но не через усилие. Усилие, как вы говорите, только продолжает крутить механизм записи, так что на это нет надежды. Тогда что?»

Смотрите на факт, на то, что есть, и позвольте этому факту работать. Разве не вы работаете над фактом, а «вы» является механизмом повторения, с его мнениями, суждениями, знаниями.

«Я пробую» — сказал он искренне.

Пробовать — это смазывать механизм повторения, а не положить ему конец.

«Сэр, вы все у меня отнимаете, и ничего не остается. Но это может быть что-то новое».

Это и есть новое.

Дробление человека делает его больным

Было все еще очень рано, и по земле стелился небольшой туман, скрывающий кустарники и цветы. Тяжелая роса создавала круг сырости вокруг каждого дерева. Солнце только поднималось из-за шапки деревьев, которые сейчас были тихими, поскольку все чирикающие птицы разлетелись на день. Двигатели самолетов прогревались, и их рев заполнил ранний утренний воздух. Но очень скоро они полетят в различные части большого континента, и все, кроме ежедневных шумов города, будет снова тихим.

Нищий с хорошим голосом пел на улице, и у песни было то ностальгическое свойство, которое было хорошо знакомо. Его голос не был хриплым, и среди грохота автобусов и выкриков людей, кричащих через улицы, это был приятный и приветствующий звук. Вы бы слышали его каждое утро, если бы жили где-нибудь там. Многие попрошайки показывают фокусы или имеют обезьян, которые показывают фокусы. Они ученые и мудреные, с хитрым взглядом и легкой улыбкой. Но этот нищий был в целом совсем другой. Он был простым попрошкой, с длинным посохом и порванной, грязной одеждой. Он совсем не притворялся и не подлизывался. Другие получали большие милостыни, чем он, так как люди любят, когда им льстят, говорят приятные слова, благословляют и желают процветания. Но этот нищий не пользовался такими уловками. Он просил, и, если вы давали, он благодарил кивком головы и продолжал просить. Не было ни позирования, ни жестикуляции. Он будет идти вдоль всей длинной, тенистой улицы, всегда уступая дорогу людям, а в конце улицы повернет направо в более узкую и более тихую улицу и начнет снова пение, и в конце концов придет к одному из небольших переулков. Он был весьма молод, и при нем возникало приятное чувство.

Самолет взлетел в назначенное время и поднялся высоко над городом, с его куполами, древними могилами и длинными многоквартирными уродливыми зданиями, претенциозными и недавно построенными. За городом была река, извиляющаяся и открытая, ее воды были бледно-синие-зелеными, и самолет последовал за ней, направляясь главным образом на юго-восток. Мы выровнялись на высоте приблизительно шесть тысяч футов, и перед нами лежала местность, вся аккуратно разбитая на серо-зеленые участки неправильной формы, и каждый человек владел небольшой ее частью. Река текла, блуждая мимо многих деревень, и от нее тянулись прямые, узкие, искусственные каналы, простирающиеся в поля. Сотни миль далеко на восток начали показываться заснеженные горы, эфирные и нереальные в их розовом сиянии. Они сначала, казалось, плыли выше горизонта, и было трудно поверить, что они были горами, с острыми пиками и массивными формированиями. С поверхности земли на том расстоянии их нельзя было заметить, но с этой высоты они были видимы и захватывающе прекрасны. Невозможно было отвести от них взгляд из-за страха упустить малейший нюанс в их красоте и великолепии. Одна цепь медленно уступала место другой, один массивный пик — другому. Они охватили горизонт на северо-востоке, и даже после того, как мы пролетели два часа, они все еще были там. Это было действительно невероятно: цвет, необъятность и одиночество. Вы забывали обо всем остальном: о пассажирах, капитане, задающем вопросы, и хозяйке, требующей билеты. Это не было как поглощение ребенка игрушкой, ни монаха его обителью, ни саньясина на берегу реки. Это было состояние полного внимания, в котором не было никакого отвлечения. Была только красота и слава земли. Не было никакого наблюдателя.

Физиолог, аналитик и военный медик, был пухлым, с большой головой и серьезными глазами. Он пришел, как он сказал, чтобы обсудить несколько моментов, однако, не будет использовать терминологию психологии и анализа, но будет придерживаться слов, с которыми мы оба были знакомы. Изучив известных психологов и побывав у одного из них, он познакомился

с ограниченными возможностями современной психологии, также как и ее терапевтической ценностью. Как объяснил он, она не всегда имела успех, но у нее были большие возможности в руках нужных людей. Конечно, было множество шарлатанов, но этого следовало ожидать. Он также изучал, восточный образ мысли и восточное идеальное сознание.

«Когда впервые подсознательное было обнаружено и описано здесь, на Западе, ни один университет не нашел для него места, и ни одно издательство не решилось выпустить книгу. Но теперь, конечно, после нескольких десятилетий, это слово у всех на устах. Нам нравится думать, что мы первооткрыватели всего, и что Восток является джунглями мистицизма и уловок, но факт — то, что Восток совершил исследование сознания много столетий назад, но только они использовали иные символы, с более обширными значениями. Я говорю это только для того, что показать, что я стремлюсь изучать и не имею обычной предвзятости в этом вопросе. Мы, специалисты в области психологии, действительно помогаем не умеющим приспособиться возвращаться к обществу, и это, кажется, наша главная забота. Но так или иначе лично я не удовлетворен этим, что приводит меня к одному из пунктов, которые я хочу обсудить. Неужели это все, что мы, психологи, можем сделать? Мы не можем делать больше, чем просто помогать неприспособленным индивидуумам возвращаться в общество?»

Действительно ли общество здорово, и индивидуум должен возвратиться в него? Разве не само общество помогло сделать индивида нездоровым? Конечно, нездоровое должно быть здоровым, что само собой разумеется, но почему индивидуум должен приспособливаться к нездоровому обществу? Если он здоров, то не станет его частью. Без того, чтобы сначала поставить под вопрос здоровье общества, что проку помогать не приспособленным к жизни людям соответствовать обществу?

«Я не думаю, что общество здорово. Оно состоит и управляется надломленными людьми, ищущими власти, суеверными личностями. Это всегда в состоянии потрясения. В течение прошлой войны я помогал в работе, пытаясь привести в порядок негодных в армии, которые не могли приспособиться к ужасу поля битвы. Они были, вероятно, правы, но шла война, и ее надо было выиграть. Некоторые из тех, кто сражался и выжил, все еще нуждаются в психиатрической помощи, и вернуть их обратно в общество будет настоящей трудностью».

Помогать индивидууму вписываться в общество, которое вечно воюет с самим собой — вот это все, что психологи и психоаналитики, как предполагается, делают? Неужели индивидуума будут лечить только для того, чтобы убивать или быть убитым? Если вас не убивают или не сводят с ума, то должны ли вы вписываться в структуру ненависти, зависти, амбиций и суеверия, которая может быть очень научной.

«Я допускаю, что общество не такое, каким оно должно быть, но что вы можете сделать? Вы не можете выйти из общества, вам приходится работать и зарабатывать на жизнь, страдать и умирать в нем. Вы не можете стать отшельником или одним из тех людей, которые уходят и думают только о собственном спасении. Мы должны спасти общество невзирая ни на что».

Общество — это отношения человека с человеком. Его структура основана на его принуждениях, амбициях, ненависти, тщеславии, зависти, на всеобщей сложности его побуждения доминировать и следовать. Если индивидуум не покончит с этой развращающей структурой, какая фундаментальная ценность может быть в помощи врача? Его только снова испортят.

«Обязанность врача в том, чтобы лечить. Мы не реформаторы общества, эта сфера принадлежит социологам».

Жизнь одна, она не поделена на сферы. Мы должны быть обеспокоены всем человеком полностью: его работой, любовью, поведением, здоровьем, смертью и его Богом, также как атомной бомбой. Именно это дробление человека делает его больным.

«Некоторые из нас понимают это, сэр, но что мы можем сделать? Сами мы не цельные люди с целостным взглядом на жизнь, обобщенным напором и целью. Мы лечим одну часть, в то время как остальные распадаются. Мы должны понять, что глубинная гниль уничтожает целое. Что же делать? Что является моей обязанностью как врача?»

Естественно, лечить. Но не является ли также ответственностью врача лечить общество в целом? Не может произойти никакого преобразования общества, может произойти только революция вне образца общества.

«Но я возвращаюсь к моей исходной точке: что может сделать каждый индивидуум?»

Вырваться из общества, конечно. Будьте свободны не просто от внешних вещей, а от зависти, амбиции, поклонения успеху и так далее.

«Такая свобода дала бы больше времени для изучения, и, конечно же, будет больше спокойствия. Но не приведет ли это к довольно поверхностному, бесполезному существованию?»

Напротив, свобода от зависти и страха принесла бы индивидууму состояние объединения, разве не так? Это положило бы конец различным формам бегства, которые неизбежно вызывают смятение и внутреннее противоречие, и жизнь имела бы более глубокое и более широкое значение.

«Разве некоторые формы бегства не выгодны для ограниченного интеллекта? Религия — это роскошное бегство для многих людей, она придает значение, пусть даже иллюзорное, так или иначе их серому существованию».

Так же кино, любовные романы и некоторые наркотики, и вы бы стали поощрять такие формы бегства? Интеллектуалы также имеют свои формы бегства, явные или утонченные, и почти каждый человек имеет слабые места, и когда такие люди находятся у власти, они порождают больше обмана и нищеты. Религия — это не вопрос догм и верований с ритуалами и суевериями, это не культивирование персонального спасения, что является эгоцентричной деятельностью. Религия — это полный путь жизни, это понимание истины, которая не является проектированием ума.

«Вы просите слишком много от среднестатистического человека, который хочет развлечений, бегств, лично его удовлетворяющей религии и кого-нибудь, за кем можно следовать или кого можно ненавидеть. То, на что вы намекаете, требует иного образования, иного мирового общества, и ни наши политические деятели, и среднестатистические педагоги не способны на более обширное видение. Я предполагаю, что человеку необходимо пройти длинную, темную ночь страдания и боли, прежде, чем он появится на свет как объединенный, интеллектуальный человек. В настоящий момент это не моя забота. Моя забота в индивидуальных человеческих несчастьях, для кого я могу и действительно делаю многое. Но это, кажется, так немного в этом море страдания. Как вы говорите, я буду должен вызвать то состояние объединения в самом себе, а это весьма трудное дело.

Есть и другое, что имеет личный характер, о чем бы я хотел поговорить с вами, если можно. Вы ранее сказали кое-что о ненависти. Я осознаю, что я завистлив. И хотя я позволяю, чтобы меня время от времени исследовали, поскольку большинство из нас, психоаналитиков, так делает, и мне было не избежать этого. Я почти стыжусь признавать это, но зависть есть во мне, от мелкой ревности до ее более сложных форм, и я, кажется, не способен избавиться от нее».

Действительно ли ум способен быть свободным от зависти, не в небольших количествах, а полностью? Если нет полной свободы от нее, прямо через целое ваше бытие, зависть продолжает повторять себя в различных формах, в разные времена.

«Да, я это понимаю. Зависть должна быть полностью устранена из ума, как злокачественная опухоль должна быть полностью удалена, иначе она снова будет расти. Но

как?»

«Как» — это другая форма зависти, не так ли? Когда кто-то просит метод, он хочет избавиться от зависти для того, чтобы быть кем-то еще, и зависть все еще работает.

«Это был естественный вопрос, но я вижу то, что вы подразумеваете. Этот аспект вопроса никогда прежде не приходил мне в голову».

Мы всегда, кажется, попадаем в эту западню, и навсегда после того, как мы поймались в нее. Мы всегда пытаемся освободиться от зависти. Попытка быть свободным порождает метод, и поэтому ум никогда не свободен ни от зависти, и от метода. Исследование возможности полной свободы от зависти — это одно, а поиск метода помочь себе быть свободным — это другое. Ища метод, вы неизменно находите его, неважно, простой ли он или сложный. Тогда все исследование возможности полной свободы прекращается, и вы увязли в методе, практике, дисциплине. Таким образом, зависть продолжается и тонко поддерживается.

«Да, как вы это заметили, я понимаю, что это совершенно верно. В действительности вы спрашиваете меня, по-настоящему ли я заинтересован в полной свободе от зависти. Знаете, сэр, я обнаружил, что зависть стимулирует время от времени, в ней есть некоторое удовольствие. Хочу ли я быть свободным полностью от всей зависти, от удовольствия и болезненного беспокойства из-за нее? Я признаю, что никогда прежде не задавал себе этот вопрос, и при этом меня не спрашивали об этом другие. Моя первая реакция такая: я не знаю, хочу ли я или нет. Возможно, что то, что мне действительно хотелось бы, — это удержать стимулирующую часть зависти и избавиться от остального. Но, очевидно, невозможно сохранить только желаемые ее части, и нужно принять все содержимое зависти или освободиться от нее полностью. Я начинаю понимать значение вашего вопроса. Побуждение быть свободным от зависти есть во мне, и все же я хочу удержаться за некоторые части ее. Мы, люди, конечно, иррациональны и противоречивы! Это потребует дальнейшего анализа, сэр, и надеюсь, что вы будете иметь терпение дойти до его конца. Вижу, что к этому примешивается и страх. Если бы мной не двигала зависть, которая прикрыта профессиональными словами и требованиями, должно было бы понижение. Я мог бы не быть настолько успешным, выдающимся и так материально обеспеченным. Есть едва уловимый страх потери всего этого, страх ненадежности и другие опасения, в которые не стоит сейчас вдаваться. Этот основной страх, конечно, гораздо сильнее, чем побуждение быть свободным даже от неприятных аспектов зависти, не говоря уже о том, чтобы быть полностью свободным от нее. Я теперь вижу, насколько запутана эта проблема, и я совсем не уверен, что хочу быть свободным от зависти».

Пока ум мыслит понятиями «больше», зависть обязательно будет. Пока будет сравнение, хотя через сравнение мы считаем, что понимаем, зависть будет непременно. Пока существует цель, результат, который должен быть достигнут, обязательно будет зависть. Пока происходит процесс прибавления, который является самосовершенствованием, культивированием добродетели и так далее, обязательно будет зависть. «Больше» подразумевает время, верно? Это подразумевает время, чтобы изменить то, что вы есть, на то, чем вы должны быть, на идеал. Время выступает как средство получения, прибытия, достижения.

«Конечно. Чтобы преодолеть расстояние, передвинуться от одного пункта до другого, либо в физическом, либо в психологическом отношении, время необходимо».

Время как движение отсюда туда — это физический, хронологический факт, но необходимо ли время, чтобы освободиться от зависти? Мы говорим: «Я есть это, и чтобы стать тем или изменить это качество в то, потребуется время». Но является ли время фактором изменения? Или же всякое изменение в пределах области времени это никакое не изменение вообще?

«Вот здесь я немного путаюсь. Вы утверждаете, что изменение в пределах времени не является изменением вообще. Как это?»

Такое изменение — это видоизмененное продолжение того, что было, так?

«Позвольте мне понять, понимаю ли я это. Чтобы изменять факт, что есть зависть, на идеал, который является независтью, необходимо время, по крайней мере, так мы думаем. Такое постепенное изменение через время, вы говорите, вообще не является изменением, а просто дальнейшим барахтаньем в зависти. Да, я понимаю это».

Пока ум мыслит понятиями изменения через время, откладывает революцию на будущее, нет никакого преобразования в настоящем. Это факт, не так ли?

«Хорошо, сэр, мы оба понимаем это как факт. И что тогда?»

Как реагирует ум, когда он сопоставлен с этим фактом?

«Или же он убегает от факта или останавливается и смотрит на него».

Которая из них является вашей реакцией?

«Боюсь, что обе. Есть побуждение убежать от факта, и в то же самое время я хочу исследовать его».

Вы можете исследовать что-либо, когда есть страх этого? Вы можете наблюдать факт, о котором вы имеете мнение, суждение?

«Я вижу то, что вы имеете в виду. Я не наблюдаю факт, а оцениваю его. Мой ум проецирует свои идеи и страхи по поводу его. Да, правильно».

Другими словами, ваш ум занят собой и поэтому просто неспособен осознавать этот факт. Вы воздействуете на факт и не позволяете факту воздействовать на ваш ум. Тот факт, что изменение в пределах области времени не является вообще никаким изменением, что может быть только полная, а не частичная, постепенная свобода от зависти, сама суть этого факта будет воздействовать на ум, освобождая его.

«Я действительно думаю, что суть всего этого освобождает путь через мои преграды».

Тщеславие из-за знаний

Их было четверо, которые пели, и это был чистый звук. Они были тихие, пожилые люди, не заинтересованные мирскими делами, но не путем отречения, их просто не тянуло к миру. В старых, но чистых одеждах и с торжественными лицами, их едва можно было бы заметить, пройди они мимо вас на улице. Но в тот миг, когда они начинали петь, их лица преображались и становились сияющими, не имеющими возраста, и они создавали с помощью звука слов и мощной интонации ту необыкновенную атмосферу древнего языка. Они были и словами, и звуком, и значением. Звук слов имел большую глубину. Это не была глубина струнных инструментов или барабана, а глубина человеческого голоса, осознающего значение слов, ставших святыми из-за времени и использования. Песнопение было на языке, который был отполирован и стал совершенным, и его звучание заполнило большую комнату и проникало через стены, сад в умы и сердца. Оно не было звучанием певца на сцене, но была тишина, которая существует между двумя движениями звука. Вы чувствовали, как ваше тело неудержимо покалебалось от звучания слов, что отзывалось в глубине души. Вы сидели, замерев, и это удерживало вас в своем движении, оно жило, танцевало, вибрировало, и ваш ум принадлежал этому. Это не было таким звучанием, которое убаюкивало вас, а было тем, которое встряхивало вас и почти травмировало. Это была глубина и красота чистого тона, равнодушного к аплодисментам, известности и к миру. Это был тон, из которого появляется всякий звук, всякая музыка.

Мальчик трех лет или около того сидел впереди без движения, его спина была прямой, а его глаза закрытыми, но он не спал. После часа присутствия он быстро вставал и уходил без неловкого стеснения. Он был наравне со всеми, так как звук слов был и в его сердце.

Вы никогда не утомлялись в течение тех двух часов, вам не хотелось шевелиться, и мир, со всем его шумом не существовал. Через какое-то время песнопение остановилось и звучание окончилось. Но оно продолжалось внутри вас, и это продолжится в течение многих дней. Четверо поклонились и помахали рукой, и стали снова обыкновенными людьми. Они сказали, что практиковали такую форму песнопения в течение более десяти лет, и для этого требовалось большое терпение и посвящение этому жизни. Это было умирающее искусство, так как вряд ли бы в настоящее время нашелся желающий посвятить жизнь такому виду пения. Оно не приносило никаких денег, никакой известности, и кто хотел попасть в такой мир? Они были восхищены, сказали они, петь перед людьми, которые действительно оценили их усилие. Затем они пошли своей дорогой, бедные и потерянные, в мире шума, жестокости и жадности. Но река слушала и была тихой.

Он был известным ученым и пришел с некоторыми из своих друзей и одним или двумя учениками. У него была большая голова, а его маленькие глазки глядели через толстые очки. Он знал санскрит, как другие знают свои собственные языки, и говорил на нем так же легко. Еще он знал греческий и английский языки. Он был также ознакомлен с главными восточными философиями и отклонениями от их различных ответвлений, как вы со сложением и вычитанием. И также он изучил западных философов, как древних, так и современных. Строгий в своей самодисциплине, он проводил дни в молчании и голодании, и занимался, сказал он, различными формами медитации. Для всего этого он был весьма молодым человеком, вероятно, где-то за сорок, просто одетым и нетерпеливым. Его друзья и ученики сидели вокруг него и ждали с тем набожным предвкушением, которое устраняет всякое сомнение. Они были все из того мира ученых, которые обладают энциклопедическими знаниями, имеют видения и

психические опыты и уверены в их собственном понимании. Они не принимали участия в разговоре, а слушали или, скорее, слышали то, что происходило. Позже они обсудят это между собой, но теперь они должны поддержать благоговейное молчание в присутствии более высокого авторитета. Прошел период молчания, и вот он начал. В нем не было никакого высокомерия или гордости из-за знаний.

«Я пришел как любознательный человек, а не для того, чтобы щеголять своими знаниями. Что я знаю помимо того, что я прочитал и испытал? Учиться — это великое достоинство, но быть довольным тем, что вы знаете, глупо. Я пришел не в духе спора, хотя спор необходим, когда возникает сомнение. Я пришел, чтобы искать, а не опровергать. Как я сказал, я много лет занимался медитацией, не только индусскими и буддийскими ее формами, но и западными тоже. Я говорю это, чтобы вы могли узнать, до какой степени я стремился найти то, что возносит ум».

Может ли ум, который практикует систему, когда-либо обнаружить то, что вне ума? Разве ум, который удерживает «я» в рамках собственной дисциплины, способен к поиску? Не должна ли быть свобода для того, чтобы обнаруживать?

«Конечно, чтобы искать и наблюдать, должна быть определенная дисциплина, должна иметься регулярная практика некоторого метода, если надо найти и понять то, что найдете».

Сэр, все мы ищем выход из наших страданий и испытаний. Но поиск заканчивается, когда начинается метод, посредством которого мы надеемся положить конец печали. Только в понимании печали есть ее окончание, а не в практике метода.

«Но как может быть окончание печали, если ум не управляем как следует, не целенаправлен и не целеустремлен? Вы хотите сказать, что дисциплина не нужна для понимания?»

Разве есть понимание, когда через дисциплину, через различные методы ум формируется согласно желанию? Не должен ли ум быть свободным, чтобы произошло понимание?

«Свобода, конечно, приходит в конце пути, в начале же вы — раб желания и ему сопутствующего. Чтобы освободить себя от привязанности к чувственным удовольствиям, должна быть дисциплина, практика различных садхан. Иначе ум уступает желанию и будет пойман в его сети. Если основание справедливости не положено как следует, дом развалится».

Свобода есть в начале, а не в конце. Понимание жадности, целостного ее содержания: природы, начения и последствий, как радостных, так и болезненных, должно произойти в начале. Тогда нет никакой необходимости уму строить стену из сопротивления, держать себя в строгости по отношению к жадности. Когда все количество того, что неизбежно ведет к страданию и смятению, воспринято, дисциплина против этого не имеет никакого значения. Если тот, кто сейчас тратит много времени и энергии в практике дисциплины, со всеми ее конфликтами, отдаст те же самые мысли и внимание пониманию полного значения печали, печаль полностью пройдет. Но мы в ловушке традиции сопротивления и дисциплины, так что нет понимания печали.

«Я слушаю, но не понимаю».

А можно ли услышать, пока ум цепляется за умозаключения, основанные на его предположениях и опытах? Конечно, можно слышать только тогда, когда ум не переводит то, что он слышит, в понятия того, что он знает. Знание предотвращает слышание. Можно много знать, но чтобы слушать что-то, что может полностью отличаться от того, что вы знаете, нужно отложить знание. Разве это не так, сэр?

«Тогда, как можно сказать, является ли то, о чем говорится, истинным или ложным?»

Истинное и ложное не основано на мнении или суждении, пусть даже мудром и старом.

Чтобы воспринимать истинное в ложном и ложное в том, что считают истинным, и понимать истину как истину, потребуется ум, который не удерживается в его собственных условностях. Как можно увидеть, истинно ли утверждение или ложно, если ум полон предубеждений, находится в рамках его собственных или чужих умозаключений и опытов? Что является важным для такого ума, так это осознать его собственные ограничения.

«Как же уму, который запутан в сетях, им самим созданных, распутать себя?»

Этот вопрос отражает поиск нового метода, или он задан, чтобы самому обнаружить целостное значение поиска и практики метода? В конце концов, когда кто-то практикует метод, дисциплину, намерение состоит в том, чтобы достичь результата, получать некоторые качества, и таким образом, вместо мирских вещей, этот кто-то надеется получить так называемые духовные качества. Но выгода — это цель в обоих случаях. Нет никакого различия, кроме как в словах, между человеком, который медитирует и занимается дисциплиной для того, чтобы достигнуть другого берега, и человеком, который усердно трудится для того, чтобы удовлетворить свою мирскую амбицию. Оба честолюбивы, оба жадны и озабочены собой.

«Пусть это будет фактом, сэр, но как избавиться от зависти, амбиций, жадности и прочего?»

Опять же, если можно заметить, «как», метод, который, как кажется, дает свободу, только обрывает исследование проблемы и сковывает ее понимание. Чтобы полностью уловить значение проблемы, надо целиком рассмотреть вопрос усилия. Мелочный ум, предпринимающий усилие не быть мелочным, остается мелочным, жадный ум, дисциплинирующий себя быть щедрым, все-таки является жадным. Усилие быть или не быть кем-то — это продление «я». Это усилие может отождествлять себя с Атманом, душой, живым богом и так далее, но его ядро — это все еще жадность, амбиция, что есть «я», со всеми ее сознательными и неосознанными признаками.

«Тогда вы придерживаетесь мнения, что всякое усилие достичь цели, мирской или духовной, является, по существу, одинаковым, в нем эгоизм — это его основа, и такое усилие только поддерживает эго».

А разве это не так? Ум, который практикует добродетель, прекращает быть добродетельным. Смирение не может быть искусственно возвращено, когда это так, это больше не смирение.

«Это ясно и по сути. Теперь, так как вы не можете защищать леность, что является природой истинного усилия?»

Когда мы осознаем полное значение усилия, со всеми его значениями, есть ли тогда вообще какое-нибудь усилие, о котором мы осознаем?

«Вы заметили, что любое становление, активное или пассивное, является увековечиванием этого „я“, что является результатом отождествления с желанием и объектами желания. Когда один раз этот факт понят, вы спрашиваете, имеется ли тогда какое-то усилие, как мы знаем его теперь? Я могу почувствовать возможность состояния бытия, в котором всякое такое усилие прекратилось».

Просто почувствовать возможность того состояния не означает понять общее значение усилия в каждодневном существовании. Пока есть наблюдатель, который пробует изменить, получить выгоду или избавиться от того, что он наблюдает, обязательно будет усилие. Так как, в конце концов, усилие — это противоречие между тем, что есть, и тем, что должно быть, идеалом. Когда этот факт понят не просто на словах или разумом, а глубоко, тогда ум вступил в то состояние бытия, в котором нет ни одного усилия, какое мы знаем.

«Испытывать то состояние — это жгучее желание каждого ищущего, включая меня самого».

Его нельзя отыскать, оно приходит незванно. Желание этого заставляет ум накапливать

знания и практиковать дисциплину как средство получения его, что опять же означает соответствовать образцу, чтобы быть успешным. Знание — это препятствие к переживанию того состояния.

«Как знание может быть препятствием?» — спросил он довольно потрясенным голосом.

Проблема знания сложна, не так ли? Знание — это движение прошлого. Знать — означает утверждать то, что было. Тот, кто утверждает, что он знает, прекращает понимать действительность. В конце концов, сэр, что является тем, что мы знаем?

«Я знаю некоторые научные и этические факты. Без такого знания цивилизованный мир возвратился бы к дикости, и, надеюсь, вы не защищаете это. Кроме этих фактов, что я знаю? Я знаю, что есть бесконечно сострадательное, Высшее».

Это не факт, это психологическое предположение со стороны ума, которого вынудили определенные условности поверить в существование Высшего. Тот, кто оказался под влиянием других условностей, будет утверждать, что Высшего нет. Оба зависимы от традиций и знаний, так что ни один истину этого не обнаружит. Снова, что является тем, что мы знаем? Мы знаем только то, что мы читали или испытали, чему нас учили древние учителя и современными гуру и вещатели.

«И снова я вынужден согласиться с вами. Мы — это продукты прошлого в соединении с настоящим. Настоящее формируется согласно прошлому».

А будущее — это видоизмененное продолжение настоящего. Но это не вопрос согласия, сэр. Или вы видите факт или нет. Когда факт замечен обоими из нас, согласие ненужно. Согласие существует только там, где есть мнения.

«Вы говорите, сэр, что мы знаем только то, чему нас учили, что мы являемся просто повторением того, что было, что наши опыты, виденья и стремления — это отклики нами созданных условностей и ничего больше. Но это полностью так? Является ли Атман нашим творением? Может это быть всего лишь проекцией наших собственных желаний и надежд? Это не изобретение, а потребность».

То, что является необходимым, вскоре вылепляется умом, и затем ум учат принимать то, что он вылепил. Умы целого народа могут быть обучены принимать данную веру или ее противоположность, и оба — это результат потребности, надежды, страха, желания комфорта или власти.

«Самим вашим рассуждением вы вынуждаете меня понять некоторые факты, ни один из которых не относится к моему собственному состоянию смятения. Но остается вопрос, что должен делать ум, который пойман в запутывающие его сети?»

Пусть он просто, не оценивая, осознает факт, что он запутался, так как любое действие, рожденное из того смятения, может только привести к дальнейшему смятению. Сэр, не должен ли ум умирать по отношению к всему знанию, если уму нужно обнаружить суть Высшего?

«То, о чем вы просите, очень трудно. Могу ли я умереть по отношению ко всему, что я изучил, прочитал, пережил? Я на самом деле не знаю».

Но действительно ли это не необходимо уму спонтанно, без какого-либо повода или принуждения — умереть по отношению к прошлому? Ум, который является результатом времени, ум, который читал, учился, который медитировал над тем, чему его учили, и сам по себе являющийся продолжением прошлого, как такой ум может переживать действительность, бесконечное, вечно новое? Как он вообще когда-либо может постичь неизвестное? Естественно, что знать, быть уверенным — это путь тщеславия и высокомерия. Пока вы знаете, нет смерти, а лишь продолжение, а то, что имеет продолжение, никогда не сможет быть в том состоянии творчества, которое является бесконечным. Когда прошлое прекращает продолжаться, есть реальность. Тогда нет никакой нужды отыскивать ее.

Одной частью себя ум знает, что нет никакого постоянства, никакого уголка, в котором он может передохнуть, но другой частью он вечно дисциплинирует себя, стремясь открыто или тайно установить местонахождение уверенности, постоянства, взаимоотношений без спора. Таким образом существует бесконечное противоречие, борьба, чтобы быть и в то же самое время не быть, и мы проводим наши дни в конфликте и печали, как узники в пределах стен наших собственных умов. Стены могут быть разрушены, но знание и умения — это не инструменты для этой свободы.

«Для чего вся эта жизнь?»

Солнце пробивалось на грубую, покрытую галькой дорогу, и в тени большого мангового дерева было приятно. Люди из деревень шли вдоль дороги, неся на своих головах большие корзины, нагруженные овощами, фруктами и другим продовольствием для города. Главным образом это были женщины, идущие босиком, с непринужденностью болтая и смеясь, а их темные лица были открыты для солнца. Они, бывало, ставили свои ноши на край дороги и отдыхали в прохладной тени мангового дерева, сидя на земле и не слишком много разговаривая. Корзины были довольно тяжелы, и теперь каждая женщина поможет другой поставить ее корзину на голову, а последняя справлялась сама, почти становясь на колени на землю. Тогда они отправятся в путь, с постоянным темпом и необычайным изяществом движения, которое пришло из-за многих лет тяжелого труда. Это не было тем, чему учатся по выбору, это возникло из-за определенной потребности. Среди них была маленькая девочка, не больше десяти лет или около того, и у нее на голове была также корзина, хотя намного меньше, чем у других. Она все время улыбалась, играла и не смотрела прямо вперед, как делали старшие женщины, а постоянно оборачивалась, чтобы посмотреть, следовал ли я за ними, и мы улыбались друг другу. Она также была босая и тоже была на долгом пути жизни.

Это была прекрасная местность, богатая и очаровывающая. Тут были манговые рощи и холмистая местность, а вода, которая все еще бежала в узких, песчаных руслах, создавала приятный шум, когда пробегала по земле. Пальмы казались возвышающимися над манго, которые были в цветах и преследуемые жужжанием диких пчел. Старые индийские смоковницы также росли по обеим сторонам дороги, которая была теперь оживлена движением ленивых волов запряженных в телеги и болтающими людьми, которые шли от одной деревни к другой по какому-нибудь пустяковому делу. Они не спешили и собирались на беседу о событиях, во всякой глубокой тени, попадающейся на их пути. Немногие имели что-нибудь на своих тощих, натоптанных ногах, и еще меньше из них имели велосипеды. Время от времени они съедали несколько орехов или какие-нибудь жареные зерна. Их окружала атмосфера нежной доброты, и они очевидно не заразились инфекцией города. На этой дороге царил миротворение, хотя иногда проносился мимо случайный грузовик, возможно, везущий мешки с древесным углем, так ужасно уложенные, что некоторые, казалось, вот-вот свалятся в любой момент. Но они никогда не падали. Автобус, набитый людьми, приезжал мимо, сигнализируя угрожающе своим рожком. Но он тоже вскоре скрылся, оставляя дорогу сельским жителям и коричневым обезьянам старым и молодым, которых были дюжины. Когда грузовик или автобус проезжали с грохотом, малыши цеплялись за своих матерей. Они держались, пока все снова не стихало, и затем бросались в разные стороны по дороге, но никогда очень далеко не отходили от матерей. На их больших головах поблескивали любопытством глаза, они чесывая себя и наблюдая за другими. Наполовину взрослые обезьяны бегали всюду, гоняясь друг за другом через дороги и по деревьям, всегда избегая старших, но также не забредая слишком далеко от них. В стае был очень большой самец, старый, но активный, который сидел спокойно около дороги, присматривая за всем происходящим. Другие держались от него подальше, но когда он поднялся и пошел, все неторопливо последовали за ним, убегая и рассыпаясь в стороны, но всегда двигаясь в том же общем направлении. Это была дорога тысячи происшествий.

Это был молодой человек, пришедший в сопровождении двух мужчин примерно такого же возраста. Довольно нервный, с большим лбом и длинными, беспокойными руками, он объяснил, что был всего лишь клерком с небольшим жалованьем и бесперспективным будущим. Даже при том, что он довольно хорошо сдал экзамены в колледже, он нашел только эту работу и то с

большим трудом и был доволен, что она у него есть. Он еще не был женат, и не знал, женится ли вообще когда-либо, так как жизнь была трудна, и чтобы содержать семью, нужны были деньги. Однако, он был доволен тем немногим, что зарабатывал, поскольку он и его мать могли жить на это и покупать необходимые для жизни вещи. В любом случае, пришел не из-за этого, добавил он, а совсем по другой причине. Оба его товарищи, один из них был женат, имели проблему, как у него, и он убедил их прийти с ним. Они также окончили колледж и, как он, занимали незначительные должности в офисах. Они были все опрятны, серьезны и несколько веселы, с яркими глазами и выразительными улыбками.

«Мы пришли, чтобы задать вам очень простой вопрос, надеясь на простой ответ. Хотя мы учились в колледже, но еще не совсем подготовлены к глубокому рассуждению и обширному анализу. Но мы будем внимательно слушать то, что вы будете говорить нам. Видите ли, сэр, мы не знаем, зачем вся эта жизнь. Мы неохотно работали то здесь, то там, принадлежа политическим партиям, присоединяясь к социальным творцам благих дел, посещая трудовые встречи и прочую часть этого всего. И так получается, что мы все страстно любим музыку. Мы побывали в храмах и погружались в священные писания, но не слишком глубоко. Я осмеливаюсь рассказывать вам все это просто, чтобы дать вам некоторую информацию о нас самих. Мы собираемся втроем фактически каждый вечер, чтобы поговорить о проблемах, и вопрос, который мы бы хотели вам задать, такой: в чем смысл жизни, и как мы можем его найти?»

Почему вы задаете этот вопрос? И если кто-то сообщит вам, каков смысл жизни, вы бы приняли его и руководствовались бы им в вашей жизни?

«Мы задаем этот вопрос, — объяснил женатый, — потому что мы в растерянности; мы не знаем, зачем весь этот беспорядок и страдания. Мы хотели бы обсудить это с кем-то, кто не так растерян как мы, кто не высокомерен и не властный, кто-то, кто будет говорить с нами обычно, а не снисходительно, как если бы они знали все, а мы были бы неосведомленными школьниками, которые ничего не знают. Мы слышали, что вы не такой, и поэтому пришли, чтобы спросить вас, зачем вся эта жизнь».

«И не только это, сэр, — добавил первый. — Мы также хотим вести плодотворную жизнь, жизнь с определенным значением. Но в то же самое время, мы не хотим стать сторонниками какого-то учения или принадлежать какому-то специфическому учению. Некоторые из наших друзей принадлежат различным группам религиозных и политических пустословов, но у нас нет ни малейшего желания присоединиться к ним. Политически озабоченные обычно стремятся к власти для себя во имя государства. А что касается религиозно озабоченных, они главным образом легковерны и с предрасудками. Поэтому мы здесь, и я не знаю, сможете ли вы нам помочь».

Опять же, если бы нашелся какой-нибудь дурак, который бы вам сказал, что является смыслом жизни, вы бы приняли это, если, конечно, это было разумно, утешающе и более или менее удовлетворительно?

«Наверное, приняли бы», — сказал первый.

«Я бы захотел удостовериться, что это истинно, а не только лишь некоторая умная выдумка», — вставил один из его товарищей.

«Я сомневаюсь, что мы способны на такую проницательность», — добавил другой.

В этом-то все и дело, не так ли? Вы все признали, что вы довольно запутались. Теперь вы думаете, что запутанный ум сможет выяснить, какова цель жизни?

«Почему нет, сэр? — спросил первый. — Мы в растерянности, не отрицаю это, но если сквозь наше смятение мы не сможем почувствовать, в чем смысл жизни, тогда не на что надеяться».

Как бы много он ни искал и ни нащупывал, запутанный ум может только найти то, что

будет дальше запутывать, это так?

«Я не понимаю, к чему вы пришли», — сказал женатый.

Мы не пытаемся прийти к чему-то. Мы переходим шаг за шагом, и первое, что надо выяснить, это, конечно, то, может ли ум или нет когда-либо думать ясно, пока он запутан.

«Ясно, что не может — быстро ответил первый. — Если я запутался, что фактически и есть, я не могу мыслить ясно. Ясное мышление подразумевает отсутствие смятения. Поскольку я в смятении, мое мышление не ясное. И что тогда?»

Факт в том, что независимо от того, что ищет и находит запутанный ум, обязательно тоже будет запутанным. Его лидеры гуру, цели, отразятся в его замешательстве. Не так ли?

«Это трудно осознать», — сказал женатый.

Трудно осознать из-за нашего тщеславия. Мы считаем, что мы умны, настолько способны к решению человеческих проблем. Большинство из нас боятся подтвердить самим себе факт, что мы запутаны, поскольку тогда нам пришлось бы признать нашу собственную совершенную неспособность решать проблемы, наше поражение, что будет означать или отчаяние, или смирение. Отчаяние ведет к озлобленности, к цинизму и к гротескным философиям. Но когда возникает истинное смирение, тогда мы можем действительно начинать искать и понимать.

«Я полностью понимаю суть того, что вы говорите», — ответил один.

Разве это также не является фактом, что выбор указывает на смятение?

«Не понимаю, как это может быть, — сказал второй, — мы должны выбрать, без выбора, нет свободы».

Когда вы выбираете? Только из-за замешательства, когда вы не совсем «уверенны». Когда есть ясность, нет выбора.

«Совершенно верно, сэр, — вмешался женатый. — Когда вы любите и хотите жениться на человеке, не примешивается никакой выбор. Только когда нет любви, вы присматриваетесь вокруг. В некотором смысле, любовь — это ясность, не так ли?»

Это зависит от того, что мы подразумеваем под любовью. Если «любовь» подстраховывается страхом, ревностью, привязанностью, тогда это не любовь, и нет никакой ясности. Но пока мы говорим не о любви.

Когда ум находится в состоянии замешательства, его поиск смысла жизни и его выбор смыслов не имеет никакого значения, не так ли?

«Что вы подразумеваете под „выбором смыслов?“

Когда все вы пришли сюда, спрашивая, в чем смысл жизни, вы искали смысл, цель, разве не так? Вероятно, вы и другим задавали тот же самый вопрос, но их ответы, должно быть, были неудовлетворительными, и поэтому вы пришли сюда. Вы выбирали, а, как мы заметили, выбор рожден замешательством. Будучи в растерянности, вы хотели быть уверенными, а ум, который стремится быть уверенным, когда он запутан, только поддерживает замешательство, не так ли? Уверенность, добавленная ко внутреннему замешательству, только усиливает замешательство.

«Это ясно, — ответил первый. — Я начинаю понимать, что запутанный ум может только находить запутанные ответы на запутанные проблемы. А тогда что?»

Давайте в это вникать медленно. Наши умы запутаны, и это факт. Тогда наши умы также мелочны, поверхностны и ограничены, это еще один факт, не так ли?

«Но мы не совсем мелочны, в нас есть часть, которая не мелочна, — утверждал женатый. — Если мы сможем найти способ выйти за пределы этой поверхностности, то сможем покончить с ней».

Это утешающая надежда, но фактически так ли это? Вы имеете традиционное понятие, что существует сущность — Атман, душа, духовная субстанция — над всей этой поверхностностью, сущность, которая может проникать и проникает через нее. Но когда мелочный ум думает, что

есть его часть, которая не является мелочной, это только поддерживает его мелочность. В утверждении, что существует Атман, высшее «я» и тому подобное, запутанный, несведущий ум все еще удерживается в оковах его собственной запутанной мысли, которая является основанной главным образом на традиции, на том, чему учили другие.

«Тогда, что нам делать?»

Разве этот вопрос не слишком преждевременный? Возможно, не будет никакой необходимости предпринимать какое-то особое действие. В самом процессе понимания проблемы полностью, может произойти иной вид действия в целом.

«Вы имеете в виду, что действие, которое будет предпринято, покажет себя, когда мы будем продвигаться в нашем понимании жизни, — объяснил женатый. — Теперь, что мы подразумеваем под жизнью?»

Жизнь — это красота, печаль, радость и смятение; она — это дерево, птица и свет луны на воде, это работа, боль и надежда; она — это смерть и стремление к бессмертию, вера и отрицание Наивысшего, она есть доброта, ненависть и зависть; она — это жадность и амбиции, она — любовь и ее отсутствие; она — изобретательность и власть эксплуатации машин, она — это неуловимый экстаз; она — это ум, медитирующий, и медитация. Она — это все. Но как нашим мелочным умам подойти к жизни? Вот это важно, а не описание того, что есть жизнь. Все вопросы и ответы зависят от нашего подхода к жизни.

«Я вижу, что этот беспорядок, который я называю жизнью, есть результат моего ума, — сказал первый. — Я принадлежу ему, и он принадлежит мне. Могу я отделить себя от жизни и спросить самого себя, как я подхожу к ней?»

Вы фактически уже отделили себя от жизни, разве нет? Вы не говорите: «Я — вся жизнь» и остаетесь спокойным.

Вы хотите изменить и улучшить ее, вы хотите отклонять и удерживать. Вы наблюдатель, продолжаетесь как неподвижный, постоянный центр в этом обширном движении, и поэтому вы пойманы в конфликте, в печали. А теперь, вы, который отделен, как вы подходите к целому? Как вы подходите к этой необъятности, к красоте земли и небес?

«Я подхожу к ней, какой я есть, — ответил женатый человек, — с моей мелочностью, прося о бесполезных ответах».

То, чего мы просим, мы и получаем. Наши жизни мелочны, посредственны, почти пусты и привязаны к рутине. И боги тривиального ума так же глупы и тупы, как и их создатели. Живем ли мы во дворце или в деревне, являемся ли мы клерками в офисе или занимаем могущественные посты, факт в том, что наши умы являются мелочными, узкими, честолюбивыми, завистливыми. И это с такими-то умами мы хотим выяснить, есть ли Бог, что такое истина, каким бывает идеальное правительство, и ищем ответы на другие неисчислимы вопросы, которые возникают.

«Что же мы можем сделать?»

Умрите по отношению ко всему нашему существованию, не постепенно, а полностью! Именно мелочный ум пытается бороться, имеет идеалы и системы, постоянно улучшает себя, культивируя добродетели. Добродетель прекращает быть добродетельной, когда ее культивируют.

«Я могу понять, что мы должны умереть по отношению к прошлому, — сказал первый, — но если я умру по отношению к прошлому, что будет тогда?»

Вы говорите сейчас так, что вы умрете по отношению к прошлому только, когда вам гарантируют удовлетворяющую замену того, от чего вы отказались. Это не отказ, это всего лишь еще одна выгода. Мелочный ум, желая знать, что там после того, как умираешь, найдет свой

собственный мелочный ответ. Вы должны умереть по отношению ко всему известному для того, чтобы возникло неизвестное.

«Я задал тот вопрос из-за неосмотрительности. Я действительно понимаю, сэр, о чем вы говорили, и это не вежливое или просто словесное заявление. Я думаю, что каждый из нас глубоко почувствовал суть всего этого, и это чувство важно. Из-за этого чувства, может, и произойдет действие. Можно нам снова прийти?»

Без доброты и любви у вас нет настоящего образования

Сидя на поднятой платформе, он играл на семиструнном инструменте для маленькой аудитории из людей, которым был знаком этот вид классической музыки. Они сидели на полу перед ним, в то время как позади него играли на другом инструменте, только с четырьмя струнами. Это был молодой мужчина, но абсолютный мастер семи струн и сложной музыки. Он импровизировал перед каждой песней, а потом звучала песня, в которой было больше импровизации. Вы никогда не услышите песню, сыгранную дважды таким же образом. Слова были сохранены, но в пределах определенной композиции имелась большая широта, и музыкант мог импровизировать, что его душе было угодно. И чем больше вариаций и комбинаций, тем величественнее музыкант. Словам невозможно было слетать со струн, но все, кто сидел там, знали слова, и они вошли в экстаз из-за них. С кивающими головами и изящно жестикулирующими руками они проводили чудесное время, и в конце ритмичной мелодии будет нежный удар по бедру. Музыкант закрыл глаза и был полностью поглощен в своей творческой свободе и красоте звучания. Его ум и его пальцы были в совершенной координации. И какие это были пальцы! Тонкие и быстрые, они, казалось, вели их собственную жизнь. Они успокоятся только в конце песни с той особой композицией, и тогда они будут тихими и покоящимися в отдыхе. Но с невероятной скоростью они начнут другую песню в пределах иной композиции. Они почти гипнотизировали вас своим изяществом и стремительностью движения. А те струны, какие мелодичные звуки они выдавали! Они нажимались пальцами левой руки с надлежащей напряженностью, в то время как пальцы правой руки перебирали их с мастерской непринужденностью и управлением.

Снаружи луна была яркая, а темные тени были неподвижны. Через окно река была едва видима, — поток серебра на фоне темных, тихих деревьев на другом берегу. Странно было двигаться по пространству, которое является умом. Он наблюдал изящные движения пальцев, слушал приятные звуки, наблюдал за ритмично кивающими головами и руками молчавших людей. Внезапно наблюдающий и слушающий исчезли. Его не убаюкали до временного бездействия мелодичные струны, а он полностью отсутствовал. Имелось только обширное пространство, которое является умом. Все, что есть на земле и в человеке, были в нем, но они были где-то на крайних внешних границах, туманные и далекие. В пределах пространства, где не было ничего, происходило движение, и движение было неподвижностью. Это было глубокое, обширное движение, без направления, без повода, которое начиналось от внешних границ и с невероятной силой прибывало к центру, — центру, который всюду в пределах неподвижности, в пределах действия, которое есть пространство. Этот центр — полное уединение, нетронутое, непостижимое, одиночество, которое не есть изоляция, которое не имеет никакого конца и никакого начала. Это завершено само по себе, а не кем-то, внешние границы находятся в нем, но не принадлежат ему. Оно там, но не в пределах возможностей человеческого ума. Оно целое, общность, но недоступное.

Их было четверо, все мальчики примерно одного и того же возраста, от шестнадцати до восемнадцати лет. Довольно застенчивые, они нуждались в уговорах, но, однажды начав, они едва могли остановиться, и их нетерпеливые вопросы возникали, спотыкаясь друг о друга. Вы могли понять, что они поговорили обо всем этом заранее между собой и подготовили письменные вопросы. Но после первого или второго вопроса они забыли то, что написали, и их

слова свободно лились из их собственных мыслей. Хотя их родители не процветали, они были чисты и опрятны в своей одежде.

«Сэр, когда вы говорили с нами, студентами, два или три дня назад, — начал тот, кто стоял поближе, — вы сказали кое-что относительно того, как необходимо правильное образование, если мы должны быть способными выстоять перед жизнью. Мне хотелось бы, чтобы вы снова объяснили нам, что вы подразумеваете под правильным образованием. Мы говорили об этом сами, но мы не совсем понимаем это».

Какое образование вы все сейчас имеете?

«Ну, мы учимся в колледже, и нам преподают обычные вещи, которые необходимы для данной профессии, — ответил он. — Я собираюсь быть инженером. Мои друзья там изучают физику, литературу и экономику. Мы берем предписанные курсы и читаем предписанные нам книги, и, когда у нас есть время, мы читаем роман. За исключением игр, мы проводим большинство времени на наших занятиях».

Вы думаете, что этого достаточно, чтобы быть правильно образованным для жизни?

«Судя по тому, что вы сказали, сэр, этого недостаточно, — ответил второй. — Но это все, что мы получаем, и обычно мы считаем, что нас обучают».

Просто чтобы научиться читать и писать, чтобы натренировать память и сдать определенные экзамены, приобрести некоторые умения или навыки с целью получить работу — вот это образование?

«Разве все это не необходимо?»

Да, готовить правильные средства к существованию необходимо. Но это не вся жизнь. Есть также секс, амбиции, зависть, патриотизм, насилие, война, любовь, смерть, Бог, взаимоотношения с людьми, которые являются обществом, и так много других вещей. Вас учат тому, чтобы встретиться с обширным мероприятием, называемым жизнью?

«Кто будет нас так обучать? — спросил третий. — Наши преподаватели и профессора кажутся такими безразличными. Некоторые из них умны и начитаны, но ни один из них и задумывается по этому поводу. Нас проталкивают, и будем считать себя счастливыми, если мы получим наши степени. Все становится настолько трудным».

«Кроме наших сексуальных страстей, которые являются довольно определенными, — сказал первый, — мы не знаем ничего о жизни. Все остальное кажется настолько неопределенным и далеким. Мы слышим, как наши родители ворчат по поводу нехватки денег, и мы понимаем, что они увязли в каких-то колеях на всю оставшуюся часть их дней. Поэтому кто может учить нас жизни?»

Никто не сможет научить вас, но вы можете научиться. Есть огромное различие между изучением самим и когда вас учат. Изучение происходит через всю жизнь, тогда как обучение вас закончится через несколько часов или лет. И затем, в течение оставшейся части вашей жизни вы повторяете то, что вам преподавали. То, что вам преподавали, вскоре превращается в мертвый пепел, и после этого жизнь, которая является живым существом, становится полем битвы тщетных усилий. Вы брошены в жизнь без принужденности или медлительности для того, чтобы понять ее. Прежде, чем вы что-то узнаете о жизни, вы уже прямо в ее середине, женаты, привязаны к работе, с обществом, безжалостно требующим от вас. Каждого нужно учить жизни с раннего детства и дальше, а не в последний момент. Когда вы уже выросли, это слишком поздно.

Вы знаете, какая жизнь? Она простирается от момента, когда вы рождаетесь, до того момента, когда вы умираете, и, возможно, дальше. Жизнь обширна, сложна и целостна, она подобна дому, в котором все случается сразу. Вы любите и вы ненавидите, вы жадны, завистливы, и в то же самое время вы чувствуете, что не должны быть таким. Вы честолюбивы, и

есть либо расстройство, либо успех, следуя за беспокойством, страхом, и безжалостность, и рано или поздно там приходит чувство тщетности всего этого. К тому же есть ужасы и зверство войны, и мир через террор. Существует национализм, суверенитет, который поддерживает войну. В конце дороги жизни ждет смерть, или где-нибудь по ее пути. Есть стремление к Богу, с его противоречивыми верованиями и ссорами между организованными религиями. Идет борьба, чтобы заполучить и удержать работу, есть женитьба, дети, болезнь, и господство общества и государства. Жизнь — это все и намного больше, и вас бросают в эту кутерьму. Обычно вы погружаетесь в нее, несчастный и потерянный. И если вы выживите, карабкаясь к вершине кучи, вы — все еще частичка кутерьмы. И это то, что мы называем жизнью: постоянная борьба и горечь, в которую иногда бросают немного радости. Кто научит вас всему этому? Или, скорее, как вы собираетесь научиться этому? Даже если у вас есть способности и талант, вы затравлены амбицией, желанием известности с ее расстройствами и печалью. Все это — жизнь, не так ли? И все, помимо этого — это также жизнь.

«К счастью, мы еще только очень немного знаем о всей этой борьбе, — продолжал первый, — но то, что вы нам сообщаете об этом — это уже в потенциале. Я хочу быть известным инженером, я хочу победить всех, поэтому я должен упорно трудиться и знакомиться с нужными людьми. Я должен планировать, рассчитывать на будущее. Я должен идти своим путем через жизнь».

Это как раз именно то. Каждый говорит, что должен идти своим путем через жизнь, каждый старается для себя, неважно, во имя ли бизнеса, религии или страны. Вы хотите стать известным, этого же хочет ваш сосед и его сосед. И так с каждым, от самих высокопоставленных до самых низших на земле. Таким образом мы строим общество, основанное на амбиции, зависти и жадности, в котором каждый человек враг другому. И вам дают «образование», чтобы приспособиться к этому распадающемуся обществу, вписываться в его порочную структуру.

«Но что нам делать? — спросил второй. — Мне кажется, что мы должны соответствовать обществу или нас уничтожат. Есть ли выход из этого, сэр?»

В настоящее время вы получаете так называемое образование, чтобы вписаться в это общество. Ваши способности развиваются, чтобы позволить вам зарабатывать на жизнь в пределах структуры. Ваши родители, ваши педагоги, ваше правительство — все заинтересованы в вашей эффективности и финансовой безопасности, ведь так?

«Я не знаю, как насчет правительства, сэр, — вмешался четвертый, — но наши родители тратят с трудом заработанные деньги, чтобы позволить нам иметь диплом колледжа, так чтобы мы могли зарабатывать себе на жизнь. Они любят нас».

Неужели? Давайте посмотрим. Правительство хочет, чтобы вы были эффективными бюрократами, чтобы управлять государством, хорошими работниками промышленности, чтобы поддержать экономику, и способными солдатами, чтобы убивать «врага», так?

«Думаю, что да. Но наши родители более добры, они думают о нашем благосостоянии и хотят, чтобы мы были хорошими гражданами».

Да, они хотят, чтобы вы были «хорошими гражданами», что означает быть уважаемыми и амбициозными, постоянно алчущими и вовлеченными в ту социально принятую жестокость, которая называется конкуренцией, так чтобы и вы, и они могли быть в безопасности. Вот то, что составляет так называемого хорошего гражданина, но действительно ли это хорошо или что-то очень злое? Вы говорите, что ваши родители любят вас, но так ли это? Я не циничен. Любовь — это необычайная вещь, без нее жизнь бесплодна. Вы можете иметь много имущества и занимать место во власти, но без красоты и величия любви жизнь вскоре становится страданием и замешательством. Любовь подразумевает верно, что тем, кого любят, дают абсолютную свободу, чтобы вырасти в их полноте, быть чем-то большим, чем просто социальные механизмы. Любовь

не заставляет открыто или через скрытую угрозу обязанностей и ответственности. Где присутствует какая-либо форма принуждения или применения власти, там нет любви.

«Я не думаю, что это именно та любовь, о которой мой друг говорил, — сказал третий. — Наши родители любят нас, но не так. Я знаю мальчика, который хочет быть художником, но его отец хочет, чтобы он был бизнесменом и угрожает, что выгонит его, если тот не выполнит свой долг».

То, что родители называют долгом, это не любовь, это форма принуждения, и общество поддержит родителей, потому что то, что они делают, очень почитается. Родители стремятся, чтобы мальчик нашел надежную работу и зарабатывал бы деньги. Но с таким огромным населением существуют тысячи кандидатов на каждую работу, и родители думают, что мальчик никогда не сможет зарабатывать средства к существованию с помощью живописи, потому-то они заставляют его преодолеть то, что они расценивают как его дурацкую прихоть. Они считают, что ему необходимо соответствовать обществу, чтобы быть уважаемым и в безопасности. Это называется любовью. Но любовь ли это? Или же это страх, прикрытый словом «любовь»?

«Когда вы объясняете это таким образом, я и не знаю, что сказать», — ответил третий.

Имеется ли какой-то другой способ объяснить это? То, что только было сказано, возможно, неприятно, но это факт. Так называемое образование, которое вы сейчас получаете, очевидно, не помогает вам встречать эти обширные жизненные сложности. Вы приходите к этому неподготовленными и поглощаетесь им.

«Но кто должен обучить нас понимать жизнь? У нас нет таких преподавателей, сэр».

Педагога тоже нужно учить. Люди постарше говорят, что вы, подрастающее поколение, должны создать иной мир, но они вовсе не это имеют в виду. Напротив, с большой вдумчивостью и заботой они приступают к вашему «образованию», чтобы приспособить вас к старому образцу с некоторыми видоизменениями. Хотя они могут говорить совершенно по-разному, учителя и родители, поддержанные правительством и обществом в целом, присматривают за тем, как вас обучают, чтобы соответствовать традиции, принимать амбицию и зависть как естественный способ жизни. Они несколько не заинтересованы в новом образе жизни, и именно поэтому сам педагог получает неправильное образование. Старшее поколение породило этот мир войны, этот мир антагонизма и разделения между человеком, а новое поколение усердно ступает по его шагам.

«Но мы хотим быть правильно образованными, сэр, что нам делать?»

Прежде всего, уясните один простой факт: что ни правительство, ни ваши нынешние преподаватели, ни ваши родители не заботятся о том, чтобы обучать вас правильно. Если бы они хотели, мир был бы совсем другим, и не было бы никаких войн. Итак, если вы хотите получить правильное образование, вам придется самим приступить к этому, и когда вы вырастаете, тогда вы будете присматривать, чтобы ваши собственные дети получали правильное образование.

«Но как можем мы сами себя правильно обучать? Нам нужен кто-то, кто будет учить нас».

Вы имеете в виду преподавателей, чтобы консультировать вас в математике, в литературе и прочем, но образование — это что-то более глубокое и более широкое, чем просто сбор информации. Образование — это развитие ума таким образом, что действие не будет эгоцентричным. Это то, как на протяжении всей жизни учиться разрушать стены, которые строит ум, чтобы быть в безопасности, и из-за которых возникает страх со всеми его осложнениями. Чтобы получить настоящее образование, вы должны учиться усердно и не быть ленивыми. Будьте хорошими игроками и не побеждайте других, а развлекайте себя. Ешьте хорошую пищу и поддерживайте физическое здоровье. Позвольте уму быть внимательным и способным справляться с проблемами жизни не как индус, коммунист или христианин, а как

человек. Чтобы получить настоящее образование, вы должны понять себя, вы должны продолжать узнавать о себе. Когда вы прекращаете узнавать, то жизнь становится ужасной и печальной. Без доброты и любви у вас нет настоящего образования.

Ненависть и насилие

Было довольно рано, солнце еще не появится в течение часа или около того. Южный Крест был очень ясно виден и удивительно красив над пальмовыми деревьями. Все было очень тихим, деревья были неподвижны и темны, и даже маленькие существа на земле были тихими. Над спящим миром царила чистота и благословение.

Дорога вела через группу пальм, мимо большого водоема, и дальше, туда, где начались дома. Каждый дом имел сад, некоторые ухоженные, а другие заброшенные. В воздухе стоял аромат жасмина, и роса делала аромат более насыщенным. В домах пока не загорались огни, и звезды были все еще хорошо видимыми, но на востоке неба возникало пробуждение. Велосипедист зевая проехал мимо, не повернув голову. Кто-то завел автомобиль и прогрел его, — стоял нетерпеливый гул. За этими домами дорога шла мимо рисового поля и сворачивала налево, к распростертому городу.

От дороги ответвлялась тропа и шла около воды. Пальмы по ее берегам были отражены на тихой, ясной воде, и большая белая птица была уже в работе, пробуя поймать рыбу. На той дорожке пока еще никого не было, но скоро здесь будетлюдно, поскольку она использовалась местными жителями как кратчайший путь к главной дороге. За водным путем стоял одинокий дом с большим деревом в довольно хорошем саду. Рассвет теперь полностью наступил, и утренняя звезда была едва видна над деревом, но ночь все еще сдерживала день. Какая-то женщина сидела на циновке под деревом, настраивая струнный инструмент, который опирался на ее колени. Через время она запела что-то на санскрите, это было что-то глубоко религиозное, и как только слова заполнили утренний воздух, вся атмосфера этого места, казалось, изменилась, зарядившись удивительной полнотой и значением. Затем она начала петь песню, которую пели только в тот утренний час. Это было великолепно. Она не знала, что кто-то слушал ее, и это не потревожило ее, потому что она была полностью поглощена в пении. У нее был хороший, чистый голос, и она наслаждалась серьезным и грустным исполнением. Струнный инструмент едва можно было слышать, но ее голос чистый и сильный доносился через воду. Слова и звучание заполнили все ваше существо, и возникала радость великой чистоты.

Он пришел с несколькими друзьями, но некоторые были, очевидно, его последователями. Крупный мужчина, очень темный и мощного телосложения, казался энергичным, и, должно быть, физически очень активен. Он недавно искупался, а его одежда была безупречно чиста. Когда он говорил, его губы, казалось, занимали место на всем его лице. Некая внутренняя ярость, вероятно, снесла его, большую голову с густыми волосами держал высокомерно с презрением и властностью. Его улыбка была натянутой, и можно было определить, что он смеялся очень мало. Его взгляд, прямой и откровенный, указывал на абсолютную веру во все, что он говорил. В нем было что-то удивительно мощное.

«Надеюсь, что вы извините меня, если я сразу же перейду к теме разговора. Мне не нравится ходить вокруг да около, я предпочитаю начать прямо с сути. Я с большой группой людей, которые хотят уничтожить браминскую традицию и поставить Брамина на место. Он безжалостно нас эксплуатировал, а теперь наша очередь. Он управлял нами, заставляя чувствовать нас глупыми, более низкими и подвластными его богам. Мы собираемся сжечь его богов. Мы не хотим, чтобы его слова оскверняли наш язык, который намного старше его языка. Мы планируем вывести его из любого значимого положения, и мы сделаем себя более умными и хитрыми, чем он. Он лишил нас образования, но мы расквітаемся».

Сэр, к чему эта ненависть к другим людям? Разве вы не эксплуатируете? Вы не подавляете других людей? Вы не мешаете другим получить правильное образование? Разве вы не коварно

заставляете других принять ваших богов и ваши ценности? Ненависть одинакова, существует ли она в вас или в так называемом Браминне.

«Мне кажется, вы не понимаете. Людей можно подавлять только в течение некоторого отрезка времени. Наступило время растоптанных. Мы собираемся восстать и свергнуть правление Брамина. Мы организованы, и мы будем усердно работать, чтобы это произошло. Мы больше не хотим ни богов, ни священников их. Мы хотим быть с ними наравне или быть выше их».

Не стоит ли более глубокомысленно обговорить проблему человеческих взаимоотношений? Настолько легко разглагольствовать ни о чем, хвататься за лозунги, гипнотизировать себя и других лицемерием. Мы — люди, сэр, хотя мы можем называть себя разными именами. Эта земля наша, это не земля брамина, русского или американца. Мы терзаем себя этими глупыми делениями. Брамин не более коррумпирован, чем любой другой человек, который стремится к власти и положению. Его боги не более ложны, чем те, которые есть у вас и у других. Отвергать одно изображение и ставить на его место другое кажется так крайне бессмысленным, неважно, создано ли изображение рукой или умом.

«Все это может быть так в теории, но в повседневной жизни нам приходится сталкиваться с фактами. Брамины эксплуатировали других людей в течение столетий, они вырастали умными и хитрыми и теперь удерживают все ключевые посты. Мы вышли, чтобы отобрать у них их положение, и мы весьма успешно делаем это».

Вы не можете забрать у них сообразительность, и они продолжают использовать ее для собственных целей.

«Но мы обучимся, сделаемся более умными, чем они. Мы будем побеждать их в их собственной игре, и затем мы создадим лучший мир».

Мир не делают лучше через ненависть и зависть. Разве вы не стремитесь скорее к власти и положению, чем к тому, чтобы создать мир, в котором не будет никакой ненависти, жадности и насилия?

Именно это желание власти и положения развращает человека, будь он Брамин, не брамин или горячий реформатор. Если одна группа, которая является амбициозной, завистливой, хитростно жестокой, заменена другой с той же самой тенденцией мышления, конечно же, это ведет в никуда.

«Вы имеете дело с идеологиями, а мы с фактами».

Так ли это, сэр? Что вы подразумеваете под фактом?

«В повседневной жизни факт — это наши конфликты и наше голодание, что является важным для нас, это получить наши права, защищать наши интересы и присматривать, чтобы будущее для наших детей было надежным. Для этой цели мы хотим взять власть в наши собственные руки. Вот это факты».

Вы хотите сказать, что ненависть и зависть — это не факты?

«Возможно, факты, но нас это не волнует».

Он посмотрел вокруг, чтобы увидеть, что думали другие, но они все с уважением молчали. Они также защищали свои интересы.

Разве ненависть не руководит курсом внешнего действия? Ненависть может только породить дальнейшую ненависть, а общество, основанное на ненависти, на зависти, общество, в котором есть конкурирующие группы, защищающие свои собственные интересы, такое общество будет всегда воевать как внутри себя, так и с другими обществами. Из того, что вы сказали, все, что вы получили, — это перспектива, что ваша группа может оказаться на вершине и таким образом занять положение, чтобы эксплуатировать, угнетать, причинять вред, как это делала другая группа в прошлом. Это кажется настолько глупым, не так ли?

«Я признаю, что это так. Но нам надо принимать вещи такими, какие они есть».

В некотором смысле, да. Но нам не надо продолжать все так, как есть. Обязательно должно быть изменение, но не в пределах тех же самых рамок ненависти и насилия. Разве вы не чувствуете, что это истина?

«Возможно вызвать изменение без ненависти и насилия?»

Опять же, происходит ли изменение вообще, если используемые средства похожи на те, которые использовались для построения существующего общества?

«Другими словами, вы говорите, что насилие может только создать по сути жестокое общество, каким бы новым мы его не считали. Да, я могу это понять». И снова он оглянулся на своих друзей.

Разве вы не говорили, что для того, чтобы построить хороший социальный порядок, необходимы правильные средства? А отличаются ли средства от цели? Не содержится ли цель в средствах?

«Это уже сложнее. Я понимаю, что ненависть и жестокость могут только породить общество, которое является по сути жестоким и угнетающим. Это совсем ясно. Теперь вы говорите, что должны использоваться правильные средства, чтобы создать правильное общество. Какие они, правильные средства?»

Правильные средства — это действие, которое не является результатом ненависти, властности, амбиции и страха. Цель не отдалена от средств, цель — это и есть средства.

«Но как нам преодолеть ненависть и зависть? Эти чувства объединяют нас против общего врага. В жестокости есть определенная доля удовольствия, она приносит результаты, и от нее не так легко избавиться».

Почему не легко? Когда вы внутри себя почувствуете, что жестокость приводит только к большему вреду, трудно ли избавиться от жестокости? Когда, пусть даже внешне радостное, что-то причиняет вам глубокую боль, разве вы не избавляетесь от этого?

«На физическом уровне это сравнительно легко, но трудно по отношению ко внутренним вещам».

Это трудно только, когда удовольствие перевешивает боль. Если ненависть и жестокость приносят вам удовольствие, даже при том, что они творят непередаваемый вред и страдание, вы продолжите жить с ними. Но будьте честны тогда и не говорите, что вы создаете новое социальное устройство, улучшенный жизненный путь, так как все это ерунда. Тот, кто ненавидит, кто алчен, кто стремится к власти или авторитетному положению, не настоящий Брамин, поскольку истинный Брамин вне социального порядка, который основан на всех этих вещах. И если вы, с вашей стороны, не свободны от зависти, от антагонизма и от желания власти, то не отличаетесь от нынешнего Брамина, хотя вы можете называть себя другим именем.

«Сэр, я сам удивлен, что даже слушаю вас. Час назад я был бы в ужасе, даже подумав, что мог бы слушать такой разговор. Но я слушал и не стыжусь этого. Я вижу теперь, как легко нас уводят в сторону собственные слова и наши еще более отвратительные побуждения. Давайте надеяться, что все будет по-другому».

Развитие чувствительности

Было очень раннее утро, когда самолет взлетел. Пассажиры были все укрыты, поскольку было весьма холодно, и будет еще холоднее, когда мы наберем высоту. Человек на соседнем месте говорил сквозь рев двигателей, что эти люди Востока были выдающиеся, логично мыслящие и имели за плечами культуру многих столетий. Но каково было их будущее? С другой стороны, западные народы, отнюдь не выдающиеся, за исключением немногих, были очень активны и так много производили. Они были трудолюбивы, как муравьи. Почему все они создавали так много суеты и убивали друг друга из-за религиозных и политических различий и раздела земли? Какие они дураки! История не научила их ничему. Он благодарил Бога, что был ученым и не был вовлечен во все это. Человек, который был теперь у власти, оказался простым политическим деятелем, а не великим государственным деятелем, как надеялись. Но таков был удел мира. Было удивительно, как столетия назад одна маленькая группа превратила Запад в цивилизацию, а другая прогрессивно распространилась на всем протяжении Востока, придавая новое, более глубокое значение жизни. Но куда все это теперь подевалось? Человек стал недалеким, несчастным, потерянным.

«В конце концов, когда ум зависит от авторитета, он сжимается, что именно и случилось с умами ученых, — добавил он с улыбкой. — Когда философия связана с традицией, она прекращает быть творческой, имеющей значение. Большинство ученых живет в их собственном мире, мире, в который они убегают, и их умы так же высушены, как прошлогодние фрукты, высушенные на летнем солнце. Но жизнь такая, верно? Полная бесконечных обещаний и заканчивающаяся в страданиях и расстройстве. Все равно, жизнь ума имеет его собственную награду».

До этого небо было ярко-голубого, нежного цвета, но сейчас набегали тучи, темные и отяжелевшие из-за дождя. Мы летели между верхним и нижним слоем облаков. Там, где находились мы, было ясно, но солнца не было, было только пространство, в котором вообще не было облаков. Тяжелые капли дождя падали на серебряные крылья верхнего слоя. Было холодно, и нас трясло, но мы скоро будем приземляться. Мужчина на соседнем месте заснул, его рот шевелился, а руки нервно подергивались. Через несколько минут предстояла длительная поездка из аэропорта через лес и зеленые поля.

Она была учительницей, довольно молодой и полной энтузиазма, как и двое других, которые пришли с нею.

«Мы все получили дипломы колледжа, — начала она, — и нас обучали как преподавателей, что может быть частично отрицательно повлияло на нас, — добавила она с улыбкой. — Мы преподаем в школе от младшего до юношеского возраста, и мы бы хотели поговорить с вами о некоторых проблемах юношеского периода, когда появляются сексуальные желания. Конечно же, мы обо всем этом читали, но чтение — это не совсем то, что беседа. Мы все замужем и, оглядываясь назад, понимаем, насколько было бы лучше, если бы кто-то поговорил с нами о сексуальных вопросах и помог нам понять этот трудный подростковый период. Но мы пришли не для того, чтобы говорить о нас, хотя у нас также есть проблемы. Да у кого их нет?»

«Большой частью, — добавила вторая, — дети подходят к трудному периоду совершенно неприготовленными, им оказывается очень мало помощи или понимания. Хотя они могут знать кое-что об этом, они охвачены сексуальными желаниями. Мы хотим помочь нашим ученикам в этой проблеме, понимать это, а не становиться фактически рабами этого. Ну, а что касается кино, рекламных картинок и сексуально провоцирующих обложек журналов, то даже взрослым

трудно думать об этом откровенно. Я не ханжа, но проблема существует, и нужно быть способным понимать и иметь дело с этим на практике».

«Вот именно, — сказала третья, — мы хотим быть практичными, что бы это не означало, но мы все еще немного знаем об этом. Сейчас доступны фильмы, рассказывающие о сексе и показывающие от начала до конца как рождаются дети, и все прочее. Но это такая колоссальная тема, что едва осмеливаешься касаться ее. Мы хотим преподавать детям то, что они должны знать о сексе, не пробуждая болезненное любопытство и не усиливая уже и без того сильные чувства до поощрения их делать эксперименты. Это своего рода натянутая веревка, по которой нужно пройти. А от родителей, конечно, за некоторым исключением, немного помощи, они напуганы и беспокоятся о том, чтобы их уважали. Так что это не только проблема юности, она включает родителей и целую социальную окружающую среду, и мы также не можем пренебрегать этим аспектом. К тому же, существует проблема правонарушения несовершеннолетних».

Не находятся ли все эти проблемы во взаимосвязи? Нет изолированной проблемы, и никакая проблема не может быть решена отдельно, не так ли? Так что же за проблема, о которой вы хотите поговорить?

«Проблема, требующая немедленного решения, — как помочь ребенку понять, что это период подросткового возраста, и все же не сделать что-нибудь, что могло бы поощрить его выйти за пределы в его взаимоотношениях с противоположным полом».

Как вы сейчас справляетесь с проблемой?

«Мы мямлим и запинаемся, мы неопределенно говорим о том, что надо управлять эмоциями, контролируя желания, и конечно же, всегда имеются примеры, достойные герои, — сказала первая учительница. — Мы убеждаем их в важности следования за идеалами, в том, что надо вести непорочную жизнь со сдержанностью, в повиновении общественному порядку, ну и всему такому. На некоторых детей это оказывает успокаивающее воздействие, другие же вообще никак не воспринимают, а немногие — пугаются. Но, страх, наверное, вскоре проходит».

«Мы говорим о процессе размножения, приводя примеры из природы, — добавила вторая, — но в целом мы консервативны и осторожны».

Тогда в чем проблема?

«Как сказала моя подруга, проблема в том, как помочь ученику справиться с сексуальным желанием, когда он достигает юности, и не быть сбитым с толку».

Разве сексуальное желание возникает только когда мальчик или девочка достигают юности, или же оно существует более простым, более свободным образом через все годы, которые предшествуют юности? Не нужно ли ребенку помогать понять это с самого, по возможности, раннего возраста, а не только в определенный, более поздний период его развития?

«Я думаю, что вы правы, — сказала третья. — Сексуальное побуждение несомненно проявляет себя различными способами в намного более раннем возрасте, но у большинства из нас нет времени или желания, чтобы рассмотреть это задолго до того, как ребенок достигает юности, когда проблема имеет тенденцию становиться острой».

Если достигать юности, не получив правильного образования, тогда, вероятно, сексуальное побуждение получает подавляющую важность и становится почти не поддающимся контролю.

«Что значить быть, правильно образованным,?»

Правильное образование происходит через развитие чувствительности, и чувствительность надо развивать не только в особый период взросления, называемый юностью, но через всю жизнь, верно?

«К чему этот акцент на чувствительности?» — спросила первая.

Быть чувствительной означает чувствовать любовь, осознавать уродство, красоту. И разве не

развитие этой части чувствительности является частью той проблемы, о которой вы говорите?

«Я об этом прежде не думала, но теперь, когда вы это заметили, я вижу, что они взаимосвязаны».

Быть правильно образованным не значит просто выучить историю или физику. Это также значит быть чувствительным ко всему на земле: к животным, деревьям, ручьям, небу и другим людям. Но мы пренебрегаем всем этим или изучаем это как часть программы, как что-то, что надо заучить и запомнить для использования, когда подвернется случай. Даже если у кого-то есть эта чувствительность в детстве, обычно она разрушается из-за шума так называемой цивилизации. Окружающая среда скоро вынуждает ребенка втиснуться в рамки общепринятого, удобного. Мягкость, любование, чувство прекрасного, чувствительность к уродству — все это потеряно, но, конечно, все еще остается физиологическое побуждение.

«Это правда, — согласилась третья. — Мы, кажется, действительно пренебрегаем той стороной жизни, не так ли? И мы оправдываем себя, говоря, что у нас нет времени для этого, мы имеем учебный план, о котором надо думать, и это все!»

Разве развитие чувствительности, по крайней мере, не так же важно, как книги и дипломы? Но мы поклоняемся успеху и мы пренебрегаем чувствительностью, которая уничтожает стремление к успеху.

«Разве успех в жизни не необходим?»

Настойчивое преследование успеха порождает нечувствительность, оно поощряет жестокость и эгоцентричную деятельность. Как амбициозный человек может быть чувствителен к другим людям или к земным существам? Они существуют только для его удовлетворения и использования при его подъеме к вершине. А эта чувствительность существенно важна, иначе у вас будут проблемы сексуального характера.

«Как бы вы развивали чувствительность в молодежи?»

«Развитие» является неудачным словом, но так как мы его использовали, мы будем продолжать делать это. Чувствительность — это не что-то, что можно практиковать, не имеет смысла просто заставлять молодежь наблюдать за природой или читать поэзию и все прочее. Но если сами вы чувствительны к красивому и уродливому, если в вас присутствует чувство доброты, любви, разве вы не считаете, что сумеете помочь вашим ученикам развить любование, быть внимательными и так далее? Понимаете, мы или душим, или пренебрегаем всем этим, в то время как манит любая форма стимулирующего отвлечения внимания, так что проблема становится все более и более сложной.

«Я понимаю, что то, о чем вы говорите, истинно, но не думаю, что вы полностью оцениваете нашу трудность. Мы имеем классы из тридцати или сорока мальчиков и девочек, и мы не можем говорить со всеми индивидуально, как бы нам этого ни хотелось. Кроме того, преподавать большому количеству одновременно — это очень утомительно, и мы изматываемся и имеем тенденцию терять даже ту чувствительность, которую имеем».

Так что вы должны сделать? Забота, нежность, привязанность — вот что является необходимым, если необходимо понять сексуальные желания. Конечно, прочувствовав проблемы, поговорив о них, обращая на них внимание различными способами, чувствительность накапливается преподавателем, и ее значимость передается ребенку, а когда этот ребенок становится юношей или девушкой, тогда он будет способен встретиться с сексуальными побуждениями с более широким и глубоким пониманием. Но чтобы внедрить правильный вид образования для детей, которые затем будут формировать общество, вам также придется обучать их родителей.

«Проблема сложна и по-настоящему громадна, и что мы втроем сможем сделать в этом беспорядке? Что может сделать индивидуум?»

Что-либо вообще мы можем делать только как индивидуумы. Всегда было так, что индивидуум, здесь и там, действительно воздействовал на общество и вызывал большие изменения в мышлении и действии. Чтобы быть по-настоящему революционером, нужно выйти из рамок общества, рамок жадности, зависти и так далее. Любая реформа в пределах этих рамок породит в конце только больше беспорядка и страдания. Преступления несовершеннолетних — это всего лишь восстание в пределах рамок, и функция педагога это, конечно, помочь молодежи выйти из рамок, что значит освободиться от жадности и от стремления к власти.

«Я понимаю, что от нас всех мало толку, если мы не прочувствуем это все. И это одна из наших главных трудностей: мы все настолько разумны, что наши чувства стали парализованными. Только когда мы сильно чувствуем, мы действительно можем что-то сделать».

«Почему я не обладаю глубокой проницательностью?»

Дождь шел непрерывно в течение недели, земля была пропитана водой, и большие лужи стояли на всем протяжении дорожки. Уровень воды в колодцах повысился, и лягушки проводили прекрасное время, неустанно квакая всю ночь напролет. Переполненная река подвергала опасности мост, но дожди были долгожданными, даже при том, что они причиняли огромный ущерб. Теперь, однако, медленно прояснялось, виднелись куски синего неба над головой, и утреннее солнце рассеивало облака. Пройдут месяцы, прежде чем листья недавно омытых деревьев снова покроются мелкой, красной пылью. Голубизна неба была такой яркой, что заставляла вас останавливаться и удивляться. Воздух был очищен, и за одну короткую неделю земля внезапно стала зеленой. В том утреннем свете на земле царило умиротворение.

Единственный попугай взгромоздился на усохшую ветку близлежащего дерева. Он не чистил перья, а сидел очень спокойно, но взгляд его глаз был внимательным. Попугай был нежно-зеленого цвета, с блестящим красным клювом и длинным хвостом бледно-зеленого цвета. Вам хотелось прикоснуться к нему, почувствовать его цвет, но если бы вы пошевелились, он бы улетел. Хотя он совершенно замер, застывший зеленый огонек, вы могли чувствовать, что он был совсем живой, и, казалось, он придавал жизненность сухой ветке, на которой сидел. Он был удивительно красив, от этого захватывало дыхание, вы едва осмеливались отвести от него глаза, пока он, как вспышка, не улетел бы. Вы видели дюжины попугаев, перемещающихся в сумасшедшем полете, рассаживающиеся на проводах, разлетающиеся по полям молодой, зеленой кукурузы. Но единственная птица казалась центром всей жизни, красоты и совершенства. Это было всего лишь яркое пятно зеленого цвета на темной ветке на фоне голубого неба. В вашем уме не было ни слов, ни мыслей. Вы даже не осознавали, что вы не думали. Яркость этого момента вызвала слезы на глазах и заставила вас моргать, и это моргание могло спугнуть птицу! Но она осталась там, недвижимая, такая гладкая, стройная, и каждое перышко было на своем месте. Должно быть прошло лишь несколько минут, но те несколько минут охватили день, год и все время. В тех нескольких минутах была вся жизнь, без начала и без конца. Это не то переживание, которое нужно хранить в памяти, не мертвое событие, которое нужно сохранить живым с помощью мысли, которая тоже умирает, это полностью живое, и поэтому не может быть найдено среди мертвого.

Кто-то позвал из дома за садом, и сухая ветка мгновенно опустела.

Их было трое: одна женщина и двое мужчин, и все были весьма молоды, вероятно, немного за тридцать. Недавно искупавшись и одевшись, они пришли рано, и, очевидно, не относились к тем, у кого водились деньги. Их лица сияли осмыслением, а глаза их были ясны и просты, без того уклончивого взгляда, который возникает, когда много учишь. Женщина оказалась сестрой старшего из них, а другой мужчина был ее мужем. Мы уселись на циновке с красной каемкой по краям. Движение транспорта создавало ужасный шум, поэтому одно окно пришлось закрыть, а открыть другое с видом на уединенный сад, в котором стояло широко раскинувшееся дерево. Они были немного застенчивы, но вскоре заговорили свободно.

«Хотя наши семьи зажиточные, все трое из нас захотели вести очень простую жизнь, без претензий, — начал брат. — Мы живем около маленькой деревни, немного читаем и предаемся медитации. У нас нет желания быть богатыми, и мы имеем столько средств, только чтобы прожить. Я немного знаю санскрит, но смущаюсь цитировать Священные писания. Мой зять более прилежен чем я, но мы оба слишком молоды, чтобы быть многознающими. Само по себе знание имеет очень маленькое значение, оно полезно только в том, что может вести нас,

удерживать на прямой дороге».

Сомневаюсь, что знание полезно. Не может ли оно быть помехой?

«Как может быть знание когда-либо помехой? — спросил он довольно тревожно. — Однозначно, знание всегда полезно».

Полезно каким образом?

«Полезно в обнаружении Бога, в ведении праведной жизни».

Так ли это? Инженер должен обладать знаниями, чтобы строить мост, проектировать машины и так далее. Знание необходимо для тех, кто обеспокоен порядком вещей. Физик должен иметь знания, это часть его образования, часть самого его существования, и без них он не может идти вперед. Но освобождает ли знание ум для того, чтобы обнаруживать? Хотя знания необходимы, чтобы использовать то, что уже было обнаружено, конечно, фактическое состояние открытия свободно от знания.

«Без знания я мог бы сойти с пути, который ведет к Богу».

Почему вы не должны сойти с пути? Разве путь так четко обозначен и цель столь определенная? И что вы подразумеваете под знаниями?

«Под знаниями я подразумеваю все, что испытано, прочитано и чему учили о Боге и о тех вещах, которые нужно делать, добродетели, которые нужно практиковать и так далее, чтобы найти Его. Я, конечно, не имею в виду технические знания».

Имеются ли такие сильные отличия между ими двумя? Инженера учили, как достичь определенных физических результатов с помощью применения знаний, которые человечество накапливало столетия, в то время, как вас учили, как достичь определенных внутренних результатов с помощью контроля над вашими мыслями, культивирования добродетели, выполнения полезных работ и прочего, все это является в одинаковой степени вопросом знания, накопленного столетиями. У инженера свои книги и учителя, а у вас — свои. Вам обоим преподавали технику, и вы оба желаете достичь результата на своем пути. Вы оба гонитесь за результатами. А является ли Бог или истина результатом? Если это так, то они созданы из частей умом, а то, что собрано из частей, может быть разорвано на отдельные части. Итак, есть ли знания, полезные для обнаружения реальности?

«Я не совсем уверен, что их нет, сэр, несмотря на то, что вы сказали, — ответил муж. — Без знания как может быть путь пройденным?»

Если цель статична, если она — мертвая вещь, без движения, тогда к ней может вести один или много путей. Но разве действительность, Бог, или как вы это ни назовете, это установленное место с постоянным адресом?

«Конечно, нет», — сказал нетерпеливо брат.

Тогда как может быть к этому путь? Естественно, к истине нет никакого пути.

«В таком случае, какова функция знаний?» — спросил муж.

Вы являетесь результатом того, чему вас учили, и на этих условностях основаны ваши переживания, а они, в свою очередь, усиливают или видоизменяют ваши условности. Вы похожи на граммофон, проигрывающий, возможно, различные пластинки, но все еще граммофон. И записи, которые вы играете, составлены из того, чему вы научились у других или из ваших собственных опытов. Это так, верно?

«Да, сэр, — ответил брат, — но неужели нет такой части меня, которую не учили?»

А что, есть? Конечно, то, что вы называете Атманом, душой, высшим «я» и так далее, находится все еще в пределах царства того, что вы читали или чему вы научились.

«Ваши утверждения настолько ясны и значащи, что убеждаешься, несмотря ни на что», — сказал брат.

Если вы просто убеждены, то не видите суть этого. Суть — это не вопрос убеждения или

соглашения, вы можете соглашаться или не соглашаться в отношении мнений или умозаключений, но факт не нуждается ни в каком соглашении, это так. Если когда-нибудь вы лично убедитесь, что то, что было сказано, факт, то вы не просто убеждены: ваш ум подвергся фундаментальному преобразованию. Он больше не смотрит на факт через призму убеждения или веры, он подходит к истине или Богу без знания, без всякой граммофонной записи. Граммофонная запись — это «я», эго, тщеславный тот, кто знает, тот, кого учили, кто занимался добродетелью и кто находится в конфликте с фактом.

«Тогда зачем мы боремся, чтобы приобрести знание? — спросил муж. — Разве знание не существенная часть нашего существования?»

Когда есть понимание «я», тогда знание занимает его законное место. Но без этого понимания стремление к самопознанию создает чувство достижения, прихода к чему-нибудь, это столь же захватывающе и радостно, как успех в мире. Можно отказаться от предметов внешнего существования, но в борьбе за приобретение знания самого себя есть ощущение достижения, охотника, поймавшего добычу, что подобно удовлетворению от мирской выгоды. Нет никакого понимания «я», эго через запоминание знания того, что было или что есть. Запоминание искажает восприятие, и невозможно понять «я» в его ежедневных действиях, его быстрых и хитрых реакциях, когда ум отягощен знанием. Пока ум обременен знанием, и сам является результатом знаний, он никогда не сможет быть новым, неискаженным.

«Позвольте мне задать вопрос?» — потребовала леди, довольно нервно. Она спокойно слушала, не решаясь задавать вопросы из уважения к своему мужу. Но теперь, когда двое других замолчали, она заговорила.

«Я хотела бы спросить, если можно, почему это один человек обладает пронизательностью, полным восприятием, в то время как другие видят только различные детали и не способны к восприятию целого. Почему все не могут иметь эту пронизательность, эту способность видеть целое, которую вы, кажется, имеете? Почему это так, что один имеет это, а другой не имеет?»

Вы считаете, что это дар?

«Это так кажется, — ответила она. — Все же, что означало бы, что божественность частична, и тогда для остальной части нас имелся бы очень маленький шанс. Надеюсь, что это не так».

Давайте исследовать это. Теперь, почему вы задаете этот вопрос?

«По простой и очевидной причине, потому что я хочу этого глубокого понимания».

Она позабыла о своей застенчивости в тот момент и жаждала говорить, как и двое других.

Итак, ваше любопытство мотивируется желанием получить кое-что. Получение, достижение или становление кем-то подразумевает процесс накопления и отождествления с тем, что было накоплено. Это верно?

«Да, сэр».

Получение также подразумевает сравнение, не так ли? Вы, которая не имеет той пронизательности, сравнивает себя с тем, кто имеет.

«Это так».

Но всякое такое сравнение — это явно результат зависти. А будет ли пробуждена пронизательность через зависть?

«Нет, думаю, что не может».

Мир полон зависти, амбиций, что можно заметить в вечном преследовании успеха, в отношении ученика к мастеру, а мастера к более высокому мастеру и так далее до бесконечности. Это действительно развивает некоторые способности. Но разве полное восприятие, полное осознание — это такая способность? Основана ли она на зависти,

амбициях? Или она появляется только тогда, когда всякое желание извлекать пользу прекращается? Вы понимаете?

«Не думаю, что да».

Желание извлекать пользу основано на тщеславии, это так?

Она колебалась, и затем медленно сказала: «Теперь, когда вы указываете, что это так, я понимаю, что по сути это так».

Так что именно ваше тщеславие, в общем, заставляет вас задавать этот вопрос.

«Боюсь, что это опять правда».

Другими словами, вы задаете этот вопрос из-за желания иметь успех. А теперь, можно ли задать тот же самый вопрос: «Почему я не обладаю глубокой проницательностью?» без зависти, без того, чтобы делать акцент на «я»?

«Я не знаю».

Может ли вообще быть какое-то исследование, пока ум привязан к мотиву? Пока мысль сосредоточена на зависти, на тщеславии, на желании добиться успеха, можно блуждать далеко и свободно, чтобы по-настоящему исследовать, не должен ли центр прекратиться быть?

«Вы имеете в виду, что зависть или амбиция, которые являются желанием быть или стать кем-то, должны полностью исчезнуть, если мы хотим глубокого понимания?»

Опять же, если позволите заметить, вы хотите обладать той способностью, так что вы приступите к самодисциплине, чтобы приобрести ее. Вы, потенциальный обладатель, а не сама способность. Эта способность возникает только тогда, когда ум не имеет никакого мотива.

«Но ранее вы сказали, сэр, что ум является результатом времени, знания, мотива. И как такой ум может остаться вообще без всякого мотива?»

Задайте тот вопрос самой себе, не просто на словах, поверхностно, но и так же серьезно, как когда голодный человек хочет еды. Когда вы спрашиваете, исследуете, важно выяснить самому причину вашего исследования. Вы можете спрашивать из-за зависти, или же вы можете спрашивать без всякого повода. Состояние ума, который действительно исследует способность полного восприятия, такое, как при полном смирении, полном спокойствии. И само это смирение, это спокойствие является непосредственно той способностью. Это не то, что можно получить.

Реформа, революция и поиск Бога

Река тем утром была серой, подобно литому свинцу. Солнце поднялось из-за спящего леса, большое, с горящим сиянием, но облака прямо над горизонтом вскоре его спрятали, и целый день солнце и облака воевали друг с другом до окончательной победы. Обычно на реке были рыбаки в своих лодках, походивших по форме на гондолы. Но тем утром их не было, и река была одинока. Вздутый труп какого-то крупного животного проплыл мимо, и на нем сидело несколько стервятников, визжа и разрывая плоть. Другим хотелось заполучить их долю, но они были отброшены огромными, махающими крыльями, это продолжалось до тех пор, пока те, кто уже сидел на трупе, не наелись досыта. Вороны, неистово каркая, пробовали втиснуться между большими, более неуклюжими птицами, но у них не было ни малейшего шанса. За исключением этого шума и порхания вокруг трупа, широкая, изгибающаяся река была мирной. Деревня на другом берегу бодрствовала в течение часа или двух. Сельские жители кричали друг другу, и их сильные голоса разносились над рекой. В этих криках было что-то приятное, они были теплыми и дружественными. Голос доносился через реку, раскатываясь в чистом воздухе, и другой отвечал ему откуда-то сверху по течению или с противоположного берега. Ничего, казалось, не нарушало тишину утра, в которой было ощущение великого, прочного умиротворения.

Автомобиль шел по неровной, заброшенной дороге, поднимая облако пыли, которая садилась на деревьях и на немногочисленных сельчанах, которые проделывали путь из грязного, разросшегося города. Школьники тоже пользовались той дорогой, но они, казалось, не возражали против пыли, они были поглощены смехом и игрой. При въезде на главную дорогу автомобиль проехал через город, пересек железную дорогу и скоро снова оказался на открытой местности. Здесь было очень красиво. На зеленых полях и под огромными, старыми деревьями паслись коровы и козы. Поездка через город, с его грязью и нищетой, казалось, забрала красоту земли, но теперь она снова вернулась, и вы были удивлены увидев совершенство земли и земных творений. Верблюды, большие и хорошо откормленные переносили связки с джутом. Они никогда не спешили, сохраняли устойчивую походку, прямо держа свои головы. На вершине каждой связки сидел человек, понукая неуклюжее животное идти вперед. Вы были удивлены когда увидели на дороге двух огромных, медленно покачивающихся слонов, покрытых красной тканью вышитой золотом, а их бивни были украшены серебряными лентами. Их вели на какое-то религиозное мероприятие, и одеты они были как раз для этого случая. Слонов остановили, и состоялся какой-то разговор. Огромная масса возвышалась над вами, но они были добрыми, и вся вражда и гнев улетучивались. Вы гладили их грубую кожу, кончик хобота коснулся вашей ладони, мягко, с любопытством, и отодвинулся. Человек закричал, чтобы заставить их снова идти, и земля, казалось, задвигалась вместе с ними. Мимо прошла тощая, изнуренная лошадь, запряженная в двухколесную повозку. У нее не было верха, и она везла мертвое тело человека, обернутое в белую ткань. Тело было крепко привязано к полу тележки, не имеющей пружин и, когда лошадь неслась по неровной дороге, то извозчика и труп трясло с невероятной силой.

Самолет с севера прибыл, и пассажиры выходили, чтобы сделать получасовой отдых перед новым взлетом. Трое из них были политическими деятелями, и, судя по их виду, были очень важными людьми, — члены кабинета министров. Они спустились по цементной дорожке подобно судну, проходящему через узкий канал, всемогущие и в целом выше общего стада. Другие пассажиры заняли несколько мест позади них. Каждый знал, кем они были, если кто-то не знал, ему рассказывали, и толпа утихла, наблюдая больших людей в их славе. Но земля была

все еще зеленой, лаяла собака, и на горизонте были заснеженные горы. Удивительный для созерцания вид.

Маленькая группа собралась в большой, голой комнате, говорили только четверо из них, и так или иначе эти четверо, казалось, говорила за всех. Это не было заранее спланированное событие, это случилось вполне естественно, и все были очевидно довольны. Один из этих четырех, большой человек с уверенным видом, был склонен к быстрым и легким утверждениям. Второй был не настолько физически большим, но имел острый взгляд и определенную легкость поведения. Двое других были поменьше, и все они, должно быть, были начитаны, и слова легко слетали с их губ. Им было где-то за сорок, и они повидали кое-что в жизни, занимаясь различными вещами, которыми они интересовались.

«Я хочу поговорить о расстройстве, — сказал большой человек. — Это проклятие моего поколения. Все мы, кажется, так или иначе, расстроены, и некоторые из нас становятся ожесточенными и циничными, всегда критикуя других и сгорая от нетерпения сокрушить их. Тысячи были ликвидированы в политических репрессиях, но мы должны помнить, что можем также убивать других словом и жестом. Лично я не циничен, хотя отдал большую часть своей жизни социальной работе и усовершенствованию общества. Подобно многим другим людям, я немного увлекался коммунизмом и ничего в нем не нашел, если это и есть в нем что-то, так это регрессирующее движение, и, конечно, не имеет будущего. Я был в правительстве, и так или иначе это немного для меня значило. Я довольно много читал, но чтение не облегчает душу. И хотя я быстр в споре, мой интеллект говорит одно, а мое сердце — другое. Я воевал годы сам с собой, и казалось, что нет выхода из этого внутреннего конфликта. Я — сгусток противоречий, и внутри я медленно умираю... Я не хотел говорить обо всем этом, но так или иначе я говорю. Почему внутри мы умираем и увядаем? Это происходит не только со мной, но также и с великими земли этой».

Что вы подразумеваете под смертью, увяданием?

«Можно занимать ответственную должность, можно упорно трудиться и добраться до вершины, но внутри оставаться мертвым. Если бы вы сказали так называемым великим среди нас, тем, чьи имена появляются каждый день в газетных сообщениях об их действиях и высказываниях, что они являются, по существу, тупыми и глупыми, они были бы напуганы. Но, как и остальная часть, они также увядают, портятся внутри. Почему? Мы ведем моральную, подобающую жизнь, все же в глазах нет огня. Некоторые из нас показывают это внешне, по крайней мере я не думаю так, и все же наша внутренняя жизнь угасает. Знаем ли мы это или нет, и живем ли мы в министерских зданиях или в голых комнатах преданных рабочих, духовно мы стоим одной ногой в могиле. Почему?»

Может быть это от того, что мы задыхаемся из-за нашего тщеславия, гордости из-за успеха и достижения, всего того, что имеет большую ценность для ума? Когда ум отягощен тем, что он накопил, сердце увядает. Разве это не очень странно, что каждый хочет взобраться по лестнице успеха и признания?

«Мы воспитаны на этом, и я предполагаю, что пока восходишь по лестнице или сидишь наверху, расстройство неизбежно. Но как преодолеть это чувство расстройства?»

Очень просто: не поднимайтесь. Если вы видите лестницу и знаете, куда она ведет, если вы понимаете более глубокие значения и не ставите ногу даже на ее первую ступеньку, вы никогда не будете расстроены.

«Но я не могу просто сидеть, не двигаясь, и деградировать!»

Вы сейчас деградируете, посреди вашей непрерывной деятельности.

Если, подобно самодисциплинированному отшельнику, вы просто будете сидеть, не двигаясь, в это время внутренне сгорая от желаний, от всех страхов из-за амбиции и зависти, вы

продолжите увядать. Разве это не истинно, сэр, этот распад приходит с уважением? Это не означает, что нужно стать неуважаемым. Но вы ведь очень добродетельны, не так ли?

«Я пробую быть таким».

Добродетель общества ведет к смерти. Ощущать добродетельность означает умирать достойно. Внешне и внутренне вы приспосабливаетесь к правилам социальной этики, не так ли?

«Если бы большинство из нас не делало так, рухнула бы целая структура общества. Вы проповедуете моральную анархию?»

Разве? Социальная этика — это простая уважительность. Амбиция, жадность, тщеславие, достижения и признания, зверство власти, положение, убийство во имя идеологии или страны — все это этика общества.

«Тем не менее, наши социальные и религиозные лидеры действительно проповедуют против некоторых из этих вещей, по крайней мере».

Факт — это одно, а проповедование — это другое. Убивать ради идеологии или страны очень достойно, и убийца, генерал, который организует массовое убийство, высоко ценится и награждается. Человек власти занимает важное место на земле. Проповедующий и те, кому проповедуют, находятся в одной лодке, верно?

«Мы все находимся в одной лодке, — вставил второй, — и мы боремся за то, чтобы что-то с этим сделать».

Если вы видите, что лодка имеет много дыр и быстро тонет, разве вы не выпрыгнете?

«Лодка не такая уж плохая. Мы должны починить ее, и каждый должен приложить руку. Если каждый сделает это, лодка останется на плаву на реке жизни».

Вы социальный работник, верно?

«Да, сэр, так, и я имел честь быть близким помощником некоторых из наших самых великих реформаторов. Я полагаю, что реформа, а не революция, является единственным выходом из этого хаоса. Посмотрите, к чему привела русская революция! Нет, сэр, по-настоящему великие люди всегда были реформаторами».

Что вы подразумеваете под реформой?

«Реформировать — значит постепенно улучшать социальные и экономические условия людей благодаря различным программам, которые мы разработали. Это должно уменьшить бедность, избавиться от суеверия, от классовых разногласий и так далее».

Такая реформа всегда происходит в пределах существующих социальных рамок. Наверху может оказаться другая группа людей, может вступить в силу новое законодательство, может произойти национализация некоторых отраслей промышленности и все остальное по части этого. Но все это — всегда в пределах существующей структуры общества. И это то, что называется реформой, не так ли?

«Если вы возражаете против этого, тогда вы можете только защищать революцию. Но все мы знаем, что великая революция после Первой мировой войны с тех самых пор проявила себя как регрессирующее движение, как заметил мой друг, виновная во всяких ужасах и подавлениях. В промышленном отношении коммунисты могут продвигаться, они могут равняться или превосходить другие нации, но не хлебом единым живет человек, и мы, конечно же, не хотим следовать по тому образцу».

Революция в пределах определенных рамок, в пределах структуры общества вообще не революция. Она может быть прогрессивной или регрессирующей, но как реформа, она — это только видоизмененное продолжение того, что было. Какой бы реформа ни была хорошей и необходимой, она может только произвести поверхностное изменение, которое снова потребует дальнейшей реформы. Нет конца этому процессу, потому что общество вечно разлагается в пределах рамок его собственного существования.

«Вы тогда придерживаетесь мнения, сэр, что всякая реформа, пусть даже выгодная, — это ничто иное как путаница и что реформа никоим образом не может привести к полному преобразованию общества?»

Полное преобразование никогда не сможет произойти в пределах рамок общества, будь то общество тираническим или так называемым демократическим.

«Разве демократическое общество не более важное и разумное, чем полицейское или тираническое государство?»

Конечно.

«Тогда, что вы подразумеваете под рамками общества?»

Рамки общества — это человеческие взаимоотношения, основанные на амбициях, на зависти, на личном или коллективном желании власти, на иерархическом отношении, на идеологиях, догмах, вере. Такое общество обычно может и действительно призывает верить в любовь, в доброту, но оно всегда готово идти воевать, убивать. В пределах этих рамок изменение — это вовсе не изменение, каким бы революционным оно ни казалось. Когда пациент нуждается в неотложной операции, глупо просто облегчать симптомы.

«Но кто должен быть хирургом?»

Вы должны сами себя оперировать, а не полагаться на другого, каким бы хорошим специалистом вы его ни считали. Вам нужно выйти из рамок общества, рамок жадности, алчности, противоречия.

«Повлияет мой выход из рамок на общество?»

Сначала выйдите из них и посмотрите, что случится. Остаться в пределах рамок и спрашивать, что случится, если вы выйдете из них, это форма побега, извращенное и бесполезное любопытство.

«В отличие от этих двух господ, — сказал третий мягким, приятным голосом, — я не знаю ни одного из выдающихся людей. В целом я вращаюсь в другом кругу. Я никогда не думал о том, чтобы стать знаменитым, а оставался на заднем плане, анонимно делая мою работу. Я отказался от своей жены и детей, отбросил радости дома и полностью посвятил себя работе по освобождению нашей страны. Все это я делал совершенно искренне и с большим усердием. Я не искал власть для себя самого, я только хотел, чтобы наша страна была свободной, чтобы развилась до святой нации, чтобы вновь имела славу и благосклонность, какой была Индия. Но я видел все, что происходило, я наблюдал тщеславие, помпезность, коррупцию, фаворитизм и слышал лицемерие различных политических деятелей, включая лидеров партии, к которой я принадлежал. Я не жертвовал своей жизнью, своими удовольствиями, своей женой, своими деньгами, чтобы коррумпированные люди могли управлять землей. Я сторонился власти только для блага страны, чтобы увидеть, как эти амбициозные политики занимают должности во власти. Я теперь осознаю, что потратил впустую лучшие годы моей жизни, и мне хочется совершить самоубийство».

Другие молчали, потрясенные тем, что было сказано, поскольку они были все политиками и фактически, и в душе.

Сэр, большинство людей действительно скручивает свои жизни в запутанный узел и, возможно, обнаруживает это слишком поздно или вообще никогда. Если они достигают положения и власти, они наносят вред во имя страны, становятся интриганам во имя мира или Бога. Тщеславие и амбиция царствуют всюду на земле, с различными степенями варварства и жестокости. Политическая деятельность обеспокоена только очень малой частью жизни, она имеет свою важность, но когда она узурпирует целую сферу существования, как делает сейчас, она становится чудовищной, развращая мысль и действие. Мы прославляем и уважаем человека у власти, лидера, потому что в нас есть та же самая жажда власти и положения, то же самое

желание управлять и диктовать. Именно каждый индивидуум порождает лидера, именно из-за замешательства каждого человека, зависти, амбиции создается лидер, и следовать за лидером означает следовать за собственными требованиями, побуждениями и расстройством. Лидер и последователь оба ответственны за горе и смятение человечества.

«Я признаю истинность того, что вы говорите, хотя для меня трудно подтвердить это. И теперь, после стольких лет, я действительно не знаю, что делать. Я плакал слезами своей души, но что проку от этого? Я не могу переделать то, что сделано. Я вдохновлял тысячи словом и действием. Многие из них подобны мне, хотя не в таком чрезвычайно тяжелом положении. Они сменили лояльность от одного лидера к другому, от одной партии к другой, от одного набора слов-уловок к другому. Но я вышел из этого всего, и близко не хочу подходить к какому-то из лидеров снова. Я напрасно боролся все эти годы, сад, который я так тщательно выращивал, превратился в глыбы и камни. Моя жена мертва, и у меня нет товарища. Теперь-то я вижу, что следовал за искусственными богами: государством, властью, лидерами и скрытым тщеславием из-за собственной важности. Я был слеп и глуп».

Но если вы действительно чувствуете, что все, ради чего вы работали, глупо и тщетно, что это только ведет к дальнейшему страданию, тогда уже есть начало ясности. Когда вашим намерением было идти на север, а вы обнаружили, что на самом деле двигались на юг, само это открытие — это уже поворот на север. Не так ли?

«Не все так просто. Я вижу теперь, что путь, которым я следовал, ведет лишь к страданию и разрушению человечества. Но я не знаю другого пути, по которому следовать».

Нет никакого пути к тому, что является вне всех путей, которые создал и протоптал человек. Чтобы найти эту непройденную реальность, вы должны увидеть истину в ложном, или ложное как ложное. Если вы чувствуете, что путь, которым вы шагали, ложный, не в сравнении с чем-то еще, не через суждение из-за разочарования, не через оценку социальной морали, а ложное само по себе, тогда само это восприятие ложного является пониманием истинного. Вы не должны следовать истинному: истинное освобождает вас от ложного.

«Но я все еще чувствую желание самоубийства и покончить со всем этим».

Желание покончить со всем этим — это результат горечи, глубокого расстройства. Если путь, которым вы следовали, даже при том, что он по сути совершенно ложный, привел к тому, что вы считали целью, если бы, одним словом, вы были успешны, не было бы никакого чувства расстройства, горького разочарования. Пока вы не встретились с этим последним расстройством, вы никогда не подвергали сомнению то, что вы делали, вы никогда не задавались вопросом, чтобы выяснить, было ли это истинным или ложным по сути. Если бы вы задались вопросом, все было бы совсем по-другому. Вас смыло (унесло) потоком самоудовлетворения, и теперь он оставил вас изолированным, разбитым, разочарованным.

«Думаю, я понимаю, что вы имеете в виду. Вы говорите, что любая форма самоудовлетворения, будь то в государственных делах, в добрых делах, в некой утопической мечте, неизбежно ведет к расстройству, к этому бесплодному состоянию ума. Теперь-то я совершенно ясно это осознаю».

Буйно расцветшая в уме доброта, что совсем отличается от того, чтобы быть «добрым», чтобы достичь цели или стать кем-то, сама по себе есть правильное действие. Любовь — это само по себе действие, сама по себе вечность.

«Хотя это поздно, — сказал четвертый, — можно спросить, поможет ли вера в Бога найти Его?»

Чтобы найти истину или Бога, не должно быть ни веры, ни неверия. Верующий такой же, как неверующий, ни один не найдет истину, потому что их мысли сформированы образованием, окружающей средой, культурой и собственными надеждами и страхами, радостями и печалью.

Ум, который не свободен от всех этих условных влияний, никогда не сможет найти истину, что бы он ни делал.

«Тогда искать Бога не важно?»

Как может ум, который напуган, завистлив, алчен, обнаружить то, что вне его самого? Он найдет только его собственные проекции, образы, верования и умозаключения, на которые он ловится. Чтобы выяснить, что истинно или что ложно, ум должен быть свободен. Поиск Бога без понимания себя имеет очень малое значения. Поиск с поводом — это не поиск вообще.

«А может ли когда-либо быть поиск без повода?»

Когда имеется повод для поиска, цель поиска уже известна. Будучи несчастным, вы ищете счастье, поэтому вы прекратили искать, так как вы думаете, что уже знаете, каково счастье.

«Тогда неужели поиск — это иллюзия?»

Одна среди многих. Когда ум не имеет никакого повода, когда он свободен, и им не помыкает какое-либо желание, когда он полностью спокоен, тогда истина есть. Вам не нужно искать ее, вы не можете преследовать ее или заманить ее. Она должна прийти.

Шумный ребенок и тихий ум

Тучи весь день набегали через широкий проем в горах, собираясь в кучи напротив западных холмов, они оставались над долиной темными и угрожающими, и к вечеру будет, вероятно, дождь. Красная земля была суха, но деревья и дикие кустарники были зелены, поскольку дождь шел несколько недель назад. Много маленьких потоков блуждали через долину, но им никогда не достичь моря, поскольку люди использовали воду, чтобы орошать рисовые поля. Некоторые из этих полей обрабатывались и находились под водой, готовые к посадке, но большинство из них были уже зелеными с подрастающим рисом. Та зелень был невероятной, это не была зелень с хорошо увлажненных склонов гор или зелень с ухоженных лужаек, ни зелень весны, ни зелень побегов среди старших листьев апельсинового дерева. Это была совершенно другая зелень, это была зелень Нила, оливок, ярь-медянок, это была смесь всего этого и больше. В ней было прикосновение чего-то искусственного, химического, и утром, когда солнце только поднималось над восточным холмом, та зелень обретала великолепие и сочность старейших уголков земли. Было трудно поверить, что такая зелень могла существовать в этой долине, известной немногим, где жили только крестьяне. Для них это было ежедневное зрелище, тем, ради чего они трудились по колено в воде, и эти поля были невероятного зеленого цвета. Дождь помог бы, и темные тучи сдержали обещание.

Всюду была темнота из-за наступающей ночи и низко висящих облаков. Но единственный луч садящегося солнца касался гладкой стороны большой скалы на холмах к востоку, и она выступала посреди сгущающегося мрака. Группа крестьян прошла мимо, громко разговаривая и ведя перед собой рогатый скот. Коза отбилась от стада, и маленький мальчик делал какие-то звуки, чтобы позвать ее. Она не обращала внимания, поэтому он побежал за ней, сердито бросая камни, пока, наконец, она не возвратилась в стадо. Теперь было довольно темно, но вы все еще могли видеть край дорожки и белый цветок на кустарнике. Откуда-то поблизости кричала сова, и другая отвечала ей через долину. Глубокий тон их криков вибрировал внутри вас, и вы останавливались, чтобы послушать. Упало несколько капель дождя. Через время начался настоящий дождь, и появился приятный запах дождя на сухой земле.

Это была чистая, приятная комната с красной циновкой на полу. В ней не было цветов, но в них не было никакой потребности. Снаружи была зеленая земля, в синем небе плыло единственное облако, и пела птица.

Их было трое, женщина и двое мужчин. Один из мужчин спустился с высоких гор, где проводил жизнь в одиночестве и созерцании. Двое других были учителями в школе в одном из близлежащих городов. Они приехали на автобусе, так как на велосипеде это слишком далеко. Автобус был переполнен, и дорога была плохая, но это стоило того, сказали они, поскольку им надо было поговорить о некоторых вещах. Они были весьма молоды и сказали, что скоро поженятся. Они объяснили, как нелепо мало им платили, и сказали, что будет трудно сводить концы с концами, потому что цены росли. Но они казались довольными и счастливыми, и были в восторге от своей работы. Человек с гор больше слушал и молчал.

«Среди многих других проблем, — начала леди-учительница, — одной — является шум. В школе для малышей так много шума, что время от времени это становится почти невыносимым. Едва можно слышать свою речь. Конечно, можно наказывать их, заставляя замолчать, но для них: кричать и выпускать пар кажется настолько естественным».

«Но вам приходится запрещать шуметь в некоторых местах типа классной комнаты и обеденного зала, иначе жизнь станет невозможной, — ответил другой учитель. — Вы не можете

позволять кричать и болтать целый день, должны быть периоды, когда всякий шум прекращается. Детей нужно учить, что в этом мире они не одни. Считаться с другими столь же важно, как учить арифметику. Я согласен, что не имеет смысла просто заставлять их сохранять спокойствие через угрозу наказания, но, с другой стороны, разумная беседа с ними, кажется, не прекращает их постоянные вопли».

«Шумиха — это часть жизни в этом возрасте, — продолжила его подруга, — и молчание неестественно для них. Но быть тихим — это также часть существования, и, хотя, кажется, их это совершенно не волнует, мы должны так или иначе помогать им быть тихими, когда требуется тишина. При молчании каждый слышит и видит больше, именно поэтому для них важно знать молчание».

«Я согласен, что они должны быть тихими в определенные моменты, — сказал другой учитель, — но как нам научить их быть тихими? Было бы абсурдно видеть ряды детей, вынужденных сидеть в тишине, это было бы совершенно неестественно, совершенно не по-человечески».

Возможно, мы сможем приблизиться к проблеме по-другому. Когда вас раздражает шум? Собака начинает лаять ночью, она вас будит, и вы можете или не можете что-то с этим сделать. Но только если есть сопротивление шуму, он становится утомительным, болью, раздражителем.

«Он больше, чем раздражитель, когда он продолжается целый день, — выразил протест учитель. — Он действует на нервы, пока вам не захочется тоже закричать».

Позвольте предложить, давайте на время отложим в сторону детский шум и рассмотрим сам шум и его воздействие на каждого из нас. Если необходимо, мы рассмотрим детей и их шум позже.

Ну а теперь, когда вы осознаете шум в тревожащем смысле? Конечно, только когда вы сопротивляетесь ему, а вы сопротивляетесь ему только тогда, когда он неприятен.

«Это так, — признал он. — Я приветствую приятные звуки музыки, но ужасные вопли детей я не принимаю».

Это сопротивление шуму увеличивает беспокойство, которое он причиняет. И это то, что мы делаем в нашей повседневной жизни: сохраняя красивое, мы отклоняем уродливое, сопротивляясь злу, мы культивируем добро, сторонясь ненависти, мы думаем о любви и так далее. Внутри нас всегда есть это внутреннее противоречие, этот конфликт противоположностей, и такой конфликт ведет в никуда. Не так ли?

«Внутреннее противоречие не очень-то приятное состояние, — ответила леди. — Мне все это хорошо знакомо, и я предполагаю, что это к тому же весьма бесполезно».

Быть только частично чувствительным означает быть парализованным. Быть открытым для красоты и сопротивляться уродству означает не иметь никакой чувствительности, приветствовать тишину и отклонять шум означает не быть целым. Быть чувствительным означает осознавать и тишину, и шум, не преследуя одно, не сопротивляясь другому. Это значит быть без внутреннего противоречия, быть целым.

«Но каким образом это помогает детям?» — спросил мужчина-учитель.

Когда дети молчат?

«Когда они заинтересованы, увлечены чем-то. Тогда наступает полнейшее спокойствие».

«И не только тогда они молчат, — быстро добавила его коллега. — Когда вы по-настоящему внутри себя спокойны, дети каким-то образом улавливают это чувство, и они также становятся тихими; они смотрят на вас с благоговейным трепетом, задаваясь вопросом, что произошло. Разве ты не заметил этого?»

«Конечно, заметил», — ответил он.

Итак, это может быть ответом. Но мы так редко спокойны, хотя мы можем не говорить, ум

продолжает болтать, вести молчаливую беседу, споря сам с собой, воображая, вспоминая прошлое или размышляя о будущем. Он неугомонный, шумный, всегда борющийся с чем-то, разве не так?

«Я никогда не думал об этом», — сказал мужчина-учитель. — В том внутреннем смысле ум, конечно, такой же шумный, как и сами дети».

Мы шумим еще и по-другому, так?

«Неужели? — спросила его подруга. — Когда?»

Когда мы эмоционально взволнованы: на политических митингах, за праздничным столом, когда мы сердиты, когда нам мешают и так далее.

«Да, да, это так, — согласилась она. — Когда я по-настоящему возбуждена, в игре и прочем, я действительно обнаруживаю, что кричу, внутренне, если же внешне. О господи, нет большого различия между нами и детьми, правда? И их шум, вероятно, гораздо более невинный, чем шум, который мы, взрослые, создаем».

Мы знаем, что такое молчание?

«Я молчу, когда я поглощен своей работой, — ответил мужчина-учитель. — Я не осознаю все, что происходит вокруг меня».

Так же как ребенок, когда он увлечен игрушкой, но разве это молчание?

«Нет, — вмешался одинокий человек с гор. — Молчание есть только тогда, когда вы имеете полный контроль над умом, когда вы владеете мыслью и ничто не отвлекает. Шум, который является болтовней ума, должен быть подавлен для того, чтобы ум был спокойным и тихим».

Является ли молчание (тишина) противоположностью шума? Подавление болтающего ума указывает на контроль в смысле сопротивления, это так? А разве молчание — это результат сопротивления, контроля? Если это так, то молчание ли это?

«Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, сэр. Как может быть тишина, если болтовня мнения не остановлена, а его отвлечения взяты под контроль? Ум похож на дикую лошадь, которую нужно приручить».

Как один из этих учителей сказал ранее, не имеет смысла вынуждать ребенка быть тихим. Если вы так делаете, он может молчать в течение нескольких минут, но скоро он снова начнет шуметь. И действительно ли ребенок молчит, когда вы вынуждаете его быть таким? Внешне он может сидеть, не двигаясь из-за страха или из-за надежды на похвалу, но внутри он кипит, выжидая шанса, что он возобновит шумную болтовню. Это ведь правда, верно?

«Но ум — это другое. Имеется высшая часть ума, которая должна доминировать и руководить более низшей».

Учитель может также расценивать себя как более высокое существо, которое должно вести или формировать ум ребенка. Сходство довольно очевидное, не так ли?

«Действительно это так, — сказала леди-учитель. — Но мы все еще не знаем, что нам делать с шумным ребенком».

Давайте не будем думать о том, что делать, пока мы полностью не поняли проблему. Этот джентльмен сказал, что ум отличается от ребенка. Но если вы понаблюдаете за ними обоими, то вы увидите, что они не очень уж и отличаются. Имеется большая связь между ребенком и умом. Подавление любого из них только имеет тенденцию увеличивать побуждение шуметь, болтать. Существует внутреннее построение напряженности, которая должна и обязательно найдет выход различными способами. Это подобно котлу, создающему клубы пара, он должен иметь выход или же он взорвется.

«Я не хочу спорить, — продолжал человек с гор, — но как уму остановить его шумную болтовню, если не с помощью контроля?»

Возможно, ум и может быть спокойным и иметь сверхъестественные переживания, спустя

годы контроля, подавления, занятия системой йоги. Или же приемом современных наркотиков те же самые результаты могут иногда быть достигнуты быстро. Как бы вы их ни достигли, результаты зависят от метода, а метод, возможно, даже и наркотик, это путь сопротивления, подавления, верно? А теперь, является ли тишина подавлением шума?

«Да», — утверждал уединившийся человек.

Является ли любовь тогда подавлением ненависти?

«Это то, о чем мы обычно думаем, — вмешалась леди-учительница, — но когда смотришь на реальный факт, видишь нелепость такого образа мышления. Если тишина — это просто подавление шума, то она связана с шумом, и такая тишина, является „шумной“, это никакая не тишина».

«Я не совсем понимаю это, — сказал человек с гор. — Всем известно, что такое шум, и если мы устраним его, мы будем знать, что такое тишина».

Сэр, вместо того, чтобы рассуждать теоретически, давайте прямо сейчас проведем эксперимент. Давайте идти медленно и постепенно, шаг за шагом и посмотрим, можем ли непосредственно испытать и понять фактическое функционирование ума.

«Это было бы очень полезно».

Если я задам вам простой вопрос, например «Где вы живете?», ваш ответ будет немедленным, верно?

«Конечно».

Почему?

«Потому что я знаю ответ, он мне совершенно известен».

Таким образом, процесс размышления занял лишь секунду, он закончился через мгновение. Но более сложный вопрос требует более длинного времени для ответа. Есть некоторое промедление. Является ли это промедление молчанием?

«Я не знаю».

Промежуток времени существует между сложным вопросом и вашим ответом на него, потому что ваш ум изучает записи памяти, чтобы найти ответ. Этот промежуток времени не есть молчание, не так ли? В этом интервале происходит исследование, нащупывание, разыскивание. Это деятельность, движение в прошлое, но это не молчание.

«Я понимаю это. Любое движение ума, либо в прошлое, либо в будущее, очевидно, не является тишиной(молчание)».

А сейчас давайте пойдем немного далее. На вопрос, чей ответ вы не находите в записях памяти, каков ваш ответ?

«Я могу только сказать, что не знаю».

И какое тогда состояние у вашего ума?

«Это состояние нетерпеливой неопределенности», — сказала учительница.

В этой неопределенности вы ожидаете ответа, не так ли? Все же там происходит движение, ожидание в промежутке между двумя высказываниями, между вопросом и заключительным ответом. Это ожидание не есть тишина, не так ли?

«Я начинаю понимать, к чему вы клоните, — ответил уединившийся человек. — Я чувствую, что ни это ожидание ответа, ни исследование прошлого не является тишиной. Тогда что является тишиной?»

Если всякое движение ума есть шум, тогда является ли тишина противоположностью этого шума? Является ли любовь противоположностью ненависти? Или же тишина — это состояние, полностью не связанное с шумом, болтовней, ненавистью?

«Я не знаю».

Пожалуйста, подумайте над тем, что вы говорите. Когда вы говорите, что вы не знаете,

каково состояние вашего ума?

«Боюсь, что я снова ожидаю ответа, ожидая, пока вы скажете мне, что такое тишина».

Другими словами, вы ожидаете устное описание тишины, и любое описание тишины должно быть связано с шумом, так что она — это часть шума, не так ли?

«Я действительно не понимаю, что это, сэр».

Вопрос запускает механизм памяти в движение, что является процессом размышления. Если вопрос очень знаком, механизм отвечает мгновенно. Если вопрос более сложен, механизму требуется длительное время, чтобы ответить. Он должен покопаться среди записей памяти, чтобы найти ответ. А когда задается вопрос, ответа на который нет в записях, механизм говорит: «Я не знаю». Конечно, этот целостный процесс — это механизм производства шума. Пусть даже внешне ум молчит, он все время находится в действии, не так ли?

«Да», — ответил он живо.

Ну а теперь, является ли тишина просто остановкой этого механизма? Или же тишина полностью независима от механизма, остановлен он или работает?

«Вы говорите, сэр, что любовь полностью независима от ненависти, присутствует ненависть или нет?» — спросила леди.

А разве это не так? В кружево ненависти никогда нельзя вплести любовь. Если это происходит, то это не любовь, это может иметь все проявления любви, но это не любовь, это что-то совсем иное. Это действительно важно понять.

Амбициозный человек никогда не сможет познать покой, амбиция должна прекратиться полностью, и только тогда будет успокоение. Когда политик говорит о мире, это просто лицемерие, так как быть политиком означает быть в душе амбициозным, жестоким.

Понимание, что истинно и что ложно, — это само по себе действие, и такое действие будет продуктивным, эффективным и «практичным». Но большинство из нас так подхвачены действием, выполнением и организацией чего-то или выполнением какого-нибудь плана, что осознавать, что истинно, а что ложно, кажется сложным и ненужным. Вот почему любое наше действие ведет к горечи и страданию.

Просто отсутствие ненависти — это не любовь. Обуздать ненависть, заставить ее успокоиться — это не любовь. Тишина не возникает в результате шума, это не реакция, чья причина — шум. Тишина — это состояние абсолютно вне пределов механизма ума, ум никак не может постичь ее, и попытки ума достичь тишины все-таки являются частью шума. Тишина никоим образом не связана с шумом. Шум должен полностью прекратиться, чтобы была тишина.

Когда в учителе есть тишина, она поможет детям быть тихими.

Там, где присутствует внимание, там есть реальность

Облака плыли перед холмами, скрывая их и горы. Дождь шел весь день, слегка моросил, что не вымывало землю, и в воздухе витал приятный запах жасмина и розы. Зерновые созревали в полях. Среди камней, где паслись козы, росли низкие кустарники, то и дело попадалось скрюченное старое дерево. Высоко на склоне был родник, и зимой, и летом струившийся водой, которая создавала приятный звук, когда бежала вниз по холму, мимо роц, и исчезала среди открытых полей позади деревни. Маленький мост из высеченного камня строился сельскими жителями над ручьем под наблюдением местного инженера. Это был дружелюбный старик, и даже когда он был поблизости, работали неторопливо. Но в его отсутствие только один или двое продолжали работу, остальные, положив инструменты и корзины, садились и разговаривали.

По дорожке вдоль ручья шел крестьянин с дюжиной ослов. Они возвращались из близлежащего города с пустыми мешками. Ослы имели тонкие, изящные ноги и быстро неслись, делая паузу время от времени, чтобы пощипать зеленую траву по обочинам дорожки. Они шли

домой, и не было необходимости понукать ими. Всюду вдоль дорожки попадались небольшие участки возделываемой земли, и нежный ветерок шевелил молодую кукурузу. В маленьком доме чистым голосом пела женщина, и от этого у вас на глазах наворачивались слезы, не из-за какого-то ностальгического воспоминания, а из-за явной красоты звучания. Вы сидели под деревом, и земля и небо входили в ваше бытие. Вне песни и красной земли была тишина, полная тишина, в которой вся жизнь находится в движении. Теперь среди деревьев и кустарников были светлячки, и в сгущающейся темноте они были яркими и хорошо видимыми, количество света, который они давали, было удивительным. На темной скале, мягкий, сияющий свет единственного светлячка содержал в себе свет мира.

Он был молод и очень серьезен, с ясным, острым взглядом. Хотя ему было уже за тридцать, он не был женат, но секс и брак не были серьезной проблемой, говорил он. Это был хорошо сложенный мужчина, в его жестах и походке была живость. Его не слишком увлекало чтение, но некоторые серьезные книги он читал и задумывался о многом. Работал в каком-то правительственном офисе, зарплатой был доволен. Ему нравились игры на открытом воздухе, особенно увлекался теннисом. Его не интересовало кино. Друзей было немного. Как правило, он медитировал утром и вечером примерно в течение часа. И, услышав предыдущий вечерний разговор, он решил прийти, чтобы обсудить значение и назначение медитации. Когда он был мальчишкой, он часто уходил с отцом в маленькую комнату, чтобы медитировать. Но мог заставить себя оставаться там примерно минут десять, его отец не возражал. В той комнате была единственная картина на стене, и ни один член семейства не входил в нее, кроме как с целью медитировать. Из-за того, что его отец не поощрял, не препятствовал ему в этом деле и никогда не говорил ему, как медитировать, или что это было такое, так или иначе, с тех пор, как он был мальчишкой, он полюбил медитировать. В то время, когда он учился в колледже, для него было трудно заниматься в регулярные часы. Но позже, как только он получил работу, он медитировал в течение часа каждое утро и каждый вечер, и теперь он ни за что на свете не станет пропускать эти два часа медитации.

«Я пришел, сэр, не для того, чтобы спорить или защищать что-нибудь, а чтобы учиться. Хотя я читал о разных видах медитации для различных характеров и развил способ управления моими мыслями, я не такой дурак, чтобы вообразить, что то, что я делаю, это действительно медитация. Однако, если я не ошибаюсь, большинство авторитетных людей в области медитации поддерживают идею контроля над мыслями. Кажется, это суть медитации. Я также немного занимался йогой как средством успокоения ума: специальные дыхательные упражнения, повторение определенных слов и песнопений и так далее. Все это просто создания представления обо мне, и может быть неважным. Суть в том, что я действительно заинтересован в занятиях медитацией, для меня это стало жизненно важным, и я хочу знать больше об этом».

Медитация имеет значение только, когда имеется понимание медитирующего. В занятиях тем, что вы называете медитацией, медитирующий отделен от медитации, не так ли? Почему существует это различие, этот разрыв между ними? Действительно ли это неизбежно, или этот разрыв должен быть соединен? Без реального понимания истинности или ошибочности этого очевидного разделения результаты так называемой медитации подобны тем, которые могут быть вызваны любым транквилизатором, который принимают, чтобы успокоить ум. Если цель состоит в том, чтобы возобладать над мыслями, то подойдет любая система или препарат, который приводит к желаемому следствию.

«Но вы отмечаете одним взмахом все упражнения по йоге, традиционные системы медитации, которые практиковались и поддерживались через столетия многими святыми и аскетами. Как могут все они ошибаться?»

А почему они все не могут ошибаться? Отчего это легковерие? Разве умеренный скептицизм не полезен в понимании всей этой проблемы медитации? Вы принимаете, потому что вы стремитесь к результатам, потому что вы хотите «достичь». Чтобы понять, что такое медитация, необходимо исследовать, задаваться вопросом, а просто принятие уничтожает исследование. Вы должны сами увидеть ложное как ложное, истину в ложном и истинное как истинное, так как никто не сможет проинструктировать вас относительно этого. Медитация — это способ жизни, это часть повседневного существования, и полнота и красота жизни может быть понята только через медитацию. Без понимания целостной сложности жизни и реакций от мгновения до мгновения медитация становится процессом самогипноза. Медитация сердцем — вот понимание проблем. Вы не можете уйти очень далеко, если вы не начинаете очень близко.

«Это я могу понять. Нельзя подняться на гору, не пройдя сначала долину. Я приложил усилия в моей ежедневной жизни, чтобы устранить очевидные барьеры, например, из жадности, зависти и так далее, и, к моему собственному удивлению, я сумел избавиться от мирского. Я понимаю и весьма ценю то, что должна быть положена правильная основа, иначе никакое здание не может выстоять. Но медитация — это не просто дело приручения жгучих желаний и страстей. Страсти должны быть подчинены, взяты под контроль, но, конечно же, сэр, медитация — это кое-что больше, чем это, не так ли? Я не повторяю слова какого-то авторитета, но по-настоящему чувствую, что медитация — это кое-что гораздо большее, чем просто заложение правильной основы».

Может быть и так, но в самом начале должен быть весь итог. А не так, что сначала нужно заложить правильную основу, а затем строить, или сначала быть свободным от зависти и затем «достичь». В самом начале уже есть окончание. Нет никакого расстояния, которое нужно преодолеть, никакого восхождения, никакой точки достижения. Сама по себе медитация бесконечна, это не способ достижения бесконечного состояния. Она существует без начала и без окончания. Но это просто слова, и они останутся таковыми, пока вы сами не исследуете и не поймете истинность и ошибочность медитирующего.

«Почему это так важно?»

Медитирующий — это цензор, наблюдатель, тот, кто прилагает «правильные» и «неправильные» усилия. Он — центр, и оттуда он плетет сети из мыслей, но сама мысль создала его. Мысль породила этот разрыв между мыслителем и мыслью. Если это разделение не прекращается, так называемая медитация только усиливает центр переживающего, который думает о себе как отделенном от переживаемого. Переживающий всегда жаждет больше переживания, каждое переживание усиливает накопление прошлых переживаний, которые, в свою очередь, диктуют, формируют нынешнее переживание. Таким образом, ум вечно обуславливает себя. Так что опыт и знание — это не факторы освобождения, как предполагается.

«Боюсь, что я не понимаю всего этого», — сказал он изумленно.

Ум свободен только тогда, когда он больше не обусловлен его собственными опытами, знанием, тщеславием, завистью, а медитация — это освобождение ума от всех этих вещей, от всех эгоцентричных действий и влияний.

«Я понимаю, что ум должен быть свободен от всех эгоцентричных действий, но я не совсем понимаю то, что вы подразумеваете под влияниями».

Ваш ум есть результат влияния, не так ли? С детства ваш ум находился под влиянием пищи, которую вы едите, климата, в котором вы живете, ваших родителей, книг, которые вы читаете, окружающей культурной среды, в которой вы получали образование, и так далее. Вас учат, во что верить и во что не верить, ваш ум — это результат времени, которое является памятью, знанием. Всякое переживание — это процесс интерпретации с точки зрения прошлого,

известного, и поэтому нет свободы от известного, есть только видоизмененное продолжение того, что было. Ум освобождается только, когда это продолжение заканчивается.

«Но как узнать, что ваш ум свободен?»

Само это желание убедиться, быть уверенным, это и есть начало неволи. Только, когда ум не пойман в сети уверенности и не ищет уверенности, тогда он в состоянии совершения открытий.

«Ум действительно хочет быть уверенным во всем, и теперь я понимаю, как это желание может быть помехой».

Что по-настоящему важно, так это умереть по отношению ко всему, что вы накопили, так как это накопление «я», эго. Без окончания такого накопления желание уверенности продолжается, так же как продолжается и прошлое.

«Медитация, как я начинаю понимать, это не так-то просто. Просто контролировать мысли сравнительно легко, поклоняться какому-нибудь образу или повторять определенные слова и молитвы означает просто усыплять ум. Но настоящая медитация кажется гораздо более сложной и трудной, чем я себе это представлял».

Она на самом деле не сложна, хотя она может быть трудной. Понимаете, мы начинаем не с реального, не с факта, не с того, что мы думаем, делаем, желаем. Мы начинаем с предположений или с идеалов, которые не являются действительностью, и таким образом мы сбивы с пути. Чтобы начинать с фактов, а не с предположений, нам нужно пристальное внимание, и каждая форма мышления, не исходящая из фактического, это отвлечение. Именно поэтому важно понять то, что фактически происходит как внутри, так и вокруг вас.

«Неужели видения не действительность?»

А разве, да? Давайте выясним. Если вы христианин, ваши видения определены некоторым образцом. Если вы индус, буддист или мусульманин, они соответствуют иному образцу. Вы видите Христа или Кришну в соответствии с вашими условностями. Ваше образование, культура, в которой вы выросли, определяет ваши видения. Что является действительностью: видения или ум, который был сформирован в соответствии с определенным шаблоном? Видение — это проекция специфической традиции, которой суждено формировать основы мышления. Эти условности, а не видение, которое они проектируют, являются действительностью, фактом. Понять факт просто, но это стало трудным из-за наших предпочтений и неприязней, из-за наших осуждений факта, из-за мнений или суждений, которые мы имеем по отношению к факту. Освободиться от этих различных форм оценки означает понять факт, то, что есть.

«Вы утверждаете, что мы никогда не смотрим на факт непосредственно, а всегда сквозь наши предубеждения и воспоминания, через наши традиции и наши опыты, основанные на тех традициях. Используя ваш язык, мы никогда не осознаем самих себя, какие мы фактически есть. Снова, я понимаю, что вы правы, сэр. Факт — это единственное то, что имеет значение».

Давайте посмотрим по-другому на всю проблему. Что такое внимание? Когда вы внимательны? И вы вообще когда-либо в действительности на что-нибудь обращаете внимание?

«Я обращаю внимание, когда меня что-то интересует».

Является ли интерес вниманием? Когда вы заинтересованы кое-чем, что фактически происходит с умом? Вы, например, заинтересованы наблюдением того, как проходит мимо рогатый скот. Что такое этот интерес?

«Меня привлекает их движение, их цвет, их формы на фоне зеленого».

Присутствует ли в этом интересе внимание?

«Думаю, что присутствует».

Ребенок увлечен игрушкой. Назвали бы вы это вниманием?

«А разве это не внимание?»

Игрушка поглощает интерес ребенка, она овладевает его умом, и он затихает, и он больше не беспокоен. Но заберите игрушку, и он снова становится беспокойным, он кричит, и так далее. Игрушки становятся важными, потому что они удерживают его спокойствие. То же самое и со взрослыми. Заберите у них их игрушки — деятельность, веру, амбиции, желание власти, поклонение богам или государству, борьбу за какое-то дело — и они тоже становятся беспокойными, потерянными, запутавшимися. Так что игрушки для взрослых также становятся важными. Присутствует ли внимание, когда игрушка поглощает ум? Игрушка — это отвлечение, верно? Игрушка становится существенной, а не ум, который занят игрушкой. Чтобы понять, что такое внимание, нас должен волновать ум, а не игрушки.

«Наши игрушки, как вы их называете, удерживают интерес ума».

Игрушкой, которая удерживает интерес ума, может быть мастер, картина или любое другое изображение, созданное рукой или умом. И это удерживание интереса ума игрушкой называется концентрацией. Является ли такая концентрация вниманием? Когда вы сконцентрированы таким образом, а ум поглощен игрушкой, это разве внимание? Не является ли такая концентрация сужением ума? И это внимание?

«Поскольку я занимался концентрацией, это борьба за то, чтобы удержать ум неподвижно на специфической точке, исключая всякие другие мысли, всякие отвлечения».

Есть ли внимание, когда имеется сопротивление отвлечениям?

Конечно, отвлечения возникают, только когда ум потерял интерес к игрушке, и затем возникает конфликт, не так ли?

«Конечно, возникает конфликт, чтобы преодолеть отвлечения».

Можете ли вы уделять внимание, когда происходит конфликт.

«Я начинаю осознавать то, куда вы клоните, сэр. Пожалуйста, продолжайте».

Когда игрушка поглощает ум, нет никакого внимания, нет внимания и тогда, когда ум борется, чтобы концентрироваться, не допуская отвлечений. Пока существует объект внимания, имеется ли внимание?

«Разве вы не говорите то же самое, только используя слово „объект“ вместо „игрушка“?»

Объект или игрушка может быть внешним, но есть также внутренние игрушки, не так ли?

«Да, сэр, вы перечислили некоторые из них, я осознаю это».

Более сложная игрушка — это повод (мотив). Есть ли внимание, когда имеется повод, чтобы быть внимательным?

«Что вы подразумеваете под поводом?»

Принуждение к действию, побуждение к самосовершенствованию, основанные на страхе, жадности, амбициях. Причина, которая заставляет вас искать. Страдание, которое заставляет вас убежать, и так далее. Есть ли внимание, когда имеется какой-нибудь скрытый повод?

«Когда я вынужден быть внимательным из-за боли или удовольствия, из-за страха или надежды вознаграждения, тогда нет внимания. Да, я понимаю то, что вы имеете в виду. Это совершенно ясно, сэр, я понимаю».

Итак, нет никакого внимания, когда мы приближаемся к чему-нибудь таким образом. И разве слово, название не смешивается с вниманием? Например, когда мы смотрим на луну без словесного обозначения, слово «луна» всегда смешивается с нашим взглядом? Мы когда-либо прислушиваемся к чему-нибудь с вниманием, или же наши мысли, наша интерпретация и так далее смешиваются с нашим слушанием? Мы когда-либо действительно обращаем внимание на что-нибудь? Конечно, внимание не имеет никакого повода, никакого объекта, никакой игрушки, никакой борьбы, никакого словесного выражения. Вот это истинное внимание, так? Где есть внимание, там есть действительность.

«Но невозможно обращать полное внимание на что-нибудь! — воскликнул он. — Если бы было можно, тогда не было бы никаких проблем».

Любая другая форма «внимания» лишь увеличивает проблемы, верно?

«Я вижу, что это так, но что делать?»

Когда вы видите, что любая концентрация на игрушках, любое действие, основанное на поводе, каким бы он ни был, только продляет горечь и страдание, тогда в этом видении ложного как ложного есть восприятие истинного. И истина имеет ее собственное воздействие. Все это медитация.

«Если позволите так сказать, сэр, я слушал и действительно правильно понял многие из тех вещей, которые вы объяснили. То, что понято, будет иметь собственное воздействие, без моего вмешательства в это. Надеюсь, что смогу снова прийти».

Личный интерес ослабляет ум

Извиваясь по долине, тропа пересекала маленький мост, где стремительно бежавшая вода была коричневой из-за недавних дождей. Поворачивая на север, она шла дальше по мягким склонам к уединенной деревне. Та деревня и ее народ были очень бедны. Собаки были паршивыми, и они будут лаять издали, никогда не осмеливаясь подойти поближе, их хвосты опущены вниз, а головы подняты вверх, как будто готовы бежать. Всюду на склонах гор паслось множество коз, блеявших и поедавших дикие кустарники. Это была красивая деревня, зеленая, с голубыми холмами. Голый гранитный строившийся объект от вершин холмов был вымыт дождями бесчисленных столетий. Эти холмы не были высокими, но они были очень стары, и на фоне синего неба они обладали фантастической красотой, тем странным очарованием неизмеримого времени. Они были подобны тем храмам, которые человек строит, чтобы они походили на него, в своей тоске достичь небес. Но тем вечером, с садящимся над ними солнцем, эти холмы казались очень близкими. Далеко на юге надвигался шторм, и молния среди облаков придавала земле удивительный вид. Шторм будет бушевать в течение ночи, но холмы выстояли сквозь штормы неисчислимых веков, и они всегда будут там, вдали от всего тяжелого труда и горя человека.

Крестьяне возвращались домой утомленными после рабочего дня в полях. Скоро вы увидите дым, поднимающийся от их хижин, так как они готовили вечернюю пищу. Ее будет немного, и дети, ожидающие еду, улыбнутся, когда вы пройдете мимо. У них были большие глаза, и они стеснялись незнакомцев, но были дружелюбными. Две маленьких девочки на своих бедрах держали маленьких младенцев, в то время как их матери готовили. Младенцы соскальзывали вниз и снова были подхвачены на руки. Хотя им было только десять или двенадцать лет, эти маленькие девочки уже привыкли держать младенцев, и они обе улыбались. Вечерний бриз дул среди деревьев, и домашних животных вели на ночь домой.

На той тропинке теперь никого не было, даже одинокого сельского жителя. Земля оказалась внезапно пустой, странно тихой. Новый, молодой месяц только что показался над темными холмами. Легкий ветерок прекратился, и ни единый лист не шевелился, все было спокойным, и ум был полностью уединившимся. Он не был одиноким, изолированным, замкнутым в пределах его собственной мысли, а уединенным, нетронутым неискаженным. Он не был отстраненным и далеким, отделенным от всего земного. Он был один, и все же со всем вместе, потому что он был один, все принадлежало ему. То, что является отделенным, знает себя как отделенное, но это уединение не знало никакого отделения, никакого разделения. Деревья, ручей, крестьянин кричащий вдали, — все были в пределах этого уединения. Это не было отождествлением с человеком, с землей, поскольку всякое отождествление полностью исчезло. При этом уединении чувство прохождения времени прекратилось.

Их было трое: отец, его сын и друг. Отцу, должно быть, было за пятьдесят, сыну около тридцати, а друг был неопределенного возраста. Двое старших были лысыми, а у сына была густая шевелюра. Он имел правильной формы голову, довольно узкие и широко посаженные глаза. Его губы нервно подрагивали, хотя он сидел спокойно. Отец уселся позади сына и друга, сказав, что он примет участие в разговоре, если будет необходимость, но намерен только наблюдать и слушать.

Воробей прилетел к открытому окну и снова улетел, напуганный таким количеством людей в комнате. Он знал комнату, и, бывало, часто взгромождался безбоязненно на подоконник, весело щебеча.

«Хотя мой отец может не принять участие в беседе, — начал сын, — но хочет

присутствовать, поскольку эта проблема касается нас всех. Моя мать прибыла бы, если бы не чувствовала себя так плохо, и она ждет с нетерпением сообщения, которое мы скажем. Мы читали некоторые из вещей, о которых вы рассказывали, и мой отец отчасти следил за вашими беседами издали, но только примерно год или около того я сам реально заинтересовался тем, что вы рассказываете. До недавнего времени политика поглощала большую часть моего времени и энтузиазма, но я начал понимать незрелость политики. Религиозная жизнь — только для зреющего ума, а не для политиков и адвокатов. Я был довольно успешным адвокатом, но я больше не адвокат, потому что хочу провести оставшиеся годы своей жизни, посвятив себя чему-то более значительному и разумному. Я говорю также и за моего друга, который захотел пойти с нами, когда услышал, что мы идем сюда. Видите ли, сэр, наша проблема — это тот факт, что мы все стареем. Даже я, хотя я все еще сравнительно молод, подхожу к тому периоду жизни, когда время, кажется, пролетает, когда дни кажутся настолько короткими, а смерть так близко. Смерть, по крайней мере, на данный момент, не проблема, но старость — проблема».

Что вы подразумеваете под старостью? Вы имеете в виду физическое старение организма или ума?

«Старение тела, конечно, неизбежно, оно изнашивается из-за времени и болезни. Но обязательно ли ум должен стареть и ухудшаться?»

Размышлять теоретически — бесполезная трата времени. Является ли ухудшение ума предположением или реальным фактом?

«Это факт, сэр. Я осознаю, что мой ум стареет, устает. Происходит постепенное ухудшение».

Не касается ли эта же проблема и молодых, хотя они могут все еще не осознавать этого? Их умы даже теперь формируются по шаблонам, их мысль уже заключена в пределах узких рамок. Но что вы имеете в виду, когда говорите, что ваш ум стареет?

«Это уже не такой гибкий, внимательный, чувствительный, каким был раньше. Его осознание увядает, его ответы на многие вызовы жизни все более и более исходят от накопленного прошлого. Он ухудшается, функционируя все более в пределах его собственных установок».

Тогда, что заставляет ум ухудшиться? Это самозащита и сопротивление перемене, верно? Каждый имеет наделенные законом права, которые он сознательно или подсознательно защищает, наблюдая, и не позволяя чему-нибудь быть нарушенным.

«Вы имеете в виду наделенные законом права собственности?»

Не только собственности, но и во всякого рода взаимоотношениях. Ничто не может существовать в изоляции. Жизнь — это взаимоотношения, и ум имеет наделенные законом права в его отношениях к людям, идеям и вещам. Этот личный интерес и отказ создать фундаментальную революцию в пределах себя является началом ухудшения ума. Большинство умов консервативно, они сопротивляются переменам. Даже так называемый революционный ум консервативен, так как, однажды добившись революционного успеха, он также сопротивляется перемене. Сама революция становится его безусловным правом. Даже при том, что ум, будь он консервативный или так называемый революционный, может разрешать некоторые модификации на краях его деятельности, связи, в центре он сопротивляется всякому изменению. Обстоятельства могут заставлять его уступать, приспособливаться с болью или с непринужденностью к различным рамкам, но центр остается твердым, и именно этот центр вызывает увядание ума.

«Что вы подразумеваете под центром?»

Разве вы не знаете? Вы ищете описание этого?

«Нет, сэр, но через описание я смогу прикоснуться к этому, прочувствовать это».

«Сэр, — вмешался отец, — разумом мы можем осознать тот центр, но фактически большинство из нас никогда не сталкивалось с ним лицом к лицу. Сам я видел его, ловко и тонко описанного в различных книгах, но я никогда в действительности не сталкивался с ним. И когда вы спрашиваете, знаем ли мы его, я могу только сказать, что я не знаю. Я только знаю его описания».

«Это снова наши наделенные законом права, — добавил друг, — наше закоренелое желание безопасности, которое мешает нам узнать тот центр. Я не знаю моего собственного сына, хотя я жил с ним с младенчества, и я знаю даже меньше того, что намного ближе, чем мой сын. Чтобы знать это, нужно смотреть на это, наблюдать это, слушать это, но я никогда так не делаю. Я всегда спешу и, когда иногда я смотрю на это, я имею разногласия с этим».

Мы говорим о старении, ухудшении ума. Ум вечно строит рамки его собственной уверенности, безопасности его интересов. Слова, форма, выражение могут меняться время от времени, от культуры к культуре, но центр личного интереса остается. Именно этот центр заставляет ум ухудшаться, каким бы внимательным и активным он ни был снаружи. Этот центр — не фиксированная точка, а различные точки в пределах ума, так что это сам ум. Улучшение ума или перемещение от одного центра до другого не изгоняет эти центры. Дисциплина, подавление или возвеличивание центра только устанавливает другой на его месте.

Теперь, что мы подразумеваем, когда говорим, что мы живы?

«Обычно, — ответил сын, — мы считаем себя живыми, когда говорим, смеемся, когда есть ощущения, деятельность, конфликт, радость».

Итак, то, что мы называем жизнью, — это принятие или «восстание» в пределах рамок общества. Это движение в пределах клетки ума. Наша жизнь — это бесконечный ряд болей и удовольствий, страхов и расстройств, желаний и накоплений, и когда мы рассматриваем ухудшение ума и спрашиваем, возможно ли положить этому конец, наше исследование — также в пределах клетки мнения. И это жизнь?

«Боюсь, что мы не знаем никакой другой жизни, — сказал отец. — Когда мы становимся старше, удовольствия сокращаются, в то время как печали, кажется, увеличиваются. И если вообще кто-то есть вдумчивый, этот кто-то осознает, что ум постепенно ухудшается. Тело неизбежно стареет и познает распад, но как предотвратить это старение ума?»

Мы ведем беспечную жизнь, и к концу ее мы начинаем задаваться вопросом, почему ум распадается и как остановить этот процесс. Конечно же, что имеет значение — так это то, как мы живем в наши дни, не только, когда мы молоды, но также и в среднем возрасте и в течение преклонных лет. Правильный образ жизни требует от нас гораздо больше интеллекта, чем любая профессия для добычи средств к существованию. Правильное мышление существенно для правильного проживания.

«Что вы подразумеваете под правильным мышлением? — спросил друг.

Есть сильное различие, конечно, между правильным мышлением и правильной мыслью. Правильное мышление — это постоянное понимание, правильная мысль, с другой стороны, является либо соответствием образцу, установленному обществом, либо реакцией против общества. Правильная мысль статична, это процесс группировки вместе определенных концепций, называемых идеалами, и следованием им. Правильная мысль неизбежно создает авторитарный, иерархический взгляд на жизнь и порождает респектабельность. В то время как правильное мышление — это осознание целостного процесса соответствия, имитации, принятия, восстания. Правильное мышление в отличие от правильной мысли это не то, чего можно достичь, оно возникает спонтанно с самопознанием, которое является восприятием путей «я». Правильное мышление нельзя выучить из книг или узнать от другого, оно проникает через понимание ума во взаимодействии отношений. Но не может произойти никакого

понимания этого взаимодействия, пока ум оправдывает или осуждает его. Так, правильное мышление устраняет конфликт и внутреннее противоречие, которые являются фундаментальными причинами ухудшения ума.

«Разве конфликт — это не необходимая часть жизни? — спросил сын. — Если бы мы не боролись, мы просто прозябали бы».

Мы думаем, что мы живы, когда мы в ловушке конфликта амбиции, когда нами руководит зависть, когда желание подталкивает нас к действию. Но все это приводит только лишь к большему страданию и смятению. Конфликт увеличивает эгоцентричную деятельность, но понимание конфликта возникает через правильное мышление.

«К сожалению, этот процесс борьбы и страдания, где мало радости, — это единственная жизнь, которую мы знаем, — сказал отец. — Имеются намеки на другую жизнь, но их немного. Выйти из этого беспорядка и найти ту другую жизнь — это вечная цель нашего поиска».

Искать то, что за пределами фактического, означает оказаться в ловушке иллюзии. Каждодневное существование с его амбициями, завистью и так далее должно быть понято, но понимание этого потребует осознания, правильного мышления. Не происходит правильного мышления, когда мысль начинается с предположения, предубеждения. Начинание с умозаключения или поиск предвзятого ответа кладет конец правильному мышлению, фактически, тогда вообще нет никакого мышления. Итак, правильное мышление — это основа справедливости.

«Мне кажется, — заметил сын, — что по крайней мере один из факторов в этой всей проблеме ухудшения ума — это вопрос правильного занятия».

Что вы подразумеваете под правильным занятием?

«Я заметил, сэр, что те, кто полностью поглощены некой деятельностью или профессией, вскоре забывают себя, они слишком заняты, чтобы думать о себе, что совсем неплохо».

Но разве такое поглощение не есть бегство от себя? И убегать от себя — это неправильное занятие, оно извращает, оно порождает разделение, вражду и так далее. Правильное занятие приходит с правильным образованием и с пониманием себя. Разве вы не заметили, что независимо от того, какая деятельность или профессия, «я» сознательно или подсознательно использует это как средство для его собственного вознаграждения, удовлетворения его амбиции или для достижения успеха во власти?

«Это так, к сожалению. Мы, кажется, используем все, чего мы касаемся, для нашего собственного продвижения».

Именно этот личный интерес, это постоянное самопродвижение делает ум мелочным, и пусть его деятельность будет обширной, пусть он будет занят политикой, наукой, искусством, исследованием или чем угодно, будет происходить сужение мышления, мелочность, которая вызывает ухудшение и распад. Только, когда есть понимание полностью всего ума, неосознанного, также как сознательного, есть возможность его восстановления.

«Приземленность — это проклятие современного поколения, — сказал отец. — Оно увлечено мирским и не придает раздумьям о серьезном».

Это поколение такое же, как и другие поколения. Мирские вещи не только холодильники, шелковые рубашки, самолеты, телевизоры и так далее, сюда входят идеалы, стремление к власти, личное или коллективное, и желание быть в безопасности, в этом мире или в следующем. Все это развращает ум и вызывает его распад. Проблема ухудшения должна быть понята вначале, в юном возрасте, а не в период физического спада.

«Это означает, что для нас нет никакой надежды?»

Вовсе нет. Труднее остановить ухудшение ума в нашем возрасте, это все. Чтобы вызывать радикальную перемену в способах нашей жизни, должно быть расширяющееся осознание и

большая глубина чувства, которое есть любовь. С любовью возможно все.

Важность изменения

Большие черные муравьи проделали путь сквозь траву, через небольшой участок песка, по груде щебня и через дыру в древней стене. Немного подалее от стены была нора, которая служила им домом. По этому пути шло интенсивное передвижение туда-сюда, непрерывная суeta в обоих направлениях. Каждый муравей задерживался на секунду, когда он проходил мимо другого, их головы соприкасались, и снова они шли дальше. Их, наверное, были тысячи. Только когда солнце было на самом верху, та дорожка становилась пустой, и тогда вся деятельность сосредотачивалась вокруг их гнезда около стены. Они рыли землю, каждый муравей выносил песчаную частичку, гальки или немного земли. Когда поблизости вы слегка стучали по земле, они все начинали карабкаться. Они выбегали из норы, ища агрессора, но вскоре они успокаивались и возобновляли свою работу. Как только солнце склонилось на запад, и приятной прохладой подул вечерний бриз с гор, они снова стройными рядами вышли на свой путь, населяя тихий мир травы, песка и щебня. Они шли по тому пути на довольно-таки приличное расстояние, охотясь, и они находили много чего: ногу кузнечика, мертвую лягушку, останки птицы, наполовину съеденную ящерицу или какое-нибудь зерно. Все атаквалось яростно. То, что не могло быть унесено сразу, съедалось на месте или уносилось домой частями. Только дождь останавливал их постоянную деятельность, но с последними каплями они снова выходили. Если бы вы сунули палец на их путь, они бы нюхали вокруг кончика, и некоторые поднялись бы вверх, только чтобы спуститься снова.

Древняя стена имела собственную жизнь. Рядом с верхом имелись отверстия, в которых яркие зеленые попугаи с загнутыми красными клювами свили свои гнезда. Они были застенчивой стаей и не любили, чтобы вы подходили слишком близко. Визжа и цепляясь за рассыпающиеся красные кирпичи, они выждали бы, чтобы посмотреть, что вы собирались делать. Если вы не подходили еще ближе, они забирались в отверстия, оставляя торчать только перья своего бледно-зеленого хвоста. После того, еще раз поерзав, исчезали перья, и показывались их красные клювы и красивые зеленые головы. Они успокаивались перед сном.

Стена окружала древнюю могилу, чей купол, ловя лучи садящегося солнца, пылал, как будто кто-то изнутри зажег свет. Вся конструкция была хорошо выложена и блестяще сооружена, у нее не было линии, которая могла бы раздражать вас, и она выделялась на фоне вечернего неба, кажущаяся освобожденной от земли. Все было ярко оживленным, и все: древняя могила, рассыпающиеся красные кирпичи, зеленые попугаи, занятые муравьи, свист отдаленного поезда, тишина и звезды, — было слито во единую жизнь. Это была благодать.

Хотя было поздно, они хотели прийти, так что все мы вошли в комнату. Надо было зажечь фонари, и в спешке один разбила, но оставшиеся два давали достаточно света для нас, чтобы видеть друг друга, когда мы сидели в круге на полу. Один из тех, кто пришел, был клерком в каком-то офисе. Он был маленький и нервный, а его руки были в постоянном движении. У другого, должно быть, было немного больше денег, поскольку он имел магазин и у него был вид человека, который прокладывает свой путь в мире. Грузного телосложения и довольно толстый, он был склонен к порывистому смеху, но сейчас был серьезным. Третий посетитель был старик, и после ухода на пенсию, объяснил он, имел больше времени, чтобы изучать Священные писания и исполнять пуджа, религиозную церемонию. Четвертый был художником с длинными волосами, который наблюдал неподвижным взглядом за каждым нашим движением, жестом, он не собирался что-нибудь пропустить. Некоторое время все молчали. Через открытое окно можно

было видеть одну или две звезды, и резкий аромат жасмина проникал в комнату.

«Мне бы хотелось сидеть вот так спокойно еще какое-то время, — сказал торговец. — Это благословение чувствовать такую тишину, она обладает целебным свойством. Но я не хочу тратить время впустую, объясняя мои нынешние ощущения, и думаю, что лучше начать с того, ради чего я пришел поговорить. У меня была очень напряженная жизнь, больше, чем у большинства людей, и так как я никоим образом не богатый человек, я сейчас хорошо живу. Я всегда пробовал вести религиозную жизнь. Я не был слишком жаден, занимался благотворительностью и я не обманывал других без надобности. Но когда вы занимаетесь бизнесом, иногда приходится не говорить абсолютную правду. Я бы мог заработать намного больше денег, но я отказал себе в таком удовольствии. Я развлекаюсь простыми способами, но в целом я вел серьезную жизнь. Могло бы быть и лучше, но в действительности не было плохо. Я женат и имею двоих детей. Вкратце, сэр, вот такая у меня личная история. Я читал некоторые из ваших книг и посетил ваши беседы, и я пришел сюда, чтобы вы меня научили, как вести более глубокую религиозную жизнь. Но я должен позволить другим джентльменам высказаться».

«Моя работа — довольно утомительная рутина, но я не пригоден для какой-то другой работы, — сказал клерк. — У меня самого мало потребностей, и я не женат, но я должен поддерживать родителей, и к тому же я помогаю своему младшему брату учиться в колледже. Я совсем не религиозен в ортодоксальном смысле, но религиозная жизнь очень сильно меня влечет. Я часто соблазняюсь тем, чтобы отказаться от всего и стать саньясином, но чувство ответственности по отношению к моим родителям и моему брату заставляет меня повременить. В течение многих лет я каждый день медитировал, и с тех пор, как услышал ваше объяснение, что такое настоящая медитация, я пробовал следовать ему. Но это очень трудно, по крайней мере для меня, и я не могу, кажется, вникнуть в ее суть. К тому же, моя должность клерка, которая требует, чтобы я работал целый день над чем-то, к чему я не питаю ни малейшего интереса, вряд ли способствует высокому мышлению. Но я глубоко жажду найти истину, если это когда-либо возможно для меня, и, пока я молод, я хочу установить правильный курс для оставшейся части моей жизни. Поэтому я здесь».

«Что касается меня, — сказал старик, — я достаточно знаком со Священными писаниями, и с тех пор, как я уволился с должностного поста в правительстве несколько лет назад, все мое время принадлежит мне. У меня нет никаких обязанностей, мои дети выросли и женаты, так что я свободен, чтобы размышлять, читать и говорить о серьезных вещах. Меня всегда интересовала религиозная жизнь. Время от времени я внимательно слушал того или иного учителя, но никогда не был удовлетворен. В некоторых случаях их учения совсем ребяческие, в то время как другие догматичны, православные и просто объяснительные. Я недавно посетил некоторые из ваших бесед и обсуждений. Я во многом следую тому, что вы говорите, но есть определенные пункты, с которыми я не могу согласиться, или, скорее, которые я не понимаю. Согласие, как вы объяснили, может существовать в отношении мнений, умозаключений, идей, но в отношении истины не можете быть никакого „согласия“: или вы видите ее или нет. Особенно я хотел бы получить дальнейшее разъяснение по поводу окончания мысли».

«Я художник, но еще не очень хороший, — сказал человек с длинными волосами. — Я надеюсь однажды поехать в Европу изучать искусство. Здесь у нас посредственные учителя. Для меня красота в любой форме — это выражение действительности, это аспект божественного. Прежде, чем я начинаю рисовать, я медитирую, как античные художники, над более глубокой красотой жизни. Я пробую пить из родника всей красоты, уловить проблеск возвышенного и только затем я начинаю мое сегодняшнее рисование. Иногда это проникает в душу, но чаще нет. Как усердно я ни пытаюсь, ничто, кажется, не получается, и целые дни, даже недели, потрачены впустую. Я также пробовал поститься, наряду с различными упражнениями, и физическими, и

интеллектуальными, надеясь пробудить творческое чувство, но все напрасно. Все остальное вторично по отношению к этому чувству, без которого не может быть истинного художника, и я пойду на край земли, чтобы его найти. Именно поэтому я пришел сюда».

Все мы сидели спокойно какое-то время, каждый в своих собственных мыслях. Ваши проблемы разные или они похожи, хотя они могут казаться разными? Не может быть так, что есть одна основная тема, проходящая сквозь все?

«Я не уверен, что моя проблема каким-то образом связана с проблемой художника, — сказал торговец. — Он ищет вдохновения, творческого чувства, а я хочу вести более глубокую духовную жизнь».

«Это в точности то, что тоже хочу делать я, — ответил художник, — но выразил это по-другому».

Нам нравится думать, что наша специфическая проблема исключительна, что наша печаль полностью отличается от печали других. Мы хотим оставаться отделенными любой ценой. Но печаль есть печаль, неважно, ваша или моя. Если мы не поймем это, мы не сможем продолжать, мы будем чувствовать себя разочарованными, расстроенными. Конечно, все мы здесь чего-то жаждем, проблема каждого — это по существу проблема всех. Если мы по-настоящему почувствуем суть этого, то мы уже проделали длинный путь в нашем понимании, и мы можем исследовать вместе. Мы можем помогать друг другу, слушать и учиться друг у друга. Тогда авторитет учителя не имеет никакого значения, это становится глупым. Ваша проблема — это проблема другого, ваше горе — это горе другого. Любовь не исключительна. Если это ясно, господа, давайте продолжим.

«Думаю, что все мы теперь понимаем, что наши проблемы не несвязанны», — ответил старик, а другие закивали в знак одобрения.

Тогда, что является нашей общей проблемой? Пожалуйста, не отвечайте немедленно, давайте посмотрим.

Не так ли это, господа, что должно произойти фундаментальное преобразование внутри себя? Без этого преобразования вдохновение всегда преходящее, и идет постоянная борьба за то, чтобы вернуть его. Без этого преобразования любое усилие вести духовную жизнь может быть только очень поверхностным, делом ритуалов, колокола и книги. Без этого преобразования мышление становится средством бегства, формой самогипноза.

«Это так, — сказал старик. — Без глубокого внутреннего изменения всякое усилие быть религиозным или духовным просто царапает по поверхности».

«Я полностью согласен с вами, сэр, — добавил человек из офиса, — я чувствую, что во мне должно произойти коренное изменение, иначе я буду продолжать жить так всю оставшуюся часть моей жизни, ища, спрашивая и сомневаясь. Но как вызвать это изменение?»

«Я также понимаю, что должно произойти резкое изменение внутри меня самого, если тому, что я ищу, суждено возникнуть, — сказал художник. — Радикальное преобразование в себе явно необходимо. Но, как тот джентльмен уже спросил, как такое изменение должно быть вызвано?»

Давайте предадимся нашими умами и сердцами открытию способа, как это происходит. Что является важным, конечно, так это чувствовать срочную потребность измениться радикально, а не просто быть убежденным словами другого, что вы должны измениться. Захватывающее описание может стимулировать вас, чтобы вы ощутили, что вам надо измениться, но такое ощущение очень поверхностно, и оно пройдет, когда стимулирующее воздействие кончится. Но если сами вы увидите важность изменения, если почувствуете без какого-то принуждения, побуждения или влияния, что необходимо радикальное преобразование, тогда само это чувство будет действием преобразования.

«Но как иметь это чувство?» — спросил торговец.

Что вы подразумеваете под словом «как»?

«Так как у меня нет этого чувства изменения, как я могу искусственно вызвать его?»

А вы можете вызвать искусственно это чувство? Не должно ли оно возникнуть спонтанно из вашего собственного прямого восприятия чрезвычайной потребности в радикальной трансформации? Чувство создает его собственные средства действия. С помощью логического рассуждения вы можете прийти к выводу, что фундаментальное изменение необходимо, но такое интеллектуальное или словесное понимание не вызывает действие изменения.

«Почему нет?» — спросил старик.

Разве интеллектуальное или словесное понимание не поверхностный отклик? Вы слышите, вы рассуждаете, но все ваше бытие не вступает в это. Ваш поверхностный ум может соглашаться, что изменение необходимо, но полностью весь ваш ум не уделяет свое полное внимание, он разделен сам в себе.

«Вы имеете в виду, сэр, что действие изменения происходит только тогда, когда имеется полное внимание?» — спросил художник.

Давайте это рассмотрим. Одна часть ума убеждена, что фундаментальное изменение необходимо, но остальную часть ума это не волнует. Она может во временном бездействии или спать, или активно противостоять такому изменению. Когда это случается, в пределах ума возникает противоречие, одна часть желает изменения, а другая безразлична или оппозиционно настроена в отношении изменения. В результате этого конфликт, в котором та часть ума, которая хочет изменения, пытается преодолеть упорствующую часть, называется дисциплиной, возвышением, подавлением. Ее также называют идеалом. Делаются попытки построить мост над пропастью внутреннего противоречия. Существует идеал, интеллектуальное или устное понимание, что должно быть фундаментальное преобразование, и неопределенное, но реальное чувство нежелания быть беспокоенным, желание позволить вещам быть такими, какие они есть, опасение изменения, ненадежности. Таким образом, в уме имеется разделение, и преследование идеала — это попытка слепить вместе две противоречащих части, что невозможно. Мы преследуем идеал, потому что это не требует немедленного действия, идеал — это общепринятая и уважаемая отсрочка.

«Тогда попытка изменить себя — это всегда форма отсрочки?» — спросил человека из офиса.

А разве не так? Разве вы не заметили, что когда вы говорите: «я изменюсь», вы вообще не имеете никакого намерения измениться? Вы или изменяетесь, или нет, попытка измениться имеет фактически очень мало значения. Преследование идеала, попытка измениться, принуждение двух конфликтующих частей ума соединиться вместе актом воли, практикование метода или дисциплины, чтобы достичь такого объединения, и так далее — это все бесполезное и расточительное усилие, которое фактически мешает любому фундаментальному преобразованию центра, «я», эго.

«Я думаю, что понимаю то, что вы доносите до нас, — сказал художник. — Мы играем с идеей изменения, но никогда не изменяемся. Изменение требует решительного, объединенного действия».

Да, и объединенное или интегрированное действие не может произойти, пока есть конфликт между противостоящими частями ума. «Я понимаю это, я действительно понимаю! — воскликнул человек из офиса. — Никакой идеализм, никакое логическое рассуждение, никакие убеждения или умозаключения не могут вызвать изменение, о котором мы говорим. Но что тогда будет?»

Разве вы тем самым вопросом не мешаете самому себе обнаружить воздействие изменения?

Мы так стремимся к результатам, что не делаем паузу между тем, что мы только что обнаружили как истинное или ложное, и раскрытием другого факта. Мы ускоряемся вперед без полного понимания того, что уже нашли.

Мы поняли, что рассуждение и логические умозаключения не вызовут это изменение, это фундаментальное преобразование центра. Но прежде, чем мы спросим, какой фактор вызовет его, мы должны полностью знать уловки, которые использует ум, чтобы убедить себя, что изменение является постепенным и должно быть произведено через стремление к идеалам и так далее. Видя истинность или ошибочность всего того процесса, мы можем продолжать спрашивать нас самих, что является фактором, необходимым для этой радикальной перемены.

А теперь, что же это, что заставляет вас двигаться, действовать?

«Любое сильное чувство. Сильный гнев заставит меня действовать, я могу впоследствии сожалеть об этом, но чувство взрывается, перерастая в действие».

То есть, все ваше бытие находится в нем, вы забываете или игнорируете опасность, вы потеряны для вашей собственной безопасности, надежности. Само чувство — это действие, нет никакого промежутка между чувством и актом. Промежуток создан так называемым процессом рассуждения, взвешиванием за и против согласно убеждениям, предубеждениям, опасениям и так далее. Действие тогда расчетливое, оно лишено спонтанности, всего человеческого. Люди, которые жаждут власти, для себя ли или для их группы или их страны, поступают таким образом, и такое действие только порождает дальнейшее страдание и смятение.

«Фактически, — продолжал человека из офиса, — даже сильное чувство фундаментального изменения скоро стирается самозащитным рассуждением, размышлением, что случится, если такое изменение произойдет в вас, и так далее».

Ощущение тогда ограничивается идеями, словами, так ведь? Появляется противоречащая реакция, рожденная желанием не быть побеспокоенным. Если это именно тот случай, тогда продолжайте все по-старому, не обманывайте себя следованием идеалу, говоря, что вы пробуете измениться, ну и все такое. Просто останьтесь с фактом, что вы не хотите изменения. Достаточно самого по себе осознания этой истины.

«Но я хочу измениться».

Тогда изменитесь, но не говорите так бесчувственно о необходимости изменения. Это не имеет никакого значения.

«В моем возрасте, — сказал старик, мне нечего терять в материальном смысле, но отказываться от старых идей и заключений — это совсем другое дело. Теперь я понимаю, по крайней мере, одну вещь: то, что может быть фундаментальное изменение без пробуждения его чувства. Размышление необходимо, но это не инструмент действия. Знать — не обязательно означает действовать».

Но действие чувства — это также действие знания, эти двое неотделимы, они отделены только, когда причина, знание, умозаключение или вера стимулирует действие.

«Я начинаю очень четко понимать это, и мое знание Священных писаний как основа для действия уже теряет свою власть над моим умом».

Действие, основанное на чьем-то авторитете, вообще никакое не действие, это простое подражание, повторение.

«А большинство из нас в ловушке этого процесса. Но можно из него вырваться. Я много понял этим вечером».

«Так же и я, — сказал художник. — Для меня это обсуждение было сильно стимулирующим, но я не думаю, что возбуждение допустит какую-то реакцию. Я очень ясно кое-что увидел, и я собираюсь преследовать это, не зная, куда оно приведет». «Моя жизнь была порядочной, — сказал торговец, — и порядочность не способствует изменению, особенно

фундаментальному, о котором мы говорили. Я очень искренне возвращал в себе идеалистическое желание измениться и вести истинную религиозную жизнь. Но я теперь вижу, что медитация над жизнью и способах изменения более необходимы».

«Могу я добавить еще слово? — спросил старик. — Медитация осуществляется не над жизнью, она сама по себе способ жизни».

Убийство

Солнце не поднимется еще в течение двух или трех часов. В небе не было ни облачка, и звезды кричали от радости. Небеса были окружены темным контуром холмов, и ночь была совсем тихой. Ни одна собака не лаяла, и сельские жители еще не встали. Даже сова с глубоким хрипом молчала. Окно впускало в комнату необъятность ночи, и возникало то странное чувство, как будто вы были полностью одни — пробужденное уединение. Небольшой ручей тек под каменным мостом, но вам надо было прислушаться к нему, его нежное журчание было почти неслышным в той всеохватывающей тишине, которая была настолько интенсивна, так проникновенна, что все ваше бытие содержалось в ней. Она не была противоположностью шуму, шум мог быть в ней, но не принадлежал ей.

Было все еще довольно темно, когда мы отправились на автомобиле, но утренняя звезда была над восточным холмом. Деревья и кустарники были ярко-зелеными в ярком свете фар, когда автомобиль проделывал путь, петляя среди холмов. Дорога была пустынной, но вам не удавалось слишком быстро ехать из-за многочисленных поворотов. На востоке было теперь начало зарева, и хотя мы болтали в машине, происходило пробуждение медитации. Ум был полностью неподвижен, он не спал, он не был утомлен, а совершенно спокоен. В то время как небо становилось все светлее и светлее, ум углублялся далее и далее, глубже и глубже. Хотя он осознавал огромный шар золотого света и разговор, который происходил, он был в уединении, передвигаясь без всякого сопротивления, без всякого указания. Он было одинок, подобно свету в темноте. Он не знал, что он был одинок, знает только слово. Он был движением, которое не имело никакого конца и никакого направления. Это происходило без причины, и это продолжится без времени.

Фары были выключены, и в том раннем утреннем свете богатая, зеленая местность очаровывала. Была тяжелая роса, и везде, где лучи солнца касались земли, всеми цветами радуги искрились бесчисленные сокровища. В тот час голые камни из гранита казались мягкими и уступчивыми, иллюзией, которую восходящее солнце скоро отнимет. Дорога извивалась дальше между сочными рисовыми полями и огромными водоемами, наполненными до краев танцующими водами, которые будут поддерживать влагу земли до следующего сезона дождей. Но дожди еще не закончились, а насколько зеленым и оживленным все было! Домашняя скотина была откормленной, и лица людей на дороге сияли прохладной свежестью утра. Теперь по дороге попадалось много обезьян. Они не относились к тому виду с длинными ногами и длинными телами, которые перепрыгивают, качаясь, с непринужденностью и изяществом с ветки на ветку, или легко и надменно выступают на полях, наблюдая с важными лицами, когда вы проходите. Эти обезьяны были с длинными хвостами и грязной зеленовато-коричневой шерстью, забавляющиеся игрой и шалостями. Одна из них почти оказалась под передним колесом, но ее спасла ее собственная быстрота и внимательность водителя.

Теперь уже было настоящее дневное освещение, и крестьяне в больших количествах были в движении. Автомобилю пришлось съехать к обочине дороги, чтобы пропустить медленно перемещающиеся телеги с волами, которых всегда казалось так много. А грузовики никогда не уступят дорогу, позволяя вам проехать, до тех пор пока вы не сигналили в течение минуты или двух. Известный храм возвышался над деревьями, и автомобиль быстро промчался мимо места рождения святого учителя.

Пришла маленькая группа: женщина и несколько мужчин, но лишь трое или четверо приняли участие в обсуждении. Они были все честными людьми, и вы могли видеть, что они

были хорошие друзья, хотя у них имелись различия в мышлении. Первый человек, который заговорил, имел хорошо ухоженную бороду, орлиный нос и высокий лоб. Его темные глаза были пронзительными и очень серьезными. Второй был болезненно худощав, он был лысый и тонкокожий, и он не мог отвести рук от своего лица. Третий был пухлым, веселым и легким в поведении, он смотрел на вас, как будто покупая акции и будучи неудовлетворенным, он снова взглянет, чтобы посмотреть, был ли его подсчет правильным. Он имел красивые руки с длинными пальцами. Хотя он и смеялся легко, в глубине его присутствовала серьезность. У четвертого была приятная улыбка, и его глаза были как у того человека, который много читал. Хотя он почти не принимал участия в беседе, но внимательно наблюдал. Всем мужчинам, вероятно, было за сорок, а женщина на вид казалась намного моложе, она не говорила, хотя была внимательна к тому, о чем беседовали.

«Мы обсуждали проблемы в нашем кругу в течение нескольких месяцев, и мы хотим обсудить с вами проблему, которая беспокоит нас, — сказал первый. — Видите ли, некоторые из нас едят мясо, а другие нет. Лично я никогда в жизни не ел мясо, оно для меня отталкивающее в любой форме, и я не могу переносить мысль об убийстве животного для того, чтобы наполнить свой желудок. Хотя мы оказались не способными прийти к согласию относительно того, как надо правильно поступать в этом деле, все мы остались хорошими друзьями и продолжим ими быть, надеюсь».

«Я иногда ем мясо, — сказал второй. — Я предпочитаю не есть, но когда вы путешествуете, часто трудно поддерживать сбалансированную диету без мяса, и есть его намного проще. Мне не нравится убивать животных, я чувствителен в этом вопросе, но есть мясо время от времени нормально. Многие пуританские чудаки на предмет вегетарианства более греховны, чем люди, которые убивают, чтобы поесть».

«Мой сын на днях выстрелил в голубя, и мы съели его на обед, — сказал третий говорящий. — Мальчик был весьма возбужден из-за того, что сбил его своим новым дробовиком. Вы бы видели выражение его глаз! Он был и потрясен, и доволен. Чувствуя себя виноватым, он имел в то же самое время вид завоевателя. Я велел ему не чувствовать себя виноватым. Убийство — это жестоко, но это часть жизни, и это не так уж серьезно, пока оно осуществляется умеренно и держится под надлежащим контролем. Есть мясо — это не ужасное преступление, как наш друг здесь выставляет. Я не большой сторонник кровавого спорта, но убивать, чтобы есть, — это не грех против Бога. Зачем создавать так много суеты по этому поводу?»

«Как видите, сэр, — продолжал первый, — я не способен убедить их, что убийство животных для пищи является варварским, и, кроме того, есть мясо — это плохо для здоровья, как знает каждый, кто побеспокоился, чтобы беспристрастно исследовать факты. Для меня не есть мясо — это вопрос принципа. В моей семье мы не ели мясо в течение нескольких поколений. Мне кажется, что человек должен исключить из своей природы эту жестокость убийства животных для пропитания, если он хочет стать по-настоящему цивилизованным».

«Вот это он нам постоянно и рассказывает, — прервал второй. — Он хочет сделать нас, едоков мяса, „цивилизованными“, а другие формы жестокости, кажется, вообще не причиняют ему никакого беспокойства. Он адвокат, и он не возражает против жестокости, применяемой в деятельности его профессии. Однако, несмотря на наше разногласие в этом пункте, мы все еще друзья. Мы обсуждали всю проблему множество раз, и поскольку мы никогда, кажется, не продвигаемся сколько-нибудь дальше, все мы согласились, что мы должны прийти и обговорить это с вами».

«Существуют проблемы важнее, чем убийство какого-то несчастного животного ради пищи, — вставил четвертый. — Все дело в том, как вы смотрите на жизнь».

В чем проблема, господа?

«Есть мясо или не есть мясо», — ответил вегетарианец.

Является ли это главной проблемой или же это часть большей проблемы?

«Для меня желание или нежелание человека убивать животных ради удовлетворения его аппетита указывает на его отношение к более важным проблемам жизни».

Если мы сможем понять, что концентрация исключительно на одной части не вызовет понимание целого, тогда, возможно, мы не будем сбиваться с толку частями. Если мы не способны чувствовать целое, часть получает большую важность, чем она имеет. Существует большая проблема, затрагивающая все это, не так ли? Проблема заключается в убийстве и не просто убийстве животных ради пищи. Человек не является добродетелен, потому что он не ест мясо, и при этом он еще меньше добродетелен, потому что ест. Бог мелочного ума также мелочен, его мелочность измеряется умом, который кладет цветы у его ног. Большая проблема включает многие другие и очевидно отделенные проблемы, которые создал человек внутри себя и вне себя. Убийство — это действительно большая и сложная проблема. Мы рассмотрим ее, господа?

«Я думаю, что мы должны, — ответил четвертый. — Я остро заинтересован в этой проблеме, и мне нравится приближаться к ней всем вместе».

Существует много форм убийства, верно? Есть убийство словом или жестом, убийство из-за страха или гнева, убийство ради страны или идеологии, убийство ради набора экономических догм или религиозных верований.

«Как можно убить словом или жестом?» — спросил третий говорящий.

Неужели вы не знаете? Словом или жестом вы можете убить чью-либо репутацию, с помощью сплетни, клеветы, презрения вы можете стереть в порошок. А не убивает ли сравнение? Разве вы не убиваете мальчика, сравнивая его с другим, кто более умен или больше способен?

Человек, который убивает из-за ненависти или гнева, расценивается как преступник и приговаривается к смерти. В то же самое время, человек, который преднамеренно уничтожает бомбами тысячи людей с лица земли во имя своей страны, удостоивается награды, почтения, на него смотрят, как на героя. Убийство распространяется по земле. Ради безопасности или расширения одной нации уничтожается другая. Животных убивают ради пищи, ради прибыли или ради так называемого спорта.

Их подвергают опытам ради процветания человека. Солдат существует, чтобы убивать. Необычайный прогресс был сделан в технологии массового убийства людей за несколько секунд и на больших расстояниях. Многие ученые полностью заняты этим, и священники благословляют бомбардировщики и машины для убийства. Также мы убиваем капусту или морковь, чтобы есть, мы уничтожаем паразитов. Где мы должны протянуть линию, за которой не будем убивать?

«Это решать каждому лично», — ответил второй.

Действительно ли это так просто? Если вы отказываетесь идти на войну, вас или застрелят, или посадят в тюрьму, или, возможно, в психиатрическую палату. Если вы отказываетесь принимать участие в националистической игре ненависти, вас презирают, и вы можете потерять работу.

Давление создается различными способами, чтобы вынудить вас соответствовать. При уплате налогов, даже при покупке почтовой марки вы поддерживаете войну, убийство вечно изменяющихся врагов.

«Тогда что же делать?» — спросил вегетарианец. — Я хорошо знаю, что я юридически убивал на законных судах много раз. Но я строгий вегетарианец, и я собственными руками

никогда не убиваю никакое живое существо».

«Даже ядовитое насекомое?» — спросил второй.

«Нет, если я могу терпеть его».

«Кто-то другой делает это за вас».

«Сэр, — продолжал адвокат-вегетарианец, — вы предлагаете, чтобы мы не платили налоги и не писали письма?»

Опять же, касаясь сначала деталей действия, размышляя о том, должны ли мы делать это или то, мы заблудимся в специфическом, не постигнув целую проблему. Проблема должна рассматриваться в целом, верно?

«Я вполне понимаю, что должно быть всестороннее представление проблемы, но детали тоже важны. Мы не можем пренебрегать нашей нынешней деятельностью, не так ли?»

Что вы подразумеваете под «всесторонним представлением проблемы»? Это вопрос просто интеллектуального согласия, словесного подтверждения, или вы реально постигаете проблему убийства в целом?

«Если быть честным, сэр, до сих пор я не уделял много внимания более широким значениям проблемы. Я был обеспокоен одним ее специфическим аспектом».

Это похоже на то, когда ты не распахиваешь окна настежь и смотришь на небо, на деревья, на людей, на все движение жизни, а глядишь вместо этого через узкую щель в оконной створке. И ум такой же: маленькая, незначительная часть его очень активна, в то время как остальное бездействует. Эта мелочная деятельность ума создает ее собственные мелочные проблемы добра и зла, ее политические и моральные ценности и так далее. Если бы мы могли действительно понять нелепость этого процесса, мы могли бы естественно, без всякого принуждения, исследовать более широкие области ума. Так что, проблема, которую мы обсуждаем, это не просто убийство или неубийство животных, но жестокость и ненависть, которые вечно увеличиваются в мире и в каждом. Вот это наша реальная проблема, не так ли?

«Да, — решительно ответил четвертый. — Зверство в мире распространяется подобно чуме, целая нация уничтожается ее более крупным и более мощным соседом. Жестокость, ненависть — вот в чем проблема, а не в том, что кому-то доведется попробовать вкус мяса».

Жестокость, гнев, ненависть, которые существуют в нас, выражаются такими разными способами: в эксплуатации слабых сильными и хитрыми, в жестокости принуждения целого народа под угрозой уничтожения принять некий идеологический образ жизни, в построении национализма и суверенных государств через интенсивную пропаганду, в культивировании организованных догм и верований, которые называются религией, но которые фактически отделяют человека от человека. Способы жестокости многочисленные и изощренные.

«Даже если бы мы потратили остальную часть нашей жизни, наблюдая, мы бы не смогли вскрыть все изощренные способы, в которых жестокость проявляет себя, не так ли? — спросил третий. — Тогда, как нам продолжать?»

«Мне кажется, — сказал первый, — что мы упускаем центральную проблему. Каждый из нас защищает себя, мы защищаем свои личные интересы, наши экономические или интеллектуальные вклады или, возможно, традицию, которая приносит нам некую выгоду, не обязательно денежную. Этот личный интерес, присутствующий во всем, чего мы касаемся, от политики до Бога, является корнем вопроса».

Опять-таки, если можно спросить, это просто голословное утверждение, логическое умозаключение, которое может быть порвано в клочья или ловко защищено? Или же оно отражает восприятие реального факта, который имеет значение в нашей повседневной жизни мысли и действия?

«Вы пытаетесь подвести нас к различию между словом и реальным фактом, — сказал

третий, — и я начинаю видеть, как важно то, что мы должны делать это различие. Иначе мы запутаемся в словах, без какого-либо действия, как фактически мы уже и запутались».

Чтобы действовать, должно быть чувство. Чувствование целостной проблемы приводит к полному действию.

«Когда кто-то глубоко чувствует что-нибудь, — сказал четвертый, — он действует, и такое действие не является импульсивным или так называемым интуитивным, не является оно и предумышленным, расчетливым поступком. Оно рождено из глубины вашего бытия. Если тот поступок причиняет вред, боль, этот кто-то бодро расплачивается за него. Но такой поступок редко бывает вредным. Вопрос в том, как поддержать это глубокое чувство?»

«Прежде, чем мы продвинемся дальше, — серьезно вмешался третий человек, — давайте проясним то, что вы объясняете, сэр. Кто-то осознает факт, чтобы иметь полное действие, должно быть глубокое чувство, в котором присутствует полное психологическое понимание проблемы. Иначе есть просто действие по частям, которые никогда не удержат вместе. Это ясно. Затем, как мы говорили, слово — это не чувство, слово может вызывать чувство, но это устное воскрешение не поддерживает чувство. Теперь же, нельзя ли войти в мир чувства напрямую, без его описания, без символа или слова? Не является ли это следующим вопросом?»

Да, сэр. Нас отвлекают слова, символы, мы редко чувствуем, кроме как через стимуляцию понятием, описанием. Слово «Бог» — это не Бог, но это слово вынуждает нас реагировать согласно нашим условностям. Мы можем выяснить истинность или ошибочность Бога только, когда слово «Бог» больше не создает в нас какие-нибудь обиденные физиологические или психологические отклики. Как мы говорили ранее, цельное чувство приводит к цельному действию, или, скорее, цельное чувство есть цельное действие. Ощущение проходит, оставляя вас там, где вы были прежде. Но это цельное чувство, о котором мы говорили, это не ощущение, оно не зависит от стимуляции, оно поддерживает себя, и не нужна никакая искусственная подделка.

«Но как пробудить это цельное чувство?» — настаивал первый.

Если можно так сказать, вы не видите сути. Чувство, которое может быть пробуждено, это вопрос стимуляции, это ощущение, которое приходится лелеять с помощью различных средств, или методов. Тогда средства или методы становятся существенными, а не чувство. Символ, как средство для чувства, хранится в храме, в церкви, и тогда чувство существует только через символ или слово. Но возможно ли пробудить цельное чувство? Поразмыслите, сэр, не отвечайте.

«Я понимаю то, что вы имеете в виду, — сказал третий. — Цельное чувство вообще не пробудить, оно или есть, или его нет. Это оставляет нас в безнадежном положении, не так ли?»

Неужели? Есть ощущение безнадежности, потому что вы хотите прийти к чему-то. Вы хотите получить то цельное чувство и оттого, что вы не можете, вы чувствуете себя довольно растерянно. Именно это желание достичь, прийти к чему-то, стать кем-то создает метод, символ, стимулянт, с помощью которого ум успокаивается и отвлекает себя.

Итак, давайте снова рассмотрим проблему убийства, жестокости и ненависти.

Быть заинтересованным в «гуманном» убийстве весьма абсурдно, воздерживаться от поедания мяса и притом разрушать вашего сына, сравнивая его с другим, означает быть жестоким. Принимать участие в почетном убийстве ради вашей страны или ради идеологии — значит возвращать ненависть. Быть добрым по отношению к животным и жестоким по отношению к вашему собрату поступком, словом или жестом — означает породить вражду и грубость.

«Сэр, кажется, я понимаю то, что вы только что сказали. Но как сделать, чтобы цельное чувство возникло? Я задаю его единственно лишь как вопрос в движении поиска. Я не

спрашиваю о методе: я понимаю его нелепость. Я также понимаю, что желание достичь создает свои собственные препятствия, и что чувствовать себя безнадежным или беспомощным — глупо. Все это теперь ясно».

Если это ясно не просто на словах или разумом, но с реальностью боли, которую шип причиняет вашей ноге, тогда есть сострадание, любовь. Тогда вы уже открыли дверь к этому цельному чувству сострадания. Сострадающий человек знает правильное действие. Без любви вы пробуете выяснить то, что нужно сделать правильно, и ваше действие только приводит к большему вреду и страданию, это действие политиков и реформаторов. Без любви вы не сможете понять жестокость, что-то типа мира может быть установлено с помощью господства террора, но война, убийство продолжатся на ином уровне нашего существования.

«В нас нет сострадания, сэр, и это есть реальный источник нашего страдания, — с чувством сказал первый. — Мы черствы внутри, что-то уродливое в нас самих, но мы хороним это под любезными словами и внешне великодушными поступками. В сердце у нас злокачественная опухоль, несмотря на нашу веру и социальные реформы. Именно в собственном сердце нужно вырвать это, и затем можно садить новое семя. Само воздействие этого — вот жизнь нового семени. Воздействие началось, и путь семени принесет плоды».

Быть разумным — значит быть простым

Море было очень синим, и садящееся солнце едва касалось вершушек низко висевших облаков. Мальчик тринадцати или четырнадцати лет во влажной одежде стоял у автомобиля, дрожа и притворяясь глухим. Он попрошайничал и очень хорошо играл. Получив несколько монет, он ушел, перебегая через пески. Волны мягко накатывались, и они полностью не стирали следы, когда проходили по ним. Крабы катались на волнах и избегали человеческих ног, они позволяли себе быть пойманными волной и сыпучими песками, но они снова подползали, готовые к следующей волне. Сидя на нескольких бревнах, связанных вместе, какой-то мужчина прибыл только что из моря, и он теперь плыл с двумя большими рыбинами. Он был смугл, обожженный жарким солнцем. Приближаясь к берегу с ловкостью и непринужденностью, он протянул свой плот далеко на сухой песок, вне досягаемости волн. Чуть дальше, выгибаясь в сторону моря, была пальмовая роща, а за ней город. Пароход на горизонте стоял, как будто неподвижный, и с севера дул нежный ветерок. Это был час величественной красоты и спокойствия, в который земля и небо встречались. Вы могли сидеть на песке и наблюдать, как волны накатывались и откатывались бесконечно, и их ритмичное движение, казалось, передавалось земле. Ваш ум был оживлен, но не так, как беспокойное море. Он был оживлен и достигал горизонта. У него не было ни высоты, ни глубины, он не был ни далеко, ни близко, не было центра, от которого можно было бы измерить или объять целое. Море, небо и земля были все там, но не было никакого наблюдателя. Было обширное пространство и неизмеримый свет. Свет садящегося солнца падал на деревья, в нем купалась деревня, и его можно было заметить за рекой. Но это был свет, который никогда не зажигают, свет, который сияет вечно. И, удивительно, в нем не было никаких теней, вы не отбрасывали тень ни с какой стороны. Вы не спали, вы не закрыли глаза, потому что сейчас звезды становились видимыми. Но закрывали ли вы глаза или держали их открытыми, свет был всегда там. Его было не поймать и не поместить в святыню.

Мать троих детей, она казалась простой, тихой и скромной, а ее глаза были живыми и наблюдательными, они принимали участие во многом. Когда она заговорила, ее довольно нервная застенчивость исчезла, но она оставалась спокойно осторожной. Ее старший сын получил образование за границей и теперь работал инженером по электронике, второй сын имел хорошую работу на текстильной фабрике, и самый младший только заканчивал колледж. Они все были хорошими мальчиками, говорила она, и можно было видеть, что она гордилась ими. Несколько лет назад они потеряли отца, но он позаботился о том, чтобы они получили хорошее образование и себя обеспечивали. То немногое, что он имел, он оставил ей, и она ни в чем не нуждалась, поскольку потребностей у нее было мало. В этот момент она прекратила говорить, и очевидно ей было трудно высказать то, что было у нее на уме. Чувствуя, что она хотела поговорить о чем-то, я, колеблясь, спросил ее:

— Вы любите ваших детей?

«Конечно, люблю, — ответила она быстро, довольная началом. — А кто не любит своих детей? Я воспитала их с любовью и заботой и была занята все эти годы их прибытиями и продвижением, их печалью и радостями, и всеми другими вещами, о которых заботится мать. Они очень хорошие дети и очень добры ко мне. Они все преуспели в учебе, и они пойдут своим путем в жизни. Возможно, они не оставят свой след в мире, но, в конце концов, немногие оставляют. Мы все сейчас живем вместе, и, когда они женятся, я останусь с одним из них, если будет необходимость. Конечно, у меня есть собственный дом, и я в финансовом плане не завишу

от них. Но странно, что вы задали мне этот вопрос».

Правда?

«Ну, я никогда прежде ни кем не говорила о себе, даже с моей сестрой или с последним мужем, и, когда внезапно задают такой вопрос, это кажется довольно странным. Хотя я действительно хочу говорить с вами об этом. Потребовалось много храбрости, чтобы прийти и встретиться с вами, но сейчас я довольна, что пришла, и что вы настолько облегчили для меня разговор. Я всегда была слушателем, но не в вашем смысле слова. Раньше я слушала мужа и его деловых партнеров всякий раз, когда они заходили. Я слушала своих детей и друзей. Но никто, казалось, не хотел послушать меня, и большей частью я молчала. Выслушивая других, сам учишься, но по большому счету из того, что слышишь, ничто не является незнакомым. Мужчины сплетничали так же, как и женщины, кроме того, жаловались на свою работу и жалованье, некоторые из них говорили о желанном для них продвижении по службе, другие о социальной реформе, о работе в деревне или что сказал гуру. Я слушала их и никогда не открывала кому-то из них сердце. Некоторые были более умны, а другие более глупы, чем я, но большей частью они не очень-то отличались от меня. Я наслаждаюсь музыкой, но я слушаю ее другим слухом. Я, кажется, слушаю того или иного почти все время, но также есть еще кое-что, что я слушаю, но что всегда ускользает от меня. Могу я говорить об этом?»

Разве вы здесь не поэтому?

«Да, наверное, это так. Понимаете, мне скоро сорок пять, большинство лет я отдала заботам о других. Я была занята тысячью и одной вещью целый день и каждый день. Муж умер пять лет назад, и с тех пор я была занята детьми больше обычного. А сейчас, странным образом, я все время думаю о себе. На днях я с моей невесткой посетила вашу беседу, и что-то в моем сердце защемило, то, что, как я всегда знала, было там. Я не могу очень хорошо это выразить, и надеюсь, что вы поймете, о чем таком я хочу поговорить».

Можно помочь вам?

«Хотелось бы, чтобы вы помогли».

Трудно быть простым прямо до конца чего-нибудь, не так ли? Мы испытываем что-то, что само по себе является простым, но вскоре оно становится сложным. Трудно удержать его в пределах границ его первоначальной простоты. Разве вы не чувствуете, что это так?

«В некотором смысле, да. В моем сердце есть что-то простое, но я не знаю, что все это означает».

Вы сказали, что любите ваших детей. Каково значение того слова «любовь»?

«Я сказала вам, что это означает. Любить детей — значит заботиться о них, следить, чтобы они не причинили себе вреда, чтобы они не наделали слишком много ошибок. Это значит помогать им готовиться к хорошей работе, видеть их счастливо женатыми и так далее».

И это все?

«Чего же больше может сделать мать?»

Если позволите спросить, ваша любовь к вашим детям заполняет вашу жизнь целиком, или только ее часть?

«Нет, — призналась она. — Я люблю их, но это никогда не заполняло мою жизнь целиком. Взаимоотношения с моим мужем — это было другое. Он мог бы заполнить мою жизнь, но не дети. И теперь, когда они выросли, они живут своей жизнью. Они любят меня, и я люблю их, но отношения между мужчиной и его женой другие, и они найдут свою полноту жизни в женитьбе на достойной женщине».

Вы никогда не хотели, чтобы ваши дети были правильно образованы, так, чтобы они помогли бы предотвращать войны, не были убитыми ради какой-то идеи или удовлетворять жажду власти какого-нибудь политика? Разве ваша любовь не вынуждает вас хотеть помочь им

построить иной вид общества, общества, в котором ненависть, антагонизм, зависть прекратят существовать?

«Но что могу я сделать для этого? Я сама не была должным образом образована, и как так возможно, чтобы я могла помогать создавать новый социальный порядок?»

Разве вы не чувствуете в себе силы для этого?

«Боюсь, что нет. А мы вообще чувствуем в себе силу для чего-нибудь?»

Тогда любовь — это не кое-что сильное, жизненно важное, срочное?

«Она должна быть такой, но у большинства из нас это не так. Я люблю сыновей, молюсь, чтобы ничего плохого с ними не случилось. Если случится, что мне останется делать, кроме как проливать горькие слезы по ним?»

Если в вас есть любовь, разве она не достаточно сильна, чтобы заставить вас действовать? Ревность, как и ненависть, сильна, и она вызывает мощное, решительное действие, но ревность — это не любовь. Тогда знаем ли мы в действительности, что такое любовь.

«Я всегда думала, что любила своих детей, даже при том, что это не было самым великим в моей жизни».

Есть ли тогда более великая любовь в вашей жизни, чем ваша любовь к детям?

Было нелегко приближаться к этой точке, и она чувствовала себя неловко и смущенно, поскольку мы подошли к ней. В течение некоторого времени она не говорила, и мы сидели, не проронив ни слова.

«Я никогда по-настоящему не любила, — тихо начала она. — Я никогда не питала очень глубоких чувств по отношению к кому либо. Бывало, я очень ревновала, и это было очень сильное чувство. Оно разъедало мое сердце и делало меня жестокой. Я плакала, устраивала сцены, и однажды, Боже, прости меня, я ударила. Но все это закончилось и прошло. Сексуальное желание было также очень сильным, но с каждым ребенком оно уменьшалось, и теперь оно полностью исчезло. Мои чувства к детям не такие, какие они должны быть. Я никогда не чувствовала что-нибудь очень сильно, кроме ревности и секса, а это не любовь, правда?»

Не любовь.

«Тогда что является любовью? Привязанность, ревность, даже ненависть, вот то, что я считала, было любовью, и, конечно, сексуальные взаимоотношения. Но теперь те сексуальные взаимоотношения — это лишь очень маленькая часть чего-то намного большего. То большее я никогда не знала, и поэтому секс стал так всепоглощающе важным, по крайней мере, на какое-то время. Когда это прошло, я думала, что любила моих сыновей, но факт в том, что я любила их, если я вообще могу использовать это слово, только в очень маленькой степени. И хотя они хорошие мальчики, они точно такие же, как тысячи других. Наверное, все мы посредственны, удовлетворяемся мелочными вещами: амбицией, процветанием, завистью. Наши жизни мелки, живем ли мы во дворцах или в хижинах. Теперь мне все очень ясно, чего никогда не было раньше, но как вы знаете, я необразованный человек».

Образование не имеет к этому никакого отношения. Посредственность — не монополия необразованных. Ученый, исследователь, самый умный могут тоже быть посредственными. Освобождение от посредственности, от мелочности — это не вопрос класса или учености.

«Но я не думала много, я не чувствовала много, моя жизнь была печальной».

Даже, когда мы по-настоящему сильно чувствуем, это обычно происходит в отношении таких пустяков как личная и семейная безопасность, флаг, некий религиозный или политический лидер. Наше чувство — всегда за или против чего-то, оно не похоже на огонь, горящий ярко и без дыма.

«Но кто должен дать нам тот огонь?»

Зависеть от другого, обращаться к гуру, лидеру — означает отнять у огня уединение,

чистоту, это порождает дым.

«Тогда, если мы не должны просить о помощи, мы должны для начала иметь огонь».

Вовсе нет. Вначале там нет огня. Его нужно вынашивать, должна быть забота, мудрое, с пониманием избавление от тех вещей, которые расхолаживают огонь, которые уничтожают яркость пламени. Тогда только есть огонь, который ничто не сможет погасить.

«Но для этого нужен интеллект, которого у меня нет».

Да он у вас есть. При понимании как мала ваша жизнь, как мало вы любите, при восприятии природы ревности, при начале осознания себя в каждодневных отношениях уже имеется движение интеллекта. Интеллект — это дело упорного труда, быстрого восприятия изоощренных уловок ума, рассматривания факта и ясного мышления без предположений или умозаключений. Чтобы разжечь огонь интеллекта и поддерживать его действующим, требуется настороженность и большая простота.

«Очень любезно с вашей стороны говорить, что я имею интеллект, но имею ли я его?»

Это хорошо спрашивать себя, а не утверждать, что вы имеете или не имеете. Спрашивать правильно — вот само по себе начало интеллекта. Вы препятствуете интеллекту в самой себе из-за ваших собственных убеждений, мнений, утверждений и опровержений. Простота — вот путь интеллекта, а не простой показ простоты внешне и в поведении, но простота внутреннего небытия. Когда вы говорите: «я знаю», вы находитесь на пути не-интеллекта, но когда вы говорите: «я не знаю» и действительно подразумеваете это, вы уже вступили на путь интеллекта. Когда человек не знает, он смотрит, слушает, спрашивает. «Знать» — значит накапливать, а тот, кто накапливает, никогда не будет знать, он не интеллектуален.

«Если я нахожусь на пути к интеллектуальности, потому что я проста и знаю немного...»

Мыслить понятиями «много» — значить быть невежественным. «Много» — это сравнительное слово, а сравнение основано на накоплении.

«Да, я это понимаю. Но, как я сказала, если находишься на пути интеллектуального развития, потому что ты прост и действительно не знаешь ничего, тогда интеллектуальность кажется эквивалентом невежеству».

Невежество — это одно, а состояние незнания — это совсем другое, эти два понятия никоим образом не связаны. Вы можете быть очень умны, умелы, талантливы, и все же быть невеждой. Невежество существует, когда нет самопознания. Невежественный человек — это тот, кто не знает себя, кто не знает, как обманывает себя, как становится тщеславным, как завидует и так далее. Самопознание — это свобода. Вы можете знать все о чудесах земли и неба и все-таки не быть свободным от зависти и печали. Но когда вы говорите «я не знаю», вы познаете. Познавать не значит приобретать знания, вещи или отношения. Быть интеллектуально развитым означает быть простым, но быть простым чрезвычайно трудно.

Смятение и убеждения

Вершины гор позади озера были в темных, тяжелых тучах, но берега озера были в солнце. Была ранняя весна, и солнце не согревало. Деревья были все еще голы, их ветви обнажены, но они были прекрасны на фоне голубого неба. Они могли ждать с терпением и уверенностью, поскольку солнце было над ними, и через несколько недель, они покроются нежными зелеными листочками. Небольшая тропа вдоль озера сворачивала и шла через лес, который состоял главным образом из вечнозеленых растений. Они распространялись на мили, и, если вы достаточно далеко ушли бы по той тропе, вы пришли бы к открытому лугу, а вокруг него были деревья. Это было красивое место, удаленное от мирской суеты. Несколько коров паслись на лугу, но звон их колокольчиков, казалось, не нарушал тишину и не рассеивал чувство отдаленности, одиночества и уединения. Наверняка в это очаровательное место приходили тысячи людей, и когда они уходили с шумом и мусором, оно оставалось неиспорченным, уединенным и дружественным.

В тот полдень солнце было на лугу и на высоких, темных деревьях, которые стояли вокруг, сотканые из зелени, величественные и неподвижные. С вашими заботами и внутренней болтовней, умом и взглядом, блуждающим повсюду, беспокояно задаваясь вопросом, а что если дождь застанет вас по пути назад, вы чувствовали, как будто бы нарушали границы, вас не ждали там. Но вскоре вы стали частью того очаровывающего одиночества. Не было птиц, воздух был наполнен покоем, а вершины деревьев были неподвижны на фоне голубого неба. Пышный зеленый луг был центром этого мира, и когда вы сидели на камне, то были частью этого центра. Это не было воображением и не было попыткой отождествить себя с тем, что было так великолепно открыто и красиво, отождествление — это тщеславие. Это не было попыткой забыться или отказаться от себя в этом ничем не испорченном уединении природы, всякое самозабвенное отречение — это высокомерие. Это не было ударом или принуждением такой величественной чистоты, всякое принуждение — это опровержение истинного. Вы ничего не могли сделать, чтобы заставить себя или помочь себе быть частью той цельности. Но вы были ее частью, частью зеленого луга, твердого камня, голубого неба и величественных деревьев. Это было так. Вы могли бы вспоминать это, но тогда вы не принадлежали бы этому всему, и если бы вы возвратились к этому, вы никогда не нашли бы это.

Внезапно вы услышали дорогие вам звуки флейты, и по пути вы встретили играющего мальчика. Он никогда не собирался быть профессионалом, но в его игре была радость. Он присматривал за коровами. Он был слишком застенчив, чтобы говорить, потому-то он играл на флейте, когда вы спускались по тропе вместе. Он шел вниз до конца, но это было слишком далеко, и через время он повернул обратно, но звуки флейты все еще слышались в воздухе.

Это были муж и жена, без детей, и сравнительно молоды. Маленького роста и хорошо сложенные, они составляли сильную, здоровую пару. Она смотрела на вас прямо, а он изредка поглядывал на вас, когда вы не смотрели на него. Они до этого приходили пару раз, и в них произошли изменения. Физически они остались такими же, но во взгляде и в манере поведения было что-то другое. У них был вид людей, которые становились или уже стали важными. Выйдя из обычной для них стихии, они чувствовали себя немного неуклюжими, напряженными и казались не совсем уверенными. Чувствовалось что им необходимо побеседовать. Они начали рассказывать о своих путешествиях и затронули вопросы, к которым при существующих обстоятельствах не питали особого интереса.

«Конечно, — сказал наконец муж, — мы верим в мастеров, но в данный момент мы не

придаем всему этому особого значения. Люди не понимают и делают из мастеров разных там спасителей, супергуру и то, что вы говорите насчет гуру, совершенно верно. Для нас, мастера — это наши собственные высшие „я“, они существуют не просто как вопрос веры, а как повседневное явление в нашей ежедневной жизни. Они наши проводники по жизни, они ориентируют и указывают путь».

Куда, сэ, если можно поинтересоваться?

«К эволюционным и более благородным процессам жизни. У нас есть изображения мастеров, но они — лишь символы, образы, чтобы ум подробно останавливался и задумывался для того, чтобы привнести что-то большее в наши мелкие жизни! Иначе жизнь становится безвкусной, пустой и очень поверхностной. Поскольку есть лидеры в политических и экономических областях, эти символы выступают как путеводители в царстве высшей мысли. Они так же необходимы, как свет во тьме. Мы не проявляем нетерпимость к другим проводникам, другим символам, мы приветствуем их всех, потому что в эти беспокойные времена человек нуждается в любой помощи, которую он может получить. Поэтому мы не проявляем нетерпимость, но вы кажетесь и терпимым, и довольно догматичным, когда вы отрицаете мастеров как проводников и отклоняете любую форму авторитета. Почему вы настаиваете, что человек должен быть свободен от авторитета? Как мы могли существовать в этом мире, если не было бы некоторого общественного порядка, который в конце концов основан на авторитете? Человек очень устал, и он нуждается в тех, кто может помочь и успокоить его».

Какой человек?

«Человек вообще. Возможно, есть исключения, но обычный человек нуждается в некотором авторитете, проводнике, который будет вести его от простой жизни к жизни духовной. Почему вы против авторитета?»

Существует много видов авторитета, так? Существует авторитет государства для так называемого общего блага. Существует авторитет церкви, догмы и веры, который называется религией, для того, чтобы спасти человечество от зла и помочь ему быть цивилизованным. Существует авторитет общества, который является авторитетом традиции, жадности, зависти, амбиции, и авторитет личных знаний, который является результатом наших условностей, нашего образования. Также существует авторитет специалиста, авторитет таланта и авторитет грубой силы, либо правительства, либо индивида. Почему мы ищем авторитет?

«Это довольно очевидно, не так ли? Как я сказал, человек нуждается в чем-то, чем он мог бы руководствоваться. Будучи в смятении, он естественным образом ищет авторитет, чтобы тот вывел его из смятения».

Сэр, разве вы не говорите о человеке, как будто он существо, отличающееся от вас самих? Разве вы также не ищете авторитет?

«Да, ищу».

Почему?

«Физик знает больше, чем я о структуре материи, и если я хочу изучить факты в данной области, я иду к нему. Если у меня болит зуб, я иду к дантисту. Если я внутри запутался, что случается часто, я ищу руководства высшего „я“, мастера и так далее. Что в этом плохого?»

Идти к дантисту, держаться правой или левой стороны дороги, оплачивать налоги — это одно. Но одно и то же ли, когда принимаешь авторитет, чтобы быть свободным от печали? Эти двое полностью различны, не так ли? Разве психологическая боль должна быть понята и устранена следованием авторитету другого?

«Психолог или аналитик часто могут помочь беспорядочному уму решить его проблему. Авторитет в таких случаях очевидно выгоден».

Но почему вы обращаетесь к авторитету так называемого высшего «я», или мастера?

«Потому что я запутался».

Запутанный ум может когда-либо выяснить то, что истинно?

«Почему нет?»

Что бы вы ни делали, запутанный ум может найти только дальнейшее замешательство, его поиск высшего «я» и ответ, который он получает, будет соответствовать его запутанному состоянию. Когда появляется ясность, приходит конец авторитету.

«Бывают моменты, когда мой ум ясен».

Вы говорите, в сущности, что вы не полностью запутались, что есть часть вас, которая является ясной. И эту предположительно ясную часть вы называете высшим «я», мастером, и так далее. Я не говорю это в какой-либо уничижительной манере. Но может ли быть так, что одна часть ума запутана, а другая — нет? Или так хочется думать?

«Я только знаю, что бывают моменты, когда я не в смятении».

Может ли ясность знать себя как находящуюся не в смятении? Может ли смятение узнать ясность? Если смятение узнает ясность, то, что узнано, является все еще частью смятения. Если ясность сознает себя как состояние несмятения, то это результат сравнения, она сравнивает себя со смятением, и поэтому она часть смятения.

«Вы говорите, что я полностью запутался, верно, сэр? Но только это не так», — настаивал он.

Вы осознаете сначала смятение или ясность?

«А не похоже ли это на вопрос, что появилось сначала: курица или яйцо?»

Не совсем. Когда вы счастливы, вы счастливы, в ту же минуту счастье прекращается. В обращении к Атману, суперразуму, мастеру или как бы вы это ни назвали, чтобы прояснить ваше смятение, вы действуете из-за смятения. Ваше действие — это результат обусловленного ума, не так ли?

«Возможно».

Будучи в смятении, вы ищете или устанавливаете авторитет, так чтобы прояснить то смятение, что только все ухудшает.

«Да», — согласился он неохотно.

Если вы понимаете суть этого, то вашей единственной заботой будет прояснение вашего смятения, а не с установлением авторитета, который не имеет никакого значения.

«Но как мне прояснить мое смятение?»

Являясь по-настоящему и признавшись себе в собственном смятении. Чтобы признаться себе, что вы полностью запутались, — вот начало понимания.

«Но у меня есть положение, которое надо сохранить», — сказал он импульсивно.

Но только так. У вас положение лидера, а лидер столь же запутан, как и те, кого ведут. То же самое и во всем мире. Из-за смятения последователь или ученик выбирает себе учителя, гуру, так что смятение преобладает. Если вы действительно желаете быть свободным от смятения, тогда это ваша забота первой необходимости, а сохранение положения больше не имеет значения. Но вы играли в эту игру — в прятки с самим собой в течение некоторого времени, не так ли, сэр?

«Наверное, да».

Каждый хочет быть кем-то, и поэтому мы делаем себя и других более запутанными и печальными и еще говорим о спасении мира! Нужно сначала прояснить собственный ум, а не волноваться о замешательстве других. Была длинная пауза. Затем жена, которая молча слушала, заговорила довольно оскорбленным голосом.

«Но мы хотим помочь другим, и мы отдали этому свои жизни. Вы не можете забрать у нас

это желание, после всего хорошего, что мы сделали. Вы слишком разрушительный, слишком отрицающий. Вы забираете, но что вы даете? Вы, возможно, и нашли истину, а мы-то нет, мы искатели и мы имеем право на наши убеждения».

Ее муж смотрел на нее как-то с тревогой, задаваясь вопросом, что же произойдет, но она сразу же продолжила.

«После всех лет трудов мы создали для себя положение в нашей организации. Впервые у нас есть возможность быть лидерами, и это наша обязанность принять ее».

Вы так думаете?

«Я совершенно уверена».

Тогда нет и проблемы. Я не пытаюсь убедить вас в чем-нибудь или склонить вас к специфической точке зрения. Думать, исходя из умозаключения или убеждения, — это не думать вообще, и жизнь тогда — это форма смерти, разве не так?

«Без наших убеждений жизнь для нас была бы пуста. Наши убеждения сделали нас такими, какие мы есть, мы верим в некоторые вещи, и они стали частью нашей натуры».

Имеют ли они основание или нет? Имеет ли верование какое-то основание?

«Мы много раздумывали над нашими верованиями и обнаружили, что за ними стоит истина».

Как вы выясняете истину верования?

«Мы узнаем, присутствует ли основная истина в веровании или нет», — ответила она неистово.

Но как вы узнаете?

«С помощью нашего разума, нашего опыта и испытанием нашей повседневной жизни, конечно».

Ваши верования основаны на вашем образовании, на вашей культуре, они — это результат вашего образования и воспитания, социального, родительского, религиозного или традиционного влияния, верно?

«Что в этом плохого?»

Когда ум уже обусловлен набором верований, как может он хоть как-то выяснять истину о них? Несомненно, ум сначала нужно освободить от его собственных верований, и только тогда истина о них может быть воспринята. Это одинаково абсурдно как для христианина насмехаться над верованиями и догмами индуизма, так и для индуса высмеивать христианскую догму, которая утверждает, что вы можете спастись только через определенную веру, потому что они оба в одной и той же лодке. Понимать истину по отношению к верованию, убеждению, догме — сначала должно освободиться от всяких условностей как христианина, коммуниста, индуса, мусульманина или кого угодно. Иначе вы просто повторяете то, что вам сказали.

«Но верование, основанное на переживании, — это другое дело», — утверждала она.

Разве? Верование проецирует переживание, и такое переживание тогда укрепляет верование. Наше видение — это результат наших условностей, как религиозных, так и нерелигиозных. Это так, верно?

«Сэр, то, что вы говорите, действует слишком опустошающе, — возразила она. — Мы слабы, мы не можем устоять на своих ногах и нуждаемся в поддержке нашей веры».

Настаивая на том, что вы не можете устоять на своих ногах, вы делаете себя слабыми, а затем вы позволяете себя эксплуатировать эксплуататору, которого вы создали.

«Но мы нуждаемся в помощи».

Когда вы не ищете ее, помощь приходит. Она может прийти от листочка, от улыбки, от жеста ребенка или из любой книги. Но если вы делаете книгу, лист, образ излишне важным, тогда вы запутываетесь, так как вы оказываетесь в тюрьме вашего собственного создания.

Она стала более спокойна, но все еще чем-то взволнованна. Муж был на грани того, чтобы заговорить, но сдерживал себя. Все мы ждали в тишине, и вот она заговорила.

«Из всего, что вы сказали, можно сделать вывод — вы расцениваете власть как зло. Почему? Что плохого в существовании власти?»

Что вы подразумеваете под властью? Господство государства, группы, гуру, лидера, идеологии, давление пропаганды, через которую умные и хитрые проявляют их влияние над так называемыми массами, — и это то, что вы подразумеваете под властью?

«Отчасти, да. Но существует власть, чтобы делать добро, и власть — делать зло».

Власть в смысле господства, превосходства, влияния силы всегда является злом, нет «хорошей» власти.

«Но есть люди, которые стремятся к власти ради блага их страны или во имя Бога, мира или братства, ведь так?»

Есть, к сожалению. Можно спросить, вы стремитесь к власти?

«Да, — ответила она вызывающе. — Но только, чтобы делать добро другим».

Вот именно это говорят все, от самого жестокого тирана до так называемого демократического политика, от гуру до раздраженного родителя.

«Но мы другие. Настрадавшись, мы хотим помочь другим избежать ловушек, через которые мы прошли. Люди — это дети, и им нужно помочь ради их собственного блага. Мы действительно хотим делать добро».

Вы знаете, что такое добро?

«Думаю, что большинство из нас знает, что такое добро: не причинять вред, быть добрым, быть щедрым, не убивать и не думать только о себе».

Другими словами, вы хотите приказать людям быть щедрыми и душой, и рукой, но нужна ли при этом обширная, утвержденная организация, с возможностью, что один из вас может стать ее главой?

«Мы станем во главе ее только для того, чтобы поддержать движение организации по правильным линиям, а не ради личной власти».

Разве власть в организации так сильно отличается от личной власти? Вы оба хотите наслаждаться ее престижем, возможностями для путешествий, которые она позволит вам, чувствовать себя важным и так далее. Почему бы не относиться к этому проще? Зачем прикрывать все это почтением? Зачем использовать много благородных слов, чтобы скрыть ваше желание успеха и признания, что именно то, чего хочет большинство людей?

«Мы только хотим помочь людям», — настаивала она.

Не странно ли, что кто-то отказывается понимать вещи такими, какие они есть?

«Сэр, — вступил в разговор муж, — думаю, вы не понимаете нашу ситуацию. Мы же обычные люди, и мы не хотим казаться лучше, чем есть на самом деле. У нас есть свои недостатки, и мы честно признаем наши амбиции. Но те, кого мы уважаем и кто был мудрым в многом, попросили нас принять эту должность, и если бы мы не приняли ее, она попала бы в гораздо худшие руки — в руки людей, которые озабочены только собственной персоной. Так что мы чувствуем, что должны принять на себя ответственность, хотя мы не совсем достойны этого. Я искренне надеюсь, что вы поймете».

Не будет ли лучше, если вы поймете то, что вы делаете? Вы заинтересованы в реформах, не так ли?

«А кто не заинтересован? Великие лидеры и учителя прошлого и настоящего всегда были заинтересованы в реформе. От изолировавших себя отшельников, саньясинов, обществу мало проку».

Реформа, хотя и необходима, не имеет большого значения, если все человечество не

принимается в расчет. Срезание нескольких усохших ветвей не сделает дерево здоровым, если его корни нездоровы. Просто реформы всегда нуждаются в дальнейшей реформе. Что является необходимым, так это полная революция в мышлении.

«Но большинство из нас не способны к такой революции. А фундаментальное изменение должно происходить постепенно, через процесс эволюции. Наше стремление — это помочь в этом постепенном изменении, и мы посвятили наши жизни служению человечеству. Разве вам не следует быть более терпимым к человеческой слабости?»

Терпимость — это не сострадание, это вещь, искусственно слепленная хитрым умом из кусков. Терпимость — это реакция из-за нетерпимости, но ни терпимые, ни нетерпимые никогда не будут сострадательными. Без любви всякое так называемое хорошее действие может привести только к дальнейшему вреду и страданию. Уму, являющемуся амбициозным, ищущим власти, не знакома любовь, и он никогда не будет сострадательным. Любовь — это не реформа, а цельное действие.

Внимание без повода

На узкой, тенистой тропинке разделяющей сад молодой юноша играл на флейте. Она была дешевой, деревянной, а играл он популярную мелодию из кинофильма, но чистота звучания заполнила пространство тропинки. Белые стены зданий были вымыты недавними дождями, и на стенах танцевали тени под музыку флейты. Было солнечное утро, в голубом небе плыли рассеянные белые облака, и приятный бриз дул с севера. За домами и садами была деревня с огромными деревьями, возвышающимися над соломенными хижинами. Под деревьями женщины торговали рыбой, какими-то овощами и чем-то жареным. Маленькие дети играли на узкой дороге, а дети еще младше использовали канаву как туалет, забыв о взрослых и проезжавших мимо машинах. Ходило много коз, и их маленькие черно-белые козлята были чище детей. У них была шелковистая и очень мягкая шерсть, и им нравилось, когда их гладят. Пролезая под колючей проволокой ограждения, они перебежали через дорогу на открытую площадку, щипали траву, шумно играя, бодая друг друга, подпрыгивая в воздухе от несдержанности, и затем они мчались назад к матерям. Автомобили замедляли движение, чтобы пропустить их. Они, казалось, имели божественную защиту — чтобы не быть убитыми и съеденными.

Играющий на флейте был там, среди зеленой листвы, и ясное звучание манило на улицу. Мальчик был грязен, его одежда была порванной и нестиранной, а лицо агрессивно резким. Никто не учил его играть на флейте. Он сам этому научился, и когда лилась мелодия из кинофильма, чистота звука была необычайной. Для ума было странно плыть по той чистоте. Удаляясь на несколько шагов, она продолжилась через деревья, над домами и к морю. Ее движение было не во времени и пространстве, а в чистоте. Слово «чистота» — это не чистота, слово привязано к памяти и ко многим ассоциациям. Эта чистота не была изобретением ума, она не была искусственно созданной, чтобы быть уничтоженной с помощью воспоминания и сравнения. Играющий на флейте был там, но ум был бесконечно далеко, не в смысле расстояния, не в понятиях памяти. Он был далеко в пределах себя, ясного, нетронутого, уединенного, вне измерения времени и узнавания. Маленькая комнатка была с видом на лужайку и крошечный сад, полный цветов. Было достаточно места для пятерых и для маленького мальчика, которого кто-то взял с собой. Какое-то время мальчик сидел спокойно, а затем вышел. Он хотел играть, и беседа взрослых ему была неинтересна, хотя вид у него был серьезный. Всякий раз, возвращаясь в комнату, он присаживался к одному из мужчин, который, как оказалось, был его отцом. Через некоторое время мальчик заснул, держась за палец отца.

Они были все активными людьми, очевидно, способными и энергичными. Их соответствующие профессии как адвокат, правительственное должностное лицо, инженер и социальный работник были, за исключением последней, лишь средством их существования. Их реальный интерес распространялся на другое, и они все, казалось, отражали культуру многих поколений.

«Я только забочусь о себе, — сказал адвокат, — но не в узком, личном смысле самосовершенствования. Смысл в том, что я один могу прорваться через барьер столетий и освободить мой ум. Я желаю слушать, рассуждать, обсуждать, но я ненавижу всякое влияние. Влияние, в конце концов, является пропагандой, а пропаганда — это самая глупая форма принуждения. Я много читаю, но я постоянно наблюдаю, так что я не поддаю под влияние мысли автора. Я посетил многие из ваших бесед и обсуждений, сэр, и я согласен с вами, что любая форма принуждения мешает пониманию. Любой, кого убедили, сознательно или подсознательно, думать по специфической линии, пусть даже явно выгодной, обязательно

окажется в некоей форме расстройстве, потому что его удовлетворение соответствует чужому, и так что он по-настоящему никогда не может удовлетворить себя вообще».

Разве мы не находящимся под влиянием того или иного большую часть времени? Можно не осознавать влияния, но не всегда ли оно присутствует во многих утонченных формах? Не является ли сама мысль продуктом влияния?

«Мы вчетвером часто обсуждали этот вопрос, — ответил чиновник, — и нам еще не очень ясно, иначе мы бы не были здесь. Лично я посетил много учителей в их ашрамах по всей стране, но перед встречей с мастером я сначала пытаюсь встретиться с учениками, чтобы понять, как сильно на них повлияли идеи лучшей жизни. Некоторые из учеников возмущаются таким подходом и не могут понять, почему я не хочу сначала увидеть гуру. Они почти полностью под каблуком у авторитета. А ашрамы, особенно крупные, иногда очень эффективно существуют, подобно какому-то офису или фабрике. Люди передают всю их собственность и имущество центральному авторитету и затем остаются в ашрамах под руководством всю оставшуюся часть их жизни. Вы были бы удивлены разнообразием людей, которые находятся там, целое пересечение всех слоев общества: отставные правительственные управляющие, деловые люди, которые собрали свою группу, профессор или два и так далее. И они все во власти влияния так называемого духовного гуру».

Влияние или принуждение ограничивается ашрамами? Герой, идеал, политическая утопия, будущее как символ достижения или становления чем-то — разве эти вещи не оказывают свое тонкое влияние на каждого из нас? И разве не нужно также освободить ум от этого вида принуждения?

«Мы не идем так далеко, — сказал социальный работник. — Мы мудро остаемся в пределах определенных ограничений, иначе получился бы полнейший хаос».

Отбрасывать принуждение в одной форме, только принимать его в более тонкой форме кажется бесполезным усилием, не так ли?

«Мы хотим идти шаг за шагом, систематически и полностью понимая одну форму принуждения за другой», — сказал инженер.

Такое вообще возможно? Разве принуждение или влияние не должно быть осознано в целом, а не по кусочкам? В попытке сбросить одно давление за другим, не является ли этот самый процесс поддерживанием того, от чего вы пытаетесь отказаться, возможно, на ином уровне? Можно ли избавляться от зависти постепенно? Не поддерживает ли само это усилие зависть?

«Чтобы построить что-нибудь, требуется время. Нельзя построить мост сразу же. Время требуется для всего — для семени, чтобы принести плоды, и для человека, чтобы достичь зрелости».

Для некоторых вещей время очевидно необходимо. Чтобы выполнить ряд действий или переместиться в пространстве отсюда туда, требуется время. Но кроме хронологии, время — это игрушка ума, верно? Время используется как средство, чтобы достигать, становиться кем-то, активно или пассивно, время существует в сравнении. Мысль «я есть это, но я стану тем» является путем времени. Будущее — это видоизмененное прошлое, а настоящее становится просто движением или проходом из прошлого к будущему и поэтому имеет небольшую ценность. Время как средство достижения имеет огромное влияние, оно осуществляет давление столетий традиций. Должен ли этот процесс привлечения и принуждения, который является и активным, и пассивным, быть понят постепенно или он должен быть осознан в целом?

«Если позволите прервать, я хотел бы продолжить то, о чем я говорил вначале, — возразил адвокат. — Быть под влиянием означает не думать вообще, и именно поэтому я только

занимаюсь самим собой, но не в эгоцентричном смысле. Если можно быть откровенным, я прочитал некоторые вещи, которые вы сказали об авторитете, и я работаю на тех же самых принципах. Именно по этой причине я больше и близко не подхожу к разным учителям. Авторитета — не в гражданском или юридическом смысле — нужно избегать разумному человеку».

Вы просто заинтересованы в освобождении от внешнего авторитета, от влияния газет, книг, учителей и так далее? Не должны ли вы также быть свободны от каждой формы внутреннего принуждения, от давлений самого ума, не просто поверхностного ума, но глубокого подсознательного? И возможно ли это?

«Это одно из всего, о чем я хотел поговорить с вами. Если вы хоть как-то осознаете, что сравнительно легко наблюдать и освободиться от отпечатка, оставленного на сознательном уме мимолетными влияниями и давлениями извне. Но условности и влияние подсознательного — вот эта проблема, которую весьма трудно понять».

Неправда ли, что подсознательное — это результат бесчисленных влияний принуждений, как самому себе навязываемых, так и наложенных обществом.

«Оно наиболее определенно находится под влиянием культуры или общества, в котором воспитываешься, но то ли эти условности всеохватывающие, то ли частичные, я не совсем уверен».

Вы хотите выяснить?

«Конечно, хочу, именно поэтому я здесь».

Как нам выяснить? «Как» — это процесс исследования, это не поиск метода. Если ищете метод, то исследование остановилось. Довольно очевидно, что на ум влияют, его учат, формируют не только с помощью существующей культуры, но и столетиями культур. Что мы пытаемся выяснить — это влияют ли и обуславливают таким образом только одну часть ума или все сознание.

«Да, вопрос в этом».

Что мы подразумеваем под сознанием? Повод и действие, желание, удовлетворение и расстройство, страх и зависть, традиция, расовое наследие и опыты индивидуума, основанные на коллективном прошлом, время как прошлое и будущее — все это является ли сутью сознания, самим его центром, не так ли?

«Да, и я хорошо ощущаю обширную его сложность».

Можно ли самому почувствовать природу сознания или на вас влияет описание этого другим человеком?

«Если быть совсем честным, то оба. Я чувствую природу моего собственного сознания, но помогает также описание его».

Как трудно, наверное, быть свободным от влияния! Отбросив описание, можно ли почувствовать природу сознания, а не теоретизировать относительно его или увлекаться объяснениями? Важно сделать это, не так ли?

«Думаю, да», — нерешительно вмешался чиновник.

Адвокат был поглощен своими собственными мыслями.

Самому прочувствовать природу сознания — это переживание, отличающееся от узнавания его природы через описание.

«Конечно это так, — ответил адвокат, вернувшись снова к диалогу. — Одно дело — это влияние слов, а другое — это прямое переживание того, что происходит».

Состояние прямого переживания — это внимание без повода. Когда есть желание достичь результата, есть переживание по поводу, что только ведет к дальнейшему созданию условностей в уме. Изучать и изучать с поводом — это противоречащие процессы, так ведь? Учитесь ли вы,

когда имеется повод, чтобы учиться? Накопление знания или приобретение навыков — это не движение изучения. Изучение — это движение, которое не направлено ни к чему-то, ни от чего-то, оно прекращается, когда имеет место накопление знаний с целью получить, достичь прийти к чему-то. Прочувствование природы сознания, изучение ее происходит без повода. Иметь повод, причину — это означает вечно создавать давление, принуждение.

«Вы подразумеваете, сэр, что истинная свобода без причины?»

Конечно. Свобода — это не реакция на неволю. Когда это так, тогда та свобода становится еще одной неволей. Именно поэтому очень важно выяснить, имеется ли повод быть свободным. Если имеется, тогда результат — не свобода, а просто противоположность того, что есть.

«Тогда прочувствовать природу сознания, что является прямым ее переживанием без всякого повода, уже означает освобождение ума от влияния. Это верно?»

А что, разве нет? Разве вы не обнаружили, что повод навлекает влияние, принуждение, соответствие? Для того, чтобы ум был свободным от давления, приятного или неприятного, любой повод, даже изощренный или благородный, должен исчезнуть, но не через какую-то форму принуждения, дисциплины или подавления, что только порождает другой вид неволи.

«Понимаю, — продолжал адвокат. — Сознание — целый комплекс находящихся во взаимосвязи поводов. Чтобы понять этот комплекс, нужно прочувствовать его, изучить без какого-то дальнейшего повода, так как любой повод неизбежно порождает некое влияние, давление. Где имеется любой повод, там нет свободы. Я начинаю очень четко понимать это».

«Но возможно ли действовать без повода? — спросил соцработник. — Мне кажется, что повод неотделим от действия».

Что вы подразумеваете под действием?

«Деревню надо очистить от мусора, дети должны быть образованы, закон должен быть проведен в жизнь, реформы должны быть выполнены и так далее. Все это является действием, а за ним определено имеется некоторый повод. Если действие по поводу неправильно, то что является правильным действием?»

Коммунист считает свой жизненный путь правильным, так считает и капиталист, и так называемый религиозный человек. Правительства имеют пяти— или десятилетние планы и навязывают определенные законы для исполнения. Социальный реформатор задумывает образ жизни, который, как он настаивает, является правильным действием. Каждый родитель, каждый школьный учитель насаждает традицию и внимание. Существуют неисчислимы политические и религиозные организации, каждая со своим лидером и каждая с властью, явной или скрытой, навязывать то, что она называет правильное действие.

«Без всего этого был бы хаос, анархия».

Мы не осуждаем и не защищаем ни один образ жизни, ни одного лидера или учителя, мы пытаемся понять через этот лабиринт, что такое правильное действие. Все эти личности и организации с их предложениями и встречными предложениями пытаются влиять на мысль в этом или том направлении, и то, что называется правильным действием некоторыми, рассматривается другими часто как неправильное действие. Это так, не правда ли?

«Да, до некоторой степени, — согласился социальный работник. — И хотя политическое действие очевидно неполное, фрагментарное, никто не думает о нем, например, как самом правильном или неправильном. Это просто необходимость. Тогда что является правильным действием?»

Попытка соединить все эти противоречивые понятия не приводит к правильному действию, не так ли?

«Конечно, нет».

Видя беспорядок, в котором находится мир, личность реагирует на это по-разному. Она

утверждает, что должна сначала понять себя, что должна очистить собственное бытие и так далее. Или же она становится реформатором, доктринером, политиком, стремясь влиять на умы других, чтобы соответствовать определенному образцу. Но личность, которая таким образом реагирует на социальное замешательство и беспорядок, является все еще его частью. Ее реакция, являющаяся действительно реакцией, может только вызвать замешательство в иной форме. Ни одно не является правильным действием. Правильное действие, конечно, является всецелым действием, оно не фрагментарное и не противоречащее. И именно лишь всецелое действие может адекватно ответить на все политические и социальные требования.

«Что такое всецелое действие?»

Разве сами вы не обнаружили это? Если вам скажут, что это, и вы согласитесь или не согласитесь, это только приведет к другому фрагментарному действию, не так ли? Реформаторская деятельность в пределах общества и деятельности личности как противопоставленная или отделенная от общества является неполным действием. Полное действие находится вне этих двух, и такое действие есть любовь.

Путешествие по морю, не отмеченному на карте

Солнце только что село за деревьями и облаками, и золотое сияние проникало через окно большой комнаты, которая была заполнена людьми, слушающими музыку восьмиструнного инструмента в сопровождении маленького барабана. Почти каждый в аудитории слушал музыку в полном отрешении от действительности, особенно девушка в ярком платье, которая сидела подобно статуе, а ее рука, поддерживая такт, мягко выстукивала ритм по бедру. Это было единственное движение, которое она делала. С поднятой головой и взглядом, не отрывавшимся от человека с инструментом, она забыла обо всем. Другие слушатели покачивали в такт руками или головами. Они были все в экстазе, и мир с войнами, политиками, заботами прекратил существовать.

Снаружи свет постепенно блек, и цветы, которые сияли яркими красками только несколько минут назад, исчезли в сгущающейся темноте. Птицы умолкли, и лишь одна сова начала кричать. Кто-то громко говорил в доме напротив. Сквозь деревья было видно одну или две звезды, и ящерица на белой стене сада была едва заметна, когда она украдкой ползла к какому-то насекомому. Музыка пленила аудиторию. Это была чистая и тонкая музыка, с большой глубиной красоты и чувства. Внезапно струнный инструмент остановился, и заиграл небольшой барабан. Он звучал с ясностью и точностью, что было по-настоящему восхитительно. Руки казались удивительно мягкими и быстрыми, когда ударяли по сторонам маленького барабана, чей звук рассказывал больше, чем бурная болтовня людей. Тот барабан, если попросить, мог бы посылать страстные сообщения с задором и выразительностью, но сейчас он спокойно повествовал о многих вещах, и ум качался на волнах его звучания.

Когда ум находится в полете открытия, воображение является опасным. Воображению нет места в понимании, оно уничтожает понимание так же уверенно, как и предположение. Предположение и воображение — это враги внимания. Но ум осознавал это, и поэтому не было полета, из которого его надо было отзывать. Ум был совершенно спокоен, и все же как быстр он был! Он передвигался на край земли и снова возвращался, даже до того, как начинал свое путешествие. Он был быстрее самого быстрого, и все же мог быть медленным, таким медленным, что никакая деталь не ускользала от него. Музыка, аудитория, ящерица были лишь кратким движением в его пределах. Он был совершенно спокоен, и оттого, что он был спокоен, он был уединенным. Его спокойствие не было спокойствием смерти, и при этом оно не было выдуманным мыслью, вынужденным и порожденным тщеславием человека. Это было движением вне человеческой меры, движением, которое не имело времени, которое не имело никакого прихода и ухода, но которое было спокойным из-за непознанных глубин творения.

Ему было далеко за сорок, был он довольно полным. Образование получил за границей, и спокойно, окольным путем, довел до моего сведения, что знал всех важных людей. Он зарабатывал на жизнь тем, что писал статьи для газет на серьезные темы и читал лекции по всей стране. У него был еще какой-то источник дохода. Он оказался начитанным и интересовался религией, как большинство людей.

«У меня есть собственный гуру, и я хожу к нему настолько регулярно, насколько возможно, но я не из тех слепых последователей. Поскольку я путешествую довольно много, я встречал много учителей, от далекого севера до крайнего юга страны. Некоторые явно фальшивки, с поверхностными книжными знаниями, умно замаскированными под собственный опыт. Есть и другие, которые годы проводили в медитациях, которые занимаются различными формами йоги и тому подобным. Из них мало кто очень продвинутой, и большинство их столь же

поверхностны, как любая другая кучка специалистов. Они знают свой ограниченный предмет и удовлетворены этим. Есть ашрамы, чьи духовные учителя умелы, способны, напористы и полностью деспотичны, наполненные своим собственным возвышенным эго. Я рассказываю вам все это не как сплетню, а чтобы показать, что серьезно отношусь к поиску истины и что способен к пронизательности. Я посетил некоторые из ваших бесед. И так как я должен писать, чтобы жить, я не могу посвятить все свое время религиозной жизни, но я совершенно серьезно отношусь к этому».

Если позволите спросить, какое значение вы придаете слову «серьезный»?

«Я не шучу с религиозными делами и действительно хочу вести религиозную жизнь. Я регулярно выделяю час в день для медитации и уделяю как можно больше времени для моей внутренней жизни. Я очень серьезно отношусь к этому».

Большинство людей серьезно относится к чему-нибудь, не так ли? Они серьезно относятся к своим проблемам, выполнению желаний, положению в обществе, внешности, развлечениям, деньгам и так далее.

«Почему вы сравниваете меня с другими?» — спросил он довольно обиженно.

Я не умаляю вашу серьезность, но каждый из нас серьезен, когда дело касается личных интересов. Тщеславный человек серьезен в его чувстве собственного достоинства, могущественные серьезно относятся к их важности и влиянию.

«Но я умерен в своих действиях и очень серьезен в моем намерении вести религиозную жизнь».

Желание чего-либо приводит к серьезности? Если это так, то фактически каждый серьезен, от хитрого политика до самого возвеличенного святого. Объект желания может быть светским или каким-то другим, но каждый серьезен, кто стремится к чему-то, получается так?

«Конечно же, есть различие, — ответил он с некоторым раздражением, — между серьезностью политика или стяжателя, и религиозным человеком. Серьезность религиозного человека имеет качество, которое полностью отличается».

Имеет ли она в действительности? Что вы подразумеваете под религиозным человеком?

«Человека, который ищет Бога. Отшельника или саньясина, который отказался от мира, чтобы найти Бога, я бы назвал по-настоящему серьезным. Серьезность других, включая художника и реформатора, относится к совершенно другой категории».

Является ли человек, ищущий Бога, действительно религиозным? Как он может искать Бога, если он не знает Его? А если он знает Бога, которого ищет, то он знает лишь то, что ему сказали или что он прочитал. Или же он основан на его персональном опыте, который опять же сформирован традицией и его собственным желанием найти безопасность в другом мире.

«Не слишком ли вы не логичны?»

Конечно, нужно понять механизм создания мифа умом прежде, чем может произойти переживание того, что является вне меры ума. Должна быть свобода от известного для того, чтобы возникло неизвестное. Неизвестное нельзя преследовать или искать. Серьезен ли тот, кто преследует проекцию его собственного ума, даже когда эта проекция называется Богом?

«Если вы выставляете это в таком свете, то ни один из нас не серьезен».

Мы серьезны в преследовании того, что является приятным, удовлетворяющим.

«Что в этом плохого?»

Это не является ни хорошим, ни плохим, но просто дело в факте. Разве не это фактически происходит с каждым нас?

«Я могу только говорить за себя, и не считаю, что я ищу Бога ради моего собственного удовлетворения. Я отказываю себе во многом, что не совсем приятно».

Вы отказываете себе в определенных вещах ради большего удовлетворения, не так ли?

«Но поиск Бога — не вопрос удовлетворения», — настаивал он.

Можно видеть глупость преследования мирских вещей, или быть расстроенным при усилении достичь их, или питать отвращение к боли и борьбе, которых такое достижение требует. И таким образом, ум поворачивается к другой приземленности, к преследованию радости или счастья, которые называют Богом. В самом процессе самоотречения заложено удовлетворение от него. В конце концов, вы стремитесь к некоей форме постоянства, не так ли?

«Все мы стремимся, такова природа человека».

Так что вы не ищете Бога или неизвестное, то, что вне и над преходящим, вне борьбы и горя. Что вы на самом деле ищете, так это постоянного состояния безмятежного удовлетворения.

«Так открыто заявлять об этом ужасно».

Но это реальный факт, верно? Именно в надежде полного удовлетворения мы идем от одного учителя к другому, от одной религии к другой, от одной системы к другой. И мы очень серьезны в этом.

«Допустим», — сказал он.

Сэр, это не вопрос уступки или соглашения на словах. Это факт, что мы очень серьезны в нашем поиске довольства, глубокого удовлетворения, хотя во многом способ достижения этого может варьироваться. Вы можете дисциплинировать себя с целью приобретения власти и положения в этом мире, в то время как я могу строго заниматься определенными методиками в надежде достижения так называемого духовного состояния, но мотивация в каждом случае по существу та же самая. Одно побуждение может не быть так социально вредно, как другое, но мы оба ищем удовлетворения, продолжения того центра, который вечно желает преуспевать, быть или стать чем-то.

«Я стремлюсь быть чем-то?»

А что, нет?

«Меня не волнует то, буду ли я известен как автор, но я действительно хочу, чтобы идеи или принципы, о которых я пишу, были одобрены важными людьми».

Разве вы не отождествляете себя с теми идеями?

«Думаю, что да. Каждый имеет тенденцию, несмотря на самого себя, использовать идеи как средство для известности».

Вот именно, сэр. Если мы сможем думать просто и непосредственно об этом, ситуация прояснится. Большинство из нас озабочено, и внешне, и внутренне, нашим собственным продвижением. Но воспринимать факты о себе такими, какие они есть, а не такими, какими их хотелось бы видеть, весьма трудно. Это требует непредубежденного восприятия, без памяти, которая распознает правильное и неправильное.

«Вы, конечно же, полностью не осуждаете амбицию, не так ли?»

Исследовать то, что есть, означает ни осуждать, ни оправдывать. Самоудовлетворение в любой форме — это очевидно увековечивание этого центра, который стремится быть или стать чем-то. Вы можете хотеть стать известным благодаря вашей писательской деятельности, а я могу хотеть достичь того, что я называю Богом или действительностью, что имеет собственные сознательные или неосознанные выгоды. Ваше стремление называется мирским, а мое называется религиозным или духовным, но кроме ярлыков есть ли между ними такое уж очень большое различие? Цель желания может меняться, но ведущий мотив — тот же самый. Амбиция добиться или стать кем-то имеет всегда в пределах себя семя расстройств, страха и печали. Такая эгоцентричная деятельность — это сама природа самомнения, не так ли?

«О боже, вы лишаете меня всего: моего тщеславия, моего желания быть знаменитым, даже моего побуждения довести до дела некоторые заслуживающие внимания идеи. Что я буду делать, когда все это исчезнет?»

Ваш вопрос указывает на то, что ничто не исчезло, не так ли? Никто не сможет отнять у вас внутренне то, от чего вы не хотите отказаться. Вы продолжите дальше ваш путь к известности, который является путем печали, расстройства, страха.

«Иногда я и вправду хочу бросить все это гнилое дело, но тяга велика, — его тон стал беспокойным и искренним. — Что мешает мне идти тем путем?»

Вы задаете этот вопрос серьезно?

«Я думаю, да. Скорбь, предполагаю?»

Является ли скорбь способом понимания? Или скорбь существует, потому что нет понимания? Если бы вы исследовали в целом побуждение стать кем-то и способ его удовлетворения не только разумом, но и глубже, тогда возникнет рассудительность, понимание и уничтожит корень скорби. Но скорбь не приносит понимание.

«Как это, сэр?»

Скорбь — это результат удара, это временная встряска ума, который успокоился, который принял рутину жизни. Что-то случается: смерть, потеря работы, сомнение в лелеемой вере, — и ум встревожен. Но что потревоженный ум делает? Он находит способ снова быть безмятежным, находит убежище в другой вере, в более надежной работе, в новых взаимоотношениях. И снова волна жизни накрывает и разрушает все, что спасало, но ум вскоре находит еще одну защиту, и так продолжается. Это не способ рассудительности, верно?

«Тогда что есть способ рассудительности?»

Почему вы спрашиваете об этом другого? Разве вы не хотите сами выяснить? Если бы я дал вам ответ, вы либо опровергли бы его, либо приняли его, что снова препятствовало бы рассудительности, пониманию.

«Я понимаю, что то, что вы сказали относительно скорби, совершенно верно. Это в точности то, что все мы делаем. Но как выбраться из этой западни?»

Никакая форма внешнего или внутреннего принуждения не поможет, не так ли?

Всякое принуждение, даже тонкое, является результатом невежества. Оно из-за желания поощрения или страха наказания. Понять природу западни полностью — значит освободиться из нее. Ни один человек, ни одна система, ни одна вера не сможет освободить вас. Истинность этого — вот единственный фактор освобождения, но вы должны понять это сами, и не просто быть убежденным. Вы должны отправиться в плаванье по не отмеченному на карте морю.

Уединение за пределами одиночества

Луна только выходила из моря в долину облаков. Вода была спокойной, синей, и созвездие Ориона было едва видимо на бледно-серебристом небе. Белые волны были всюду вдоль берега, и хижины рыбаков, квадратные, опрятные и темные на фоне белого песка, располагались близко к воде. Стены этих хижин были сделаны из бамбука, а крыши были покрыты пальмовыми листьями, уложенными один поверх другого, с уклоном вниз так, чтобы тяжелые дожди не смогли проникать внутрь. Совсем круглая и полная луна делала дорожку из света на зыбкой воде, и она была огромной, необъемной. Поднимаясь над долиной с облаками, она распоряжалась всем небом. Шум моря был непрерывным, и все же была великая тишина.

Вы никогда не остаетесь с каким-либо чувством, чисто и просто, а всегда окружаете его убранством слов. Слово искажает его, мысль, кружась вокруг него, отбрасывает его в тень, пересиливает его громадным страхом и тоской. Вы никогда не остаетесь с каким-нибудь чувством и ни с чем другим: с ненавистью или с этим странным чувством красоты. Когда чувство ненависти возникает, вы говорите, как это плохо, и начинается принуждение, борьба за то, чтобы преодолеть его, суета мысли около него. Вы хотите остаться с любовью, но вы разбиваете ее, называя ее личной или безличной. Вы закрываете ее словами, придавая ей обычное значение или говоря, что она является вселенской. Вы объясняете, как чувствовать ее, как сохранить ее, почему она проходит. Вы думаете о том, кого любите или кто любит вас. Присутствуют все виды словесного движения.

Попробуйте остаться с чувством ненависти, с чувством ревности, зависти, со злобой, амбицией, так как, в конце концов, это то, что вы имеете в повседневной жизни, хотя вы можете хотеть жить с любовью или со словом, «любовь». Так как у вас имеется чувство ненависти, желание ранить кого-то жестом или горячим словом, посмотрите, сможете ли вы оставаться с этим чувством. Можете? Вы пробовали когда-либо? Попытайтесь остаться с тем чувством и посмотрите, что происходит. Вы обнаружите, что это удивительно трудно. Ваш ум не оставит это чувство в покое, он приходит, врываясь со своими воспоминаниями, ассоциациями, своими «за» и «против», со своей постоянной болтовней. Подберите кусочек ракушки. Вы можете посмотреть на нее, восхититься ее утонченной красотой и при этом не говорить, какая она хорошенькая или какое животное сделало ее? Вы можете смотреть без движения ума? Вы можете жить с чувством, скрывающимся за словом, без того чувства, которое создается словом? Если вы можете, тогда вы обнаружили экстраординарную вещь, движение вне меры времени, весну, которая не знает лета.

Она была маленькой пожилой леди с седыми волосами и лицом, изрезанным морщинами. Она родила много детей, но о ней не создавалось впечатление как о слабой или немоощной, а ее улыбка передавала глубину ее чувства. Ее руки были морщинистыми, но сильными, и они, очевидно, обрабатывали много овощей, та как большой и указательный пальцы правой руки были покрыты крошечными потемневшими порезами. Но это были прекрасные руки, руки, которые много трудились и утерли много слез. Она говорила спокойно и нерешительно, голосом человека, который много страдал. Она была православной, поскольку принадлежала древней касте, которая знала себе цену и чьей традицией было не иметь никаких отношений с другими группами ни через брак, ни через торговлю. Они были людьми, которые, как предполагалось, развивали интеллект как средство духовного развития.

Некоторое время мы молчали. Она собиралась с духом и не знала с чего начать разговор. Она осмотрела комнату и, казалось, одобрила ее пустоту. Там не было даже стула или цветка,

кроме того, который можно было видеть прямо из окна.

«Мне семьдесят пять, — начала она, — и вы могли бы быть моим сыном. Как бы я гордилась, имея такого сына! Это было бы благословение. Но большинству из нас не дано такого счастья. Мы производим на свет детей, которые вырастают и становятся светскими людьми, пытаясь быть великими в своей малозначимой работе. Хотя они могут занимать высокие должности, в них нет величия. Один из моих сыновей находится в столице и обладает огромной властью, но я знаю его сердце так, как может знать только мать. Говоря за себя, я ничего не хочу ни от кого, я не хочу больше денег или дом побольше. Я собираюсь жить простой жизнью до конца. Мои дети смеются над моим православием. Они курят, пьют и часто едят мясо, не задумываясь об этом. Хотя я люблю детей, но я не буду есть с ними, поскольку они стали нечистыми. Почему я, в преклонном возрасте, должна потворствовать их желаниям? Они хотят жениться на людях не из касты, не исполнять религиозных обрядов и заниматься медитацией, как делал их отец. Он был религиозным человеком, но...» Она замолчала, собираясь с мыслями о том, что собиралась сказать.

«Я пришла сюда не для того, чтобы говорить о моей семье, — продолжила она, — но, я довольна, что облегчила душу. Мои сыновья пойдут своим путем, и я не могу удержать их, хотя меня печалит видеть то, к чему они идут. Они проигрывают, а не выигрывают, даже при том, что имеют деньги и положение. Когда их имена появляются в газетах, как часто и случается, они показывают мне газеты с гордостью, но они будут как обычные люди, и традиции наших предков быстро исчезают. Они все становятся торговцами, продавая свои таланты, я не могу что-нибудь сделать, чтобы обратить вспять этот процесс. Но, достаточно о детях».

Снова она прекратила говорить, и на сей раз говорить о том, что было у нее на душе, будет более трудно. Опустив голову, она думала, как связать слова воедино, но они не шли на ум. Она отказалась от помощи, и ее не волновало то, что какое-то время она молчала. Спустя какое-то время она заговорила.

«Трудно говорить о том, что спрятано очень глубоко, не так ли? Можно говорить о вопросах, которые лежат на поверхности, но требуется определенное доверие к себе и к слушателю, чтобы поднять вопрос о проблеме, в существовании которой едва признаешься даже себе из-за пробуждения отголоска чего-то мрачного, что долгое время спало. В этом случае не то, чтобы я не доверяла слушателю, — добавила она быстро. — Я питаю к вам больше, чем доверие. Но облачить определенные чувства в слова нелегко, особенно, когда никогда прежде не выражал их в словах. Чувства знакомы, но слов для их описания нет. Слова — это ужасно, не так ли? Но мне известно, что вы не нетерпеливы.

Вы знаете, что молодые люди женятся в этой стране не по собственному выбору. Мой муж и я поженились вот таким образом много лет назад. Он не был добрым человеком, он имел склочный характер и был остер на язык. Однажды он избил меня, но я привыкла ко многому во время моей замужней жизни. Хотя когда я была ребенком, я, бывало, играла с моими братьями и сестрами, проводила много времени сама и всегда чувствовала себя обособленно, одиноко. При проживании с мужем то чувство отошло на задний план, так как много времени нужно было уделять семье. Я была очень занята домашним хозяйством и радостью и болью рождения и воспитания детей. Однако, чувство одиночества иногда посещало меня, но задумываться о нем не было времени. Так что оно откатывалось подобно волне, и я продолжала жить и работать как прежде.

Когда дети выросли, получили образование и стали жить самостоятельно, хотя один из моих сыновей все еще живет со мной, мой муж и я жили спокойно, пока он не умер пять лет назад. После его смерти чувство одиночества охватывало меня часто, до сих пор оно постепенно увеличилось, и я полностью погружена в него. Я пробовала избавиться от него, делая пуджа,

поговорив с одним другом, но оно всегда есть. И это агония, внушающая страх. У моего сына есть радио, но я не могу убежать от этого чувства с помощью такого средства, мне не нравится весь этот шум. Я хожу в храм, но ощущение одиночества остается во мне постоянно. Я не преувеличиваю, а лишь рассказываю о своих чувствах». Она сделала паузу на мгновение, а затем продолжила.

«На днях мой сын взял меня с собой на вашу беседу. Я не все смогла понять, что вы говорили, но вы упомянули что-то насчет уединения и чистоты его. Теперь, возможно, вы поймете». Тут в ее глазах появились слезы.

Чтобы выяснить, имеется ли кое-что глубже, кое-что, скрытое за чувством, которое находит на вас и которое одолевает вас, вы должны сначала понять это чувство, не так ли?

«Приведет ли меня это болезненное чувство одиночества к Богу?» — вопрошала она с тревогой.

Что вы подразумеваете под тем, что вы одна?

«Трудно облачить это чувство в слова, но я пробую. Это страх, который приходит, когда чувствуешь себя совершенно одним-одиношеньким, когда ты полностью сама по себе, когда ты совершенно оторвана от всего. Хотя мой муж и дети были при мне, эта волна, бывало, накатывала на меня, и я чувствовала себя как будто усохшее дерево на бесплодной земле: одинокое, нелюбимое и нелюбящее. Агония от этого была намного более сильной, чем при рождении ребенка. Она была пугающей и захватывающей. Я никому не принадлежала, было ощущение полной изолированности. Вы понимаете, не так ли?»

Большинство людей имеет это чувство одиночества, это ощущение изолированности, с его страхом, только они душат его, убегают от него, забываются в некоего рода деятельности, религиозной или иной. Деятельность, в которую они вовлекаются, это их спасение, они могут забыться в ней, и потому-то они ее так настойчиво защищают.

«Но я прилагала все усилия, чтобы убежать от этого чувства изолированности с его страхом, и я оказалась не способной к этому. Хожение в храм не помогает, и даже если бы оно помогало, нельзя все время быть там, как нельзя провести свою жизнь, выполняя ритуалы».

То, что вы не нашли способа убежать, может быть вашим спасением. В своем страхе быть одиноким, чувствовать отрезанность некоторые принимают за спиртное, другие принимают наркотики, в то время как многие занимаются политикой или находят какой-нибудь другой способ бегства. Так что, видите, вам повезло в том отношении, что вы не нашли средства ухода от этого. Те, кто избегает этого, причиняют много вреда в мире, они действительно вредные люди, поскольку они придадут важность тем вещам, которые по сути маловажны. Часто, будучи очень умными и способными, такие люди вводят в заблуждение других своей преданностью деятельности, которая является их бегством. Если это не религия, то политика или социальная реформа — что угодно, чтобы уйти от себя. Они могут казаться самоотверженными, но они фактически все-таки пекутся о себе, только иным способом. Они становятся лидерами или последователями какого-нибудь учителя, они всегда принадлежат чему-то, занимаются некой методикой или стремятся к идеалу. Они никогда не бывают просто самими собой, они не люди, а ярлыки. Так что вы видите, как вам повезло, что не смогли убежать.

«Вы имеете в виду, что убежать опасно?» — спросила она немного обескураженно.

А что, это не так? Глубокую рану необходимо осмотреть, лечить, заживлять, вредно прикрывать ее или отказываться смотреть на нее.

«Это правда. И чувство изолированности — такая рана?»

Это кое-что, что вы не понимаете, и в этом смысле это подобно болезни, которая продолжит рецидивировать, так что бессмысленно убежать. Вы пробовали убежать, но это продолжает наступать на вас, верно?

«Да, так. Тогда вы рады, что я не нашла спасения?»

А вы нет? Что намного важнее.

«Думаю, я понимаю то, что вы объяснили, и я рада, что имеется хоть какая-то надежда».

А сейчас давайте вдвоем осмотрим рану. Чтобы исследовать что-то, нельзя бояться того, что вы собираетесь осматривать, не так ли? Если боитесь, вы не будете смотреть, вы отвернете вашу голову.

Когда у вас появлялись малыши, вы смотрели на них сразу после рождения. Вас не беспокоило то, были ли они уродливыми или красивыми, вы смотрели на них с любовью, не так ли?

«Именно так я и делала. Я смотрела на каждого новорожденного младенца с любовью, с нежностью и прижимала его к сердцу».

Таким же образом, с любовью мы должны исследовать это чувство отрезанности, это ощущение изолированности, одиночества, так? Если мы напуганы, беспокоимся, мы вообще будем неспособны исследовать это.

«Да, я понимаю сложность. Я не смотрела на проблему по-настоящему, потому что боялась реальности. Но теперь, думаю, я смогу посмотреть».

Естественно, эта боль одиночества — это только преувеличение того, что все мы чувствуем в незначительной степени каждый день, не так ли? Каждый день вы изолируете себя, отключаете себя, верно?

«Как?» — спросила она довольно испуганно.

Многими различными способами. Вы принадлежите определенному роду, особой касте, они — это ваши дети, ваши внуки, это ваша вера, ваш Бог, ваша собственность. Вы более добродетельны, чем кто-то другой, вы это знаете, а другой не знает. Все это — способ ограждения себя, способ изоляции, не так ли?

«Но мы воспитаны таким образом, и каждому приходится жить. Мы не можем отрезать себя от общества, не так ли?»

А разве это не то, что вы фактически делаете? В этих взаимоотношениях, названных обществом, каждый человек отгораживается от другого своим положением, своей амбицией, желанием известности, власти и так далее. Но ему приходится жить в этих зверских отношениях с другими людьми, подобных ему самому, так что все это прикрывается и делается уважаемым с помощью сладко звучащих слов. В повседневной жизни каждый предан его собственным интересам, хотя это может быть во имя страны, во имя мира или Бога, и таким образом процесс изоляции продолжается. Каждый осознает весь этот процесс в виде навязчивого одиночества, чувства полной изолированности. Мысль, которая придавала себе важность, изолируя себя как «я», эго, наконец пришла к сути понимания, что ее держат в заточении, ею самой созданным.

«Боюсь, все это немного трудно понять в моем возрасте, и к тому же я не слишком образованна».

Это не имеет никакого отношения к образованию. Требуется размышление и все. Вы чувствуете себя одинокой, изолированной, и если бы вы могли, вы бы убежали от этого чувства, но, к счастью для вас самой, вы были неспособны найти средства, чтобы так сделать. Так как вы не нашли выхода, вы теперь в состоянии взглянуть на то, от чего вы пытались убежать. Но вы не можете взглянуть, если боитесь этого, верно?

«Я это понимаю».

Разве ваша трудность не основывается на факте, что само слово создает беспокойство?

«Я не понимаю, что вы имеете в виду».

С этим чувством, которое на вас находит, у вас ассоциируются определенные слова, например, слова «одиночество», «изолированность», «страх», «быть отрезанной». Не так ли?

«Да».

Теперь, так же, как имя вашего сына не мешает вам воспринимать и понимать его реальные качества и склад характера, так же вы должны позволять таким словам как «одиночество», «изолированность», «страх», «быть отрезанной» вмешиваться в ваше исследование чувства, которое они представляют.

«Я понимаю, что вы подразумеваете. Я всегда смотрела на моих детей прямо».

И когда вы смотрите на это чувство так же прямо, что происходит? Разве вы не находите, что само чувство не пугающее, а пугает только то, что вы думаете о чувстве? Именно ум, мысль, придают страх этому чувству, не так ли?

«Да, правильно. В этот момент я это очень хорошо понимаю. Но буду ли способна к пониманию этого, когда я уйду отсюда, и вас не будет, чтобы объяснить?»

Конечно. Это подобно тому, когда видишь кобру. Когда-то однажды увидев ее, вы никогда не ошибетесь. Вам не надо зависеть от кого-либо, чтобы они сказали вам, что такое кобра. Точно так же, когда как только вы поняли это чувство, понимание всегда с вами. Когда однажды вы научились смотреть, вы обладаете способностью видеть. Но нужно идти через и вне этого чувства, так как есть намного больше, что можно обнаружить. Существует уединение, которое не похоже на это одиночество, это чувство изолированности. То состояние уединения — это не воспоминание или узнавание, оно нетронуто умом, словом, обществом, традицией. Это благословение.

«За этот единственный час я узнала больше, чем за все мои семьдесят пять лет. Да пусть пребывает то благословение с вами и со мной».

Почему вы распустили Орден Звезды?

Купаясь в лучах вечернего солнца, с улыбкой на лице шел вразвалочку рыбак по дороге. У него было великолепное тело, на котором был только небольшой кусок ткани, прикрепленный нитью вокруг талии, практически он был почти гол. Со стороны было заметно, что он очень гордился собой. Мимо проехал автомобиль, в котором находились два человека: водитель, и нарядно одетая леди. На ее шее и ушах надеты драгоценности, а темные волосы украшены цветами. Вероятно ехали на какую-то вечеринку. Женщина была задумчива, и даже не взглянула на рыбака, который шел размеренным легким шагом, не замедляя свой темп даже мимо если проезжал какой-нибудь автомобиль. В деревню рыбак пошел по недавно сделанной дороге из яркой красной земли, которая в последних лучах заходящего солнца была еще краснее, чем когда-либо. Проходя через пальмовую рощу, рыбак пересек мост через канал, где стояли несколько легких барж, нагруженных дровами, и вышел на узкую дорожку, которая вела к реке.

У реки было очень тихо, поскольку поблизости не было домов. Только несколько домашних животных бродили здесь. Земляные крабы сделали большие круглые отверстия во влажной грязи. Легкий ветерок играл с пальмами, которые были величественны в своем движении. Казалось они танцевали под музыку.

Медитация — это не для медитирующего. Медитирующий может думать, размышлять, создавать или сокрушать, но ему никогда не познать медитацию, а без медитации его жизнь столь же пуста, как морская ракушка. Кое-что можно поместить в ту пустоту, но это не медитация. Медитация — это не поступок, чья стоимость может быть оценена на рынке, она имеет свое собственное воздействие, которое нельзя измерить. Медитирующий знает действие на рынке, с его шумом обмена, и сквозь этот шум бесшумное действие медитации никогда нельзя обнаружить. Действие причины, становящейся следствием, и следствия, становящегося причиной, является постоянной цепью, которая связывает медитирующего. Такое действие, находясь в пределах стен его собственной тюрьмы, — это не медитация. Медитирующему никогда не познать медитацию, которая только вне этих стен. Именно стены, которые сам медитирующий построил, высокие или низкие, толстые или тонкие, отделяют его от медитации.

Он был молодым человеком, только что закончившим колледж и полным радужных надежд. Движимый побуждением делать добро, он недавно присоединился к какому-то движению, чтобы быть более полезным, и хотел бы посвятить этому всю жизнь. Но, к несчастью, его отец был инвалидом, и ему нужно было поддерживать своих родителей. Он видел недостатки движения, как и его достоинства, но хорошее перевешивало плохое. Он не был женат, и говорил, что никогда не женится. Он был дружелюбен, и разговорчив, с подкупающей доброй улыбкой.

«На днях я присутствовал на вашей беседе, где вы говорили, что истина не может быть организована, и что никакая организация не может привести к истине. Вы были очень точны в этом, но ваше объяснение меня не удовлетворило полностью, и я хочу поговорить с вами об этом. Я знаю, что вы были однажды во главе большой организации Орден Звезды, которую вы распустили, и если можно спросить, произошло это из-за личной прихоти или это мотивировалось принципом?»

Ни то, ни другое. Если имеется причина для действия, то разве это действие? Если вы отрекаетесь из-за принципа, идеи, умозаключения, является ли это отречением? Вы отказываетесь от одной вещи ради чего-то большего или ради какой-то личности, разве это отказ?

«Причина не играет роли в отказе от чего-либо, это вы имеете в виду?»

Причина может заставить вас вести себя так или иначе, но то, что причина сделала, она же может и уничтожить. Если причина — это критерий действия, то ум никогда не сможет быть свободным, чтобы действовать. Причина, пусть даже тонкая или логичная, является процессом мышления, а мышление вечно под влиянием, обусловлено личным воображением, желанием, идеей или умозаключением, либо навязанным извне или вызванным вами.

«Если это не была причина, принцип или личное желание, которое заставило вас это сделать, тогда было ли что-то вне вас самих, высшие или божественные силы?»

Нет. Но, возможно, будет понятно, если мы сможем приблизиться к этому по-другому. Что является для вас проблемой?

«Вы сказали, что истину нельзя организовать и что никакая организация не сможет привести человека к истине. Организация, к которой я принадлежу, придерживается мнения, что человека можно привести к истине через определенные принципы действия, через правильные личные попытки, преданность добрым делам и так далее. Моя проблема в том, на правильном ли я пути?»

Вы считаете, что есть путь к истине?

«Если бы я не считал так, я бы не принадлежал бы к той организации. Согласно нашим лидерам, эта организация основана на истине, она посвящена благосостоянию всех и поможет крестьянам, также как людям, которые высокообразованы и занимают ответственные должности. Однако, когда я услышал вашу лекцию, меня посетили сомнения и поэтому воспользовался первой же возможностью прийти к вам. Я надеюсь, что вы понимаете, в чем моя трудность».

Давайте вникать в этот вопрос медленно, шаг за шагом. Для начала, имеется ли путь к правде? Путь подразумевает продвижение от одной фиксированной точки до другой. Как живое существо вы изменяетесь, преобразовываетесь, продвигаетесь, задаетесь вопросом, надеясь найти постоянную, неизменную истину. Не так ли?

«Да. Я хочу найти истину или Бога, чтобы делать добро», — ответил он живо.

Естественно, что нет ничего постоянного вокруг вас, кроме того, что вы считаете постоянным. Но ваше мышление также меняется, это верно? И имеется ли у истины фиксированное местоположение, безо всякого движения?

«Не знаю. В мире видишь так много бедности, так много страдания и беспорядка, и в желании делать добро принимаешь лидера или философию, которые предлагают некоторую надежду. Иначе жизнь была бы ужасна».

Все порядочные люди хотят делать добро, но большинство из нас не обдумывает проблему. Мы говорим, что сами мы не можем обдумывать ее или что лидеры знают лучше. Но знают ли они? Посмотрите на различных политических лидеров, так называемых религиозных лидеров и лидеров социальной и экономической реформы. Они все имеют планы, каждый утверждает, что его план является путем к спасению, к уничтожению бедности и так далее. И индивидуумы подобно вам, которые хотят действовать вопреки всей этой нищете и хаосу, оказываются пойманными в сети пропаганды и догматических утверждений. Разве вы не заметили, что само такое действие порождает дальнейшее страдание и хаос? Истина не имеет никакого установленного места нахождения, она живое существо, более живое, более динамичное, чем что-либо, о чем может подумать ум, так что к ней не может быть никакого пути.

«Я думаю, что понимаю это, сэр. Но вы против всех организаций?»

Почему вы спрашиваете об этом другого? Разве вы не хотите сами выяснить? Если бы я дал вам ответ, вы либо опровергли бы его, либо приняли его, что снова препятствовало бы рассудительности, пониманию.

«Я понимаю, что то, что вы сказали относительно скорби, совершенно верно. Это в точности то, что все мы делаем. Но как выбраться из этой западни?»

Никакая форма внешнего или внутреннего принуждения не поможет, не так ли?

Всякое принуждение, даже тонкое, является результатом невежества. Оно из-за желания поощрения или страха наказания. Понять природу западни полностью — значит освободиться из нее. Ни один человек, ни одна система, ни одна вера не сможет освободить вас. Истинность этого — вот единственный фактор освобождения, но вы должны понять это сами, и не просто быть убежденным. Вы должны отправиться в плаванье по не отмеченному на карте морю.

Уединение за пределами одиночества

Луна только выходила из моря в долину облаков. Вода была спокойной, синей, и созвездие Ориона было едва видимо на бледно-серебристом небе. Белые волны были всюду вдоль берега, и хижины рыбаков, квадратные, опрятные и темные на фоне белого песка, располагались близко к воде. Стены этих хижин были сделаны из бамбука, а крыши были покрыты пальмовыми листьями, уложенными один поверх другого, с уклоном вниз так, чтобы тяжелые дожди не смогли проникать внутрь. Совсем круглая и полная луна делала дорожку из света на зыбкой воде, и она была огромной, необъемной. Поднимаясь над долиной с облаками, она распоряжалась всем небом. Шум моря был непрерывным, и все же была великая тишина.

Вы никогда не остаетесь с каким-либо чувством, чисто и просто, а всегда окружаете его убранным слов. Слово искажает его, мысль, кружась вокруг него, отбрасывает его в тень, пересиливает его громадным страхом и тоской. Вы никогда не остаетесь с каким-нибудь чувством и ни с чем другим: с ненавистью или с этим странным чувством красоты. Когда чувство ненависти возникает, вы говорите, как это плохо, и начинается принуждение, борьба за то, чтобы преодолеть его, суется мысли около него. Вы хотите остаться с любовью, но вы разбиваете ее, называя ее личной или безличной. Вы закрываете ее словами, придавая ей обычное значение или говоря, что она является вселенской. Вы объясняете, как чувствовать ее, как сохранить ее, почему она проходит. Вы думаете о том, кого любите или кто любит вас. Присутствуют все виды словесного движения.

Попробуйте остаться с чувством ненависти, с чувством ревности, зависти, со злобой, амбицией, так как, в конце концов, это то, что вы имеете в повседневной жизни, хотя вы можете хотеть жить с любовью или со словом, «любовь». Так как у вас имеется чувство ненависти, желание ранить кого-то жестом или горячим словом, посмотрите, сможете ли вы оставаться с этим чувством. Можете? Вы пробовали когда-либо? Попытайтесь остаться с тем чувством и посмотрите, что происходит. Вы обнаружите, что это удивительно трудно. Ваш ум не оставит это чувство в покое, он приходит, врываясь со своими воспоминаниями, ассоциациями, своими «за» и «против», со своей постоянной болтовней. Подберите кусочек ракушки. Вы можете посмотреть на нее, восхититься ее утонченной красотой и при этом не говорить, какая она хорошенькая или какое животное сделало ее? Вы можете смотреть без движения ума? Вы можете жить с чувством, скрывающимся за словом, без того чувства, которое создается словом? Если вы можете, тогда вы обнаружили экстраординарную вещь, движение вне меры времени, весну, которая не знает лета.

Она была маленькой пожилой леди с седыми волосами и лицом, изрезанным морщинами. Она родила много детей, но о ней не создавалось впечатление как о слабой или немоощной, а ее улыбка передавала глубину ее чувства. Ее руки были морщинистыми, но сильными, и они, очевидно, обрабатывали много овощей, та как большой и указательный пальцы правой руки были покрыты крошечными потемневшими порезами. Но это были прекрасные руки, руки, которые много трудились и утерли много слез. Она говорила спокойно и нерешительно, голосом человека, который много страдал. Она была православной, поскольку принадлежала древней касте, которая знала себе цену и чьей традицией было не иметь никаких отношений с другими группами ни через брак, ни через торговлю. Они были людьми, которые, как предполагалось, развивали интеллект как средство духовного развития.

Некоторое время мы молчали. Она собиралась с духом и не знала с чего начать разговор. Она осмотрела комнату и, казалось, одобрила ее пустоту. Там не было даже стула или цветка,

кроме того, который можно было видеть прямо из окна.

«Мне семьдесят пять, — начала она, — и вы могли бы быть моим сыном. Как бы я гордилась, имея такого сына! Это было бы благословение. Но большинству из нас не дано такого счастья. Мы производим на свет детей, которые вырастают и становятся светскими людьми, пытаясь быть великими в своей малозначимой работе. Хотя они могут занимать высокие должности, в них нет величия. Один из моих сыновей находится в столице и обладает огромной властью, но я знаю его сердце так, как может знать только мать. Говоря за себя, я ничего не хочу ни от кого, я не хочу больше денег или дом побольше. Я собираюсь жить простой жизнью до конца. Мои дети смеются над моим православием. Они курят, пьют и часто едят мясо, не задумываясь об этом. Хотя я люблю детей, но я не буду есть с ними, поскольку они стали нечистыми. Почему я, в преклонном возрасте, должна потворствовать их желаниям? Они хотят жениться на людях не из касты, не исполнять религиозных обрядов и заниматься медитацией, как делал их отец. Он был религиозным человеком, но...» Она замолчала, собираясь с мыслями о том, что собиралась сказать.

«Я пришла сюда не для того, чтобы говорить о моей семье, — продолжила она, — но, я довольна, что облегчила душу. Мои сыновья пойдут своим путем, и я не могу удержать их, хотя меня печалит видеть то, к чему они идут. Они проигрывают, а не выигрывают, даже при том, что имеют деньги и положение. Когда их имена появляются в газетах, как часто и случается, они показывают мне газеты с гордостью, но они будут как обычные люди, и традиции наших предков быстро исчезают. Они все становятся торговцами, продавая свои таланты, я не могу что-нибудь сделать, чтобы обратить вспять этот процесс. Но, достаточно о детях».

Снова она прекратила говорить, и на сей раз говорить о том, что было у нее на душе, будет более трудно. Опустив голову, она думала, как связать слова воедино, но они не шли на ум. Она отказалась от помощи, и ее не волновало то, что какое-то время она молчала. Спустя какое-то время она заговорила.

«Трудно говорить о том, что спрятано очень глубоко, не так ли? Можно говорить о вопросах, которые лежат на поверхности, но требуется определенное доверие к себе и к слушателю, чтобы поднять вопрос о проблеме, в существовании которой едва признаешься даже себе из-за пробуждения отголоска чего-то мрачного, что долгое время спало. В этом случае не то, чтобы я не доверяла слушателю, — добавила она быстро. — Я питаю к вам больше, чем доверие. Но облачить определенные чувства в слова нелегко, особенно, когда никогда прежде не выражал их в словах. Чувства знакомы, но слов для их описания нет. Слова — это ужасно, не так ли? Но мне известно, что вы не нетерпеливы.

Вы знаете, что молодые люди женятся в этой стране не по собственному выбору. Мой муж и я поженились вот таким образом много лет назад. Он не был добрым человеком, он имел склочный характер и был остер на язык. Однажды он избил меня, но я привыкла ко многому во время моей замужней жизни. Хотя когда я была ребенком, я, бывало, играла с моими братьями и сестрами, проводила много времени сама и всегда чувствовала себя обособленно, одиноко. При проживании с мужем то чувство отошло на задний план, так как много времени нужно было уделять семье. Я была очень занята домашним хозяйством и радостью и болью рождения и воспитания детей. Однако, чувство одиночества иногда посещало меня, но задумываться о нем не было времени. Так что оно откатывалось подобно волне, и я продолжала жить и работать как прежде.

Когда дети выросли, получили образование и стали жить самостоятельно, хотя один из моих сыновей все еще живет со мной, мой муж и я жили спокойно, пока он не умер пять лет назад. После его смерти чувство одиночества охватывало меня часто, до сих пор оно постепенно увеличилось, и я полностью погружена в него. Я пробовала избавиться от него, делая пуджа,

поговорив с одним другом, но оно всегда есть. И это агония, внушающая страх. У моего сына есть радио, но я не могу убежать от этого чувства с помощью такого средства, мне не нравится весь этот шум. Я хожу в храм, но ощущение одиночества остается во мне постоянно. Я не преувеличиваю, а лишь рассказываю о своих чувствах». Она сделала паузу на мгновение, а затем продолжила.

«На днях мой сын взял меня с собой на вашу беседу. Я не все смогла понять, что вы говорили, но вы упомянули что-то насчет уединения и чистоты его. Теперь, возможно, вы поймете». Тут в ее глазах появились слезы.

Чтобы выяснить, имеется ли кое-что глубже, кое-что, скрытое за чувством, которое находит на вас и которое одолевает вас, вы должны сначала понять это чувство, не так ли?

«Приведет ли меня это болезненное чувство одиночества к Богу?» — вопрошала она с тревогой.

Что вы подразумеваете под тем, что вы одна?

«Трудно облачить это чувство в слова, но я пробую. Это страх, который приходит, когда чувствуешь себя совершенно одним-одиношеньким, когда ты полностью сама по себе, когда ты совершенно оторвана от всего. Хотя мой муж и дети были при мне, эта волна, бывало, накатывала на меня, и я чувствовала себя как будто усохшее дерево на бесплодной земле: одинокое, нелюбимое и нелюбящее. Агония от этого была намного более сильной, чем при рождении ребенка. Она была пугающей и захватывающей. Я никому не принадлежала, было ощущение полной изолированности. Вы понимаете, не так ли?»

Большинство людей имеет это чувство одиночества, это ощущение изолированности, с его страхом, только они душат его, убегают от него, забываются в некоего рода деятельности, религиозной или иной. Деятельность, в которую они вовлекаются, это их спасение, они могут забыться в ней, и потому-то они ее так настойчиво защищают.

«Но я прилагала все усилия, чтобы убежать от этого чувства изолированности с его страхом, и я оказалась не способной к этому. Хожение в храм не помогает, и даже если бы оно помогало, нельзя все время быть там, как нельзя провести свою жизнь, выполняя ритуалы».

То, что вы не нашли способа убежать, может быть вашим спасением. В своем страхе быть одиноким, чувствовать отрезанность некоторые принимают за спиртное, другие принимают наркотики, в то время как многие занимаются политикой или находят какой-нибудь другой способ бегства. Так что, видите, вам повезло в том отношении, что вы не нашли средства ухода от этого. Те, кто избегает этого, причиняют много вреда в мире, они действительно вредные люди, поскольку они придадут важность тем вещам, которые по сути маловажны. Часто, будучи очень умными и способными, такие люди вводят в заблуждение других своей преданностью деятельности, которая является их бегством. Если это не религия, то политика или социальная реформа — что угодно, чтобы уйти от себя. Они могут казаться самоотверженными, но они фактически все-таки пекутся о себе, только иным способом. Они становятся лидерами или последователями какого-нибудь учителя, они всегда принадлежат чему-то, занимаются некой методикой или стремятся к идеалу. Они никогда не бывают просто самими собой, они не люди, а ярлыки. Так что вы видите, как вам повезло, что не смогли убежать.

«Вы имеете в виду, что убежать опасно?» — спросила она немного обескураженно.

А что, это не так? Глубокую рану необходимо осмотреть, лечить, заживлять, вредно прикрывать ее или отказываться смотреть на нее.

«Это правда. И чувство изолированности — такая рана?»

Это кое-что, что вы не понимаете, и в этом смысле это подобно болезни, которая продолжит рецидивировать, так что бессмысленно убежать. Вы пробовали убежать, но это продолжает наступать на вас, верно?

«Да, так. Тогда вы рады, что я не нашла спасения?»

А вы нет? Что намного важнее.

«Думаю, я понимаю то, что вы объяснили, и я рада, что имеется хоть какая-то надежда».

А сейчас давайте вдвоем осмотрим рану. Чтобы исследовать что-то, нельзя бояться того, что вы собираетесь осматривать, не так ли? Если боитесь, вы не будете смотреть, вы отвернете вашу голову.

Когда у вас появлялись малыши, вы смотрели на них сразу после рождения. Вас не беспокоило то, были ли они уродливыми или красивыми, вы смотрели на них с любовью, не так ли?

«Именно так я и делала. Я смотрела на каждого новорожденного младенца с любовью, с нежностью и прижимала его к сердцу».

Таким же образом, с любовью мы должны исследовать это чувство отрезанности, это ощущение изолированности, одиночества, так? Если мы напуганы, беспокоимся, мы вообще будем неспособны исследовать это.

«Да, я понимаю сложность. Я не смотрела на проблему по-настоящему, потому что боялась реальности. Но теперь, думаю, я смогу посмотреть».

Естественно, эта боль одиночества — это только преувеличение того, что все мы чувствуем в незначительной степени каждый день, не так ли? Каждый день вы изолируете себя, отключаете себя, верно?

«Как?» — спросила она довольно испуганно.

Многими различными способами. Вы принадлежите определенному роду, особой касте, они — это ваши дети, ваши внуки, это ваша вера, ваш Бог, ваша собственность. Вы более добродетельны, чем кто-то другой, вы это знаете, а другой не знает. Все это — способ ограждения себя, способ изоляции, не так ли?

«Но мы воспитаны таким образом, и каждому приходится жить. Мы не можем отрезать себя от общества, не так ли?»

А разве это не то, что вы фактически делаете? В этих взаимоотношениях, названных обществом, каждый человек отгораживается от другого своим положением, своей амбицией, желанием известности, власти и так далее. Но ему приходится жить в этих зверских отношениях с другими людьми, подобных ему самому, так что все это прикрывается и делается уважаемым с помощью сладко звучащих слов. В повседневной жизни каждый предан его собственным интересам, хотя это может быть во имя страны, во имя мира или Бога, и таким образом процесс изоляции продолжается. Каждый осознает весь этот процесс в виде навязчивого одиночества, чувства полной изолированности. Мысль, которая придавала себе важность, изолируя себя как «я», эго, наконец пришла к сути понимания, что ее держат в заточении, ею самой созданным.

«Боюсь, все это немного трудно понять в моем возрасте, и к тому же я не слишком образованна».

Это не имеет никакого отношения к образованию. Требуется размышление и все. Вы чувствуете себя одинокой, изолированной, и если бы вы могли, вы бы убежали от этого чувства, но, к счастью для вас самой, вы были неспособны найти средства, чтобы так сделать. Так как вы не нашли выхода, вы теперь в состоянии взглянуть на то, от чего вы пытались убежать. Но вы не можете взглянуть, если боитесь этого, верно?

«Я это понимаю».

Разве ваша трудность не основывается на факте, что само слово создает беспокойство?

«Я не понимаю, что вы имеете в виду».

С этим чувством, которое на вас находит, у вас ассоциируются определенные слова, например, слова «одиночество», «изолированность», «страх», «быть отрезанной». Не так ли?

«Да».

Теперь, так же, как имя вашего сына не мешает вам воспринимать и понимать его реальные качества и склад характера, так же вы должны позволять таким словам как «одиночество», «изолированность», «страх», «быть отрезанной» вмещиваться в ваше исследование чувства, которое они представляют.

«Я понимаю, что вы подразумеваете. Я всегда смотрела на моих детей прямо».

И когда вы смотрите на это чувство так же прямо, что происходит? Разве вы не находите, что само чувство не пугающее, а пугает только то, что вы думаете о чувстве? Именно ум, мысль, придают страх этому чувству, не так ли?

«Да, правильно. В этот момент я это очень хорошо понимаю. Но буду ли способна к пониманию этого, когда я уйду отсюда, и вас не будет, чтобы объяснить?»

Конечно. Это подобно тому, когда видишь кобру. Когда-то однажды увидев ее, вы никогда не ошибетесь. Вам не надо зависеть от кого-либо, чтобы они сказали вам, что такое кобра. Точно так же, когда как только вы поняли это чувство, понимание всегда с вами. Когда однажды вы научились смотреть, вы обладаете способностью видеть. Но нужно идти через и вне этого чувства, так как есть намного больше, что можно обнаружить. Существует уединение, которое не похоже на это одиночество, это чувство изолированности. То состояние уединения — это не воспоминание или узнавание, оно нетронуто умом, словом, обществом, традицией. Это благословение.

«За этот единственный час я узнала больше, чем за все мои семьдесят пять лет. Да пусть пребывает то благословение с вами и со мной».

Почему вы распустили Орден Звезды?

Купаясь в лучах вечернего солнца, с улыбкой на лице шел вразвалочку рыбак по дороге. У него было великолепное тело, на котором был только небольшой кусок ткани, прикрепленный нитью вокруг талии, практически он был почти гол. Со стороны было заметно, что он очень гордился собой. Мимо проехал автомобиль, в котором находились два человека: водитель, и нарядно одетая леди. На ее шее и ушах надеты драгоценности, а темные волосы украшены цветами. Вероятно ехали на какую-то вечеринку. Женщина была задумчива, и даже не взглянула на рыбака, который шел размеренным легким шагом, не замедляя свой темп даже мимо если проезжал какой-нибудь автомобиль. В деревню рыбак пошел по недавно сделанной дороге из яркой красной земли, которая в последних лучах заходящего солнца была еще краснее, чем когда-либо. Проходя через пальмовую рощу, рыбак пересек мост через канал, где стояли несколько легких барж, нагруженных дровами, и вышел на узкую дорожку, которая вела к реке.

У реки было очень тихо, поскольку поблизости не было домов. Только несколько домашних животных бродили здесь. Земляные крабы сделали большие круглые отверстия во влажной грязи. Легкий ветерок играл с пальмами, которые были величественны в своем движении. Казалось они танцевали под музыку.

Медитация — это не для медитирующего. Медитирующий может думать, размышлять, создавать или сокрушать, но ему никогда не познать медитацию, а без медитации его жизнь столь же пуста, как морская ракушка. Кое-что можно поместить в ту пустоту, но это не медитация. Медитация — это не поступок, чья стоимость может быть оценена на рынке, она имеет свое собственное воздействие, которое нельзя измерить. Медитирующий знает действие на рынке, с его шумом обмена, и сквозь этот шум бесшумное действие медитации никогда нельзя обнаружить. Действие причины, становящейся следствием, и следствия, становящегося причиной, является постоянной цепью, которая связывает медитирующего. Такое действие, находясь в пределах стен его собственной тюрьмы, — это не медитация. Медитирующему никогда не познать медитацию, которая только вне этих стен. Именно стены, которые сам медитирующий построил, высокие или низкие, толстые или тонкие, отделяют его от медитации.

Он был молодым человеком, только что закончившим колледж и полным радужных надежд. Движимый побуждением делать добро, он недавно присоединился к какому-то движению, чтобы быть более полезным, и хотел бы посвятить этому всю жизнь. Но, к несчастью, его отец был инвалидом, и ему нужно было поддерживать своих родителей. Он видел недостатки движения, как и его достоинства, но хорошее перевешивало плохое. Он не был женат, и говорил, что никогда не женится. Он был дружелюбен, и разговорчив, с подкупающей доброй улыбкой.

«На днях я присутствовал на вашей беседе, где вы говорили, что истина не может быть организована, и что никакая организация не может привести к истине. Вы были очень точны в этом, но ваше объяснение меня не удовлетворило полностью, и я хочу поговорить с вами об этом. Я знаю, что вы были однажды во главе большой организации Орден Звезды, которую вы распустили, и если можно спросить, произошло это из-за личной прихоти или это мотивировалось принципом?»

Ни то, ни другое. Если имеется причина для действия, то разве это действие? Если вы отрекаетесь из-за принципа, идеи, умозаключения, является ли это отречением? Вы отказываетесь от одной вещи ради чего-то большего или ради какой-то личности, разве это отказ?

«Причина не играет роли в отказе от чего-либо, это вы имеете в виду?»

Причина может заставить вас вести себя так или иначе, но то, что причина сделала, она же может и уничтожить. Если причина — это критерий действия, то ум никогда не сможет быть свободным, чтобы действовать. Причина, пусть даже тонкая или логичная, является процессом мышления, а мышление вечно под влиянием, обусловлено личным воображением, желанием, идеей или умозаключением, либо навязанным извне или вызванным вами.

«Если это не была причина, принцип или личное желание, которое заставило вас это сделать, тогда было ли что-то вне вас самих, высшие или божественные силы?»

Нет. Но, возможно, будет понятно, если мы сможем приблизиться к этому по-другому. Что является для вас проблемой?

«Вы сказали, что истину нельзя организовать и что никакая организация не сможет привести человека к истине. Организация, к которой я принадлежу, придерживается мнения, что человека можно привести к истине через определенные принципы действия, через правильные личные попытки, преданность добрым делам и так далее. Моя проблема в том, на правильном ли я пути?»

Вы считаете, что есть путь к истине?

«Если бы я не считал так, я бы не принадлежал бы к той организации. Согласно нашим лидерам, эта организация основана на истине, она посвящена благосостоянию всех и поможет крестьянам, также как людям, которые высокообразованы и занимают ответственные должности. Однако, когда я услышал вашу лекцию, меня посетили сомнения и поэтому воспользовался первой же возможностью прийти к вам. Я надеюсь, что вы понимаете, в чем моя трудность».

Давайте вникать в этот вопрос медленно, шаг за шагом. Для начала, имеется ли путь к правде? Путь подразумевает продвижение от одной фиксированной точки до другой. Как живое существо вы изменяетесь, преобразовываетесь, продвигаетесь, задаетесь вопросом, надеясь найти постоянную, неизменную истину. Не так ли?

«Да. Я хочу найти истину или Бога, чтобы делать добро», — ответил он живо.

Естественно, что нет ничего постоянного вокруг вас, кроме того, что вы считаете постоянным. Но ваше мышление также меняется, это верно? И имеется ли у истины фиксированное местоположение, безо всякого движения?

«Не знаю. В мире видишь так много бедности, так много страдания и беспорядка, и в желании делать добро принимаешь лидера или философию, которые предлагают некоторую надежду. Иначе жизнь была бы ужасна».

Все порядочные люди хотят делать добро, но большинство из нас не обдумывает проблему. Мы говорим, что сами мы не можем обдумывать ее или что лидеры знают лучше. Но знают ли они? Посмотрите на различных политических лидеров, так называемых религиозных лидеров и лидеров социальной и экономической реформы. Они все имеют планы, каждый утверждает, что его план является путем к спасению, к уничтожению бедности и так далее. И индивидуумы подобно вам, которые хотят действовать вопреки всей этой нищете и хаосу, оказываются пойманными в сети пропаганды и догматических утверждений. Разве вы не заметили, что само такое действие порождает дальнейшее страдание и хаос? Истина не имеет никакого установленного места нахождения, она живое существо, более живое, более динамичное, чем что-либо, о чем может подумать ум, так что к ней не может быть никакого пути.

«Я думаю, что понимаю это, сэр. Но вы против всех организаций?»

«Тогда я только измерял, а не искал по-настоящему?»

Поиск — это всегда измерение, сэр. Нет никакого поиска, если ум прекращает измерять, сравнивать.

«Вы хотите сказать, что мои годы поиска были напрасными?»

Этого другой не может сказать. Но движение ума, который отправляется в путешествие поиска, вечно находится в пределах, широких или узких, собственных ограничений.

«Я стремился утихомирить ум, но это также не было доведено до конца».

Ум, который заставили быть тихим, это не тихий ум. Это мертвый ум. Что-нибудь, что было доведено до конца силой, нужно побеждать снова и снова. Этому нет конца. Только то, что имеет окончание, — вне досягаемости времени.

«Разве к спокойствию не нужно стремиться? Наверняка, ум, который блуждает, нужно сдерживать и держать под контролем».

Можно ли стремиться к спокойствию? Разве это то, что можно искусственно культивировать и приобрести? Чтобы искать спокойствие ума, нужно уже знать, что это такое. А мы знаем, что такое спокойствие? Мы можем знать это через описание другого, но можно ли его описать? Познание — это словесное состояние, процесс узнавания, на то, что узнано, это не спокойствие, которое является всегда новым.

«Я познал спокойствие гор и пещеры, и я убрал все мысли, за исключением мысли о спокойствии. Но спокойствия ума я никогда не познал. Вы мудро сказали, что размышление — это пустое. Но должно быть состояние спокойствия, и как сделать так, чтобы это состояние возникло?»

Имеется ли метод для того, чтобы возникало то, что не является творением воображения, то, что не собрано умом?

«Нет, предполагаю, что не имеется. Единственное спокойствие, которое я испытал, это было то, что возникает, когда мой ум полностью находится под контролем. Но вы утверждаете, что это не спокойствие. Я приучил свой ум к повиновению и отпускал его только с осторожной заботой. Он был натренирован и сделан острым благодаря учебе, благодаря аргументации, благодаря медитации и глубокому мышлению. Но спокойствие, о котором вы говорите, не попало в пределы области моего переживания. Как пережить это спокойствие? Что я должен сделать?»

Сэр, переживающий должен прекратить быть для того, чтобы было спокойствие. Переживающий всегда ищет большее переживание, он хочет иметь новые ощущения или повторить старые. Он жаждет реализовать себя, быть или стать кем-то. Переживающий — это создатель повода, и пока есть повод, пусть даже утонченный, есть только покупка спокойствия, но это не спокойствие.

«Тогда как должно внезапно наступить спокойствие? Это что, случайность в жизни? Это что, дар?»

Давайте вместе рассмотрим проблему в целом. Мы всегда ищем что-то, и мы так легко используем слово «искание». Существенен факт, что мы ищем, а не то, что ищется. Что ищет каждый — это проекция собственного желания. Искание — это не состояние поиска, это реакция, процесс опровержения и утверждения по отношению к идее, сотворенной умом. Искать иглу, как в пословице, в стоге сена, означает уже иметь знание об игле. Точно так же, искать Бога, счастье, спокойствие или что-то другое означает уже знать, сформулировать или вообразить это. Искание, как оно называется, всегда направлено на что-то известное. Нахождение — это узнавание, а узнавание основано на предыдущем знании. Такой процесс искания — это не состояние поиска. Ум, который ищет, ожидает, ждет, желает, и то, что он находит, распознаваемое, поэтому уже известное. Искание — это действие прошлого, но состояние поиска совершенно отличается, оно никоим образом не похоже на искание, и это не реакция, не противоположность искания. Эти два процесса никоим образом не связаны.

«Тогда что такое состояние поиска».

Это нельзя описать, но возможно оказаться в том состоянии, если есть понимание, что такое искание. Мы ищем из-за недовольства, несчастья, страха, не так ли? Искание — это сеть действий, из которых не освободиться. Эту сеть необходимо понять.

«Что вы подразумеваете под пониманием?»

Не является ли понимание состоянием ума, в котором знание, воспоминание или узнавание не в тот момент функционирует? Чтобы понимать, ум должен быть спокойным, действия знания должны быть в повиновении. Это спокойствие ума наступает спонтанно, когда учителя или родитель действительно хотят понять ребенка. Когда есть намерение понять, появляется внимание без отвлечения желанием следовать. Тогда ум не дисциплинирован, не контролируется, не натянут, и его не заставляют умолкать. Его спокойствие естественное, когда есть намерение понять. Никакое усилие, никакой конфликт не вовлечено в понимание. С пониманием полного значения искания возникает состояние поиска. Это нельзя искать и найти.

«Когда я слушал, как вы объясняли, происходило пристальное наблюдение за умом. Я теперь понимаю суть того, что называется исканием, и я чувствую, возможно не искать. Но все же состояния поиска нет».

Зачем говорить, что его нет или оно есть? Осознавая истинность и ложность искания, ум больше не в ловушке механизма искания. Есть чувство необремененности, ощущение облегчения. Ум спокоен, он больше не прилагает усилий, борясь за что-то, но он и не спит, не ждет, не ожидает. Он просто спокоен и бдителен. Это так, сэр?

«Пожалуйста, не называйте меня „сэр“. Я — тот, кого наставляют. То, что вы говорите, кажется истинным».

Такое пробужденное ума — это состояние поиска. Он больше не ищет по поводу, нет никакой цели, которую нужно достичь. Ум не заставили утихнуть, на него не оказывается никакого давления, чтобы успокоить его, и потому-то он спокоен.

Его спокойствие не такое, как у листа, который готов танцевать с первым же ветерком, он не игрушка желаний.

«В этом спокойствии есть осознание движения».

Разве это осознание не тишина? Мы описываем, но не так, как бы переживающий описал. Переживающий появляется в жизни по многим причинам, он — это следствие, которое в свою очередь тоже становится причиной другого следствия. Переживающий является и причиной, и следствием бесконечной цепи причин и следствий. Восприятие сути этого освобождает ум. Свободы нет в пределах причинно-следственной сети. Свобода не в том, чтобы быть свободным от сети, но свобода тогда, когда сети нет. Свобода от чего-либо — это не свобода, это лишь реакция, противоположность неволи. Свобода есть тогда, когда неволя понята. Истина — это не что-то постоянное, фиксированное, поэтому ее нельзя разыскивать, истина — это живое существо, это состояние поиска.

«То состояние поиска является Богом. Нет никакой цели, которую нужно достичь и удержать. Искания без нахождения, которые продолжались все эти годы, не принесли горечь сердцу, и нет и сожаления об этих потраченных годах. Нас учат, а мы не учимся, вот здесь и кроется наше страдание. Понимание отменяет время и возраст, оно уничтожает различие между учителем и тем, чему учат. Я понимаю и чувствую себя великолепно. Мы встретимся снова».

«Почему Священные писания осуждают желание?»

Это был один из тех огромных, растянувшихся городов, которые пожирают страну, и, чтобы выбраться из его пределов, нам пришлось проехать кажущиеся бесконечными милями по дрянным улицам, мимо фабрик, трущоб и железнодорожных навесов, через недоступные жилые предместья, пока наконец мы не увидели начало открытой местности, где небо было широким, а деревья были высокими и свободными. Это был прекрасный день, ясный и не слишком теплый, потому что недавно прошел дождь, один из тех легких, нежных дождей, которые уходят глубоко в землю. Внезапно, как только дорога достигла вершины холма, мы натолкнулись на реку, блестящую на солнце. Она уходила вдаль через зеленые поля к отдаленному морю. На реке было только несколько лодок, неуклюже построенных, с квадратными черными парусами. Несколькими милями выше располагался мост как для поездов, так и для ежедневного движения, но в этом месте имелся только понтонный мост, по которому транспорт двигался одновременно только в одну сторону, и мы видели линию из грузовиков, телег с волами, автомобилей и двух верблюдов, ожидающих своей очереди, чтобы пересечь реку. Мы не хотели присоединяться к этой длинной очереди, потому что, наверное, придется ждать долго, поэтому мы отправились другой дорогой назад, оставляя реку, проделывающую свой путь через холмы и луга, мимо многих деревень, к открытому морю.

Небо над головами было ярко-голубым, а горизонт наполнен огромными белыми облаками с утренним солнцем на них. Они имели причудливые формы и оставались неподвижными и отдаленными. Мы бы не могли приблизиться к ним, даже если бы ехали в их сторону много миль. По обочине дороги трава была молодой и зеленой. Наступающее лето выжжет ее до коричневого цвета, и природа потеряет свою зеленую свежесть. Но сейчас все было молодым, и радость царила на земле. Дорога была довольно неровной, с выбоинами на всем ее протяжении, и хотя водитель избегал их столько, сколько мог, мы подпрыгивали вверх и вниз, головами почти касаясь крыши. Но двигатель прекрасно работал, и в автомобиле не было никакого грохота.

Ум осознавал величественные деревья, скалистые холмы, крестьян, широкое синее небо, но он был также в медитации. Ни единая мысль не тревожила его. Не было никаких всплесков памяти, ничего что удержать или сопротивляться, не было ничего, что нужно было бы в будущем достичь. Ум вбирал все в себя, он был быстрее, чем глаз, и не удерживал то, что воспринимал. Происходящее проходило сквозь него, как ветер проходит сквозь ветки дерева. Где-то позади можно было слышать разговор и видеть телегу с волом и приближающийся грузовик, но все-таки ум был полностью спокойным. И движение в пределах того спокойствия было импульсом нового начала, нового рождения. Но новое начало никогда не будет старым, оно никогда не познает вчера и завтра. Ум не переживал новое — он сам был этим новым. У него было продолжение, и не было также и смерти, он был новое, а не был заставлен быть новым. Огонь не принадлежал тлеющим уголькам вчерашнего дня.

Он привел своего друга, чтобы с его помощью лучше сформулировать свою точку зрения. Они оба были довольно сдержанны, немногословны, но сказали, что знают санскрит и читали литературу на нем. Наверное, в свои сорок лет они выглядели стройными и здоровыми, со светлыми головами и вдумчивыми глазами.

«Почему Священные писания осуждают желание? — начал более высокий. — Практически каждый учитель из старых, кажется, осуждает его, особенно сексуальное желание, говоря, что его надо контролировать, подавлять. Они, очевидно, расценивают желания как помеху для более

возвышенной жизни. Будда говорил о желании как о причине всего горя и проповедовал его окончание. Шанкара в его сложной философии сказал, что желание и сексуальное побуждение должно быть подавлено, и все другие религиозные учителя в большей или меньшей степени поддерживали то же самое отношение. Некоторые из христианских святых наказывали свои тела и истязали себя различными способами, в то время как другие утверждали, что с телом, как с ослом или лошадью, нужно хорошо обращаться, но управлять. Мы читали не очень много, но, насколько мы знакомы с религиозной литературой, она вся, кажется, настаивает на том, что желание должно быть дисциплинировано, порабощено, подавлено и так далее. Мы только новички в религиозной жизни, но нам кажется, что во всем этом чего-то не хватает. Мы можем полностью ошибаться, и не хотим быть противниками великих учителей, но нам хотелось бы, если возможно, поговорить с вами об этом. Насколько нам известно после прочтения ваших трудов, вы никогда не говорили, что желание следует подавлять или очищать, а что его необходимо понять с осознанием, в котором нет никакого осуждения или оправдания. Хотя вы объяснили это различными способами, нам трудно уловить значение всего этого, и наша беседа с вами окажет нам огромную помощь».

Что в точности является проблемой, которую вы хотите обсудить?

«Желание — это естественно, не так ли, сэр? — спросил другой. — Желание пищи, сна, некоторой степени комфорта, сексуальное желание, желание истины — во всех этих проявлениях желание совершенно естественно, так почему нам говорят, что оно должно быть устранено?»

Отбросив в сторону то, что вам сказали, можем мы исследовать истинность и ошибочность желания? Что вы подразумеваете под желанием? Не определение из словаря, но каково значение, его содержание? И какую важность вы ему придаете?

«У меня есть много желаний, — ответил тот, кто повыше, — и они меняются время от времени по ценности и важности. Есть постоянные, есть и проходящие желания. Желание, которое я имею один день, может на следующий день исчезнуть или усилиться. Даже если я больше не имею сексуального желания, я все еще могу хотеть власти. Я, возможно, прошел стадию сексуального желания, но мое желание власти остается постоянным»

Это так. Ребяческие хотения становятся зрелыми желаниями с возрастом, с привычкой, с повторением. Объект желания может изменяться, когда мы становимся старше, но желание остается. Удовлетворение и боль расстройства всегда находятся в пределах области желания, верно?

Теперь, имеется ли желание, если нет объекта желания? Является ли желание и его объект неотделимыми? Я знаю желание только из-за объекта? Давайте выясним это.

Я вижу новую шариковую ручку, и потому, что моя не такая хорошая, я хочу новую. Таким образом запускается процесс желания, цепь реакций, до тех пор, пока я не получу или мне не удастся получить то, что я хочу. Цель попадает на глаза, и затем возникает чувство хотения или нехотения. В какой точке этого процесса появляется «я»?

«Это хороший вопрос».

«Я» существует до чувства хотения, оно возникает с этим чувством? Вы видите некоторый объект, наподобие нового типа авторучки, и происходит множество реакций, которые являются совершенно нормальными, но с ними возникает желание обладать объектом, а затем начинается другая серия реакций, которые дают жизнь «я», которое говорит: «Я должен иметь это». Так что «я» создается чувством или желанием, которое возникает через естественный отклик на увиденное. Без того, чтобы не видеть, не ощущать, желать, есть ли «я» как отдельная, изолированная сущность? Или же весь этот процесс наблюдения, наличия ощущения, хотения составляет «я»?

«Вы хотите сказать, сэр, что „я“ нет сначала? Разве это не „я“, которое чувствует и затем желает?» — спросил тот, кто пониже.

Что вы говорите? Разве «я» не отделяет себя только в процессе восприятия и желания? Прежде, чем этот процесс начинается, есть ли «я» как отдельная сущность?

«Трудно думать о „я“ как о просто результате некоего физико-психологического процесса, поскольку это звучит очень материалистически, и идет против нашей традиции и всех наших привычек мышления, которые говорят, что „я“, наблюдатель, существует сначала, и не то, что оно было „создано“. Но несмотря на традицию и Священные писания и мою собственную неустойчивую склонность верить им, я понимаю, что то, что вы говорите, это факт».

Это не то, что другой может сказать, что приводит к восприятию факта, а ваше собственное прямое наблюдение и ясность мышления, не так ли?

«Конечно, — ответил более высокий. — Я могу сперва принять по ошибке кусок веревки за змею, но в тот момент, когда я ясно вижу вещь, нет никакого ошибочного восприятия, никаких желаемых мыслей о ней».

Если этот пункт ясен, мы продолжим по вопросу о подавлении или возвышении желания? Теперь в чем проблема?

«Желание есть всегда, иногда неистово горящее, а иногда дремлющее, но готовое ворваться в жизнь. И проблема в том, что с ним делать? Когда желание дремлет, все мое существо довольно спокойно, но когда оно активно, я очень тревожен, я становлюсь беспокойным, лихорадочно активным, пока это специфическое желание не является удовлетворенным. Тогда я становлюсь относительно спокойным, пока желание не появляется снова и снова, возможно, с иным объектом. Оно похоже на воду под давлением, и как бы высоко вы ни построили дамбу, оно всегда просачивается через трещины, обходя вокруг или проливаясь через край. Я почти замучился, пытаясь быть выше желания, но в конце моих всевозможных усилий желание все еще есть, улыбаясь или хмурясь. Как мне освободиться от этого?»

Вы пробуете подавлять, возвысить желание? Вы хотите приручить его, одурманить, сделать его уважаемым? Не принимая во внимание книги, идеалы и гуру, что вы чувствуете по отношению к желанию? Каков ваш порыв? Что вы думаете?

«Желание естественно, не так ли, сэр?» — спросил тот, что пониже.

Что вы подразумеваете под естественным?

«Голод, секс, желание комфорта и надежности — все это желание, и это кажется таким поздоровому нормальным и разумным. В конце концов, мы так устроены».

Если это нормально, тогда почему вы обеспокоены этим?

«Неприятность в том, что есть не только одно желание, а много противоречивых желаний, все из которых тянут в разных направлениях. Я внутри разрываюсь на части. Два или три доминируют, и они отвергают противоречивые желания поменьше. Но даже среди главных желаний существует противоречие. Именно это противоречие с его натянутыми и напряженными отношениями причиняет страдание».

И чтобы преодолеть это страдание, вам сказали, что вы должны контролировать, подавлять или возвышать желание. Это так? Если бы удовлетворение желания приносило только удовольствие и никакого страдания, вы бы весело продолжали с ним сосуществовать, не так ли?

«Вероятно, — заметил более высокий. — Но всегда есть некоторая боль, а также страх, и это то, что мы хотим устранить».

Да, каждый хочет этого, и именно поэтому весь замысел и основа нашего мышления желает продолжения удовольствий, и в тоже время избегает боли желания. Разве вы тоже не стремитесь к этому?

«Боюсь, что да».

Борьба между удовольствиями от желания и страданием, которое также приходит вместе с ним, это конфликт дуальности. В этом нет ничего очень озадачивающего. Желание ищет удовлетворения, а тень удовлетворения — это расстройство.

Мы не признаем это, поэтому все мы стремимся к удовлетворению, надеясь никогда не быть расстроеными, но эти два явления неотделимы.

«Неужели никогда невозможно получить полное удовлетворение без боли расстройства?»

Разве вы не знаете? Разве вы не испытали краткое удовольствие от удовлетворения и разве оно неизменно не сопровождается беспокойством, болью?

«Я заметил это, но так или иначе пытался держаться подальше от боли».

И вам удалось?

«Нет все-таки, но всегда надеешься на это».

Как оградиться от такого страдания — вот ваша главная забота на протяжении все жизни. Поэтому вы начинаете дисциплинировать желания, вы говорите: «Это правильное желание, а другое неправильное, безнравственное». Вы возвращаете идеальное желание, такое, какое должно быть, в то время как находитесь в ловушке у того, какого не должно быть. То, которое не должно быть, это реальный факт, а то, которое должно быть, не имеет никакой реальности, кроме как воображаемого символа. Это ведь так, не правда ли?

«Но пусть даже воображаемые, разве идеалы не необходимы? — спросил тот, что пониже. — Они помогают нам избавляться от страдания».

Неужели? Ваши идеалы помогли вам освободиться от страданий, или они просто помогли вам продлить удовольствия, в то время как в воображении вы говорили себе, что не должны? Так что боль и удовольствие от желания продолжают. Реально, вы не хотите быть свободными ни от того, ни от другого. Вы хотите дрейфовать с болью и удовольствием от желания, тем временем разглагольствуя о идеалах и всей этой дряни.

«Вы совершенно правы, сэр», — признал он.

Давайте продолжим оттуда. Желание нельзя разделять на как приносящее удовольствие и болезненное или как правильное и неправильное желание. Есть только желание, которое появляется под различными формами, с различными целями. Если не поймете этого, вы будете просто бороться, чтобы преодолеть противоречия, которые являются самой природой желания.

«Есть ли тогда центральное желание, которое должно быть преодолено, желание, от которого прорастают все другие желания?» — спросил более высокий.

Вы имеете в виду желание безопасности?

«Я думал об этом, но имеется также желание секса, так много других вещей».

Есть ли одно центральное желание, от которого прорастают другие желания, как множество детей, или желание просто меняет объект удовлетворения время от времени, от юного возраста до зрелости? Существует желание обладать, быть страстным, преуспевать, быть в безопасности, и внутренне и внешне, и так далее. Желание переплетается с мыслью и действием, с так называемой духовной, также как мирской жизнью, верно?

Они молчали в течение некоторого времени.

«Мы больше не можем думать, — сказал тот, кто пониже. — Мы в тупике».

Если вы подавляете желание, оно снова возникает в иной форме, так ведь? Управлять желанием — означает сузить его и быть эгоцентричным. Контролировать его — означает выстроить стену сопротивления, которая всегда рушится, если, конечно, вы не станете невротиком, заикленным на одном желании. Подавление желания — это волевой акт, но воля — это особая концентрация желания, и, когда одна форма желания доминирует над другой, вы снова в ваших старых рамках борьбы.

Контроль, дисциплина, подчинение, подавление — все включает в себя некоторого рода усилие, и такое усилие все еще в пределах области дуальности, «правильного» и «неправильного» желания. Лень может быть преодолена актом воли, но мелочность ума остается. Мелочный ум может быть очень деятельным, и он обычно таким и является, таким образом причиняя вред и страдания себе и другим. Итак, как бы сильно мелочный ум ни боролся, чтобы преодолеть желание, он продолжит быть мелочным умом. Все это ясно, не так ли?

Они посмотрели друг на друга.

«Я думаю так, — ответил более высокий. — Но, пожалуйста, немного помедленнее, сэр, и не перегружайте каждое предложение идеями».

Подобно пару, желание — это энергия, верно? И как пар может быть направлен, чтобы управлять любым видом машин, либо полезным, либо разрушительным, так и желание может быть рассеяно, или же оно может использоваться для понимания без наличия того, кто использует эту удивительную энергию. Если есть использующий ее, будь он один или много, индивидуум или коллектив (что является традицией), то начинаются неприятности. Тогда возникает замкнутый круг боли и удовольствия.

«Если ни индивидуум, ни коллектив не должен использовать ту энергию, то кто же должен использовать ее?»

Разве вы не задаете неправильный вопрос? Неправильный вопрос будет иметь неправильный ответ, но правильный ответ может открыть дверь к пониманию. Есть только энергия, нет никакого вопроса о том, кто будет использовать ее. Это не энергия, а использующий ее, кто поддерживает замешательство и противоречие боли и удовольствия. Использующий, как один и как многие, говорит: «Это правильно, а то неправильно, это хорошо, а то плохо», таким образом увековечивая конфликт дуальности. Он настоящий интриган, творец печали. Может ли использующий ту энергию, называемую желанием, прекратить быть? Может наблюдатель не быть действующим, отдельной сущностью, воплощающей ту или иную традицию, а быть самой той энергией?

«Разве это не очень трудно?»

Это единственная проблема, а не то, как контролировать, дисциплинировать или подавлять желание. Когда вы начинаете понимать это, желание приобретает совершенно иное значение, оно становится чистотой творения, движением истины. Но просто повторять, что желание верховодит и так далее, не только бесполезно, но и явно вредно, потому что действует как усыпляющий препарат, чтобы успокоить мелочный ум.

«Но как избавиться от использующего желание?»

Если вопрос «Как?» отражает поиск метода, тогда пользователь желания будет просто создан в другой форме. Важнее не быть использующим, а не избавиться от него. Нет никакого «как». Есть только понимание, импульс, который разрушит старое.

Может ли когда-либо политика быть одухотворенной?

За мостом виднеется море, синее и далекое. Вдоль изгибающегося берега лежат пески и простирающиеся пальмовые рощи. Городские люди приезжают сюда на машинах со своими хорошо одетыми детьми, которые радостно кричат, наслаждаясь свободой от тесных домов и голых улиц.

Рано утром, прямо перед тем, как солнце восходит, когда на земле много росы, а звезды все еще видны, это место очень красиво. Вы можете сидеть здесь один, а всюду вокруг вас мир насыщенной тишины. Море беспокойное и темное, разозленное луной, его волны накатываются с яростью и ревом. Но несмотря на тяжелый грохот моря все удивительно тихо. Нет ни малейшего ветра, и птицы все еще спят. Ваш ум потерял свое побуждение блуждать по поверхности земли, двигаться среди старых, знакомых объектов местности, продолжать тихий монолог. Внезапно и неожиданно вся та огромная энергия сгущается, собирается, но не для того, чтобы расходовать себя в движении. Движение есть только в переживающем, который ищет, получает, теряет. Сгущение этой энергии, свободной от давлений и влияний желаний, неважно, ослабленных или усиленных, создало полную внутреннюю тишину. Ваш ум полностью освещен, без какой-либо тени и не отбрасывая тень. Утренняя звезда очень яркая, устойчивая, постоянная и немигающая, в небе на востоке видно зарево. Ваш ум не передвинулся ни на йоту, он не парализован, но свет той внутренней тишины сам стал действием без слов и образов ума. Его свет не имеет центра, создателя тени, есть только свет.

Утренняя звезда исчезает, и вскоре золотая кайма показывается из-за бурной воды. По земле медленно поползли тени. Все пробуждается, и легкий ветерок подул с севера. Вы идете по тропинке, которая пролегает вдоль реки и присоединяется к главной дороге. В тот час на ней очень мало людей, один или двое вышли на утреннюю прогулку. Почти нет автомобилей, и все живое довольно тихо. Дорога проходит через сонную деревню, где двое маленьких детей разговаривая и смеясь, не стесняясь прохожих, используют обочину как туалет. Автомобиль объезжает козу, лежащую на середине дороги. На некотором расстоянии от деревни вы проходите через ворота в ухоженный сад, где есть великолепные цветы и квадратный водоем с многочисленными лилиями в нем. Тени уже ярче, но трава все еще мокрая от росы.

Он был человеком средних лет из деревни, в некотором роде адвокат. Он сказал, что не очень усердно работал, поскольку имел небольшую собственность и мог посвящать часть своего времени другим вещам. В настоящее время он писал книгу о социальных условиях в этой стране. Встречался с некоторыми из видных людей в правительстве и принимал участие в самом последнем движении земельной реформы, переходя вместе с другими от деревни до деревни. Его энтузиазм был очень заметен, когда он заговорил о политической и социальной реформах, изменился даже весь тон его голоса.

Он стал резким, настойчивым, возбужденным. Его голова приподнялась, взгляд стал агрессивным, а манеры стали убеждающими. Все это он совершенно не осознавал. Слова и статистика легко приходили на ум, и он, казалось, набирал силу, когда продолжал. Так как вы слушали его поток объяснений и оценок без прерывания, он внезапно осознал, где находится, и извинился.

«Я всегда возбуждаюсь, когда говорю о политической и социальной реформах. Не могу ничего с этим поделать. Это у меня в крови. Кажется, так происходит со всеми нами, по крайней мере, людьми нашего поколения. Как только мы заканчиваем колледж, наше образование продолжается в основном через газеты, которые главным образом посвящены политике. Я

чувствую, что огромное количество добрых дел можно сделать через политику, и именно ей я посвящаю этому много своего времени. К тому же мне это нравится, при этом возникает возбуждение».

Как оно возникает при алкогольном опьянении, при сексе, при еде, при грубости и так далее. Возбуждение в любой форме дает нам ощущение переживания, и мы требуем его даже в религии.

«Вы думаете, что это неправильно?»

А что думаете вы? Ненависть и война приносят огромное возбуждение, не так ли?

«Лично я принимаю политику всерьез, — продолжал он, игнорируя вопрос, — для меня это очень серьезный вопрос, потому что я чувствую, что это изумительный инструмент для проведения существенных реформ. Политическое действие на самом деле приносит результаты и не в слишком отдаленном будущем, так как в ней есть определенная надежда для среднего человека. Наиболее религиозные люди, кажется, понимают важность политического действия, которое, как как сказал один из наших лидеров, должно быть одухотворено. Вы согласны с этим, не так ли?»

По-настоящему религиозный человек не интересуется политикой. Для него существует только действие, полное религиозное действие, а не фрагментарные деятельности, которые называются политическими и социальными.

«Вы оппозиционно настроены в отношении привнесения религии в политику?»

Оппозиция только порождает антагонизм, верно? Давайте рассмотрим, что мы подразумеваем под религией. Но, прежде всего, что вы подразумеваете под политикой?

«Это вся законодательная процедура: правосудие, планирование процветания государства, гарантия равных возможностей для всех граждан и так далее. Функцией правительства является мудро править и предотвращать хаос».

Конечно же, всякого рода реформа — это также функция правительства. Его нельзя оставлять прихотям и мечтам, называемым идеалами, сильных личностей и их группам, так как это ведет к распаду государства. В двухпартийной или многопартийной системе реформаторы должны работать либо через правительство, либо как часть оппозиции. Зачем вообще нам нужны социальные реформаторы?

«Без них многие реформы, уже достигнутые, никогда бы не произошли. Реформаторы необходимы, потому что они подталкивают правительство. У них есть большее видение, чем у среднего политика, и своим примером они вынуждают правительство проводить нужные реформы или изменять его политику. Участие в голодовке — это одно из средств, выбранных святыми реформаторами, чтобы заставить правительство следовать их рекомендациям».

Это является своего рода шантажом, не так ли?

«Возможно. Но это действительно вынуждает правительство принимать во внимание и даже выполнять необходимые реформы».

«Святой реформатор» может ошибаться, и часто он действительно ошибается, когда вовлекается в политику. Поскольку он имеет некоторое влияние на народ, правительству, вероятно, придется уступать его требованиям, иногда с разрушительными результатами. Разного вида реформы через различные формы законодательства, являются ли по существу функцией гуманного, разумного правительства, почему бы этим политически настроенным «святым» не присоединиться к правительству или создать еще одну политическую партию? Не происходит ли так, что они хотят играть в политику и все же держаться в стороне от нее?

«Я думаю, что они хотят одухотворить политику».

Может ли когда-либо политика быть одухотворенной? Политика беспокоится об обществе, которое всегда в конфликте с собой, всегда ухудшается. Взаимодействие людей составляет

общество, и эти взаимоотношения фактически основаны на амбиции, расстройстве, зависти. Обществу незнакомо сострадание. Сострадание — это поступок цельной и единой личности.

А сейчас каждый из этих политико-религиозных реформаторов утверждает, что его путь к спасению единственный, не так ли?

«Большинство их так и делает, но есть меньшинство, которое не настолько уверенно».

Не могут ли они все сильно ошибаться, запутавшись в их собственных условностях, с устоявшимися предубеждениями и традиционным подходом? Нет ли у каждого «святого» политического лидера с его группой последователей тенденции вызывать дальнейшую фрагментацию и распад государства?

«Но не должны ли мы рискнуть? Можно ли создать единство через простое законодательство?»

Конечно, нет. Может возникнуть подобие единства, внешнее следование универсальному образцу, социальному или политическому, но единство человечества никогда не может быть создано законодательством, пусть даже возвышенным.

Где есть дружба, сострадание, организация правосудия не нужна. А через организацию правосудия не обязательно возникает сострадание. Напротив, она может отогнать сострадание. Но это другой вопрос.

Как я говорил, почему бы этим «святым» политикам не присоединиться к правительству или создать партию, чтобы осуществлять их политику? Что является потребностью этих реформаторов вне политической сферы?

«У них больше власти вне парламента, чем бы они имели, состоя в нем. Они действуют по отношению к правительству как бич морали. Они действительно делят людей до некоторой степени, это правда, но это необходимое зло, от которого может быть польза».

Проблема намного глубже, не так ли? Политические, экономические и социальные реформы очевидно необходимы, но если мы не начнем понимать проблему поболее, которая состоит в цельности человека и его полного действия, такие реформы только приносят дальнейший вред, требуя все большие реформы в бесконечной цепи, в которой человек удерживается.

Теперь же, разве не существуют более глубокие побуждения, которые вынуждают этих «святых» политических лидеров действовать так, как они действуют? Лидерство подразумевает власть, власть, чтобы влиять, вести, доминировать или изоциренно, или требовательно. Эти лидеры — искатели власти. Власть в любой форме — это зло, и она будет неизбежно приводить к бедствию. Большинство людей хочет, чтоб их вели, чтоб им говорили, что делать, и в их смятении они создают лидеров, которые так же запутаны, как и они сами.

«Но почему вы говорите, что наши лидеры стремятся к власти? — спросил он довольно скептически. — Они высоко почитаемые люди с добрыми намерениями и порядочным поведением».

Почитаемые означает обусловленные, они следуют за традицией, в большей или меньшей степени общепризнанной или нет. Почитаемые всегда имеют авторитет книги, прошлого. Они могут неосознанно стремиться к власти, но власть приходит к ним через их положение, действия и так далее, и они движимы этой властью. Сострадание далеко от них. Они лидеры, они имеют последователей. Тот, кто следует за другим, будь то самый великий святой или учитель, является по существу неверующим.

«Я понимаю, что вы имеете в виду, сэр. Но почему эти люди стремятся к власти?» — спросил он более искренне.

Почему вы стремитесь к власти? Обладание властью над одним или многими придает яркое удовольствие обладания, верно? Возникает приятное чувство собственной важности,

нахождения в положении власти.

«Да, мне это весьма хорошо знакомо. Я чувствую приятное чувство авторитета, когда со мной консультируются относительно юридических или политических вопросов».

Почему мы ищем и пытаемся поддержать это захватывающее ощущение власти?

«Оно возникает настолько естественно, что кажется врожденным».

Такое объяснение блокирует дальнейшее и более глубокое исследование, не так ли? Если вам надо выяснить суть вопроса, вы не должны удовлетворяться объяснениями, какими бы вероятными и удовлетворительными они ни были.

Почему мы хотим быть лидерами? Должно быть признание, чтобы чувствовать себя важным. Если нас не признают таковыми, важность теряет значение. Признание — это часть целостного процесса лидерства. Не только лидер приобретает важность, но также и последователь. Утверждая, что он принадлежит такому-то и такому-то движению, под руководством такого-то и такого-то, последователь становится кем-то. Вы находите, что это истина?

«Боюсь, что да».

Как с последователем, так же и с лидером. Являясь несамодостаточными внутри себя, пустыми, мы продолжаем заполнять эту пустоту ощущением обладания, власти, положения, или знанием, удовлетворяющими идеологиями и тому подобным. Мы переполняем ее вещами ума. Этот процесс заполнения, убегания, становления, сознательный ли он или какой-то другой, является сетью «я». Именно эго, «я», сущность отождествила себя с идеологией, с реформой, с неким образцом действия. В этом процессе становления, который является самоудовлетворением, всегда присутствует тень расстройств. Пока данный факт не понят глубоко, так, чтобы ум освобождался от акта самоудовлетворения, вечно будет это зло власти, с различными ярлыками почтения, прикрепленными к ней.

«Если позволите спросить, когда сами вы отказались много лет назад продолжать оставаться главой религиозной организации, вы продумали все это? Вы были весьма молоды тогда, и как случилось, что вы были способны сделать это?»

У каждого есть озарение, неопределенное чувство того, что является правильным, и каждый совершает поступок без обдумывания последствий. Позже приходит аргументированное объяснение, и так как поступок истинен, причины будут адекватны и истинны. Но опять же, это другая тема. Мы говорили о внутренней работе лидеров и последователей. Человек, стремящийся к власти или принимающий власть в любой ее форме, по сути неверующий. Он может искать власть через воздержанность, через дисциплину и самоотречение, что называется добродетелью, или через интерпретацию священных писаний. Но такой человек не знает огромное значение того, что может называться религией.

«Тогда, что является религией? Теперь-то я ясно вижу, что политика не может быть одухотворенной, но что она имеет определенное значение в надлежащем месте, которое включает мир реформ, и я все еще в восторге от я хочу узнать от вас, что означает религия»

Вы не можете узнать это от другого. Но что она означает для вас?

«Я был воспитан в духе индуизма, и то, чему он учит, я принимаю как религию».

Это именно то, что делает христианин, буддист, мусульманин. Каждый принимает как религию специфический образец веры, догму и ритуал, в котором он волею судьбы был воспитан. Принятие подразумевает выбор, не так ли? А имеется ли выбор в религиозных вопросах?

«Когда я говорю, что принимаю то, чему учит религия, к которой я принадлежу, то имею в виду, что это отвечает моему здравому смыслу. В этом есть что-нибудь неправильное?»

Дело здесь не в правильном или неправильном, давайте пойдем, о чем мы говорим. С

детства вы были под влиянием ваших родителей и общества, все делалось для того, чтобы вы думали понятиями определенного образца верований и догм. Позже вы можете восставать против всего этого и выбрать другой образец, называемый религией. Но восстаете ли вы или нет, ваша причина основана на вашем же желании быть в безопасности, быть «духовно» уверенным, и от того убеждения зависит ваш выбор. В конце концов, причина или мысль — это также результат условностей, предубеждений, предпочтений, сознательного или неосознанного страха и так далее.

Каким бы логическим или продуктивным ни было бы рассуждение, оно не ведет к тому, что находится за пределами ума. Для того, чтобы возникло то, что за пределами ума, ум должен полностью освободиться.

«Вы что против причины?» — спросил мужчина жестко.

Опять же, это вопрос понимания, а не того, чтобы быть за или против чего-то. Хотя можно иметь способность продуктивно продумывать проблему до самого конца, мысль всегда ограничена. Рассуждение неспособно к продвижению за пределы определенной точки. Мысль никогда не может быть свободной, потому что всякое размышление — это отклик памяти, а без памяти нет никакого размышления. Память или знание является механическими, уходя корнями во вчера, они всегда принадлежат прошлому. Всякое исследование, рассуждение или разубеждение начинается от знания, того, что было. Поскольку мысль не свободна, она не может идти далеко, она перемещается в пределах границ ее собственных условностей, в пределах границ ее знания и опыта. Каждое новое переживание интерпретируется согласно прошлому и таким образом усиливает прошлое, которое является традицией, обусловленным состоянием. Потому мысль — это не путь к пониманию действительности.

«Если нельзя использовать собственный ум, как же возможно выяснить, что такое религия?»

В самом процессе использования ума, ясного размышления, критического и здравого рассуждения каждый сам обнаруживает ограничения мысли. Мысль, отклик ума в человеческих отношениях, привязана к личному интересу, явному или скрытому. Она связана завистью, собственничеством, страхом и так далее. Только когда ум отряхнулся от той неволи, которая является «я», ум свободен. Понимание этой неволи — самопознание.

«Вы еще не сказали, что такое религия. Для меня религия всегда была верой в Бога с целым комплексом догм, ритуалов, традиций и идеалов, которые приходят вместе с ней».

Вера — это не путь к действительности. Вера и неверие — вопрос влияния, давления, а ум, находящийся под давлением, явным или скрытым, никогда не сможет летать прямо. Ум должен быть свободен от влияния, от внутренних принуждений и побуждений, так чтобы он был один, нетронут прошлым. Только тогда может возникнуть то, что является бесконечным. К нему нет никакого пути. Религия — это не вопрос догмы, православия и ритуала, это не организованная вера. Организованная вера убивает любовь, дружелюбие. Религия — это чувство священности, сострадания, любви.

«Нужно ли отказываться от верований, от идеалов, от храма — от всего, с чем вырос? Поступить так было бы очень трудно. Боишься остаться один. Такое действительно возможно?»

Это возможно в тот миг, когда вы осознаете крайнюю необходимость в этом. Но вас нельзя вынуждать. Вы должны понять это сами. Веры и догмы имеют очень небольшую ценность — фактически, они явно вредны, отделяя человека от человека и способствуя враждебности. Что важно для ума, так это освободить себя от зависти, от амбиции, от желания власти, потому что они уничтожают сострадание. Любить, быть сострадательным — вот что имеет под собой реальность.

«Глубоко внутри то, что вы говорите, звучит правдоподобно. Большинство из нас живет во

многим на поверхности, мы настолько незрелы и подвержены влиянию, что реальность избегает нас. А кто-то хочет преобразовать мир! Я должен начать с самого себя, я должен очистить свое собственное сердце, а не увлекаться мыслью о преобразовании другого. Сэр, надеюсь, я могу прийти снова».

Осознание и прекращение снов

Небо на востоке было более прекрасным, чем там, где село солнце. Там были массивные облака причудливых форм и кажущиеся освещенными изнутри золотым огнем. Другое скопление облаков было глубокого фиолетово-синего цвета. Отяжелевшие от грозы и темноты, они простреливались насквозь вспышками молнии, искривленной, быстрой и сверкающей. Выше и дальше были и другие сверхъестественные формы, невероятно красивые и сияющие любым воображаемым цветом. Но солнце село в прозрачном небе, и к западу виднелось чистое оранжевое свечение. На фоне этого неба, над вершинами других деревьев была выгравирована единственная пальма, четкая, неподвижная и мрачно стройная. Несколько детей играли вокруг нее в зеленом поле с восторгом и удовольствием. Они вскоре уйдут, поскольку становилось темно. Уже из одного из разбросанных домов кто-то звал, и ребенок ответил звонким голосом. В окнах начинали зажигаться огни, и удивительное спокойствие поползло по земле. Вы могли почувствовать, как оно приходит издалека, проходя мимо и вне вас к краю земли. Вы сидели там, полностью неподвижный, ваш ум двигался со спокойствием, расширяясь безмерно без центра, без точки узнавания или сопоставления. На краю того луга ваше тело оставалось недвижимым, но очень оживленным. Ум был еще более недвижимым. В состоянии полного спокойствия он однако воспринимал молнию и кричащих детей, небольшие шумы среди травы и звук отдаленного сигнала. Он был тихим в глубинах, где мысль не могла достичь его, и спокойствие было проникающей благодатью (слово, имеющее небольшое значение, если только для общения), которая продолжалась и продолжалась. Это не было движение в понятиях времени и расстояния, оно было без окончания. Оно было удивительно огромным, все же его можно было отогнать дыханием.

Дорожка шла мимо большого кладбища, утыканного голыми белыми плитами, последствиями войны. Это был зеленый, ухоженный сад, окруженный оградой и забором с колючей проволокой, с воротами в нем. Такие сады существуют по всей земле для тех, кого любили, учили, убили и захоронили. Дорожка продолжалась вниз по склону, где было несколько высоких старых деревьев, а среди них блуждал маленький ручей. После пересечения хрупкого деревянного моста вы поднимались на другой склон и следовали за дорожкой к открытой местности. Теперь было довольно темно, но вы знали дорогу, поскольку уже были на той дорожке прежде. Звезды сверкали, но несущие молнии тучи подступали ближе. Еще пройдет некоторое время, прежде чем разразится шторм, и к тому времени вы достигнете укрытия.

«Интересно, почему мне так часто снятся сны? Мне снится какой-нибудь сон практически каждую ночь. Иногда мои сны приятны, но чаще они неприятные, даже пугающие, и, когда я просыпаюсь утром, чувствую себя истощенным».

Это был молодежь мужчина, довольно плотного телосложения, медлителен, который был явно взволнован и обеспокоен. Он имел довольно неплохую работу в правительстве, с большими надеждами на будущее и жизнь в этом плане не вызывала у него беспокойства. Он был образован и всегда мог получить работу. Его жена умерла, и он жил с маленьким сыном, которого в данный момент оставил с сестрой, так как мальчик был слишком подвижен, и доставлял много хлопот вне дома.

«Я не большой любитель читать, — продолжил он, — хотя хорошо учился в колледже, и получил высшее образование с похвалами (грамотами). Но все это ничего не значит, за исключением того, что я получил многообещающую работу, которая мне не очень интересна. Достаточно нескольких часов упорной работы в день, чтобы заработать на жизнь, поэтому у

меня есть свободное время. Я думаю, что мог бы жениться снова, но меня не влечет к противоположному полу. Я люблю игры и веду здоровый образ жизни. В силу моих профессиональных обязанностей я общаюсь с видными политическими деятелями, но меня не интересует политика, все жестокие интриги, которые происходят в ней, и я преднамеренно держусь от нее подальше. Можно было бы подняться по служебной лестнице с помощью фаворитизма и коррупции, но я люблю свою работу, опытен в ней, и менять что-либо в ней у меня нет необходимости. Я рассказываю все это для того, чтобы вы имели представление обо мне. У меня есть разумная доля амбиции, но она не сводит с ума. Я буду преуспевать, если не заболел и если не будет слишком много политических интриг. Помимо работы у меня есть несколько хороших друзей, и мы часто обсуждаем серьезные вещи. Итак, теперь вы знакомы более или менее с целой картиной».

Если можно спросить, о чем вы хотите поговорить?

«Один из друзей пригласил меня на одну из ваших вечерних бесед, и с ним я также посетил утреннее обсуждение. Меня очень взволновало то, что я услышал, и я хочу этому следовать. Но что меня беспокоит сейчас, так это сны. Мои сны очень тревожны, бывают и приятны, но я хочу избавиться от них. Я хочу спокойных ночей. Что мне делать? Или это глупый вопрос?»

Что вы подразумеваете под снами?

«Во сне меня посещают разного рода видения. Ряд картин или видений возникает в моем сознании. Одной ночью я могу оказаться почти падающим с края пропасти, и я пробуждаюсь с испугом, другой ночью я могу оказаться в приятной долине, окруженной высокими горами и ручьем, пробегающим по ним, третьей ночью могу вести потрясающий спор с моими друзьями или же только что опоздать на поезд, или играть превосходно в теннис. Могу внезапно увидеть мертвое тело моей жены, и так далее. Мои сны редко эротические. Чаще кошмарные, полны ужаса, или фантастически запутанны».

Когда вы видите сны, не случается когда-либо так, что почти в то же самое время происходит их толкование?

«Нет, я никогда не имел такого переживания. Я лишь вижу сон, а впоследствии страдаю от него. Я не читал какие-либо книги по психологии или толкованию снов. Я говорил по этой проблеме с некоторыми из моих друзей, но они не смогли помочь, к психологам я отношусь с недоверием. Вы можете сказать мне, почему я вижу сны и что означают мои сны?»

Вы хотите толкования ваших снов? Или вы хотите понять сложную проблему сновидений?

«Мне необходимо толковать сны?»

Может быть вообще нет никакой потребности видеть сны. Конечно, вы должны сами обнаружить истинность или ошибочность целостного процесса, который мы называем сновидением. Это обнаружение гораздо более важно, чем толкование ваших снов, верно?

«Конечно. Если я бы мог сам чувствовать полное значение сновидений, это бы освободило меня от ночного беспокойства и тревоги. Я никогда по-настоящему не думал над этой проблемой, и прошу вас быть терпеливым со мной».

Мы пытаемся понять проблему вместе, поэтому не должно быть нетерпения с обеих сторон. Мы вместе едем в исследовательское путешествие, это означает, что мы должны быть внимательными и не быть сдерживаемы каким-либо предубеждением или страхом, которые можем раскрыть, когда будем продвигаться.

Ваше сознание — это все то, что вы думаете и чувствуете, и даже намного больше. Ваши цели и мотивы, скрытые или явные, ваши секретные желания, тонкость и хитрость вашей мысли, неясные побуждения и принуждения в глубине вашей души — все это ваше сознание. Это ваш характер, поведение, темперамент, удовлетворение и расстройство, ваши надежды и опасения.

Независимо от того, верите ли вы или не верите в Бога, или в душу, Атман, в некое сверхдуховное существо, весь процесс вашего размышления — это сознание, не так ли?

«Я прежде не думал об этом, сэр, но я вижу, что мое сознание состоит из всех перечисленных элементов».

Оно — это также традиция, знание и опыт. Оно есть прошлое во взаимосвязи с настоящим, что составляет характер, оно бывает коллективное, расовое и общечеловеческое. Сознание — это целая область мысли, желания, привязанности и культивированных достоинств, которые вовсе не достоинства, а зависть, жадность и так далее. Разве не все это мы называем сознанием?

«Я, может, не вникаю в каждую деталь, но у меня есть чувство этой сущности», — ответил он нерешительно.

Сознание — это кое-что еще большее: это поле битвы противоречивых желаний, поле борьбы, сражения, боли, горя. Оно также и восстание против этого поля, что есть поиск умиротворения, доброты, прочной привязанности. Самосознание возникает, когда есть осознание конфликта, горя и желания быть избавленным от них, а также, когда есть осознание радости и желания иметь ее в большем количестве. Все это есть всецелостное сознание, всеобъемлющий процесс памяти или прошлого, использующий настоящее как проход к будущему. Сознание есть время, время как период бодрствования, так и период сна, день и ночь.

«Но можно ли когда-либо полностью осознать всецелостное сознание?»

Большинство из нас осознает лишь маленький его уголок, и мы проводим наши жизни в том маленьком уголке, создавая много шума при выталкивании и уничтожении друг друга, где мало дружелюбия и преданности. Основную-то часть мы не осознаем, и таким образом имеется осознанное и неосознанное. Фактически, конечно, нет никакого разделения между ими двумя, только лишь мы уделяем больше внимания одному, чем другому.

«Это весьма понятно, слишком понятно, на самом деле. Сознательный ум занят тысячами мелочей, почти все они имеют корни в личном интересе».

Но есть и остальная часть — скрытая, действующая, агрессивная и намного более динамичная, чем сознательный, обыденный ум. Эта скрытая часть ума постоянно убеждает, влияет, контролирует, но часто ей не удается сообщить ее цель в течение бодрствующих часов, потому что верхний слой ума занят, поэтому она передает намеки и советы в течение так называемого сна. Поверхностный ум может восставать против такого невидимого влияния, но он спокойно снова приводится в соответствие, поскольку все целостное сознание заинтересовано в безопасности, в постоянстве, и любое изменение всегда происходит в направлении поиска дальнейшей безопасности, большего постоянства его самого.

«Боюсь, что я не совсем понимаю».

В конце концов, ум хочет быть уверенным во всех его отношениях, не так ли? Он хочет быть в безопасности в отношениях с идеями и верами, также как в отношениях с людьми и с собственностью. Разве вы не заметили этого?

«Но это разве не естественно?»

Нас научили думать, что это естественно, но так ли это? Конечно, лишь ум, который не цепляется за безопасность, свободен обнаружить то, что совершенно нетронуто прошлым. Но сознательный ум начинается с побуждения быть в безопасности, быть защищенным, делать себя постоянным, и скрытая или пренебрегаемая часть ума, неосознанное, внимательна к его собственным интересам. Сознательный ум может быть вынужден обстоятельствами преобразовывать, изменять себя, по крайней мере, внешне. Но неосознанное, глубоко укрепленное в прошлом, является консервативным, предусмотрительным, осознавая более глубокие проблемы и их более глубокий результат. Поэтому происходит конфликт между двумя частями ума. Этот конфликт порождает некоторое изменение, видоизмененное продолжение,

из-за чего большинство из нас обеспокоены. Но реальная революция — вне этой дуалистичной сферы сознания.

«Где во всем этом место снов?»

Мы должны понять всецелостность сознания прежде, чем перейдем к специфической его части. Сознательный ум, будучи занятым в его бодрствующие часы повседневными событиями и давлениями, не имеет времени или возможности, чтобы слушать более глубокую часть себя. Поэтому, когда сознающий ум «идет спать», то есть когда он относительно спокоен, не взволнован, неосознанный ум может сообщать информацию, и это сообщение принимает форму символов, видений, сцен. При пробуждении вы говорите: «я видел сон» и пробуете найти его значение. Но любое его толкование будет с предубеждением, обусловленным.

«А разве нет таких людей, которые научились интерпретировать сны?»

Может, и есть. Но если вы обращаетесь к другому для толкования ваших снов, вы имеете дальнейшую проблему зависимости от авторитета, которая порождает много конфликтов и печали.

«В том случае, как мне самому их толковать?»

Является ли этот вопрос правильным? Несоответствующие вопросы могут только вызвать ничего не значащие ответы. Вопрос не в том, как толковать сны, а вообще необходимы ли сны?

«Тогда, как я могу положить конец этим своим снам?» — настаивал он.

Сны — это механизм, с помощью которого одна часть ума общается с другой. Не так ли?

«Да, это кажется довольно очевидным, теперь, когда я лучше понял природу сознания».

Разве это общение не может продолжаться все время, в течение периода бодрствования также? Не возможно осознавать ваши собственные реакции, когда вы входите в автобус, когда вы с семьей, когда говорите с вашим боссом в офисе или с вашим слугой дома? Осознавать все это просто: осознавать деревья, птиц, облака и детей, ваши собственные привычки, отклики и традиции, — это значит наблюдать все, не осуждая или сравнивая. Вы можете быть таким постоянно осознающим, постоянно наблюдающим, слушающим, вы обнаружите, что вообще не видите снов. Тогда весь ваш ум становится сильно активным, все будет иметь значение, значимость. Такому уму сны не нужны. Вы обнаружите тогда, что во время сна есть не только полноценный отдых и обновление, но состояние, которое ум никогда не сможет потревожить. Это не кое-что, что можно вспомнить и к чему можно возвратиться. Оно совершенно невообразимо, полное обновление, которое нельзя сформулировать.

«Я могу так осознавать в течение целого дня? — спросил он искренне. — Но я должен и буду осознавать, поскольку я честно вижу потребность в этом. Сэр, я многому научился, и надеюсь, что могу прийти снова».

Что означает быть серьезным?

Старик, сидевший на повозке с длинной палкой в руке, был настолько тощим, что его кости выступали наружу. У него было доброе, морщинистое лицо, а кожа очень темной, сожженной палящим солнцем. Телега была нагружена дровами, и старик ударами палки по спинам быков подгонял их. Они ехали из деревни в город долгий день. Извозчик и животные были измотаны, но нужно было осилить еще некоторое расстояние. Вокруг ртов быков была пена, и старик, казалось, был готов остановиться, но была некая одержимость в том жилистом старом теле, и быки продолжили идти. Когда вы шли около телеги, старик поймал ваш взгляд, улыбнулся и прекратил бить быков. Это были его быки, и он управлял ими в течение многих лет. Они знали, что он их обожал, и биение было временным явлением. Он гладил их теперь, и они продолжили двигаться без понукания. Взгляд старика выражал бесконечное терпение, усталость от бесконечно тяжелого труда. За дрова он не получит много денег, но этого будет достаточно, чтобы прожить какое-то время. Они будут отдыхать в течение ночи на обочине дороги, чтобы ранним утром отправиться домой. Телега будет пуста, и поездка назад будет легче. Мы шли по дороге вместе, и быки, казалось, не возражали, чтобы незнакомец, который шел рядом, поглаживал их. Начинало темнеть, и через время извозчик остановился, зажег лампу, повесил ее под телегой и направился дальше по направлению к шумному городу.

Следующим утром солнце взошло над густыми, темными тучами. На этом большом острове часто шел дождь, и земля была богата растительностью. Всюду росли огромные деревья и ухоженные сады, полные цветов. Люди были довольны жизнью, рогатый скот упитанным и умиротворенным. На одном дереве расположилось множество иволг с черными крыльями и желтыми телами. Это были удивительно большие птицы, а их голос — нежным. Они прыгали с ветки на ветку, подобно вспышкам золотистого света, и казались даже более сверкающими в пасмурный день. Глубоко гортанным голосом кричала сорока, а вороны издавали свой обычный хриплый шум. Для пешей прогулки было прохладно, и приятно. Храм был полон стоящих на коленях молившихся людей, и площадка вокруг него была чистой. За храмом находился спортивный клуб, где играли в теннис. Всюду были дети, и среди них ходили священники с бритыми головами и с непременным веером(опахалом). Улицы были украшены, так как здесь пройдет религиозная процессия на следующий день, когда будет полнолуние. Над пальмами можно было заметить огромный кусок бледно-голубого неба, который спешили закрыть тучи. Среди людей, по улицам и в садах зажиточных людей, присутствовала великая красота, она была там постоянно, но немногие заботились о том, чтобы увидеть ее.

Двое из них, мужчина и женщина, прибыли из каких-то далеких мест, чтобы посетить беседы. Они могли бы быть мужем и женой, сестрой и братом или просто друзьями. Веселы и дружелюбны, их глаза говорили о древней культуре, которая осталась позади них. С приятными голосами и довольно застенчивые, уважительные, они оказались удивительно начитанными, а он знал санскрит, немного путешествовал и знал пути мира.

«Мы оба прошли через многие вещи, — начал он. — Мы следовали за некоторыми из политических лидеров, были товарищами-путешественниками с коммунистами и увидели своими глазами их ужасное зверство, обошли круг духовных учителей и занимались некоторыми формами медитации. Мы думаем, что мы серьезные люди, но можем себя обманывать. Все эти вещи были сделаны с серьезным намерением, но ни одна из них, кажется, не имеет большую глубину, хотя во то время мы всегда считали, что имеют. Мы оба активны по характеру, а не из типа мечтателей, но теперь мы пришли к точке, когда больше не хотим „попасть куда-то“ или

участвовать в методиках и организованной деятельности, которые имеют очень небольшое значение. Не обнаружив в такой деятельности ничего, кроме запудривания мозгов и самообмана, сейчас мы хотим понять то, чему учите вы. Мой отец был в какой-то мере знаком с вашим подходом к жизни и имел обыкновение говорить со мной об этом, но я никогда сам не возвращался к исследованию вопросов, потому что мне „велели“, что является, наверное, нормальной реакцией, когда вы молоды. Так получилось, что один наш друг посещал ваши беседы в прошлом году, и, когда он пересказывал нам кое-что из того, что он услышал, мы решили прийти. Я не знаю, откуда начать, и, возможно, вы сможете помочь нам».

Хотя его спутница не сказала ни слова, ее взгляд и манеры указывали на то, что она уделяла полное внимание тому, что говорилось.

Так как вы сказали, что оба серьезны, давайте начнем с этого. Интересно, что мы подразумеваем, когда говорим, что серьезны? Большинство людей серьезно относится к тому или другому. Политик с его разработками и в своем достижении власти, школьник с его желанием сдать экзамен, человек, который стремится делать деньги, профессионал и человек, который посвятил себя некой идеологии, или пойманный в сети веры — все они серьезны по-своему. Невротик серьезен так же, как саньясин. Что тогда значит быть серьезным? Пожалуйста, не думайте, что я отклоняюсь от сути вопроса, но если бы мы смогли понять это, мы могли бы узнать намного больше о нас самих, и, в конце концов, это правильное начало.

«Я серьезна, — сказала его подруга, — в желании разъяснить мое собственное замешательство, и по этой причине я искала помощи тех, кто говорит, что они могут привести меня к данному разъяснению. Я пробовала забываться в добрых делах, в том, чтобы дать некоторое счастье другим, и в том усилении я была серьезна. Я также серьезна в моем желании найти Бога».

Большинство людей серьезно относится к кое-чему. Скрыто или явно, их серьезность всегда имеет объект, религиозный или иной, и от надежды на достижение того объекта зависит их серьезность. Если по какой-либо причине надежда на достижение объекта их удовлетворения проходит, они все еще серьезны? Каждый серьезен, в получении, в достижении успеха, в становлении, именно цель делает вас серьезным, то, что вы надеетесь получить или избежать. Так что важна цель, а не понимание того, что означает быть серьезным. Нас интересует не любовь, а то, что любовь будет делать. Выполнение, результат, достижение является существенным, а не сама любовь, которая имеет ее собственное действие.

«Я не совсем понимаю, как может быть серьезность, если вы не относитесь серьезно к чему-нибудь», — ответил он.

«Я думаю, что понимаю, что вы имеете в виду, — сказала его подруга. — Я хочу найти Бога, и для меня важно найти Его, иначе жизнь не имеет никакого значения, она всего лишь сбивающий с толку хаос, полный страдания. Я могу понять жизнь только через Бога, кто есть конец и начало всех вещей. Он один может вести меня в этой путанице противоречий, и потому я серьезно отношусь к обнаружению Его. Но вы спрашиваете, серьезность ли это вообще?»

Да. Понимание жизни, со всеми ее сложностями, это одно, а поиск Бога — другое. Сказав, что Бог наивысшая цель, которая придаст значение жизни, вы, наверное, привнесли в жизнь два противоположных состояния: жизнь и Бог. Вы боретесь за то, чтобы найти кое-что вдали от жизни. Вы серьезно относитесь к достижению цели, результата, который вы вызываете Богом, это серьезность? Возможно, такого нет, что сначала вы находите Бога, а затем живете. Может быть так, что Бог должен быть найден в самом понимании сложного процесса, называемого жизнью.

Мы пытаемся понять, что подразумеваем под серьезностью. Вы серьезны по отношению к формулировке, самопроецированию, к вере, что имеет отношения к действительности. Вы

серьезно относиться к порождениям ума, а не самому уму, который является породителем всех их. Придавая серьезность достижению специфического результата, не стремитесь ли вы к собственному удовлетворению? Вот в чем каждый серьезен: в получении того, что он хочет. И это все, что мы подразумеваем под серьезностью.

«Я никогда прежде не смотрела на это с такой точки зрения, — воскликнула она, — по всей видимости, я в действительности несерьезна вообще».

Давайте не делать поспешных выводов. Мы пробуем понять, что означает быть серьезным. Можно видеть то, что стремится к полному удовлетворению в любой форме, неважно, благородной или глупой, но не означает быть действительно серьезным. Человек, который пьет, чтобы убежать от своего горя, человек, который жаждет власти, и человек, который ищет Бога, — все находятся на одном и том же пути.

«Если нет, тогда боюсь, ни один из нас не серьезен, — ответил он. — Я всегда принимал за должное, что я серьезен в своих различных свершениях, но сейчас я начинаю понимать, что существует вкоре отличающийся вид серьезности. Не думаю, что я уже способен выразить это словами, но я начинаю чувствовать это. Вы не продолжите?»

«Я немного запуталась, — вмешалась его подруга. — Я думала, что понимаю это, но оно ускользает от меня».

Когда мы серьезны, мы серьезно относимся к чему-либо. Это так, верно?

«Да».

Теперь, есть ли серьезность, которая не направлена на цель и не создает сопротивление?

«Не совсем понимаю».

«Вопрос сам по себе весьма прост, — объяснил он. — Желая чего-то, мы приступаем к получению этого и в отношении такого усилия считаем себя серьезными. А сейчас, он спрашивает, действительно ли это серьезность? Или же серьезность — это состояние ума, в котором достижение цели и сопротивление не существуют?»

«Позвольте мне разобраться, осознаю ли я это, — ответила она. — Пока я пробую получить или избежать чего-то, меня волнует только я сама. Получение цели — в действительность личный интерес, форма потакания своим желаниям, явная или утонченная, и вы утверждаете, сэр, что данное потакание своим желаниям не есть серьезность. Да, теперь мне это совершенно понятно. Но тогда что является серьезностью?»

Давайте исследовать и изучать вместе. Я вас не учу. Быть обучаемым и быть свободным для изучения — два полностью отличающихся явления, не так ли?

«Пожалуйста, немного помедленней. Я не очень понятлива, но возьму это настойчивостью. Я также немного упряма — разумное достоинство, но то, которое может быть неприятным. Надеюсь, вы будете со мной терпеливы. Каким образом быть обучаемым отличается от того, чтобы быть свободным для изучения?»

При том, когда вас обучают, всегда есть учитель, гуру, который знает, и ученик, который не знает. Таким образом, между ними всегда поддерживается разделение. Это, по существу, авторитарный, иерархический подход к жизни, в котором не существует любви. Хотя учитель может говорить о любви, и ученик подтверждает свою преданность, их отношения не духовны, глубоко безнравственны, порождают много замешательства и страдания.

Это ясно, не так ли?

«Пугающе ясно, — вставил он. — Вы одним ударом отклонили целую структуру религиозного авторитета, но я вижу, что вы правы».

«Но руководство необходимо, и кто же будет действовать как руководитель?» — спросила его подруга.

А есть ли какая-либо необходимость в руководстве, когда мы постоянно учимся, не у кого-

либо в частности, а у всего, когда мы идем по жизни? Конечно же, мы ищем руководства только, когда хотим быть в безопасности, быть защищенными, успокоенными. Если мы свободны, чтобы учиться, мы будем учиться у падающего листа, при каждом виде взаимоотношений, при осознании действия нашего собственного ума. Но большинство из нас не свободно, чтобы учиться, потому что мы привыкли, что нас учат. Книжки нами говорят, что надо думать, родители, общество, и, как граммофоны, мы повторяем то, что на пластинке.

«И пластинка обычно ужасно поцарапана, — добавил он. — Мы проигрывали ее так часто. Наше мышление совершенно изношенное».

Тот факт, что нас учат, сделал нас повторяющимися, посредственными. Побуждение быть управляемым, с присущим ему авторитетом, повиновением, опасением, отсутствием любви и так далее, может только привести к темноте. Быть свободным, чтобы учиться, — это совершенно другой вопрос. И не может быть никакой свободы, чтобы учиться, когда уже есть умозаключение, предположение, или когда чей-либо взгляд на жизнь основан на опыте как знании, или когда ум сдерживается традицией, привязанной к вере, или когда имеется желание быть в безопасности, достичь определенной цели.

«Но невозможно быть свободным от всего этого!» — воскликнула она.

Вы не знаете, возможно ли это или невозможно, пока вы не попробовали.

«Нравится ли это или нет, — она настаивала, — но ваш ум обучают, и, если, как вы говорите, ум, который обучают, не может учиться, что же делать?»

Ум может осознать собственную неволю, и при том самом осознании он учится. Но прежде всего, ясно ли нам, что ум, который слепо удерживается в том, чему его учили, неспособен к изучению?

«Другими словами, вы говорите, что пока я просто следую традиции, я не могу узнать что-нибудь новое. Да, это вполне понятно. Но как я должен стать свободным от традиции?»

Не так быстро, пожалуйста. Накопленное умом мешает свободе, чтобы учиться. Чтобы изучать, не должно быть никакого приобретения знания, накопления опыта, как прошлого. Сами вы понимаете суть этого? Это факт для вас или только кое-что, с чем вы можете согласиться или не согласиться?

«Думаю, что я понимаю это как факт, — сказал он. — Конечно, вы не имеете в виду, что мы должны отбросить всякое знание, собранное наукой, что было бы абсурдно. Ваша точка зрения такова: если мы хотим изучать, мы не можем ничего принимать».

Изучение — это движение, но не от одной фиксированной точки к другой, и это движение невозможно, если ум обременен накоплением прошлого, умозаключениями, традициями, верованиями. Накопление, хотя оно может называться Атманом, душой, высшим «я» и так далее, является «я», эго. «Я» и его постоянство предотвращают движение изучения.

«Я начинаю осознавать то, что понимается под движением: изучение, — сказала она медленно. — Пока я в заключении в пределах моего собственного желания безопасности, комфорта, умиротворения, не может быть никакого движения изучения. Тогда, как мне освободиться от этого желания?»

Не является ли такой вопрос неправильным? Нет метода, с помощью которого освобождаются. Сама безотлагательность и важность способности учиться освободит ум от умозаключений, от «я», созданного из слов, из памяти. Осуществление метода, это «как» и его дисциплина являются еще одной формой накопления, это никогда не освободит ум, а лишь запускает его в действие по иному образцу.

«Кажется, я понимаю кое-что из всего этого, — сказал он, — но так много затронуто, интересно, когда-нибудь я действительно доберусь до сути этого».

Не все настолько плохо. С пониманием одного или двух центральных фактов становится

ясной целая картина. Ум, который учат или который желает быть управляемым, не может изучать. Мы теперь вполне ясно видим это, так что давайте вернемся к вопросу серьезности, с которого мы начали.

Мы увидели, что ум не серьезен, если у него имеется некая цель, которую нужно получить или избежать. Тогда, что является серьезностью? Чтобы выяснить, нужно осознать, что ум выворачивается наизнанку, чтобы удовлетворить себя, получить или стать чем-то. Именно это осознание освобождает ум, чтобы изучить то, что означает быть серьезным, и нет конца изучению. Для ума, который изучает, небеса открыты.

«Я много узнала во время этой краткой беседы, — сказала его подруга, — но буду ли я способна учиться далее без вашей помощи?»

Вы видите, как вы блокируете себя? Если можно так сказать, вы жадны до большего, и эта жадность мешает движению изучения. Осознав значение того, что вы чувствовали и говорили, вы открыли бы дверь к тому движению. Не «дальнейшего» изучения, но лишь изучения, во время вашего продвижения. Сравнение возникает только тогда, когда происходит накопление. Умереть по отношению ко всему, что вы изучили, означает изучать. Такое умирание — это не заключительное действие: оно означает умирать от мгновения до мгновения.

«Я увидел и понял, и от этого распусться цветок доброты».

Есть ли что-нибудь постоянное?

Дом стоял на холме, выходя окнами на главную дорогу, а за дорогой виднелось унылое серое море, которое никогда, казалось, не было оживленным. Оно не было подобно морю в других частях мира: синее, беспокойное, огромное, а было всегда то ли коричневым, то ли серым, и горизонт казался так близко. Каждый ощущал удовольствие от его присутствия там, так как обычно от моря дул прохладный бриз, когда солнце садилось. В редких случаях там не было и дуновения ветерка, а только удушливо жарко. Запах смолы шел от дороги, наряду с выхлопными газами непрерывно движущегося транспорта.

Ниже дома был маленький сад с множеством цветов, он вызывал восхищение у прохожих. С нависающих кустарников желтые цветы ниспадали на обочину, и иногда пешеход, бывало, наклонялся, чтобы подобрать упавший бутон. Дети прошли мимо со своими нянями, но большинству из них не позволяли подбирать цветы, дорога была грязной, а они не должны прикасаться к грязным вещам!

Недалеко от того места, у пруда, стоял храм, а вокруг были скамейки. Люди всегда сидели на них и на кирпичных ступеньках, ведущих к воде. От открытой площадки у края пруда четыре или пять ступенек вели в храм. Храм, ступеньки и открытая площадка содержались в чистоте, и прежде, чем войти туда люди снимали обувь. Каждый прихожанин звонил в колокольчик, который свисал с крыши, клал цветы около идола, сжимал руки в молитве и уходил. Там было довольно тихо, и хотя вы могли видеть уличное движение, шум не доносился на таком расстоянии.

Каждый вечер, после захода солнца, приходил молодой человек и садился около входа в святию. Свежевымытый и надевший чистую одежду, он выглядел хорошо образованным и был, вероятно, каким-нибудь офисным работником. Скрестив ноги, он сидел так в течение часа или более с прямой спиной и закрытыми глазами. В правой руке, прикрытой рукавом, он держал четки. Пальцы перебирали бусинки, а губы произносили слова молитвы, ни один мускул не дрогнул на его лице. Так он будет сидеть, потерянный для мира, пока не станет совсем темно.

Около входа в храм всегда находились один или два торговца, продающих орехи, цветы и кокосы. Однажды вечером трое молодых людей вошли и сели там. Всем им, казалось, было за двадцать.

Внезапно один из них встал и начал танцевать, в то время как другой выбивал ритм на жестяной банке. На нем были только майка и набедренная повязка. Он танцевал с необычным проворством, двигая бедрами и руками с легким изяществом. Он, должно быть, наблюдал не только индийские танцы, но также и танцы, проходившие в фешенебельном клубе поблизости. К тому времени собралась приличная толпа людей, которые поддержали его. Но он не нуждался ни в чьей поддержке, и танец был довольно неумелым. Все это время человек, нашептывающий молитвы, сидел там неподвижно, лишь губы и пальцы едва заметно шевелились. Маленький пруд около храма отражал свет звезд.

Мы были в маленькой, голой комнате с видом на шумную улицу. На полу лежала циновка, и все расселись на ней. Через открытое окно можно было заметить единственное пальмовое дерево, на которое взгромоздился коршун со свирепыми глазами и острым, загнутым клювом. В группе, которая пришла, было трое мужчин и две женщины. Женщины сидели напротив мужчин, и молчали. Но они внимательно слушали, а взгляд их излучал понимание, и едва уловимая улыбка была на их губах. Они были довольно молоды, окончили колледж, а теперь каждый из них имел профессию и работу. Будучи друзьями и называя друг друга по именам, они очевидно

вместе обсуждали очень многие вещи. Один из мужчин вероятно в душе считал себя художником, и именно он начал.

«Я всегда думал, — сказал он, — что очень немного художников по-настоящему творческие люди. Некоторые из них знают, как обращаться с красками и кистью. Они изучили композицию и стали мастерами деталей. Они знают в совершенстве анатомию и удивительно способны на холсте. Одаренные способностями и техникой и движимые глубоким творческим импульсом, они рисуют. Но через какое-то время они становятся известными и признанными, а затем с ними что-то случается: деньги и лесть, вероятно. Творческое видение проходит, но они все еще имеют превосходную технику, и всю оставшуюся часть жизни манипулируют ею. Теперь это чистая абстракция, двуличные женщины, военная сцена с несколькими линиями, пространство и точки. Тот период проходит, и начинается новый период: они становятся скульпторами, гончарами, строителями церквей и так далее. Но внутренняя слава потеряна, и они знают только внешний романтический ореол. Я не художник, я даже не знаю, как держать кисть, но меня преследует ощущение, что есть кое-что чрезвычайно существенное, чего всем нам не хватает».

«Я адвокат, — сказал следующий, — но адвокатская практика для меня лишь средство для существования. Я знаю, что это гнилое дело, приходится делать так много грязного, чтобы делать успехи, и я завтра же отказался, если бы не моя ответственность за семью и собственный страх, который является большим бременем, чем ответственность. С детства меня влекло к религии. Я чуть не стал саньясином, и даже теперь я пытаюсь медитировать каждое утро. Совершенно определенно я чувствую, что мир слишком велик для нас. Я ни счастлив, ни несчастлив, я только существую. Но несмотря на все это, есть глубокая тоска и ожидание чего-то большего, чем это далкое существование. Что бы оно ни было, я чувствую — оно там, но моя воля, кажется, слишком слаба и неэффективна, чтобы прорваться сквозь обыденность, в которой я живу. Я пробовал уходить, но мне приходилось возвращаться из-за семьи, ну и всего остального. Внутри я разрываюсь по двум направлениям. Я мог бы сбежать от этого противоречия, забывшись в догмах и ритуалах какой-нибудь церкви или храма, но все это кажется настолько глупым и инфантильным. Просто светские приличия с их безнравственной моралью ничего для меня не значат. Я уважаем за адвокатскую практику, и мог бы продвигаться по служебной лестнице, но это даже большее бегство, чем храм или церковь. Я изучил книги и лицемерное учение коммунизма, его шовинистическая чушь — это ужасно. Всюду, куда бы я ни шел: домой, в суд, на прогулку в уединении, — эта внутренняя агония продолжается во мне, подобно болезни, от которой нет лекарства. Я пришел сюда с моими друзьями не для того, чтобы найти лекарство, потому что я читал то, что вы говорите о таких вещах, а по возможности понять эту внутреннюю лихорадку».

«Когда я был мальчишкой, я всегда хотел быть доктором, — сказал третий, — и вот теперь я доктор. Я могу и действительно зарабатываю достаточно много денег, вероятно, мог бы зарабатывать и больше, но для чего? Я стараюсь быть очень добросовестным с моими пациентами, ну вы знаете, как это. Я лечу хорошо обеспеченных, но также имею пациентов без гроша, и их так много, что даже если я мог бы лечить тысячу в день, их было бы еще больше. Я не могу им посвящать все свое время, так что я принимаю богатых по утрам, а бедных после обеда и иногда до глубокой ночи. И с таким огромным объемом работы, действительно, имеешь тенденцию становиться черствым. Я стараюсь уделять внимание бедным также, как и обеспеченным людям, но обнаруживаю, что становлюсь менее сочувствующим и теряю ту чувствительность, которая так необходима для практикующего врача-медика. Я использую все нужные слова и умею найти подход к больному, но внутри я высыхаю. Пациенты могут не знать этого, но мне это все слишком хорошо известно. Одно время я любил своих пациентов, особенно ужасно бедных. Я действительно сочувствовал им из-за всей их грязи и болезней. Но с годами я

терял сочувствие, мое сердце становится черствым, моя симпатия увядает. Я ушел на какое-то время в надежде, что полная смена обстановки и отдых разожгут пламя вновь, но это не помогло. Просто там нет огня, и у меня есть просто мертвый пепел памяти. Я проявляю внимание к моим пациентам, но в моем сердце нет любви. Мне стало хорошо после того, как я вам все рассказал, но это лишь облегчение, это не настоящее. А может ли настоящее когда-либо быть найдено?»

Все мы молчали. Коршун улетел, и его место на пальме заняла ворона. Ее мощный черный клюв блестел на солнце.

Разве все проблемы не находятся во взаимосвязи? Не стоит доверять схожести, но три проблемы не отличаются по существу, не так ли?

«Выходит, — ответил адвокат, — что вроде как мои два друга и я находимся в одной и той же лодке. Мы все жаждем одного и того же. Мы можем называть это различными именами — любовью, творческим потенциалом, кое-чем большим, чем пресное существование, но в действительности у нас похожие ощущения».

«Это правда? — спросил художник. — Иногда я испытываю удивительную красоту и необъятность жизни, но те моменты вскоре проходят, и остается пустота. Пустота, которая имеет собственную жизненную силу, но она не такое, как что-то другое. Другое — вне меры времени, вне всякого слова и мысли. Когда нечто другое возникает, оно похоже на то, как если бы вы никогда не существовали, вся мелочность жизни, пытки ежедневного существования исчезают, и только лишь то состояние остается. Я познал его и должен так или иначе вернуть. Ничто другое меня не интересует».

«Вы, художники, — сказал доктор, — считаете, что отделены от остальной части нас. Вы выше других людей, имеете особый дар со особыми привилегиями. Вы, как предполагается, видите больше, чувствуете больше, живете более насыщено. Но я не думаю, что вы так уж очень отличаетесь от инженера или адвоката, или доктора, которые тоже могут жить ярко. Я имел обыкновение страдать вместе с моими пациентами, я любил их, я знал, через что они проходили, их страхи, их надежды и отчаяние. Я так сильно чувствовал их, как вы могли бы чувствовать облако, цветок, листок, унесенный ветром, или человеческое лицо. Интенсивность вашего чувства не отличается от моей или от интенсивности чувства нашего друга здесь. Имеет значение именно интенсивность чувства, а не то, по отношению к чему кто-то имеет его. Художнику приятно считать, что его особое выражение этого — кое-что далеко превосходящее, более близкое к божественному, и я знаю, что мир замирает, затаив дыхание, когда произносят слово «художник». Но вы такой же человек, как и остальные, и наша интенсивность такая же живая, глубокая, дрожащая, как и ваша. Я не умаляю явление художника, и при этом не завидую ему, я просто говорю, что интенсивность чувства — это важная вещь. Конечно, ее можно направлять в неправильное русло, а затем в результате рождается хаос и переживания и за себя и за других, особенно если волей судьбы оказываешься во власти. Дело вот в чем. Вы и я жаждете одного и того же: вы в желании вновь пережить то, что называете красотой и необъятностью жизни, а я в желании снова любить».

«И я также ищу этого, желаю прорваться через посредственность моей жизни, — добавил адвокат. — Эта боль, которую я испытываю, похожа на вашу. Я, может быть, не способен выразить это словами или на холсте, но оно столь же интенсивно, как цвет, который вы видите на том цветке. Я также страстно тоскую по чему-то бесконечно большему, чем все это, чему-то, что принесет умиротворение и полноту».

«Хорошо, я уступаю. Вы оба правы, — согласился художник. — Тщеславие — что-то более сильное, чем благоразумие. Мы все тщеславны по-своему, по-особенному, и как больно признавать это! Безусловно, мы находимся в одной лодке, как вы говорите. Все мы хотим что-то

вне наших мелочных „я“, но мелочность подползает к нам и сокращает нас».

А теперь, какова проблема, которую мы хотим обсудить? Это ясно всем из нас?

«Я так думаю, что да, — ответил доктор. — Мне хотелось бы выразить таким образом: есть ли постоянное состояние любви, творческого потенциала, избавление от печали навечно? Мы бы все согласились с такой постановкой вопроса, верно?»

Остальные кивнули в знак согласия.

«Есть ли состояние любви или творческого умиротворения, — продолжал доктор, — которое, однажды достигнутое, никогда не будет вырождаться, никогда не потеряется?»

«Да, вопрос в этом, — согласился художник. — Существует ли необычайная радостная приподнятость духа, которая приходит неожиданно и выветривается подобно аромату. Может ли остаться интенсивность, не вызывая пустоты? Существует ли состояние вдохновения, которое не отступает перед временем и настроением?»

Вы задаете много вопросов, не так ли? Если необходимо, мы позже рассмотрим, что это за состояние. Но, прежде всего, есть ли что-нибудь постоянное?

«Должно быть, — сказал адвокат. — Было бы очень грустно и довольно пугающе обнаружить, что нет ничего постоянного».

Мы можем обнаружить, что есть кое-что намного более существенное, чем постоянство. Но прежде, чем мы вникнем в это, мы понимаем, что не должно быть никакого умозаключения, никакого предубеждения, никакого желания, которые спроецируют шаблон мысли. Чтобы ясно мыслить, нельзя начинать с предположения, с веры или внутреннего требования, верно?

«Боюсь, что это будет чрезвычайно трудно, — ответил художник. — Я имею такое ясное и определенное воспоминание о том состоянии, которое я пережил, что почти невозможно отбросить его».

«Сэр, то, что вы говорите, совершенно истинно, — сказал доктор. — Если мне надо обнаружить новый факт или прочувствовать истинность чего-либо, мой ум не может быть загроможден тем, что было. Я вижу, насколько необходимо, чтобы ум отложил в сторону все, что он узнал или испытал. Но принимая во внимание природу ума, действительно ли такое возможно?»

«Если не должно быть никакого внутреннего требования, — сказал адвокат, размышляя вслух, — тогда я не должен желать вырваться из моего нынешнего мелочного состояния или думать о некоем другом состоянии, которое может только быть результатом того, что было, проецированием того, что я уже знаю. Но разве это почти не невозможно?»

Я так не думаю. Если я хочу понять вас, естественно, я не могу иметь никаких предубеждений или умозаключений о вас.

«Это так».

Если для меня самое важное состоит в том, чтобы понять вас, тогда само это чувство крайней необходимости отвергает все мои предубеждения и мнения относительно вас, не так ли?

«Не может, конечно, быть никакого диагноза до окончания обследования пациента, — сказал доктор. — Но действительно ли такой подход возможен в области человеческого переживания, где так много личного интереса?»

Если есть интенсивность для того, чтобы понять факт, правду, то возможно все. И все становится помехой, если эта интенсивность отсутствует. Так понятней, не так ли?

«Да, по крайней мере на словах, — ответил художник. — Возможно я постепенно втянусь в это больше, по ходу нашего разговора».

Мы пробуем выяснить, существует ли или нет постоянное состояние, не то, что нам хотелось бы, а реальный факт, суть дела. Все вокруг нас, внутри нас, также как и снаружи —

наши отношения, наши мысли, наши чувства — непостоянно, в постоянном состоянии потока. Осознавая это, ум жаждет постоянства, бесконечного состояния мира, любви, совершенства, безопасности, которое ни время, ни события не смогут уничтожить. Поэтому он создает душу, Атман и видения постоянного рая. Но это постоянство рождено непостоянством, и потому-то оно имеет внутри себя семена непостоянного. Есть только один факт: непостоянство.

«Мы знаем, что клетки тела претерпевают постоянное изменение, — сказал доктор. — Само тело непостоянно, организм изнашивается. Однако, чувствуешь, что есть состояние, нетронутое временем, и это то состояние, к которому стремишься».

Давайте не размышлять, а придерживаться фактов. Мысль осознает ее собственный непостоянный характер, творения ума преходящи, как бы вы ни утверждали, что они не такие. Сам ум — это результат времени, он был создан с помощью времени и с помощью времени может развалиться на части. Он может быть обусловлен считать, что есть некое постоянство, или что нет ничего длительного. Сама обусловленность непостоянна, как наблюдается каждый день. Факт заключается в том, что постоянства нет. Но ум жаждет его во всех своих отношениях, он хочет увековечить фамилию через сына и так далее. Он не может выносить неопределенность собственного состояния, и продолжает создавать определенность.

«Я осознаю этот факт, — сказал доктор. — Когда-то я знал, что такое любить своих пациентов, и пока присутствовала любовь, мне было наплевать, постоянна она или нет. Но теперь, когда она прошла, я хочу чтобы она длилась долго. Желание постоянства возникает только тогда, когда ты испытал непостоянство».

«Неужели нет длительного состояния, которое можно назвать творческим вдохновением?» — спросил художник.

Возможно, через некоторое время мы поймем это. Давайте сначала очень четко уясним, что сам ум принадлежит времени, и, что бы ум ни создавал, оно непостоянно. Он может при его непостоянстве испытать мгновенное переживание чего-то, которое он тут же называет постоянным. Таким образом, из того, что он узнал, память создает и проецирует то, что он называет постоянным. Но эта проекция все еще в пределах ума, которые являются областью проходящего.

«Я понимаю, что все, рожденное в уме, обязательно будет в состоянии непрерывного изменения, — сказал доктор. — Но когда была любовь, она не была рождена умом».

Но теперь она стала принадлежать уму через память, не так ли? Ум теперь требует, чтобы она была восстановлена, а то, что восстановлено, будет непостоянным.

«Совершенно верно, сэр, — заметил адвокат, — я очень ясно это понимаю. Моя боль — это боль от вспоминания о том, что не должно было быть, и страстное желание того, что должно быть. Я никогда не живу в настоящем, а или в прошлом, или в будущем. Мой ум всегда зависит от времени».

«Думаю, что понимаю это, — сказал художник, — ум, со всею его хитростью, с его интригами, тщеславием и завистью, это водоворот внутреннего противоречия. Иногда он может ловить намек того, что вне его собственного шума, и то, что он поймал, становится воспоминанием. Именно с этим пеплом воспоминания мы живем, храня то, что является мертвым. Я делал так, и какое же это безумие!»

Теперь, может ли ум умереть по отношению к его воспоминаниям, его опытам, по отношению ко всему, что стало ему известно? Не стремясь к постоянному, может он умереть по отношению к непостоянному?

«Я должен понять это, — сказал доктор. — Я знал любовь, простите меня все за использование того слова, и я не могу „знать“ ее снова, потому что мой ум удерживает воспоминанием того, что было. Именно это воспоминание он хочет сделать постоянным,

воспоминание того, что он познал. А воспоминание с его ассоциациями является только лишь пеплом. Из мертвого пепла никакое новое пламя не может быть рождено. Тогда что? Пожалуйста, позвольте мне продолжать. Мой ум живет воспоминаниями, а непосредственно сам ум — это память, память того, что было. И эта память того, что было, хочет, чтоб ее сделали постоянной. Так что нет никакой любви, а лишь память о любви. Но я хочу реальную вещь, не просто память об этом».

Желание реальной вещи — это все еще побуждение памяти, не так ли?

«Вы имеете в виду, что я не должен хотеть этого?»

«Правильно, — ответил художник. — Желание этого — это жажда, рожденная памятью. Вы не хотели или цеплялись за реальную вещь, когда она была, а она просто существовала, подобно цветку. Но как только она исчезла, началась глубокая тоска по ней. Хотеть ее — значит иметь пепел воспоминания. Высший момент, которого я очень хотел, не реален. Моя тоска является результатом воспоминания того, что когда-то случилось, и поэтому я снова в тумане памяти, что, как я теперь вижу, есть тьма»

Страстное стремление — это воспоминание. Не бывает никакого страстного стремления без известного, которое является памятью того, что было, и именно это стремление поддерживает «я», эго. Теперь, ум может умереть по отношению к известному, известному, которое требует, чтобы его сделали постоянным? Во это реальная проблема, не так ли?

«Что вы подразумеваете под смертью по отношению к известному?» — спросил доктор.

Умирать по отношению к известному — означает не иметь никакого продолжения вчерашнего дня. То, что имеет продолжение, — это просто память. То, что не имеет продолжения ни постоянно, ни непостоянно. Постоянство или непрерывность возникает только тогда, когда есть страх быстротечности. Может быть завершение сознания как продолжения, полное умирание по отношению к чувству становления, не накапливаясь снова в самом акте смерти? Это чувство становления есть только тогда, когда есть память о том, что было и что должно быть, и тогда настоящее используется лишь как проход между ними двумя. Смерть по отношению к известному — это полное спокойствие ума. Мысль под давлением страстного стремления никогда не может быть спокойной.

«Я следовал с пониманием вплоть до пункта, когда вы упомянули смерть, — сказал адвокат. — Теперь я сбит с толку».

Только то, что имеет окончание, может познать новое, любовь или высшее. То, что имеет продолжение, «постоянство» — это память о том, что было. Ум должен умереть по отношению к прошлому, хотя ум создан из прошлого. Весь ум полностью должен полностью быть спокоен, без какого-либо давления, влияния или движения из прошлого. Только тогда возможно другое.

«Мне придется много обдумывать все это, — сказал доктор. — Это будет настоящая медитация».

Откуда это побуждение обладать?

Дождь шел в течение нескольких дней, и все еще не было похоже, что вскоре будет ясно. Холмы и горы были окутаны черными тучами, а зеленый берег по ту сторону озера был скрыт под толстым туманом. Всюду были лужи, и дождь проникал через полуоткрытые окна автомобиля. Оставляя озеро позади и уходя серпантинном в холмы, дорога проходила мимо множества небольших городов и деревушек, а затем поднималась по склону горы.

К настоящему времени дождь прекратился, и когда мы ехали выше, начали показываться заснеженные пики, искрясь на утреннем солнце. Теперь автомобиль остановился, и вы шли по пешеходной дорожке, которая удалялась от дороги, шла среди деревьев в открытые луга. Воздух был спокойным и холодным, и здесь было удивительно тихо, не было привычных коров с их колокольчиками. Вы не встречали никаких других людей на той дорожке, но на влажной земле виднелись следы тяжелой обуви с рядами от гвоздей. Дорожка не была слишком сырой, но на сосне еще виднелись капли дождя. Подойдя к краю утеса, далеко внизу вы могли видеть ручей, текущий от отдаленных ледников. Он питался несколькими водопадами, но их шум не достигал этого далекого местечка, и стояла полная тишина.

Вы также не могли не быть тихим. Это не была навязанная тишина, вы стали тихим естественно и легко. Ваш ум больше не продолжал свое бесконечное блуждание. Его внешнее движение остановилось, и он отправился в путешествие вовнутрь, путешествие, которое вело к большим высотам и удивительным глубинам. Но вскоре даже это путешествие прекратилось, и не было ни внешнего, ни внутреннего движения ума. Он был полностью спокоен, но все же движение было, движение, совершенно не связанное с уходом и приходом ума, движение, которое не имело никакой причины, никакой цели, никакого центра. Это было движение в пределах ума, сквозь ум и за пределы ума. Ум мог следовать за всеми его собственными действиями, даже запутанными и изоощренными, но он был неспособен следовать за этим другим движением, которое не происходило из него самого.

Так что ум был спокоен. Его не заставили быть спокойным, его спокойствие не было организованным и не было вызвано каким-то желанием быть спокойным. Он был просто спокоен, и, от такого спокойствия, происходило бесконечное движение. Ум никогда не мог схватить его и поместить среди воспоминаний, он бы сделал так, если бы мог, но не мог узнать это движение. Уму оно было незнакомо, поскольку он никогда не знал его, поэтому и был спокоен, а бесконечное движение происходило вне пределов воспоминания.

Теперь солнце располагалось позади отдаленных пиков, которые снова закрылись облаками.

«Я ожидал этого разговора много дней, и сейчас, когда я здесь, не знаю, с чего начать».

Он был молодым человеком, довольно высоким и худым, но держался хорошо. Он окончил колледж, сказал он, но не очень хорошо учился там, еле выдержав экзамен, и только благодаря тому, что отец тянул его за уши, он сумел получить хорошую работу. У его работы было будущее, как у каждой работы, если вы упорно трудитесь, но он и здесь неохотно трудился. Он останется дальше, но не более того. Что касается беспорядка в мире, казалось, в любом случае это не имело большого значения. Он был женат и имел маленького сына — довольно хороший ребенок и удивительно умный, добавил он, учитывая посредственность родителей. Но когда мальчик вырастет, он, вероятно, станет таким же, как остальная часть мира, преследуя успех и власть, если к тому времени мир все еще останется.

«Как видите, я могу достаточно легко разговаривать о некоторых вещах, но то, о чем я

действительно хочу поговорить, кажется настолько сложным и трудным. Я никогда прежде не говорил о своей проблеме с кем-либо, даже с моей женой, и предполагаю, что все это теперь делает наш разговор тяжелее. Но если вы потерпите, я постараюсь объяснить».

Он сделал паузу на секунду или две, а затем продолжил.

«Я единственный сын, причем довольно избалованный. Хотя я увлекаюсь литературой и хотел бы писать, у меня нет ни дара, ни побуждения. Я не совсем глуп и мог бы достичь кое-чего в жизни, но у меня есть снедающая меня проблема: я хочу беспредельно обладать людьми. Я стремлюсь не просто к обладанию, а к полному доминированию. Я не могу выносить, когда присутствует хоть какая-то свобода для человека, которым я обладаю. Я наблюдал за другими, и, хотя они также властны, все это настолько ревностно, без какой-либо реальной интенсивности. Общество с его понятием о хороших манерах удерживает их в пределах рамок. Но у меня нет никаких рамок, я просто обладаю, без любых качественных прилагательных. Не думаю, что кому-то известно то, через какие агонии я прохожу, каким пыткам подвергаюсь. Это не просто ревность, это буквально адский огонь. Чего-то ведь должно хватать, хотя пока ничего не хватает. Внешне я умею контролировать себя, и, вероятно, кажусь вполне нормальным, но внутри я бушую. Пожалуйста, не подумайте, что я преувеличиваю, мне только жаль, что это не так».

Что вызывает у нас желание обладать не только людьми, но и вещами, и идеями? Зачем это побуждение иметь, со всей его борьбой и болью? И когда мы действительно обладаем, это не кладет конец проблеме, а лишь пробуждает другие проблемы. Если позволите спросить, вы знаете, почему вы хотите обладать, и что означает обладание?

«Обладание собственностью отличается от обладания людьми. Пока наше нынешнее правительство действует, будет разрешено личное владение собственностью, не слишком много, конечно, но по крайней мере несколько акров, дом или два, и так далее. Вы можете принимать меры, чтобы охранять вашу собственность, держать ее на ваше собственное имя. Но с людьми по-другому. Вы не можете их закрепить или запереть. Рано или поздно они выскальзывают из ваших рук, а затем начинается пытка».

Но откуда это побуждение обладать? И что мы подразумеваем под обладанием? В обладании, в чувстве, что вы имеете, присутствует гордость, некоторое ощущение власти и престижа, верно? Есть удовольствие от осознания, что что-то является вашим, будь то дом, кусок ткани или редкая картина. Обладание способностью, талантом, возможностью достигать и признание, которое это приносит, — также придает вам ощущение важности, безопасную перспективу на жизнь. Пока люди обеспокоены, обладать и быть обладаемым — это часто взаимно удовлетворяющие отношения. Имеется также обладание с точки зрения верований, идей, идеологий, не так ли?

«Разве мы не входим в слишком широкую область?»

Но владение подразумевает все это. Вы можете хотеть обладать людьми, другой может обладать целым рядом идей, в то время как кто-то еще может быть удовлетворен, имея несколько акров земли. Но как бы сильно объекты не варьировались, всякое владение, по существу, одинаковое, и каждый будет защищать то, что он имеет, или в самом отказе будет обладать чем-то еще на другом уровне. Экономическая революция может ограничить или отменить владение частной собственностью, но быть свободным от психологической собственности людей или идей — это совершенно другой вопрос. Вы можете избавиться от одной специфической идеологии, но скоро найдете другую. Вы должны обладать любой ценой. А теперь, есть ли когда-либо момент, когда ум не обладает или не обладаем? И почему хочется обладать?

«Я предполагаю, что при обладании чувствуешь себя сильным, в безопасности, и, конечно, всегда присутствует удовлетворяющее удовольствие в чувстве собственности, как вы говорите. Я

хочу обладать людьми по нескольким причинам. С одной стороны, ощущение власти над другим придает мне чувство важности. При обладании также имеется ощущение благосостояния, чувствуешь себя комфортно и в безопасности».

И все же при этом всем есть конфликт и печаль. Вы хотите продолжить получать удовольствие от обладания и избегаете боли из-за него. А так можно делать?

«Вероятно, нет, но я продолжаю пробовать. Я качусь на стимулирующей волне обладания, прекрасно зная, что случится, и когда происходит падение, как это всегда и происходит, я поднимаюсь и сажусь на следующую волну».

Тогда у вас нет никакой проблемы, не так ли?

«Я хочу, чтобы эта попытка закончилась. Действительно невозможно обладать полностью и навсегда?»

Это кажется невозможным в отношении собственности и идей, и не намного ли это более невозможно в отношении людей? Собственность, идеологии и устоявшиеся традиции статичны, фиксированы, и их можно защищать в течение длительных периодов времени через законодательство и различные формы сопротивления, но с людьми все не так. Люди живые, как и вы, они тоже хотят доминировать, обладать или быть обладаемыми. Несмотря на кодексы морали и санкции общества, люди выскальзывают из-под одного образца обладания в другой. Не бывает такой вещи, как полное обладание чем-нибудь в любое время. Любовь никогда не является обладанием или привязанностью.

«Тогда, что я должен сделать? Я могу освободиться от этого страдания?»

Конечно, вы можете, но это совершенно другое дело. Вы осознаете, что обладаете, но вы когда-либо осознаете момент, когда ум не обладает, не обладаем? Мы обладаем, потому что в нас самих мы ничто, а в обладании мы чувствуем, что кем-то стали. Когда мы называем себя американцами, немцами, русскими, индусами или кем угодно, ярлык придает нам ощущение важности, потому-то мы и защищаем его с мечом и хитрым умом. Мы ничто, кроме того, чем мы обладаем: ярлыком, счетом в банке, идеологией, человеком, — и это отождествление порождает вражду и бесконечную борьбу.

«Мне все это достаточно хорошо известно, но вы сказали кое-что, что задело струнку в моей душе. Я когда-либо осознаю момент, когда ум не обладает, не обладаем? Не думаю, что я осознаю».

Ум может прекратить обладать или быть обладаемым, обладать прошлым и быть обладаемым будущим? Может он быть свободен как от влияния пережитого, так и побуждения пережить?

«Это когда-либо возможно?»

Вам придется выяснить, вам придется полностью осознать пути вашего собственного ума. Вы знаете истину об обладании, о печали из-за него и удовольствии, но вы остановились там и пробуете преодолеть одно другим. Вы не знаете момента, когда ум не обладает, не обладаем, когда он полностью свободен от того, что было, и от желания стать. Исследовать это и самому обнаружить суть этой свободы — вот фактор освобождения, а не желание быть свободным.

«Я способен на такое трудное исследование и обнаружение? В некотором роде, да. Я был хитер и целеустремлен в обладании, с той же самой энергией я могу теперь начинать исследовать свободу ума. Я хотел бы возвратиться, если можно, после того, как я поэкспериментирую с этим».

Желание и боль противоречия

Два человека были заняты рытьем длинной, узкой могилы. Это был рыхлая песчаная почва без примеси большого количества глины, и копанье давалось легко. Теперь они подравнивали углы и придавали со всех сторон опрятный вид. Несколько пальм нависали над могилой, и на них были большие связки золотистых кокосовых орехов. На мужчинах были только набедренные повязки, их голые тела блестели в раннем утреннем солнце. Легкая почва была все еще влажной из-за недавних дождей, и листья деревьев, потревоженные нежным ветерком, искрились в ясном утреннем воздухе. Это был прекрасный день, и поскольку солнце только что показалось над верхушками деревьев, все еще не было слишком жарко. Море казалось бледно-синим и очень спокойным, а белые волны лениво накатывались на берег. В небе не было ни облачка, и убывающая луна еще находилась посередине неба. Трава ярко зеленела, повсюду летали птицы, перекликаясь разными голосами. На земле царило великое умиротворение.

Поперек узкой канавы мужчины поместили две длинных доски и поперек них положили канат. Их яркие набедренные повязки и темные, загорелые тела придали жизнь пустой могиле, затем они ушли, и земля быстро высыхала на солнце. Это было большое кладбище, без особого порядка, но ухоженное. Ряды белых надгробий с выгравированными именами на них, потускнели из-за обильных дождей. Два садовника работали на кладбище целый день: поливая, подрезая, сажая и пропалывая. Один был высоким, а другой — низкорослым и полным. За исключением повязки на их головах, предохраняющей от палящего солнца, и набедренной — на них ничего не было. Их кожа была почти черной. В дождливые дни, набедренная повязка также была единственным предметом одежды, и дожди смывали загар с тел. Высокий поливал кустарник, который он только что посадил. Из большого, круглого, глиняного горшка с узким горлом он расплескивал воду на листья и цветы. Горшок блестел на солнце, как и мускулы его смуглого тела, перемещающегося с непринужденностью, и в том, как он стоял, было изящество и достоинство. За этим было приятно наблюдать. Тени были длинными в утреннем солнце.

Внимание — странная вещь. Мы никогда не смотрим без призмы слов, объяснений и предубеждений, мы никогда не слушаем без суждения, сравнения и воспоминания. Сам факт, присвоения названия цветку или птице является отвлечением. Ум никогда не спокоен, чтобы смотреть, слушать. В тот момент, когда он смотрит, он отключен в его беспокойных блужданиях, в самом акте слушания присутствует интерпретация, воспоминание, удовольствие, а внимание отсутствует. Ум может быть поглощен вещью, которую видит, или тем, что слушает, как ребенок игрушкой, но это не внимание. Не является вниманием концентрация, так как концентрация — это способ исключения и сопротивления. Внимание есть только тогда, когда ум не поглощен внутренней или внешней идеей или объектом. Внимание — это полное добро.

Он был мужчиной средних лет, почти лысый, с ясными, внимательными глазами. Трудная жизнь, которая была полна волнений и тревог наложила отпечаток на его лицо — оно было испещрено морщинами. Отец нескольких детей, объяснил, что его жена умерла во время рождения последнего ребенка, и теперь они жили с какими-то родственниками. Хотя он все еще работал, его жалованье было маленьким, и было трудно сводить концы с концами, но, так или иначе, они жили без особой нужды. Старший сын зарабатывал себе на жизнь сам, а второй ходил в колледж. Сам он был из семьи, которая имела строгие традиции многих столетий, и это воспитание теперь очень пригодилось ему. Но у следующего поколения, кажется, все будет по-другому, мир изменялся быстро, и старые традиции рушились. В любом случае, жизнь продолжалась, и было бесполезно ворчать. Он пришел не для того, чтобы говорить о своей семье

или будущем, а о самом себе.

«С тех пор, как себя помню, я, кажется, живу в состоянии противоречия. Я всегда имел идеалы и всегда был далек от них. С самых ранних лет я чувствовал тягу к монашеской жизни, жизни в одиночестве и медитации, а закончилось все семейной жизнью. Я когда-то думал, что хотел бы быть ученым, но вместо этого выполнял нудную работу в офисе. Вся моя жизнь была рядом тревожащих контрастов, и даже сейчас я в самой гуще внутренних противоречий, которые очень беспокоят меня, поскольку я хочу быть в мире с самим собой, но, кажется, не способен гармонизировать эти противоречивые желания. Что мне делать?»

Естественно, никогда не может быть гармонии или объединения противопоставленных желаний. Вы можете гармонизировать ненависть и любовь? Можно ли когда-либо соединить амбицию и желание мира? Разве они не всегда будут противоречащими?

«Но нельзя ли конфликтующие желания взять под контроль? Разве эти дикие лошади не могут быть приручены?»

Вы пробовали, не так ли?

«Да, много лет».

И вам удалось?

«Нет, но это оттого, что я не должным образом дисциплинировал желание, недостаточно усердно старался. Ошибка не в дисциплине, а в том, кто терпит неудачу в дисциплинировании».

Не является ли это само дисциплинирование желания породителем противоречия? Дисциплинировать означает сопротивляться, подавлять, а не является ли сопротивление или подавление способом конфликта? Когда вы дисциплинируете желание, кто этот «вы», осуществляющий дисциплинирование?

«Это высшее “я”».

Действительно? Или это просто одна часть ума, пытающаяся доминировать над другой, одно желание, подавляющее другое желание? Это подавление одной части ума с помощью другой, которую вы называете «высшим “я”», может только привести к противоречию. Всякое сопротивление влечет за собой борьбу. Как бы сильно одно желание ни подавляло или дисциплинировало другое, это так называемое более высокое желание порождает другие желания, которые вскоре восстают. Желания умножаются, не бывает только одно желание. Разве вы не заметили этого?

«Да, я заметил, что при дисциплинировании одного специфического желания рядом с ним возникает другое. Вам приходится удовлетворять их одно за другим».

И таким образом тратят всю жизнь, преследуя и сдерживая одно желание за другим только, чтобы в конце обнаружить, что желание все еще остается. Воля — это желание, и она тиранически может доминировать над всеми другими желаниями, но то, что побеждено, нужно побеждать снова и снова. Воля может стать привычкой, и ум, который функционирует по привычной колее, является механическим, мертвым.

«Я не уверен, что понимаю все тонкие моменты того, что вы объяснили, но я осознаю запутанность и противоречия желания. Если бы во мне было только одно противоречие, я мог бы покончить с его борьбой, но их несколько. Как мне добиться успокоения?»

Понимать — это одно, а желать успокоения — это другое. С пониманием действительно приходит успокоение, но просто желание быть спокойным только усиливает желание, которое является источником всего конфликта. Сильное, доминирующее желание никогда не приносит успокоения, а лишь строит стену заключения вокруг себя.

«Тогда, как выбраться из этой сети внутренне противоречивых желаний?»

Действительно ли «как» является исследованием или требованием метода, с помощью которого можно положить конец противоречию?

«Возможно, я прошу метод. Но разве только не через терпеливую и суровую практику надлежащего метода можно покончить с борьбой?»

Опять же, любой метод подразумевает усилие контролировать, подавлять или сдерживать желание, и при этом усилие создается сопротивление в различных формах, скрытых или грубых. Именно подобно проживанию в узком проходе, который закрывает от вас необъятность жизни.

«Вы, кажется, совсем против дисциплины».

Я только указываю на то, что дисциплинированный, созданный по шаблону ум, — это не свободный ум. С пониманием желания дисциплина теряет свою важность. Понимание желания имеет гораздо большее значение, чем дисциплина, которая является простым соответствием образцу.

«Если не должно быть никакой дисциплины, то как уму освободиться от желания, которое приносит все эти противоречия?»

Желание на самом деле не приносит противоречия. Желание и есть противоречие. Именно поэтому важно понять желание.

«Что вы подразумеваете под пониманием желания?»

Это значит осознавать желание, не определяя его, не отклоняя или принимая его. Это значит просто осознавать желание, как вы осознавали бы ребенка. Если бы вы хотели понять ребенка, то должны были бы наблюдать за ним, и такое наблюдение невозможно, если имеется какое-то чувство осуждения, оправдания или сравнения. Точно так же, чтобы понять желание, должно быть такое простое понимание его.

«Тогда будет прекращение внутреннего противоречия?»

Можно ли что-нибудь гарантировать в этом деле? И само это побуждение убедиться, быть уверенным — это не еще одна форма желания?

Сэр, вы когда-либо знали момент, когда не было никакого внутреннего противоречия?

«Возможно, во сне, но не иначе».

Сон — это не обязательно состояние спокойствия или свободы от внутреннего противоречия, но это другой вопрос. Почему вы никогда не знали такого момента? Разве вы не испытывали полное действие — действие, вовлекающее ваш ум и ваше сердце, а также ваше тело, все ваше целостное бытие?

«К сожалению, я никогда не знал такого чистого момента. Полное самозабвение — это, должно быть, великая благодать, но оно никогда не случалось со мной, и, я думаю, очень немногие когда-либо получали такое благословение».

Сэр, когда «я» отсутствует, разве мы не знаем любовь, не ту любовь, которая называется личной или безличной, мирской или божественной, а любовь без толкования ума?

«Иногда, когда я сижу за моим столом в офисе, странное чувство „необычности“ приноно длилось и не исчезало».

Насколько мы алчны! Мы хотим удержать то, что нельзя удержать, мы хотим помнить то, что не является материалом для памяти. Все это желание, преследование, достижение, что является желанием быть, стать, приводит к противоречию, созданию «я». «Я» никогда не познает любовь, оно может только знать желание с его противоречиями и страданиями. Любовь — это не то, что нужно преследовать, достигать, ее не купить за практику добродетели. Все такие стремления — это пути «я», желания, а с желанием всегда есть боль противоречия.

«Что мне делать?»

Дул свежий и прохладный ветер. Воздух из окружающей полупустыни не был сухим, он приходил с далеких гор. Эти горы были одними из самых высоких в мире, большая цепь их тянулась от северо-запада до юго-востока. Они были массивными и величественными, что являло собой невероятное зрелище. Особенно, когда вы видели их ранним утром, после того, как солнце ложится на спящую землю. Их высокие пики, светясь нежно-розовым цветом, выделялись потрясающе ясно на фоне бледного голубого неба. Когда солнце поднялось выше, равнины покрылись длинными тенями. Вскоре те таинственные пики исчезнут в облаках, но прежде, чем удалятся, они оставят свое благословение на долинах, реках и городах. Хотя вы больше не могли их видеть, вы могли чувствовать, что они там, тихие, огромные и бесконечные.

Вдоль дороги, напевая, шел нищий. Он был слепой, и его вел какой-то ребенок. Люди проходили мимо него, и иногда кто-то, бывало, бросал монету или две в банку, которую он держал в одной руке. Он продолжал петь, не обращая внимания на дребезжание монет. Из большого дома вышел слуга, бросил монету в банку, пробормотал что-то и возвратился назад, закрывая за собой ворота. Попугаи разлетались на день в их сумасшедшем и шумном полете. Они полетят к полям и лесам, но к вечеру снова вернутся на ночь к деревьям вдоль дороги. Там было безопаснее, хотя уличные фонари располагались почти у кроны деревьев. Множество других птиц, казалось, оставались днем в городе, и на большой лужайке некоторые из них пытались поймать сонных червей. Мимо прошел мальчик, играя на флейте. Он был тощий и босой, а походка — несколько чванливой и самодовольной. Казалось, что его ноги не заботились о том, куда они ступали. Он сам был флейтой, а песня угадывалась в его глазах. Идя позади него, вы чувствовали, что он был первым мальчиком с флейтой во всем мире. И, в некотором роде, он им и был, поскольку не обращал никакого внимания ни на автомобиль, который промчался мимо, ни на дремавшего полицейского, стоящего на углу, ни на женщину с вязанской дров на голове. Он был потерян для мира, но его песня продолжалась. И так начинался новый день.

Комната казалась не очень большой, и тем немногим людям, которые пришли, было довольно тесно. Они все были разных возрастов: старик с юной дочерью, супружеская пара и студент колледжа. Они, очевидно, не знали друг друга, и каждый стремился поговорить о собственной проблеме, не желая сталкиваться с проблемами других. Девочка сидела около отца, застенчивая и очень тихая. Ей, наверное, было приблизительно десять. На ней была опрятная одежда, а волосы украшены цветком. Некоторое время в комнате царила тишина. Студент был нетерпелив, казалось, он ждал целую вечность, чтобы поговорить, и старик предпочел позволить высказаться другим. Наконец, довольно нервно, молодой человек начал.

«Я сейчас на последнем курсе в колледже, где изучаю инженерное дело, но так или иначе меня, кажется, не интересует какая-то карьера. Я просто не знаю, чем хочу заниматься. Моего отца, адвоката, не волнуют мои проблемы, пока я делаю что-то. Конечно, так как я изучаю инженерное дело, ему хотелось бы, чтобы я стал инженером. Но я не питаю ни малейшего интереса к этому. Я сказал ему об этом, но он ответил, что интерес придет, как только я начну зарабатывать на жизнь. У меня есть несколько друзей, которые получили различные специальности и теперь зарабатывают этим себе на жизнь. Но большинство из них уже разочаровались своими профессиями, и какими они будут несколькими годами позже, одному только Богу известно. Я не хочу, чтобы это случилось и со мной, но уверен, что так будет, если я стану инженером. Поверьте, я не экзаменов боюсь. Я могу сдать их достаточно легко, и я не

хвастаюсь. Мне просто не нравится профессия инженера, и ничто иное, кажется, тоже не интересуется меня. Я немного писал и баловался живописью, но такой вид деятельности не очень многое дает в материальном плане. Мой отец только заинтересован в проталкивании меня на работу, и он мог бы найти для меня хорошую работу, но я предвижу, что со мной случится, если я приму ее. Я испытываю желание бросить все и оставить колледж, не дожидаясь сдачи заключительных экзаменов».

Это было бы довольно глупо, не так ли? В конце концов, вы почти закончили учебу, почему бы не окончить колледж? В этом нет никакого вреда, верно?

«Думаю, что нет. Но что мне делать после этого?»

Кроме обычных специальностей, что бы вам действительно нравилось делать? У вас должен быть некий интерес, пусть даже неопределенный. Где-то в глубине души вы знаете, каков он, не так ли?

«Понимаете, я не хочу стать богатым. У меня нет желания обзавестись семьей и не хочу быть рабом рутины. Большинство моих друзей, кто имеет работу или начал карьеру, привязаны к офису с утра до ночи. И что они получают от этого? Дом, жену, несколько детей — и скуку. Для меня это по-настоящему пугающая перспектива, а я не хочу оказаться в клетке. Но я все еще не знаю, что делать».

Так как вы много думали обо всем этом, разве вы не пробовали выяснить, где проявляется ваш реальный интерес? Что говорит ваша мать?

«Ее не заботит, что я делаю, пока со мной все в порядке, что означает надежно жениться и остепениться. Так что она поддерживает отца. В свободное время я много думал о том, кем бы я действительно хотел стать, обсуждал это с друзьями. Но большинство моих друзей склонны к той или иной профессии, и с ними нет смысла говорить. Однажды попав в ловушку карьеры, независимо от того, какова она, они считают, что это именно то, что надо делать: обязанность, ответственность и все остальное. Я просто не хочу заниматься подобным механическим трудом. Но в чем заключается мое стремление? Мне жаль, но я не знаю».

Вы любите людей?

«Неопределенным образом. Почему вы спрашиваете?»

Возможно, вам могло бы нравиться делать кое-что по линии социальной работы.

«Любопытно, что вы такое говорите. Я подумал, а не заняться ли социальной работой, и какое-то время я контактировал с некоторыми из тех, кто отдал этому делу жизнь. Вообще говоря, они сухая, расстроенная кучка людей, ужасно заботящаяся о бедных и непрерывно деятельная в старании улучшить социальные условия, но несчастная внутри. Я знаю одну молодую женщину, которая отдала бы свой правый глаз, чтобы выйти замуж и вести семейную жизнь, но идеализм разрушает ее. Она поймана в сети рутины выполнения добрых дел и стала ужасно унылой из-за собственной скуки. Это все идеализм без вспышки, без внутренней радости».

Наверное, религия, в принятом смысле слова, ничего для вас не значит?

«Мальчишкой я раньше часто ходил с моей матерью в храм, с его священниками, молитвами и церемониями, но я не был там в течение многих лет».

И это также становится рутинной, скучным ощущением, жизнью на словах и объяснениях. Религия — это кое-что намного большее, чем все это. Вы любите приключения?

«Не в обычном значении этого слова: восхождения на горы, полярные исследования, глубоководные ныряния и так далее. Я не склонен к предрассудкам, но для меня в этом есть кое-что довольно ребяческое. Я не мог бы подниматься по горам, так же как охотиться на китов».

Как насчет политики?

«Обычная политическая игра не интересует меня. У меня есть несколько друзей-коммунистов, и я читал часть их чуши, и одно время подумывал о присоединении к партии. Но не перевариваю их лицемерие, их насилие и тиранию. А это именно то, что они фактически отстаивают, какой бы ни была их официальная идеология и разговоры о мире. Я быстро прошел эту стадию».

Мы многое отсеяли, не так ли? Если вы не хотите делать что-либо из этого, то что остается? «Я не знаю. Не слишком ли я молод, чтобы знать?»

Дело не в возрасте, не так ли? Недовольство — это часть существования, но мы обычно находим способ обуздать его либо с помощью карьеры, брака, веры, идеализма и добрых дел.

Так или иначе, большинство из нас умеет потушить это пламя недовольства, верно? После успешного тушения мы думаем, наконец, что мы счастливы и можем быть счастливы, по крайней мере, в настоящее время. Теперь, вместо тушения пламени недовольства через некую форму удовлетворения возможно поддерживать его горение всегда? И недовольство ли это тогда?

«Вы имеете в виду, что я должен остаться в таком состоянии, неудовлетворенным всем вокруг меня, всем внутри самого себя, и не искать какое-либо удовлетворяющее занятие, которое позволит этому огню сгореть? Вы это имеете в виду?»

Мы недовольны, потому что думаем, что должны быть довольны. Мысль о том, что мы должны быть в мире с собой, делает недовольство болезненным. Вы думаете, что вы должны быть кем-то, не так ли, — ответственным человеком, полезным гражданином и всей остальной частью этого. С пониманием недовольства вы можете быть всем и намного больше. Но вы хотите делать что-то удовлетворяющее, что-то, что займет ваш ум и поэтому положит конец внутреннему волнению, так?

«Да, так в некотором роде, но теперь-то я вижу, к чему такое занятие приведет».

Занятой ум — это оупленный, обыденный ум, в сущности, он посредственен. От того, что укоренился в привычке, в вере, в представительной и выгодной устоявшейся рутине, ум чувствует себя в безопасности и внутри, и внешне.

Поэтому он прекращает беспокоиться. Это ведь так?

«В общем-то, да. Но что мне делать?»

Вы можете обнаружить решение, если дальше войдете в это чувство недовольства. Не думайте о нем с точки зрения удовлетворения. Выясните, почему оно существует, и не должно ли оно сохраниться горящим. В конце концов, вы не особенно заинтересованы зарабатыванием средств к существованию, не так ли?

«Совсем глупым образом, нет. Прожить можно всегда, так или иначе».

Так что это вообще не проблема для вас. Но вы не хотите быть пойманными в сети рутины, в колесо посредственности. Не об этом ли вы печетесь?

«Похоже, что об этом, сэр».

Чтобы не быть таким образом пойманным, потребуется усердно трудиться, непрерывно наблюдать, что означает — не приходить ни к каким умозаклучениям, отталкиваясь от которых, продолжать думать далее, потому что начинать думать с умозаклучения значит не думать вообще. Именно потому что ум начинает с умозаклучения, с веры, с опыта, с знания, он оказывается в клетке рутины, в сетях привычки, и затем огонь недовольства тухнет.

«Я вижу, что вы совершенно правы, и я теперь понимаю, что это действительно было у меня на уме. Я не хочу быть таким, как те, чья жизнь проходит в рутине и скуке, и говорю это без всякого чувства превосходства. Забываться в различных формах приключений одинаково бессмысленно. К тому же, я не хочу быть просто довольным.

Я начал видеть, пусть даже смутно, в направлении, о котором никогда даже не знал, что оно

существует. Является ли новое направление тем, о котором вы на днях говорили на вашей беседе, когда рассказывали о состоянии или движении, которое бесконечно и вечно творческое?»

Возможно. Религия — это не вопрос церквей, храмов, ритуалов и веры, а миг за мигом открытие того движения, которое может иметь любое имя или никакого.

«Боюсь, что я занял времени больше, чем мне было отпущено, — сказал он, поворачиваясь к остальным. — Я надеюсь, что вы не возражаете».

«Напротив, — ответил старик. — Я слушал очень внимательно и узнал много полезного. К тому же, я увидел кое-что помимо своей проблемы. Когда слушаешь спокойно о неприятностях другого, наши собственные трудности иногда видятся в другом ракурсе».

Он помолчал в течение минуты или двух, как будто раздумывая, как выразить то, что хотел сказать.

«Лично я достиг возраста, — продолжил он, — когда больше не спрашиваю, что мне делать. Вместо этого я оглядываюсь назад и раздумываю над тем, что я сделал с моей жизнью. Я тоже ходил в колледж, но не был столь вдумчив, как наш молодой друг. После окончания колледжа я отправился на поиски работы и, однажды найдя ее, провел последующие сорок с лишним лет, зарабатывая средства к существованию и содержанию довольно большой семьи. В течение всего того времени я был в плену рутины офиса, о которой вы упоминали, и в привычках семейной жизни, и мне известны ее удовольствия и горести, слезы и мимолетные радости. Я старел в борьбе и усталости, и за последние годы произошел быстрый упадок сил. Оглядываясь назад, я спрашиваю себя: „Что ты сделал со своей жизнью? Кроме твоей семьи и твоей работы, что ты фактически выполнил?“

Старик сделал паузу перед ответом на собственный вопрос.

«За эти годы я присоединялся к различным ассоциациям за усовершенствование того или этого, принадлежал нескольким различным религиозным группам и оставлял одну ради другой. Я с надеждой читал литературу крайних левых, только чтобы обнаружить, что их организация так же тиранически авторитарна, как и церковь. Теперь, когда я на пенсии, я вижу, что жил на поверхности жизни, просто дрейфовал. Хотя я боролся немного с сильным течением общества, в конце оно меня унесло. Но не поймите меня неправильно. Я не пускаю слезы из-за прошлого, не оплакиваю то, что было. Меня беспокоят те несколько лет, которые мне еще остались. Между теперешним моментом и быстро приближающимся днем моей смерти, как мне встретить реальность, называемую жизнью? Вот в этом моя проблема».

То, какие мы сейчас, состоит из того, какими мы были. И то, какими мы были, также формирует будущее, не определяя четко линии развития и сущности каждой мысли и действия. Настоящее — это движение прошлого к будущему.

«Каким было мое прошлое? Фактически вообще ничто. Не было никаких больших грехов, никакой высокой амбиции, никакого подавляющего горя, никакого деградирующего насилия. Моя жизнь была такой же, как у среднего человека.

Спокойным потоком, совершенно посредственной жизнью. Я создал прошлое, в котором нет ничего, чего можно было бы стыдиться или чем можно было бы гордиться. Все мое существование было унылым и пустым, без особого значения. Все было бы точно так же, живи я во дворце или в хижине в деревне. Как же легко скользить по течению посредственности! Теперь, мой вопрос, могу ли я остановить в себе самом данное течение посредственности? Можно ли покончить с моим глупо накапливающимся прошлым?»

Что такое прошлое? Когда вы используете слово «прошлое», какое оно имеет значение?

«Мне кажется, что прошлое — это в основном ассоциации и память».

Вы подразумеваете всю память или только память о ежедневных событиях? События,

которые не имеют никакого психологического значения, которые можно помнить, не пуская корни в почву ума. Они приходят и уходят, они не занимают и не обременяют ум. Остаются только те, которые имеют психологическое значение. Итак, что вы подразумеваете под прошлым? Имеется ли прошлое, которое остается твердым, неподвижным, из которого вы можете легко и резко вырваться?

«Мое прошлое состоит из множества крошечных частиц, собранных вместе, а их корни мелочны. Хороший удар, подобно порыву ветра, мог бы унести их».

И вы ждете ветра. В этом ваша проблема?

«Я ничего не жду. Но что, мне так жить дальше все оставшиеся дни? Неужели я не могу покончить с прошлым?»

Опять же, что это за прошлое, из которого вы хотите вырваться? Прошлое статично или оно живое существо? Если оно живое существо, как получает жизнь? С помощью каких средств оно восстанавливает себя? Если оно действительно живое существо, как вы покончите с ним? И кто этот «вы», который хочет покончить с ним?

«Я запутываюсь, — пожаловался он. — Я задал простой вопрос, а вы навстречу ему, задаете несколько еще более запутанных вопросов. Не будете ли любезны объяснить, что вы имеете в виду?»

Вы говорите, сэр, что хотите освободиться от прошлого. Что является этим прошлым?

«Оно состоит из опытов и воспоминаний о них, которые имеются».

Ваши воспоминания, как вы говорите, находятся на поверхности, они не глубоки. Но не могут ли некоторые из них иметь корни глубоко в подсознании?

«Не думаю, что у меня есть какие-то глубокие воспоминания. Традиция и вера имеют глубокие корни во многих людях, но я следую им только для социального удобства. Они не играют очень существенную роль в моей жизни».

Если бы прошлое можно было так легко отсеять, не было бы никакой проблемы. Если только осталась внешняя шелуха прошлого, от которой можно очиститься в любой момент, то вы уже вырвались. Но есть еще что-то в проблеме, верно? Как вы вырвитесь из вашей посредственной жизни? Как вы разрушите мелочность ума? Разве это тоже не ваша проблема, сэр? И, конечно, «как» в этом случае углубление исследования, а не требование метода. Именно практика метода, основанного на желании преуспеть, с его опасением и авторитетом, поставила мелочность на первое место.

«Я шел с намерением рассеять мое прошлое, которое не имеет большого значения, а меня столкнули с другой проблемой».

Почему вы говорите, что ваше прошлое не имеет большого значения?

«Я плыл по течению на поверхности жизни, а когда вы плывете по течению, вы не можете иметь глубокие корни, даже в вашей семье. Я вижу, что жизнь для меня не очень много значила, я ничего в ней не сделал. Мне остается всего несколько лет, и я хочу прекратить плыть по течению, хочу кое-что сделать с тем, что остается от моей жизни. Это вообще возможно?»

Что вы хотите сделать с вашей жизнью? Разве образец того, кем вы хотите быть, не развивался из того, кем вы были? Конечно же, ваш образец — это реакция из того, что было, результат прошлого.

«Тогда как мне сделать что-нибудь в жизни?»

Что вы подразумеваете под жизнью? Вы можете воздействовать на нее? Или жизнь многообразна, и ее не удержать в пределах границ ума? Жизнь — это все, не так ли? Ревность, тщеславие, вдохновение и отчаяние; общественная мораль и достоинство, которые находятся вне царства искусственной справедливости; знание, собранное через столетия; характер, который является встречей прошлого с настоящим; организованные верования, называемые религиями, и

суть, которая скрывается за ними; ненависть и привязанность; любовь и сострадание, которые не в пределах области ума, — все это и больше есть жизнь, не так ли? И вы хотите сделать с ней что-нибудь, придать ей форму, направление, значение. Теперь, кто же этот «вы», который хочет сделать все это? Отличаетесь ли вы от того, что стремитесь изменить?

«Вы предлагаете просто продолжать плыть по течению?»

Когда вы хотите направить, сформировать жизнь, ваш образец может быть только согласно прошлому, или без возможности сформировать ее, ваша реакция — это плыть по течению. Но понимание всей жизни в целом вызывает его собственное действие, при котором не плывут по течению, не прикладывают образец. Эта целостность должна быть понята от мгновения до мгновения. Должна происходить смерть прошлого момента.

«Но способен ли я к пониманию жизни в целом?» — спросил он с тревогой.

Если вы не поймете, никто другой не сможет понять за вас. Вы не можете научиться этому у другого.

«Как мне начать действовать?»

Через самопознание, поскольку целостность, все сокровища жизни находятся в вас самих.

«Что вы подразумеваете под самопознанием?»

Это значит воспринимать пути вашего собственного ума, изучать собственные стремления, желания, побуждения и страсти, скрытые и открытые. Не происходит изучения, когда идет накопление знаний. Самопознанием ум свободен, чтобы быть спокойным. Только тогда возникает то, что вне меры ума.

Все это время супружеская пара только слушала. Они ожидали своей очереди, не вступали в разговор, и только сейчас муж заговорил.

«Наша проблема в ревности, но после прослушивания того, что уже было здесь сказано, я думаю, что мы, наверное, способны решить ее сами. Возможно мы поняли гораздо более глубоко, внимательно слушая, чем если бы задавали вопросы».

Отдельная деятельность и всецелое действие

Две вороны дрались, и очень серьезно. Они бились по земле, их крылья были сцеплены, а острые черные клювы рвали друг друга. Несколько ворон каркали на них с близлежащего дерева. Внезапно собралась целая стая ворон, создавая ужасную шумиху и пытаясь остановить борьбу. Их, должно быть, были сотни, но несмотря на беспокойные и сердитые требования борьба продолжалась. Крик не остановил их, и тогда громкий хлопок рук распугал всех, даже сражающихся, которые все еще продолжали налетать друг на друга среди веток окружающих деревьев. Но скоро все закончилось. Черная корова, привязанная к столбику, безмятежно поглядела в направлении борьбы, а затем продолжила есть. Она была маленьким животным, как говорят о коровах, очень дружелюбным, с большими грустными глазами.

По дороге шла печальная процессия. Похороны. Полдюжины автомобилей были во главе с катафалком, в котором можно было видеть гроб, сильно отполированный с многочисленными серебряными подпорками. По прибытию на кладбище все люди вышли из автомобилей и медленно понесли гроб к могиле, которая была вырыта заранее тем же утром. Они дважды обошли вокруг могилы, и затем аккуратно положили гроб на две доски, которыми была обложена могила. Все стали на колени, когда священник читал свое благословение, затем гроб был мягко уложен в свое последнее пристанище. Была выдержана длинная пауза, затем каждый бросил горсть земли в могилу, и люди в ярких набедренных повязках приступили к закапыванию могилы. Венки из белых цветов, уже увядающих на палящем солнце, были положены на могильный холмик, после чего люди скорбно отбыли.

Недавно прошел дождь, и трава на кладбище была блестяще зеленой. Повсюду росли пальмы, банановые деревья и цветущие кустарники. Это было приятное место, и дети, бывало, приходили, чтобы поиграть на траве под деревьями, где не было могил. Рано утром, задолго до восхода солнца, на траве появилась тяжелая роса, и высокие пальмы выделялись на фоне звездного неба. Ветер с севера был свежим и приносил с собой долгий гул отдаленного поезда. Было очень тихо, в близлежащих домах не было огней, и скрежет грузовиков на дороге еще не начался.

Медитация — это цветение совершенства, а не искусственное его культивирование. То, что искусственно выращено, никогда не длится долго, оно проходит и должно быть начато снова. Медитация не для медитирующего. Медитирующий знает, как медитировать, он занимается, направляет, контролирует, борется, но такая деятельность ума — это не свет медитации. Медитация не творится умом, это полное спокойствие ума, в котором нет центра опыта, знания, мысли. Медитация — это полное внимание без объекта, которым поглощена мысль. Медитирующий никогда не может познать совершенство медитации.

Уже не молодой человек, не был известным за политический идеализм и свои добрые дела. Глубоко в его душе теплилась надежда найти кое-что гораздо большее, чем это все. Но он был одним из тех, для кого справедливый поступок всегда считался признаком совершенства. Он постоянно впутывался в реформу, которую расценивал как средство для наивысшей цели: совершенство общества. Странная смесь благочестия и деятельности, он жил в скорлупе его собственной хорошо аргументированной сухости, но все же слышал за ее пределами шепот чего-то. Он пришел с другом, который действовал вместе с ним в социальной реформе. Друг был коротким, жилистым человеком, и у него было что-то от агрессии, удерживаемой под контролем. Он, должно быть, понял, что агрессия это неверный способ, чтобы начать, но не мог совсем ее прикрыть. Она таилась в его взгляде и незаметно показывалась, когда он улыбался. Когда мы сели вместе в той комнате, ни один из них, казалось, не замечал нежный

распустившийся цветок, который принес через окно легкий ветерок, и который лежал на полу, и на нем было солнце.

«Мой друг и я прибыли сюда не для того, чтобы обсуждать политическое действие, — начал первый. — Мы все хорошо знаем то, что вы думаете об этом. Для вас действие не является политическим, реформаторским или религиозным, есть просто действие, полное действие. Но большинство из нас так не считает. Мы мыслим блоками, которые иногда бывают непроницаемыми, а иногда гибкими, но наше действие всегда фрагментарно. Мы просто не знаем, что такое полное действие. Мы знаем только частичные действия, и мы надеемся путем составления разных частей вместе создать единое целое».

Когда-либо возможно создать единое целое, собирая его из частей, за исключением механических вещей? В таком случае у вас есть проект, схема, которая поможет собрать все части воедино. У вас есть подобный проект, в соответствии с которым можно создать улучшение общества?

«У нас есть», — ответил друг.

Тогда вы уже знаете, каким будет будущее для человека?

«Мы не столь тщеславны, как многие, но мы действительно хотим провести некоторые реформы, против которых никто не сможет возражать».

Конечно, реформа будет всегда фрагментарной. Быть активным, делая «добро», не понимая при этом полное действие, означает, в конечном счете, делать вред, не так ли?

«Что такое полное действие?»

Это, конечно же, соединение различных отдельных действий. Чтобы понять полное действие, фрагментарная деятельность должна прекратиться. Невозможно видеть одним взглядом целое пространство небес, переходя от одного маленького окошка к другому. Нужно отойти от всех окошек, верно?

«Это звучит восхитительно умно, но когда вы видите голодных, несчастных и бедных, вы возмущены внутри и хотите что-нибудь сделать».

Что совершенно естественно. Но простая реформа всегда нуждается в дальнейшей реформе, и продолжать эти различные фрагментарные действия, не понимая полное действие, кажется ужасно вредным и разрушительным.

«Как нам понять это полное действие, о котором вы говорите?» — спросил другой.

Очевидно, надо сначала отказаться от части, от фрагмента, который является группой, нацией, идеологией. Держаться за них и надеяться понять целое, что невозможно. Это подобно честолюбивому человеку, пытающемуся полюбить. Для того, чтобы полюбить, должно исчезнуть желание успеха, власти и положения должно прекратить быть. Нельзя иметь все сразу. Точно так же ум, чье само мышление фрагментарно, неспособен к обнаружению этого полного действия.

«Тогда, как вообще можно обнаружить это?» — вопрошал друг.

Нет никакой формулы для открытия. Чувство того, когда ты целый, полный, очень отличается от его интеллектуального описания. Мы не чувствуем общее целое бытие, и мы пытаемся соединить фрагменты, надеясь таким образом получить целое. Сэр, если можно спросить, зачем вы вообще что-либо делаете?

«Я чувствую и думаю, и действия проистекают от этого».

Это не приводит к противоречию в ваших различных действиях?

«Часто приводит, но можно избежать противоречия, придерживаясь определенного курса действия».

Другими словами, вы закрываетесь от всех действий, которые не имеют никакого отношения к тому, которое выбрали вы. Рано или поздно не создаст ли это смятение?

«Возможно. Но что делать?» — спросил он довольно раздраженно.

Это просто вопрос на словах, или вы начинаете чувствовать, что придерживание выбранного образца действия исключительно и вредно? Именно потому, что вы не чувствуете потребность в полном действии, вы играете с действиями, которые являются противоречивыми. Но чтобы почувствовать потребность в полном действии, вы должны глубоко исследовать внутри самого себя. Нет никакого исследования, если нет смирения. Чтобы узнавать, должно быть смирение, но вы уже знаете, и как может человек, который знает, быть смиренным? Когда есть смирение, вы не можете быть реформатором или политиком.

«Тогда мы не сможем ничего сделать, и нас обратят в рабство те, кто относится к крайне левым, чья идеология обещает рай на земле! Они придут к власти и ликвидируют нас. Но такого итога можно определенно избежать через разумное законодательство, через реформу и через постепенную национализацию промышленности. Это то, к чему мы стремимся».

«Но как насчет смирения? — спросил первый. — Я вижу его важность, но как достичь его?»

Естественно, не с помощью метода. Практиковать смирение означает культивировать гордость. Метод подразумевает успех, а успех — это высокомерие. Трудность в том, что большинство из нас хотят быть кем-то, и частичная реформаторская деятельность дает нам возможность удовлетворить это побуждение. Экономическая или политическая революция является все еще частичной, фрагментарной, приводя к дальнейшей тирании и нищете, как недавно проявилось. Есть только одна полная революция, религиозная, и она не имеет никакого отношения к организованной религии, которая является еще одной формой тирании. Но почему тогда нет смирения?

«По одной простой причине, потому что если бы мы были смиренны, никто бы ничего не делал, — утверждал друг. — Смирение — это для затворников, не для человека действия».

Вы не далеко передвинулись от ваших умозаключений, не так ли? Вы пришли с ними, и вы с ними уйдете, а думать, отталкиваясь от умозаключений, — это не думать вообще.

«Что предотвращает смирение?» — спросил первый.

Страх. Страх сказать «я не знаю», страх не быть лидером, не быть важным. Страх не находится на виду, будь то традиционный способ показать себя или самая последняя идеология.

«Неужели я боюсь?» — спросил он задумчиво.

Может ли кто-то другой ответить на этот вопрос? Не должен ли каждый сам обнаруживать суть дела?

«Мне кажется, что я так долго был в центре внимания, что принимал как очевидное, что деятельность, которой я занимался, является хорошей и истинной. Вы совершенно правы. С нашей стороны происходит некоторое количество преобразования и регулирования, но мы не осмеливаемся задумываться слишком глубоко, потому что хотим быть среди лидеров или, по крайней мере, с лидерами. Мы не хотим быть забытыми людьми».

Конечно, все это указывает на то, что в действительности вас интересуют не люди, а идеологии, схемы и утопии. Вы не любите народ и не питаете к нему жалость, вы любите себя, через ваше отождествление с некоторыми теориями, идеалами и реформаторской деятельностью. Вы остаетесь, прикрытые различными видами уважения. Вы помогаете народу во имя чего-то, ради блага чего-то. Фактически вас беспокоит не помощь людям, а продвижение плана или организации, которая, как вы утверждаете, поможет людям. Не здесь ли кроется ваш реальный интерес?

Они остались молчаливыми и ушли.

Свобода от известного

Была очень ясная, звездная ночь. В небе ни облачка. Приглушенный гул соседнего города стих, и воцарилась великая тишина, не нарушаемая даже криком совы. Убывающая луна взошла над высокими пальмами, которые были очень спокойными, околдованные тишиной. Созвездие Ориона хорошо виднелось на западе неба, а Южный Крест — над холмами. Ни в одном доме не горел свет, узкая дорога была пустынна и темна. Внезапно со стороны деревьев донесся вой. Сначала он был приглушенным и произвел странное впечатление таинственности и страха. Когда он приблизился, завывание стало пронзительным и шумным, оно звучало искусственно, печали в нем не было. Наконец показалась процессия людей с лампами, и причитание стало еще громче. В бледном лунном свете было видно, что на плечах они несли тело человека. Медленно продвигаясь по дорожке, которая пересекала лужайку и сворачивала направо, процессия снова исчезла среди деревьев. Завывание стало слабеть и наконец прекратилось. Воцарилась полная тишина, та удивительная тишина, которая наступает, когда мир спит, и которая имеет присущие лишь ей свойства. Это не была тишина леса, пустыни, далеких изолированных мест, не была это и тишина полностью пробужденного ума. Это была тишина тяжелого труда и усталости, горя и мимолетной радости. Она уйдет с наступлением рассвета и возвратится с возвращением ночи.

Следующим утром наш хозяин спросил: «Процессия вчера вечером побеспокоила вас?»

Что это было?

«Когда кто-то серьезно болен, они вызывают доктора, но на всякий случай также приводят человека, который, как предполагается, способен отогнать злой дух смерти. После пения над больным человеком и выполнения всех видов фантастических вещей сам изгонитель злых духов ложится и проявляет все признаки прохождения через муки смерти. Затем его связывают на носилках, несут в процессии с многочисленными причитаниями к месту захоронения или сжигания и там оставляют. После этого его помощник развязывает шнуры, и он возвращается к жизни. Молитвы над больным возобновляются, и затем все спокойно возвращаются по домам. Если пациент поправляется, волшебство сработало, если нет, то зло оказалось слишком сильным».

Пожилой человек, который пришел, был саньясином, религиозным отшельником, оставившим мирскую жизнь. Его голова была обрита, а единственным предметом одежды была недавно выстиранная шафрановая набедренная повязка. Он держал длинный посох, который положил около себя, когда сел на пол с непринужденностью длительной практики. Его тело было стройным и хорошо натренированным, и он слегка наклонялся вперед, как будто слушал, но спина была идеально прямой. Был он очень чист, его лицо — ясным и свежим, и во всем облике сквозило некое достоинство непохожести. Когда он говорил, то смотрел вверх, но в других случаях опускал глаза вниз. В нем проглядывало что-то очень приятное и дружелюбное. Будучи отшельником, старик путешествовал пешком по всей стране, переходя от деревни к деревни и от города до города. Он шел только по утрам и ближе к вечеру, а не тогда, когда пекло солнце. Являясь саньясином и членом самой высокой касты, он не имел никаких проблем с получением пищи, поскольку его принимали с уважением и кормили с заботой. Когда, в редких случаях, он путешествовал поездом, это всегда проходило без билета, потому что он был святым человеком и имел вид того, чьи мысли были не от мира сего.

«С юных лет мир не имел особой для меня привлекательности, и когда я оставил семью, дом, собственность, это было навсегда. Я никогда не возвращался. Это была трудная жизнь, и теперь ум хорошо дисциплинирован. Я слушал духовных учителей на севере и на юге, уходил в паломничества в различные святыни и храмы, где была святость и правильное учение. Я искал в

молчании изолированных мест, удаленных от часто посещаемых людьми, и я знаю полезные эффекты одиночества и медитации. Я был свидетелем переворотов в этой стране, произошедших за недавние годы, обращения человека против человека, секты против секты, убийств, прихода и ухода политических лидеров с их схемами и обещанными выгодами. Хитрые и невинные, мощные и слабые, богатые и бедные — они всегда сосуществовали и всегда будут сосуществовать, так как это путь мира».

Он молчал минуту или две, а затем продолжил.

«В беседе на днях вечером было сказано, что ум должен быть свободен от идей, формулировок, умозаключений. Почему?»

Может ли поиск начинаться с умозаключения, с того, что уже известно? Не должен ли поиск начаться в свободе?

«Когда имеется свобода, то есть ли какая-то потребность искать? Свобода — это конец поиска».

Конечно, свобода от известного — это только начало поиска. Если ум не свободен от знания как опыта и умозаключения, нет никакого открытия, а лишь продолжение, пусть даже видоизмененное, того, что было. Прошлое диктует и интерпретирует последующий опыт, таким образом укрепляя себя. Думать, исходя из умозаключения, из веры означает не думать вообще.

«Прошлое состоит в том, чем каждый является сейчас, и оно составлено из вещей, которые каждый собрал через желания и его действия. Есть ли возможность быть свободным от прошлого?»

А что, нет? Ни прошлое, ни настоящее не являются вечно статичными, фиксированными, окончательно определенными. Прошлое — результат многих давлений, влияний и противоречивых опытов, и оно становится движущимся настоящим, которое также изменяется, преобразовывается под непрерывным давлением многих различных влияний. Ум — это результат прошлого, он создан временем, обстоятельствами, инцидентами и переживаниями, основанными на прошлом. Но все, что случается с ним, внешне и внутри, воздействует на него. Он не продолжает быть таким, каков он был, и при этом он не будет таким, каков он есть.

«Это всегда так?»

Только специализированная вещь навсегда застыла в форме. Рисовое зернышко никогда, ни при каких обстоятельствах не станет пшеницей, а роза никогда не может стать пальмой. Но, к счастью, человеческий ум не специализирован, и он всегда может покончить с тем, кем он был. Ему не нужно быть рабом традиции.

«Но кармой не так легко распорядиться, то, что было создано через многие жизни, не может быть быстро сломано».

Почему нет? То, что строилось столетиями или было построено только вчера, может быть уничтожено немедленно.

«Каким образом?»

Через понимание этой причинно-следственной цепи. Ни причина, ни следствие не являются навечно заключительными, неизменными, что было бы постоянным порабощением и распадом. Каждое следствие причины претерпевает многочисленные влияния изнутри и извне, оно постоянно изменяется, и становится в свою очередь причиной еще одного следствия. Через понимание того, что фактически происходит, этот процесс может быть остановлен мгновенно, и возникнет свобода от того, что было. Карма — не вечно делящаяся цепь, это цепь, которая может быть нарушена в любое время. То, что было сделано вчера, может быть уничтожено сегодня, нет никакого постоянного продолжения чего-нибудь. Продолжительность может и должна быть рассеяна через понимание ее процесса.

«Все это совершенно понятно, но есть и другая проблема, которую нужно прояснить. Она

заключается в том, что привязанность к семье и к собственности прекратилась давно, но ум все еще привязывается к идеям, верам, видению».

Почему?

«Было легко стряхнуть с себя привязанность к мирским вещам, но с вещами ума — другое дело. Ум состоит из мыслей, а мысль существует в форме идей и верований. Ум не осмеливается быть пустым, поскольку если бы он был пуст, он прекратил бы быть. Потому-то он и привязывается к идеям, к надеждам и к вере во что-то, что вне его самого».

Вы говорите, что было легко стряхнуть с себя привязанность к семье и к собственности. Почему тогда нелегко освободиться от привязанности к идеям и верам? Не те же самые факторы вовлечены в каждом из случаев? Человек цепляется за собственность и семью, потому что без них он чувствует себя потерянным, пустым, одиноким. И именно по той же самой причине ум привязывается к идеям, видению, вере.

«Это так. Являясь физически в уединении, в удаленных местах, ты не беспокоишься, поскольку ты один даже среди множества, но ум сжимается от отсутствия вещей мнения».

Это сжатие есть страх, верно? Страх вызван не фактом того, что вы внешне или внутренне одни, но из-за ожидания чувства одиночества. Мы боимся не факта, а ожидаемого следствия факта. Ум предвидит и боится того, что могло бы быть.

«Тогда страх всегда относится к ожидаемому будущему, и никогда к факту?»

А что не так? Когда есть страх того, что было, то этот страх не из-за факта непосредственно, а из-за его обнаружения, разоблачения, что снова относится к будущему. Ум боится не неизвестного, а потери известного. Нет никакого страха прошлого, а страх вызван мыслью о том, какие последствия того прошлого могли бы быть. Вы боитесь внутри быть самим с собой, чувства пустоты, которое могло бы возникнуть, если бы уму больше не за что было цепляться, поэтому существует привязанность к идеологии, к вере, которая мешает пониманию того, что есть.

«Это также совершенно ясно».

И не должен ли ум быть в одиночестве, быть пустым? Не должен ли он быть не тронутым прошлым, коллективным влиянием и влиянием собственного желания?

«Это нужно еще обнаружить».

Время, привычка и идеалы

Прошли сильные дожди, несколько дюймов в день, более чем за неделю, и вода в реке поднялась очень высоко. Она уже выходила из берегов, и некоторые из деревень затопило. Поля оказались под водой, и рогатый скот нужно было увести к более высоким пастбищам. Еще несколько дюймов — и она затопит мост, и тогда действительно возникнут неприятности.

Но как раз, когда вода в реке уже достигала опасной точки, дожди прекратились, и уровень воды начал понижаться. Немногие обезьяны, спасавшиеся на деревьях, были изолированы, и им пришлось оставаться там в течение дня или около того.

Однажды рано утром, когда воды спали, мы отправились в путь вдоль открытой местности, которая была плоской почти до подножия гор. Дорога шла мимо деревни, и мимо ферм, оборудованных современными машинами. Весна была в полном разгаре, и вдоль дороги цвели фруктовые деревья. Автомобиль плавно шел. Слышался гул двигателя и звук резиновых шин по дороге. И все же всюду стояла необычайная тишина: среди деревьев, на реке, и по усаженной растениями земле.

Ум молчит только при избытке энергии, когда есть то внимание, в котором прекращается все противоречие, натяжение желаний в различных направлениях. Борьба желания за то, чтобы быть тихим, не приводит к тишине. Тишину не купить через какую-нибудь форму принуждения, это не награда за подавление или за избавление. Но ум, который не молчит, никогда не свободен, а небеса открыты лишь только для тихого ума. Благодать, которую ищет ум, не найти благодаря его поиску, и при этом она не скрыта в вере. Только тихий ум может получить то благословение, которое недано церкви или вере. Для того, чтобы ум был тихим, все его противоречащие углы должны соединиться вместе и быть сплавленными воедино в пламени понимания. Тихий ум — это не размышляющий ум. Чтобы размышлять, должен быть наблюдатель и наблюдаемое, переживающий с грузом прошлого. Всякое желание — это противоречие, поскольку каждый центр желания оппозиционно настроен в отношении другого центра. Спокойствие всего ума — это медитация.

Он был молодежавым мужчиной с большой головой, ясными глазами и умелыми на вид руками. Говорил с непринужденностью и самоуверенностью и взял с собой свою жену, почтенную леди, которая, очевидно, не собиралась что-нибудь говорить. Она, вероятно, пришла по его убеждению и предпочла слушать.

«Меня всегда интересовали религиозные вопросы, — сказал он, — и рано утром, прежде, чем встают дети и начинается домашняя суматоха, я провожу значительный период времени в практике медитации. Я считаю медитацию очень полезной для получения контроля над умом и в культивировании некоторых необходимых добродетелей. Я услышал несколько дней назад вашу беседу о медитации, но поскольку я плохо знаком с вашим учением, я не совсем способен понять его. Но не об этом я пришел поговорить. Я пришел, чтобы говорить о времени, о времени как о средстве для осознания наивысшего. Насколько я вижу, время необходимо для культивирования тех качеств и чувствительности ума, которые являются необходимыми, если нужно достичь просвещения. Это так, не правда ли?»

Если вы начинаете с утверждения определенных вещей, тогда возможно ли отыскать истину вопроса? Не мешают ли умозаключения ясности мысли?

«Я всегда принимал как должное, что время необходимо для достижения освобождения. Это именно то, что поддерживает большинство религиозных книг, и я никогда не подвергал это сомнению. Делаешь вывод, что иногда люди осознают то возвеличенное состояние мгновенно,

но лишь немногие, очень немногие. Но я вполне понимаю вас, когда говорите о том, что ясное мышление возможно только тогда, когда ум свободен».

И освободиться от них чрезвычайно трудно, верно?

Теперь, что мы подразумеваем под временем? Существует время по часам, время как прошлое, настоящее и будущее. Существует время как память, как расстояние, путешествуя отсюда туда, и время как достижение, процесс становления кем-то. Все это то, что мы подразумеваем под временем. И возможно ли, чтобы ум был свободен от времени, вышел за пределы его ограничений? Давайте начнем с хронологического времени. Можно ли когда-либо быть свободным от времени в фактическом, хронологическом смысле?

«Нет, если хотите успеть на поезд! Чтобы быть нормально действующим в этом мире и поддерживать некоторый порядок, необходимо хронологическое время».

Тогда есть время как память, привычка, традиция и время как усилие, чтобы достичь, выполнить, стать. Очевидно, что требуется время, для изучения профессии или приобретения навыков. Но также необходимо ли время для осознания наивысшего?

«Мне кажется, что необходимо».

Что это, которое достигает, осознает?

«Я предполагаю, что это то, что вы называете, я».

Что является связкой воспоминаний и ассоциаций как сознательных, так и неосознанных? Сущность, которая наслаждается и страдает, практикует достоинства, приобретает знание, накапливает опыт, сущность, которая познала удовлетворение и расстройство и думает, что есть душа, Атман, высшее «я». Эта сущность, «я», эго, является продуктом времени. Сама ее суть — это время. Она думает во времени, функционирует во времени и создает себя во времени. «Я», которое является памятью, думает, что через время оно достигнет наивысшего. Но эго «наивысшее» является тем, что оно само сформулировало, и поэтому также находится в пределах области времени, не так ли?

«Как вы это объясняете, то кажется, что прилагающий усилия и цель, за которую он борется, одинаковы в пределах сферы времени».

Через время вы можете достигать только того, что создало время. Мысль — это отклик памяти, и мысль может понимать только то, что она придумала.

«Вы говорите, сэр, что ум должен быть свободен от памяти и от желания достичь, осознать?»

Мы поговорим об этом позже. Если позволите, давайте подойдем к проблеме по-другому. Возьмите насилие, например, и идеал отказа от насилия. Сказано, что идеал отказа от насилия — это средство сдерживания насилия. Но так ли это? Скажем, я жесток, а мой идеал — не быть жестоким. Имеется интервал, промежуток между тем, кем я фактически являюсь, и тем, каким я должен быть, идеалом. Чтобы покрыть это мешающее расстояние, требуется время. Идеал должен быть достигнут постепенно, и в течение этого интервала постепенного достижения я имею возможность баловаться удовольствием насилия. Идеал — это противоположность того, чем я являюсь, а все противоположности содержат в себе семена их собственных противоположностей. Идеал — это проекция мысли, которая является памятью, и осуществление идеала — это эгоцентричная деятельность, также как насилие. Об этом говорилось в течение столетий, и мы продолжаем повторять, что время необходимо для того, чтобы быть свободным от насилия. Но это простая привычка, и за ней нет никакой мудрости. Мы все еще жестоки. Так что время — не фактор освобождения, идеал отказа от насилия не освобождает от него ум. Неужели насилие не может просто прекратиться — не завтра или десять лет спустя?

«Вы имеете в виду мгновенно?»

Когда вы используете данное слово, разве вы все еще не мыслите или чувствуете понятиями времени? Может ли насилие прекратиться и это все не в какой-то данный момент?

«А такое возможно?»

Только с пониманием времени. Мы привыкли к идеалам, мы имеем обыкновение сопротивляться, подавлять, отбрасывать, заменять, все из перечисленного требует усилий и борьбы через время. Ум мыслит привычками, он обусловлен постепенностью и стал расценивать время как средство достижения свободы от насилия. С пониманием ошибочности всего процесса замечаешь суть насилия, и именно это фактор освобождения, а не идеал или время.

«Думаю, что я понимаю то, что вы говорите, или, скорее, я чувствую истинность этого. Но не слишком ли трудно освободить ум от привычки?»

Это трудно только тогда, когда вы боретесь с привычкой. Возьмем привычку к курению. Борьба с такой привычкой означает придавать ей жизнь. Привычка механическая, и сопротивляться ей значит лишь кормить механизм, придавать ему больше мощи. Но если вы рассмотрите ум и понаблюдаете за формированием его привычек, тогда с пониманием более значимой проблемы, проблема поменьше становится незначительной и отпадает.

«Почему ум формирует привычки?»

Осознайте пути вашего собственного ума, и вы обнаружите почему. Ум формирует привычки, чтобы быть в безопасности, быть защищенным, уверенным, безмятежным, чтобы иметь продолжение. Память — это привычка. Говорить на каком-то языке — это процесс памяти, привычки, но то, что выражается с помощью языка, ряд мыслей и чувств, также обычны, основаны на том, что вам сказали, на традиции и так далее. Ум перемещается от известного к известному, от одной уверенности к другой, так как нет свободы от известного.

Это возвращает нас к тому, с чего мы начали. Принято, что время необходимо для осознания наивысшего. Но то, о чем может думать мысль, все еще в пределах области времени. Ум никоим образом не может сформулировать неизвестное. Он может размышлять о неизвестном, но его размышление — это не неизвестное.

«Тогда возникает проблема, как осознать наивысшее?»

Не с помощью какого-либо метода. Применять метод — значит искусственно создать еще один набор связанных временем воспоминаний, но осознание возможно только тогда, когда ум больше не в неволе времени.

«Может ли ум освободить себя от им самим созданной неволи? Необходимы ли внешние силы?»

Когда вы обращаетесь к внешним силам, вы снова возвращаетесь к вашим условностям, к вашим умозаключениям. Нас волнует лишь вопрос: «Может ли ум освободить себя от им самим созданной неволи?» Все другие вопросы не относятся к делу и мешают уму уделять внимание данному вопросу. Нет никакого внимания, когда имеется повод, давление достичь, осознать. То есть когда ум стремится к результату, к цели. Ум обнаружит решение проблемы не через аргументы, мнения, убеждения или веру, а через сильное напряжение самого вопроса.

Можно ли искать Бога с помощью организованной религии?

Вечернее солнце было на зеленых рисовых полях и на высоких пальмах. Поля огибали пальмовые рощи, и ручей, пробегаая через поля и рощи, поймал золотое сияние и стал живым. Земля была очень плодородной. Прошло много дождей, и растительность была обильной, даже деревянные шесты забора дали побеги зеленых листьев. В море водилось много рыбы, и на суше не было голодания, люди хорошо питались, а домашние животные выглядели упитанными и ленивыми. Всюду играли дети, на них практически не было одежды, и солнце сделало их смуглыми.

Стоял прекрасный вечер, прохладный после жаркого солнечного дня. Легкий ветерок дул из-за холмов, и колыхающиеся пальмы придавали небу форму и красоту. Небольшой автомобиль двигался с пыхтением по холму, и маленький ребенок, занимавший переднее место, уселся поудобней. Он был слишком застенчив, чтобы сказать и слово, но глядел во все глаза, принимая в себя окружающий мир. На дороге было много людей, некоторые хорошо одетые, а другие почти голые. Человек, на котором была только повязка и кусок материи, стоял в реке около берега. Он нырнул под воду нескольких раз, вытер себя, окунулся еще несколько раз и вышел. Вскоре стало совсем темно, и фары автомобиля освещали людей и деревья.

Странно, как ум всегда занимается его собственными мыслями, наблюдением и слушанием. Он никогда по-настоящему не пустует, и если случайно он оказывается пустым, то просто не заполнен или спит. Он может хотеть быть пустым, но никогда не пуст, и будучи таким наполненным, в нем не возможно никакое другое движение. Осознавая собственное состояние постоянной занятости, он пробует быть незанятым, пустым. Метод, практика, которые обещают покой, становятся новым занятием ума. Какая-нибудь мысль — об офисе, семье, будущем — бесконечно заполняет ум. Он всегда забит, загроможден его собственными продуктами или созданными другими, происходит непрерывное движение, которое не имеет большого значения.

Занятый ум — это мелочный ум, неважно, является ли его занятие Богом, завистью или сексом. Уединение, эгоцентричное движение ума является более глубоким занятием, и оно скрыто за деятельностью. У ума никогда не бывает достаточно полной пустоты, всегда есть уголок, который является активным, планирующим, болтающим, занятым.

Полная пустота ума, когда даже его самые потаенные уголки выставлены наружу, имеет интенсивность, которая не является рьяной занятостью, и она не уменьшается сопротивлением, которое создает занятость. Если ничего нет, чему сопротивляться или что преодолеть, данная интенсивность — это непринужденная тишина. Занятому уму не известна такая тишина. Даже те моменты, когда он не занят, это лишь поломки в работе его занятости, которые скоро починят. Такая тишина пустоты — это противоположность занятости. Все противоположности находятся в пределах рамок борьбы. Это не результат, не следствие, так как нет никакого повода, никакой причины. Вся причинно-следственная цепочка лежит в пределах сферы эгоцентричной деятельности. «Я» с его занятостью никогда не может познать интенсивность тишины, ни то, что находится в ней и вне его.

Трое мужчин приехали из отдаленного города на поезде и на автобусе. Один, значительно старше остальных, с ухоженной бородой, был оратором, хотя другие никоим образом не были подчинены ему. Медленный и осторожный в речи, он свободно цитировал известных людей. Не

будучи нетерпеливым, в нем ощущалась некая терпимость. Один из двух мужчин помоложе был почти лысым, а у другого была густая шевелюра. Лысеющий, казалось, еще не составил свое мнение относительно серьезных вопросов, и хотел исследовать все, о чем говорилось. Но временами могли быть замечены определенные образцы мышления. Он широко улыбался, когда говорил, но не жестикулировал. Другой довольно застенчив, и говорил очень мало.

«Неужели невозможно найти Бога через устоявшиеся религиозные организации?» — спросил старший мужчина.

Позвольте спросить, почему вы задаете этот вопрос? Это сама по себе серьезная проблема, или просто открытие к серьезной проблеме? Если за этим скрывается более серьезная проблема, не было бы проще приступить непосредственно к ней?

«Пока этот вопрос весьма серьезен, по крайней мере, для нас. Все мы слушали вас два года назад и тогда нам показалось, что вы слишком радикальны в вашем рассуждении об организованных религиях. Мои два друга и я принадлежим одной из них, но медленно до нас дошло, что вы можете быть правы, и мы хотим серьезно обговорить это с вами».

Прежде всего, что означает быть серьезным? Мы серьезны, проходящим образом, по отношению ко многим вещам. Так как вы все потрудились, чтобы прибыть сюда, не очень хорошо начинать с понимания того, что мы подразумеваем под серьезностью?

«Возможно, мы не столь серьезны, как вы хотели бы, чтобы мы были, но мы отдаем как можно больше времени поиску Бога».

Время, потраченное на выполнение чего-либо, — это признак серьезности? Деловой человек, офисный работник, ученый, плотник — все они отдают много времени соответствующим им занятиям. Вы бы посчитали их серьезными, не так ли?

«В некотором роде, да. Но серьезность, с которой мы продолжаем поиск Бога, полностью отличается. Ее трудно выразить словами».

Серьезность в одном случае внешняя, поверхностная, в то время, как в другом она внутренняя, более глубокая, требующая гораздо большего понимания, и так далее. Это так?

«Это более или менее то, что он имеет в виду, — вставил лысеющий. — Мы посвящаем так много времени, насколько возможно, медитации, чтению священных писаний и посещению религиозных собраний. Короче говоря, мы очень серьезны в нашем поиске Бога».

Опять же, является ли время фактором серьезности? Или серьезность зависит от состояния ума?

«Я не совсем понимаю, что вы подразумеваете под „состоянием ума“?»

Каким бы серьезным ни был мелочный или незрелый ум, он вечно ограничен мелким, зависим, подвержен влиянию. Заинтересованность только одной частью жизни — означает быть только частично серьезным, но ум, который заинтересован во всей жизни в целом, приближается ко всем вещам с серьезным намерением. Такой ум полностью серьезен, искренен.

«Я думаю, что вы имеете в виду, что мы никогда не подходим к жизни в целом, — сказал старший, — и я боюсь, что вы правы».

Частичный подход находит частичный ответ, и каким бы серьезным вы ни были, серьезность будет всегда фрагментарной. Такой ум не может найти суть чего-нибудь.

«Тогда, как иметь эту полную серьезность?»

«Как» совершенно не важно. Нет никакого метода или практики, которые могут пробудить это чувство, чувство намерения ума, понять всю целостность его собственного бытия. Мы столкнемся с этим чувством, я надеюсь, когда будем продвигаться далее в нашем разговоре. Но вы начали с вопроса, может ли Бог быть найден через организованную религию.

«Да, это был наш вопрос, — ответил лысеющий. — Все, что мы знаем о религии, это то, что вдолбили в нас с детства. В течение столетий организованные религии учили нас верить в то

или это. Фактически каждый святой, которого мы знаем, следовал за религией собственного отца и зависел от авторитета ее священных писаний. Мы трое принадлежим одной традиционной религиозной организации, услышав вас, мы начали сомневаться или, по крайней мере, я начал сомневаться, в смысле принадлежности к какой-то религиозной организации вообще. Вот о чем мы хотели бы поговорить с вами».

Что означает организация? Мы организуемся для того, чтобы сотрудничать в выполнении чего-то. Организация необходима для эффективного выполнения, если вы и я желаем сделать что-то вместе. Мы должны организовать, завязать друг с другом правильные взаимоотношения, если нам надо эффективно выполнить определенный политический, социальный или экономический план. Неужели и религиозные организации имеют такую же или подобную основу? И что вы подразумеваете под религией?

«Для меня религия — это способ жизни, — ответил третий, — который установлен для нас нашими духовными учителями и священными писаниями, и следование ему в нашей повседневной жизни составляет религию».

Действительно ли религия — это дело следования образцу, установленному другим, пусть даже великим? Следовать — означает просто приспособливаться, подражать в надежде получения успокаивающей награды, и конечно, это не религия. Избавление личности от зависти, жадности и жестокости, от желания успеха и власти, так чтобы его ум был освобожден от внутренних противоречий, конфликтов, расстройств, не это ли путь религии? А только такой ум может обнаружить истинное, реальное. Но такой ум никоим образом не подвержен влиянию, он не находится под каким-либо давлением, и поэтому способен быть спокойным. И только когда ум полностью спокоен, есть возможность возникновения того, что вне меры ума. Но организованные религии просто создают условия для ума по специфическому образцу мышления.

«Но мы были воспитаны, чтобы думать в рамках образца, с его кодексом морали, — сказал лысеющий. — Храм или церковь, с их поклонением, церемониями, верой и догмами — для нас это всегда было религией, а вы уничтожаете ее, не вкладывая что-нибудь на ее место».

То, что является ложным, должно быть убрано, если необходимо возникновение того, что истинно. Уединение ума необходимо, а путь религии — это выпутывание ума от образца, который создан коллективом, прошлым. В настоящее время ум в ловушке коллективной этики с ее жадностью, амбицией, респектабельностью и преследованием власти. Понимание всего этого возымает его собственное действие, которое освобождает чувствующий ум от коллективного, и тогда он способен к любви, к состраданию. Только тогда есть возвышенное.

«Но мы еще не способны к такому всеобъемлющему пониманию, — сказал старший.

Мы все еще нуждаемся в сотрудничестве и руководстве других, чтобы помогать нам идти в правильном направлении. Данное сотрудничество и руководство обеспечиваются тем, что мы называем организованной религией».

Вы действительно нуждаетесь в помощи других, чтобы быть свободными от зависти, амбиции? И когда вы получаете помощь другого, есть ли это свобода? Или же свобода приходит только с самопознанием? Разве самопознание — это вопрос руководства или организованной помощи? Или же пути «я» необходимо обнаруживать от мгновения до мгновения в наших каждодневных отношениях? Зависимость от другого или от организации порождает страх, верно?

«Может, и есть несколько тех людей, которые достаточно сильны, чтобы выстаивать в одиночку и сражаться с миром, но подавляющее большинство нуждается в успокаивающей поддержке организованной религии. Наши жизни, в целом, являются пустыми, унылыми, без особого значения, и, кажется, лучше заполнять эту пустоту религиозными верованиями, чем

глупыми развлечениями или извращенностью мирских мыслей и желаний».

Заполняя пустоту религиозной верой, вы заполнили ее словами, не так ли?

«Мы, как предполагается, должны быть образованными людьми, — сказал лысеющий. — Мы окончили колледж, имеем довольно хорошие рабочие места и все прочее. Кроме того, религия всегда была самым глубоким интересом для нас. Но я вижу теперь, что то, что мы считали религией, вообще не религия. С другой стороны, чтобы убежать из коллективной тюрьмы, нам потребуется большее количество энергии и понимания, чем большинство из нас обладает. Так, что нам делать? Если мы оставим религиозную организацию, к которой принадлежим, то будем чувствовать себя потерянными и рано или поздно возьмемся за другую веру, чтобы обманывать самих себя и заполнить нашу собственную пустоту. Привлекательность старого пути сильна, и мы лениво следуем им. Но после нашего разговора некоторые вещи стали мне ясны, как никогда прежде, и, возможно, сама эта ясность произведет ее собственное воздействие».

Аскетизм и целостное бытие

Мы летели очень высоко, на высоте более пятнадцати тысяч футов. Самолет был переполнен, без единого пустого места. В нем находились люди со всего мира. Далеко внизу виднелось море цвета молодой весенней травы, нежной и очаровательной. Остров, с которого мы взлетели, был темно-зеленым, черные дороги и красные тропинки, извивающиеся среди пальмовых рощ и толстой зеленой растительности, выглядели ясными и четкими, и было приятно разглядывать дома с красными крышами. Море постепенно стало серо-зеленым, а затем синим. Теперь мы летели выше облаков, и они скрыли землю, протягиваясь миля за милей, насколько было видно глазу. Бледно-голубое небо казалось обширным и всеобъемлющим. Небольшой ветер дул позади нас, и мы летели быстро, более чем триста пятьдесят миль в час. Внезапно облака расступились, и там, далеко внизу, показалась бесплодная, красная земля, с очень небольшой растительностью. Ее красный цвет был похож на цвет пожара в лесу. Леса не существовало, сама земля казалось охвачена огнем, но не огнем пожара, а цветом ярким и потрясающим. Вскоре мы летели над плодородной землей, с деревьями и поселками, рассеянными среди зеленых полей. Земля была поделена, как душе угодно, и каждая засаженная секция ухаживалась и принадлежала кому-то. Она была подобно бесконечному, разноцветному ковру, но каждый цвет соответствовал кому-то. Через это все извивалась река, и по ее берегам стояли деревья, отбрасывая длинные утренние тени. Вдалеке виднелись горы, простираясь прямо через земли. Это была красивая местность, в ней чувствовались пространство и вечность.

За пределами шума пропеллеров и болтовни людей, за пределами его собственной болтовни ум находился в движении. Это было совершенно тихое путешествие, не во времени и пространстве, а в нем самом. Внутреннее движение не было внешним путешествием ума в пределах узкой или обширной области его собственного создания, собственного назойливого прошлого. Это не было поездкой, предпринятой умом, а в целом иное движение. Вся целостность ума, а не только его часть, как скрытая, так и открытая, была полностью спокойна. То спокойствие не было измеримо во времени. Становление и бытие не имеет никакого отношения друг к другу, они движутся в совершенно разных направлениях, одно не ведет к другому. В спокойствии бытия прошлое как наблюдатель, как переживающий отсутствует. Нет деятельности времени. Вовсе не воспоминание взаимодействует, а само реальное движение, движение тишины в неизмеримом. Это движение, которое не начинается от центра, которое не идет от одной точки до другой, оно не имеет никакого центра, никакого наблюдателя. Это путешествие целостного бытия, а целостное бытие не имеет противоречия желания. В этой поездке целостного нет пункта отправления и пункта прибытия. Целостный ум спокоен, и спокойствие — это движение, которое является не путешествием ума.

Проливной дождь пришел и ушел, но повсеместно еще слышался звук падающей воды. В комнате было очень влажно, и потребуется несколько дней для того, чтобы все высохло. Человек, который пришел, имел глубоко посаженные глаза и красивое тело. Он отказался от мира и его путей, и, хотя не носил специальной одежды, на его лице был отпечаток мыслей об ином. Он не брился несколько дней, потому что путешествовал, но недавно искупался, и его одежда также была свежестыранной. Приятный и дружелюбный в поведении, у него были выразительные руки. Он сидел серьезно молчаливый в течение значительного времени, прощупывая обстановку, ища свой подход. Через время он объяснил.

«Я услышал вас много лет назад, совершенно случайно, и кое-что из того, что вы сказали, всегда оставалось со мной: та действительность, не достигаемая с помощью дисциплины или

какой-либо формы самоистязания. С того времени я побывал по всей стране, видя и слыша много вещей. Я строго дисциплинировал себя. Преодолеть физическую страсть я смог без особых трудностей, но другие формы желаний было не настолько легко отбросить. Я занимался медитацией каждый день много лет, но оказался не способным выйти за пределы определенной точки. Но то, что я хочу обсудить с вами, касается самодисциплины. Контроль над телом и умом необходим, и в значительной степени они управляемы. Но в разговорах с таким же паломником о процессе самодисциплины я чувствовал опасность этого. Он причинил себе физический вред, преодолевая свое сексуальное побуждение. Можно зайти слишком далеко в данном направлении. Но умеренность в самодисциплине не легко дается. Достижение всякого вида приносит ощущение силы. Присутствует волнующее возбуждение в победе над другим, но намного больше его есть в доминировании над собой».

Аскетизм дает свое наслаждение также, как светский мир.

«Совершенно верно. Мне известно удовольствие от аскетизма и чувство мощи, которую он дарит. Как всегда поступали отшельники и святые, я целиком подавил телесные побуждения, чтобы сделать ум острым и неподвижным. Я подвергал чувства и желания, которые возникают из-за них, строгой дисциплине так, чтобы дух мог быть освобожденным. Я отвергал всякий вид комфорта для тела и спал в любом месте. Я ел любой вид пищи, кроме мяса, и голодал в течение нескольких дней одновременно. Я долгие часы медитировал с направлением усилия на одну точку. И все же, несмотря на борьбу и боль, с ее чувством власти и внутренней радостью, ум, кажется, не выходит за пределы определенной точки. Как если бы вы натолкнулись на стену, и делаете, что угодно, но она не рушится».

На этой стороне стены видения, добрые дела, культивированные добродетели, поклонение, молитвы, самоотречение, боги. И перечисленное имеет только то значение, которое придает ум. Ум — это все еще доминирующий фактор, верно? А способен ли ум выйти за пределы его собственных барьеров, за пределы себя? Не в этом ли вопрос?

«Да. После тридцати напряженных лет целеустремленности и дисциплины, посвященных медитации и полному самоотречению, почему ограничивающая стена не разрушилась? Я говорил со многими другими отшельниками, которые имели подобный опыт. Есть, конечно, те, кто утверждает, что нужно быть еще более усердным в самоотречении, более целеустремленным в медитации, и так далее, но я знаю, что не могу сделать большее. Все мои усилия только привели к нынешнему состоянию расстройств».

Никакой объем тяжелого труда и усилия не сможет сломать кажущуюся непроницаемой стену, но, возможно, мы будем способны понять проблему, если сможем взглянуть на нее по-другому. Можно ли подходить к проблемам жизни в целом, всем своим существом?

«Не думаю, что я понимаю, что вы имеете в виду».

Вы в какой-либо момент осознаете все ваше бытие, всю его целостность? Вся целостность не может быть осознана с помощью соединения многих противоречивых частей, не так ли? Может ли быть чувство целого по отношению ко всему вашему бытию. Не выдуманного целого, не то, что вы считаете или формулируете как целое, а фактическое чувство целого?

«Такое чувство может быть, но я никогда не испытывал его».

В настоящее время часть ума пытается ухватить целое, не так ли? Одна часть борется против другой части, одно желание против другого желания. Скрытый ум находится в конфликте с открытым, насилие пытается стать ненасильственным. Расстройство сопровождается надеждой, удовлетворением и другим расстройством. Это все, что мы знаем. Происходит непрерывное стремление к удовлетворению, в самой тени которого есть расстройство. Поэтому мы никогда не познаем и не испытываем цельность бытия. Тело против чувства, чувство против мысли, а мысль стремится к тому, что должно быть, к идеалу. Мы

разбиты на фрагменты, соединяя различные фрагменты, надеемся создать целое. Такое когда-либо возможно сделать?

«Но что еще остается делать?»

В настоящий момент, давайте не будем рассматривать действие. Возможно, мы подойдем к этому позже. Чувство целостности вашего бытия, тела, ума и души — это не соединение всех фрагментов. Вы не можете превратить противоречивые желания в гармоничное целое. Пытаться сделать так — поступок ума, а сам ум — это лишь только часть. Часть не может создавать целое.

«Я понимаю это, но тогда что?»

Наше исследование состоит в не том, чтобы выяснить, что делать, а обнаружить чувство целостности бытия — фактически испытать его. Данное чувство имеет собственное воздействие. Когда есть действие без этого чувства, тогда возникает проблема, как построить мост над пропастью между фактом и тем, что должно быть, идеалом. Тогда мы никогда не чувствуем себя целыми, всегда происходит уход, мы никогда не думаем в целом, всегда есть опасение, мы никогда не действуем свободно, всегда есть повод, что-то, что нужно получить или избежать. Наше проживание всегда частично, никогда не бывает целостным, и таким образом мы делаем себя нечувствительными. Благодаря подавлению желания, простому контролю над умом, отвержению его телесных потребностей, отшельник делает себя нечувствительным.

«Разве не следует держать в узде наши желания?»

Когда они обузданы с помощью их подавления, то теряют свою энергию, и в этом процессе восприятие притупляется, ум становится нечувствительным. Хотя идет поиск свободы, нет энергии, чтобы найти ее. Требуется обилие энергии, чтобы найти истину, и эта энергию рассеивается из-за конфликта, который следует из подавления, соответствия, принуждения. Но уступка желанию также порождает внутреннее противоречие, которое опять же рассеивает энергию.

«Тогда как сохранить энергию?»

Желание сохранять энергию — это жадность. Существенную энергию нельзя сохранить или накопить, она возникает с прекращением противоречия внутри себя. По его собственной природе желание вызывает противоречие и конфликт. Желание — это энергия, и его нужно понять, его нельзя просто подавлять или заставлять соответствовать. Любое усилие принудить или дисциплинировать желание приводит к конфликту, который влечет за собой нечувствительность. Все запутанные пути желания должны быть известны и поняты. Вас нельзя этому научить, и вы не можете изучить пути желания. Понимать желание — означает, не основываясь на выборе, осознавать его движения. Если вы уничтожаете желание, вы уничтожаете чувствительность, также как интенсивность, которая является необходимой для понимания истины.

«А разве нет интенсивности, когда ум направлен на что-то одно?»

Такая интенсивность — помеха для действительности, потому что она результат ограничения, сужение ума через воздействие воли, а воля — это желание. Существует интенсивность, которая совершенно отличается, удивительная интенсивность, которая приходит с целостным бытием, то есть когда все ваше бытие объединено, а не собрано воедино из-за желания результата.

«Не расскажете ли еще кое-что о целостности бытия?»

Это чувство, когда ты целое, неразделенное, не фрагментированное, — интенсивность, в которой нет напряженности, нет никакой тяги желания с его противоречиями. Именно эта интенсивность, этот глубокий, непреднамеренный импульс ломает стену, которую ум построил вокруг себя. Та стена — это эго, «я». Вся деятельность «я» является разделяющей, ограждающей, и, чем больше оно борется, чтобы прорваться через собственные барьеры, тем сильнее те

барьеры становятся. Усилия «я» освободиться только создают его собственную энергию, собственное горе. Когда воспринята суть этого, только тогда возникает движение целого. Данное движение не имеет никакого центра, так же как оно не имеет никакого начала и никакого конца, это движение вне измерения ума, который создан временем. Понимание действий противоречивых частей ума, которые составляют «я», это, является медитацией.

«Я понимаю все, что делал все прошедшие годы. Это всегда было движением от центра, и именно этот самый центр должен быть разрушен. Но как?»

Нет никакого метода, поскольку всякий метод или система становится центром. Осознание истины, что этот центр должен быть разрушен, и есть его прекращение.

«Моя жизнь была непрерывной борьбой, но теперь я вижу возможность окончания этого конфликта».

Вызов настоящего

Переулок спускался к морю от широкой, хорошо освещенной дороги, проходя между стенами сада многочисленных домов богачей. Там стояла тишина, поскольку стены, казалось, закрывались от шума города. Переулок сильно изгибался в разных направлениях, и на белых стенах танцевали тени, когда ветерок шевелил деревья. Ветер приносил многие ароматы: сильный запах моря, запах вечерней пищи, аромат жасмина и пары выхлопных газов. Теперь он дул с моря, и была удивительная интенсивность. Большой белый цветок рос в темной почве около дорожки, и вечер наполнился его ароматом. Дорожка продолжала спускаться, и немного погодя она пересеклась с еще одной дорогой, которая шла вдоль моря. Около дороги молодой человек держал на поводке собаку. Они отдыхали. Это была большая, мощная собака, гладкая и упитанная. Ее владелец, должно быть, полагал, что собака более важна, чем человек, так как сам мужчина носил загрязненную одежду и имел испуганный, удрученный взгляд. Казалось, что собака понимала свою приоритетность над человеком. Так или иначе, хорошие породистые собаки немного снобы. Двое людей шли, разговаривая и смеясь, и собака угрожающе зарычала, когда они проходили мимо. Но они не обращали никакого внимания, поскольку собака была на поводке и твердо удерживалась. Маленький мальчик нес что-то очень тяжелое, и ему это давалось с трудом, но он был удивительно весел и улыбнулся, когда проходил мимо.

Стояла тишина, никакие автомобили не проезжали и никого не было на дороге. Постепенно интенсивность росла. Она не была вызвана тишиной вечера или звездным небом, или танцующими тенями, или собакой на поводке, или ароматом дувшего бриза, но все это находилось в пределах той интенсивности. Была только она, простая и ясная, без причины, без бога, без шепота обещания. Она была настолько сильной, что тело на мгновение оказалось неспособно на какое-либо движение. Все чувства имели усиленную чувствительность. Ум, эта странная и сложная штука, был лишен всякой мысли и поэтому полностью пробужден, был светом, в котором не было тени. Все ваше бытие находилось в огне от интенсивности, которая поглощала движение времени. Символ времени — это мысль, и то пламя поглотило шум проходящего мимо автобуса и аромат белого цветка. Звук и аромат вплелись друг в друга, но были двумя различимыми, отдельными огнями. Без сотрясения и без наблюдателя ум осознавал эту бесконечную интенсивность, он сам стал пламенем, ясным, интенсивным, невинным.

Он и его жена находились в маленькой комнате, чье единственное окно открывало вид на белую стену, перед которой стоял коричневый ствол большого дерева. Вы видели только лишь массивный ствол, а не раскинувшиеся ветви. Он был крупным, хорошо сложенным мужчиной и довольно грузным. Его улыбка была быстрой и дружественной, но его острый взгляд мог выразить гнев, а его язык мог быть очень остер. Он, очевидно, много читал, а теперь пробовал выйти за пределы знания. У его жены был ясный взгляд и приятное лицо, она тоже была крупной, но не дряблой. Она мало принимала участие в беседе, но слушала с явным интересом. У них не было детей.

«Вообще возможно ли освободить ум от памяти? — начал он. — Разве не память — сама сущность ума, память, являющаяся знанием и опытом столетий? Разве не каждый опыт усиливает память? В любом случае, я никогда не мог понять, почему нужно освобождаться от прошлого, как вы утверждаете. Прошлое богато приятными ассоциациями и воспоминаниями. К счастью, часто можно забыть неприятные или печальные инциденты, но приятные воспоминания остаются. Бытие сильно бы обеднело, если весь опыт и знание, которое каждый получил, нужно было бы отбросить. На самом деле это был бы скудный, примитивный ум на

самом деле, который не имел бы никакой глубины знания и опыта».

Если вы не чувствуете потребность быть свободным от прошлого, тогда это не проблема, не так ли? Тогда богатство прошлого, со всеми его страданиями и радостями, будет сохраняться. Но прошлое — это живое существо? Или же движение настоящего придает жизнь прошлому? Настоящее с его требующей интенсивностью и изменчивой стремительностью, является постоянным вызовом уму. Настоящее и прошлое всегда находятся в конфликте, если ум не способен полностью к встрече с быстрым настоящим. Конфликт возникает только, когда ум, обремененный прошлым, известным, пережитым отвечает на вызов настоящего, которое всегда является не полностью новым, изменчивым.

«А может вообще ум полностью откликнуться на настоящее? Мне кажется, что ум всегда окрашен прошлым, и вообще возможно ли быть полностью свободным от этой окраски?»

Давайте вникнем в это и выясним. Прошлое — это время, не так ли? Время как опыт, знание, и весь дальнейший опыт усиливает прошлое.

«Как?»

Когда в вашей жизни происходит событие, и вы получаете то, что мы называем переживанием, опытом, этот опыт немедленно переведен в понятия прошлого. Если вы имеете определенную религиозную веру, то она может вызвать некоторые переживания, которые в свою очередь усилят ее. Поверхностный ум может приспособляться к давлениям и требованиям его непосредственной окружающей среды, но скрытая часть ума слишком обусловлена прошлым, и именно условности, фон диктует переживание. Целое движение сознания — это отклик прошлого, верно? Прошлое, по существу, статично, бездействует, оно не имеет никакого собственного действия. Но начинает оживать, а когда ему бросается какой-либо вызов, оно отвечает. Всякое размышление — отклик прошлого накопленного опыта, знания. Так что всякое размышление обусловлено, свобода находится вне власти мысли.

«Тогда как же ум вообще освободиться от его собственных ограничений?»

Если позволите спросить, а почему ум, который сам является прошлым, результатом времени, должен быть свободным? Какой мотив скрывается за вашим вопросом? Почему он вообще возникает? Это теоретическая или фактическая проблема?

«Я думаю, что и то, и то. Есть спекулятивное любопытство узнать, как можно было хотеть знать о структуре материи, и к тому же это еще и личная проблема. Проблема для меня в том смысле, что, мне кажется, нет никакого выхода из моих условностей. Я могу вырваться из одного шаблона мышления, но при самом процессе формируется другой шаблон. Избавление от старого когда-либо дает жизнь новому?»

Если оно распознаваемо как новое, то новое ли это? Конечно же, то, что узнается как новое, все-таки результат прошлого. Узнавание рождено памятью. Только, когда прошлое прекращает существовать, может появиться новое.

«Но возможно ли, чтобы ум прорвался через занавес прошлого?»

Опять же, почему вы задаете этот вопрос?

«Как я сказал, каждому любопытно узнать, к тому же есть желание быть свободным от некоторых неприятных и болезненных воспоминаний».

Простое любопытство далеко не приведет. И удерживание приятного, при попытке избавиться от неприятного, только делает ум унылым, поверхностным, это не приносит свободу. Ум должен быть свободным от обоих, а не только от неприятного. Порабощение приятными воспоминаниями — это явно не свобода. Желание держаться за то, что является приятным, порождает конфликт в жизни. Этот конфликт в дальнейшем обуславливает ум, и такой ум никогда не может быть свободным. Пока ум пойман в потоке памяти, приятной или неприятной, пока он удерживается в причинно-следственной цепочке, пока он использует настоящее как

переход от прошлого к будущему, он никогда не сможет быть свободным. Свобода тогда — это просто идея, а не действительность. Нужно понять суть этого, и затем ваш вопрос будет иметь совершенно иное значение.

«Если я пойму смысл, появится ли свобода?»

Предположение — тщетно. Должна быть понята истина, реальный факт, что нет никакой свободы, пока ум узник, должен быть пережит.

«Имеет ли человек, который свободен в наивысшем смысле, какое-либо отношение к потоку причинной обусловленности и времени? Если нет, то что проку от этой свободы? Какую ценность или значение имеет такой человек в нашем мире радости и боли?»

Странно, что мы почти всегда мыслим понятиями полезности. Не задаете ли вы этот вопрос из лодки, плывущей по течению времени? И оттуда вы хотите знать, какое значение имеет свободный человек для людей в лодке. Вероятно, никакого вообще. Большинство людей не заинтересованы в свободе, и когда они встречают человека, который свободен, они либо делают из него божество и помещают его в святыню, либо высекают его в камне или в словах, что равносильно его уничтожению. Но, конечно ваше беспокойство не из-за такого человека. Ваша забота в том, чтобы освободить ум от прошлого, которым вы являетесь.

«Когда однажды ум освобождается, тогда что является его обязанностью?»

Слово «обязанность» не применимо к такому уму. Само его существование оказывает взрывное воздействие на время, на прошлое. Именно это взрывное воздействием имеет самую высокую ценность. Человек, который остается в лодке и просит о помощи, хочет ее в образце прошлого, в области узнавания, а на это свободный ум не имеет никакого ответа, но та взрывчатая свобода действует на темницу времени.

«Я не знаю, что могу ответить на это. Я действительно пришел со своей женой из-за любопытства, но становлюсь глубоко озадаченным. В глубине души я серьезен, и я обнаруживаю это в первый раз. Многие из моего поколения отворачивались от признанных религий, но глубоко внутри есть религиозное чувство, и у него есть очень небольшая возможность для того, чтобы выйти наружу. Нужно пользоваться существующей возможностью».

Печаль из-за жалости к себе

Было прекрасное время года — стояла теплая весна. Солнце пригревало умеренно, поскольку легкий ветерок дул с севера, где горы покрыты белоснежным покрывалом. Дерево возле дороги, еще неделю назад голое, теперь покрыто молодыми зелеными листьями, которые блестели на солнце. Молодые листья выглядели очень хрупкими, нежными и маленькими в обширном пространстве ума, земли и синего неба. Все же за короткий промежуток времени они, казалось, заполнили пространство всех мыслей. Ветерок рассеял лепестки по земле, среди которых сидели несколько детей. Это были дети шоферов и других слуг. Они никогда не пойдут в школу, навсегда оставшись бедняками на этой земле, но среди упавших лепестков около грязной дороги дети были частью земли. Они были напуганы, увидев незнакомца, сидящего с ними, и внезапно замолчали. Прекратив играть с лепестками, они в течение нескольких секунд сидели неподвижно, как статуи. Но их глаза светились любопытством и дружелюбием.

В маленьком, заброшенном саду у обочины цвело множество ярких цветов. Среди листьев дерева в том саду в полдень ворона пряталась в тени от солнца. Ее тело опиралось на ветку, а перья прикрывали когти. Она звала или отвечала другим воронам, и в течение десяти минут в ее карканье было пять или шесть различных звуков. В ее арсенале, по всей видимости, было намного больше звуков, но в данный момент ее устроили эти несколько. Она была ярко-черной, с серой шеей, с необыкновенными глазами, которые никогда не были спокойными, с клювом твердым и острым. Она полностью расслабилась и в то же самое время оставалась полностью активной. Было удивительно, как ум полностью соединился с той птицей. Он не наблюдал за ней, хотя рассматривал каждую деталь, сам он не был птицей, поскольку не было никакого отождествления с ней, он был с птицей, с ее глазами и острым клювом, как море с рыбой. Он был с птицей, и все же он проходил сквозь нее и вне ее. Острый, агрессивный и испуганный ум вороны был частью ума, который охватывал моря и время. Этот ум был обширным, безграничным, вне всякой меры, и все же он осознавал малейшее движение глаз той черной вороны среди новых, блестящих листьев. Он осознавал падающие лепестки, но не имел никакого центра внимания, никакой точки, от которой можно было бы следить. В отличие от пространства, которое всегда имеет в себе что-нибудь: частицу пыли, земли или небес, — он был полностью пуст и являясь пустым, мог следить без причины. У его внимания не было ни корня, ни ветвей. Вся энергия была в той пустой неподвижности. Это не была энергия, созданная с намерением, которая скоро рассеется. Это была энергия всего начала, жизнь, что не имеет времени как окончания.

Несколько человек пришли вместе, и, как только каждый пытался изложить проблему, другие начинали объяснять ее и сравнивать с их собственными испытаниями. Но горе нельзя сравнивать. Сравнение порождает жалость к себе, и затем следует несчастье. Беду нужно встречать напрямую, не с мыслью, что ваше несчастье больше, чем несчастье других.

Теперь все они молчали, и через время один из них начал.

«Моя мать умерла несколько лет назад. Совсем недавно я потерял также моего отца, и я полон раскаянья. Он был хорошим отцом, и я должен был быть многим для него, кем я не был. Наши интересы не совпадали, соответствующие образы наших жизней отдаляли нас. Он был религиозным человеком, но мое религиозное чувство было не настолько самозабвенным.

Отношения между нами были часто натянутыми, но по крайней мере это были хоть какие-то отношения, а теперь, когда его нет, я убит горем. Мое горе — это не только раскаяние, но также и чувство внезапного одиночества. Прежде у меня никогда не было такого горя, и оно весьма острое. Что мне делать? Как я должен преодолеть его?»

Если позволите поинтересоваться, вы страдаете из-за вашего отца, или же горе возникает из-за отсутствия отношений, к которым вы привыкли?

«Я не совсем понимаю то, что вы имеете в виду», — ответил он.

Вы страдаете из-за того, что ваш отец умер, или из-за того, что вы чувствуете себя одиноким?

«Все, что я знаю, это то, что я страдаю и хочу освободиться от этого. Я действительно не понимаю, что вы имеете в виду. Объясните, пожалуйста?»

Это довольно просто, разве нет? Либо вы страдаете во имя вашего отца, то есть потому, что он наслаждался жизнью и хотел жить, а теперь он умер, либо вы страдаете, потому что имелся разрыв в отношениях, которые так долго были столь значимыми, и вы внезапно осознаете одиночество. А теперь, которое из них? Вы страдаете, конечно же, не из-за вашего отца, а потому что вы одиноки, и ваша печаль — это то, что приходит из-за жалости к себе.

«Что точно является одиночеством?»

Вы никогда не чувствовали себя одиноким?

«Да, я часто предпринимал прогулки в уединении. Я длительное время гуляю один, особенно по выходным».

Разве нет различия между чувством одиночества и просто быть одному, как на прогулке в одиночку?

«Если есть, то не думаю, что я знаю, что означает одиночество».

«Не думаю, что мы знаем, вообще что хоть что-нибудь означает, ну кроме как на словах», — добавил кто — то.

Вы никогда сами не испытали чувство одиночества, как вы могли бы испытывать зубную боль? Когда мы говорим об одиночестве, мы испытываем психологическую боль из-за него или просто используем слово, чтобы указать на что-то, что мы никогда сами не испытывали? Мы действительно страдаем или только думаем, что страдаем?

«Я хочу знать, что такое одиночество», — ответил он.

Вы подразумеваете, что вы хотите его описание. Это переживание того, что вы полностью изолированы, чувство невозможности зависеть от чего-нибудь, быть отрезанным от всех взаимоотношений. «Я», эго по его собственной природе постоянно строит стену вокруг себя, вся его деятельность ведет к изоляции. Осознавая свою изоляцию, оно начинает отождествлять себя с добродетелью, с Богом, с собственностью, с человеком, со страной или идеологией, но такое отождествление — это часть процесса изоляции. Другими словами, мы убегаем всеми возможными способами от боли одиночества, от чувства изоляции, и поэтому мы никогда непосредственно сами его не испытываем. Это не подобно тому, когда боишься чего-то там, за углом, и никогда не сталкиваешься с этим, никогда не выясняешь, какое оно, а всегда убегаешь и находишь спасение в ком-то или в чем-то, что только порождает больший страх. Вы никогда не чувствовали себя одинокими, отрезанными от всего, полностью изолированными?

«Я вообще понятия не имею, о чем вы говорите».

Тогда, если можно поинтересоваться, вы действительно знаете, что такое горе? Вы испытываете горе так же сильно и остро, как вы бы испытывали зубную боль? Когда у вас болит зуб, вы действуете, вы идете к дантисту, но, когда есть горе, вы убегаете от него через объяснение, веру, спиртное и так далее. Вы действуете, но ваше действие — это не действие, которое освобождает ум от горя, не так ли?

«Я не знаю, что делать, и именно поэтому я здесь».

Прежде, чем вы узнаете, что делать, не должны ли вы выяснить, что такое горе фактически? Разве вы просто не сформировали идею, суждение о том, что такое горе? Конечно же, побег, оценка, страх мешают вам переживать его напрямую.

Когда вы страдаете от зубной боли, вы не формируете о ней идеи и мнения, вы только чувствуете ее и действуете. Но здесь нет никакого действия, немедленного или отдаленного, потому что вы в действительности не страдаете. Чтобы переносить и понимать страдание, вы должны смотреть на него, вы не должны убегать.

«Мой отец ушел безвозвратно, и поэтому я страдаю. Что я должен сделать, чтобы быть недостижимым для страдания?»

Мы страдаем, потому что не видим суть страдания. Факт и наше воображение относительно факта полностью отличаются, уводя в двух различных направлениях. Если можно спросить, вы обеспокоены фактом, действительностью или просто идеей страдания?

«Вы не отвечаете на мой вопрос, сэр, — настаивал он. — Что я должен делать?»

Вы хотите убежать от страдания или быть свободным от него?

Если вы просто хотите убежать, тогда таблетка, вера, объяснение, развлечение может «помочь» с неизбежными последствиями зависимости, страха и так далее. Но если вы желаете быть свободным от горя, вы должны прекратить убегать и осознавать его без суждения, без выбора.

Вы должны наблюдать его, изучать, знать все его сокровенные уловки, тогда вы не будете пугаться его, и больше не будет яда жалости к себе. С пониманием горя появляется свобода от него. Чтобы понимать горе, должно происходить фактическое его переживание, а не словесная фикция.

«Можно задать только один вопрос? — вмешался один из остальных. — Каким образом следует проживать обыденную жизнь?»

Как если бы вы жили в течение того единственного дня, в течение того единственного часа.

«Как?»

Если бы у вас был только один час, чтобы жить, что бы вы делали?

«Я действительно не знаю», — ответил он с тревогой.

Вы бы не организовали и исполнили то, что необходимо внешне, ваши дела, ваше желание и так далее? Вы бы не позвали вашу семью и друзей вместе и не попросили бы у них прощение за вред, который вам пришлось причинить им, и не простили бы их за всякий вред, который они могли бы причинить вам? Вы не умерли бы полностью по отношению ко всему, что связано с умом, с желаниями к миру? И если это можно сделать за час, тогда это также может быть сделано за дни и годы, которые остаются.

«Такое действительно возможно, сэр?»

Пробуйте это, и вы выясните.

Нечувствительность и сопротивление шуму

Море было спокойным, а горизонт ясным. Пройдет еще час или два прежде, чем солнце взойдет из-за холмов. Убывающая луна заставляла воды танцевать. Она была настолько яркой, что вороны в окрестности проснулись и закаркали, разбудив петухов. Через некоторое время вороны и петухи снова умолкли, было слишком рано даже для них. Стояла удивительная тишина. Это была не тишина, наступающая после шума, или задумчивое затишье перед штормом.

Это не была тишина «до и после». Ничто не двигалось, ничто не шевелилось среди кустарников. Была всеохватывающая тишина с ее проникающей интенсивностью. Это не было краешком тишины, но самой ее сущностью, и она выметала всякую мысль, всякое действие. Ум почувствовал эту неизмеримую тишину и сам стал тихим, или, скорее, передвигался в тишине без сопротивления его собственной деятельности.

Мысль не оценивала, не измеряла, не принимала тишину, она сама была тишиной. Медитация была непринужденной. Не было никакого медитирующего, не было мысли, преследующей цель, поэтому тишина была медитацией. Эта тишина имела собственное движение, и она проникала в глубины, в каждый уголок ума. Тишина была умом, мнение не стало тихим. Тишина бросила свое семя в самом центре ума, и хотя вороны и петухи снова объявляли рассвет, эта тишина никогда не закончится. Солнце теперь показывалось из-за холмов, длинные тени падали поперек земли, и сердце будет следовать за ними весь день.

Женщина, которая жила по соседству, была весьма молода, имела троих детей. Ее муж возвратится из офиса поздно после обеда, и после игр они все будут улыбаться ему через стену. Однажды она пришла с одним ребенком, чисто из любопытства.

Она мало что рассказала, да и было немного, что сказать. Она говорила о разных вещах: об одежде, автомобилях, образовании и выпивке, о клубной жизни и вечеринках. Среди холмов послышался шепот, но он исчез прежде, чем вы могли прислушаться к нему. За словами что-то скрывалось, но у нее не было времени, чтобы слушать. Ребенок стал беспокойным и неугомонным.

«Интересно, почему вы тратите впустую ваше время на таких людей? — спросил он, когда вошел. — Я знаю ее, светская бабочка, хороша на коктейльных вечеринках с определенным уровнем вкуса и денег, я удивлен, что она вообще пришла на встречу с вами. Явная трата вашего времени, но, возможно, она получит кое-какие уроки из этого. Вам, должно быть, знаком такой тип женщин: шмотки и драгоценности, а главный интерес к себе самой. На самом деле я пришел, чтобы поговорить о чем-то другом, конечно, но, увидев ее здесь, я довольно расстроился. Извините, что я заговорил о ней».

Моложавый мужчина с хорошими манерами и культурным голосом, он был педантичен, аккуратен и довольно суетлив. Его отец был известен в политической сфере. Он был женат и имел двух детей, и достаточно зарабатывал, чтобы сводить концы с концами. Он мог бы легко зарабатывать больше денег, сказал он, но это не стоило того. Он обучит детей в колледже, и после того им придется самим заботиться о себе. Он рассказывал о своей жизни, о капризах судьбы, взлетах и падениях его существования.

«Проживание в городе стало для меня кошмаром, — продолжал он. — Шум большого города беспокоит меня невероятно. Детский гам в доме это уже достаточно плохо, но рев города, с его автобусами, автомобилями и трамваями, стук, который слышится при строительстве новых зданий, соседи с их ревушим радио — вся отвратительная какофония из шума совсем меня разрушает и разбивает. Кажется, я не могу приспособиться к нему. Мой ум

страдает из-за этого, и даже физически шум мучит меня. Ночью я запикиваю что-нибудь себе в уши, но даже тогда я знаю, что шум есть. Я не совсем „больной“ еще, но стану им, если не сделаю что-нибудь с этим».

Почему вы думаете, что шум оказывает такое воздействие на вас? Разве шум и тишина не связаны с друг другом? Есть ли шум без тишины?

«Все, что я знаю, так это то, что тот шум, почти сводит меня с ума».

Предположим, что вы слышите постоянный лай собаки ночью. Что происходит? Вы приводите в движение механизм сопротивления, верно? Вы сражаетесь с шумом собаки. Сопротивление указывает на чувствительность?

«Я имею много таких сражений, не только с шумом собак, но и с шумом радио, шумом детей в доме и так далее. Мы живем на сопротивлении, не так ли?»

Вы действительно слышите шум или же только осознаете то волнение, которое он создает в вас и которому вы сопротивляетесь?

«Я не совсем понимаю вас. Шум тревожит меня, и, естественно, что ты сопротивляешься причине тревоги. Разве сопротивление не естественно? Мы сопротивляемся почти всему, что является болезненным или печальным».

И в то же самое время мы приступаем к возвращению радостного, прекрасного. Мы не сопротивляемся ему, хотим больше. Именно только неприятным, тревожащим вещам мы сопротивляемся.

«Но, как я сказал, разве это не совершенно естественно? Все мы инстинктивно так поступаем».

Я не говорю, что это ненормально, это так, повседневный факт. Но, сопротивляясь неприятному, уродливому, тревожащему и принимая только то, что является радостным, мы не вызываем постоянный конфликт? И не приводит ли конфликт к отупению, нечувствительности? Этот двойной процесс принятия и отвержения делает ум эгоцентричным в его чувствах и действиях, верно?

«Но что делать?»

Давайте поймем проблему, и, возможно, такое понимание вызовет его собственное действие, в котором нет никакого сопротивления или конфликта. Разве конфликт, внутренний и внешний, не делает ум эгоцентричным и поэтому нечувствительным?

«Я думаю, что понимаю, что вы подразумеваете под эгоцентричностью. Но что вы подразумеваете под чувствительностью?»

Вы чувствительны к красоте, не так ли?

«Это одно из проклятий моей жизни. Для меня почти болезненно видеть что-то прекрасное, смотреть на закат над морем или на улыбку ребенка, или на красивое произведение искусства. Это вызывает на моих глазах слезы. С другой стороны, я ненавижу грязь, шум и неопрятность. Время от времени я едва могу вынести выход на улицу. Контрасты разрывают меня внутри на части, и, пожалуйста, поверьте мне, я не преувеличиваю».

Но неужели это чувствительность, когда ум восхищается прекрасным и застывает в ужасе от уродливого? Сейчас мы не рассматриваем, что есть красота и что есть уродство. Когда существует противопоставленный конфликт, возвышенная оценка одного и сопротивление другому, присутствует ли здесь чувствительность вообще? Естественно, везде, где имеется конфликт, трение, имеется и искажение. Разве нет искажения, когда вы склоняетесь к красоте и сжимаетесь от уродства? При сопротивлении шуму вы не возвращаете нечувствительность?

«Но как мириться с тем, что отвратительно? Невозможно терпеть дурной запах, верно?»

Существует грязь и нищета городской улицы и красота сада. Оба они — факты, действительность. При сопротивлении одному не станете ли вы нечувствительным к другому?

«Я понимаю, что вы имеете в виду, и что тогда?»

Будьте чувствительны к обоим фактам. Вы когда-либо пробовали слушать шум, слушать его, как слушали бы музыку? Но, наверно, никто никогда вообще не слушает что-либо. Вы не можете слушать то, что слышите, если вы сопротивляетесь этому. Чтобы слушать, должно присутствовать внимание, а, где имеется сопротивление, нет никакого внимания.

«Как мне научиться слушать с тем, что вы называете вниманием?»

Как вы смотрите на дерево, на красивый сад, на солнце на воде или на листик, трепещущий на ветру?

«Я не знаю, я просто люблю смотреть на такие вещи».

Вы осознаете себя, когда смотрите на что-либо подобным образом?

«Нет».

Но вы осознаете, когда сопротивляетесь тому, что вы видите.

«Вы просите меня, чтобы я слушал шум, как если бы любил его, не так ли? Хорошо, я не люблю это, и не думаю, что вообще возможно любить. Вы не можете полюбить уродливого, зверского персонажа».

Такое возможно, и это было сделано. Я не предлагаю, чтобы вы полюбили шум, но разве не возможно освободить ум от всякого сопротивления, от всякого конфликта? Каждая форма сопротивления усиливает конфликт, а конфликт приводит к нечувствительности. А, когда ум нечувствителен, тогда красота — только бегство от уродства. Если красота — просто противоположность, то это не красота. Любовь — это не противоположность ненависти. Ненависть, сопротивление, конфликт не порождают любовь. Любовь — это не сознательная деятельность. Это кое-что, что вне пределов области ума. Слушание — это также акт внимания, как и наблюдение. Если вы не будете осуждать шум, вы обнаружите, что он прекратил беспокоить ум.

«Я начинаю понимать то, что вы имеете в виду. Я попробую, как только выйду из комнаты».

Свойство простоты

Омытые дождем холмы искрились в утреннем солнце, и небо позади них было ярко-голубым. Долина, полная деревьев и ручьев, расположилась высоко среди холмов. Не слишком много людей жили там, и присутствовала чистота одиночества. Там было множество белых зданий с соломенными крышами и многочисленные козы и рогатый скот. Но долина была вне дороги, и обычным способом вам не обнаружить ее, если только вы не знаете или вам не скажут о ее существовании. У входа в нее проходила непыльная дорога, и, как правило, никто не входил в долину без какой-то определенной цели. Она была неиспорченной, изолированной и удаленной, но тем утром казалась особенно чистой в своем уединении, и дожди смыли пыль многих дней. Камни на холмах оставались все еще влажными в утреннем солнце, и сами холмы, казалось, наблюдали, ожидали. Они простирались с востока на запад, и солнце вставало и садилось среди них. Один такой холм возвышался на фоне синего неба подобно храму, высеченному из живого камня, квадратный и роскошный. Дорожка прокладывала свой извилистый путь от одного конца долины до другого, и в определенной точке по этой дорожке можно было заметить изваяние в виде холма. Установленный чуть далее, чем другие холмы, он был более темный, более тяжелый, наделен великой силой. Около дорожки нежно журчал ручей, протекая в восточном направлении к солнцу, и широкие колодцы были наполнены водой, в которой содержалась надежда на лето и далее. Бесчисленные лягушки создавали громкий шум по всему протяжению того тихого ручья, а большая змея пересекла дорожку. Она совсем не спешила и передвигалась лениво, оставляя след в мягкой, сырой земле. Почуввав человеческое присутствие, она остановилась, а ее черный, разветвленный язык выбрасывался туда и обратно из заостренного рта. Через время она возобновила свое путешествие в поисках пищи и исчезла среди кустов и высокой, колыхающейся травы. В это прекрасное утро было приятно находиться под большим манговым деревом, которое стояло рядом с открытым колодцем. В воздухе стоял аромат недавно омытых листьев и запах манго. Солнце не проникало через густую листву, и вы могли сидеть там, на плите скалы, которая в течение долгого времени оставалась все еще влажной.

И долина, и дерево существовали в уединении. Эти горы были одними из самых старых на земле, и поэтому тоже знали, что значит быть уединенными и далекими. Одиночество грустно с подползающим желанием быть в связи, не быть отрезанным, но это чувство отдаленности, уединение было связано со всем, было частью всех вещей. Вы не осознавали, что одни, потому что были деревья, камни, журчащая вода. Вы только осознаете свое одиночество, но не уединение, и когда вы познаете его, то становитесь действительно одиноким. Горы, ручьи, тот человек, проходящий мимо, были все частью этого одиночества, чья чистота содержала в себе всю нечистоту, но не была загрязнена ею. Но нечистота не могла разделить его одиночество. Именно нечистота познает его, она обременена горем и болью существования. Сидя там, под деревом, когда большие муравьи пересекали вашу ногу, в том неизмеримом одиночестве присутствовало движение бесконечной вечности. Это не было движение, охватывающее пространство, но движение в пределах его самого, пламя в пределах пламени, свет в пределах пустоты света. Это было движение, которое никогда не остановится, поскольку оно не имело никакого начала и поэтому никакой причины закончиться. Это было движение, которое не имело направления, и таким образом охватывало космос. Там, под деревом, само время стояло неподвижно, подобно горам, и это движение охватывало его и шло за его пределы, так что время никогда не могло настичь движение. Ум никогда не мог прикоснуться его краешка, но ум был этим движением. Наблюдатель не мог угнаться за ним, поскольку он был способен только

следовать за его собственной тенью и за словами, которые прикрывали ее. Но под тем деревом, в этом уединении не было ни наблюдателя, ни его тени.

Колодцы были все еще полны, горы все еще наблюдали и ждали, а птицы все еще влетали и вылетали из листвы.

В освещенной солнцем комнате сидел какой-то мужчина, его жена и их друг. Там не было стульев, а лишь соломенная циновка на полу, и мы все уселись на ней. Из двух окон одно было видом на обветренную глухую стену, а через другое были видны несколько кустарников, которые нуждались в поливе. Один был цветах, но без аромата. Муж и жена были довольно зажиточные и имели взрослых детей, которые жили самостоятельно. Он был на пенсии, и они имели небольшой собственный участок за городом. Они редко приезжали в город, сказал он, но специально приехали, чтобы послушать беседы и обсуждения. В течение трех недель встреч никто не коснулся их особой проблемы, и поэтому они снова здесь. Их друг, пожилой, лысеющий, седовласый мужчина жил в городе. Он был известным адвокатом с превосходной практикой.

«Я знаю, что вы не одобряете нашу профессию, и иногда я думаю, что вы правы, — сказал адвокат. — Наша профессия не такая, какой она должна быть, а какая профессия такая? Три профессии: адвокат, солдат и полицейский, как вы говорите, вредны для человека и позор для общества, а я включил бы и политика. Занимаясь мой профессией, я не могу так поздно оставить ее, хотя много размышлял над этим вопросом. Но я здесь не для того, чтобы говорить об этом, хотя я бы очень хотел воспользоваться возможностью так сделать. Я пришел с моими друзьями, потому что их проблема также интересует и меня».

«То, о чем мы хотим говорить, довольно сложно, по крайней мере, насколько я понимаю, — сказал муж. — Мой друг, адвокат, и я интересовались много лет религиозными вопросами, не просто обрядностью и убеждающими верованиями, а кое-чем намного большим, чем обычные атрибуты религий. Говоря за себя самого, я могу сказать, что медитировал в течение множества лет над различными вопросами, имеющими отношение к внутренней жизни, и я всегда обнаруживаю, что блуждаю по кругу. В данный момент я не хочу говорить о назначении медитации, а разобраться с вопросом о простоте. Я чувствую, нужно быть простым, но я не уверен, что понимаю, что такое простота. Как и большинство людей, я очень сложное существо, и возможно ли стать простым?»

Стать простым означает продолжать быть в сложности. Невозможно стать простым, а нужно приближаться к сложности с простотой.

«Но как может ум, который является очень сложным, подходить к какой-то проблеме просто?»

Быть простым и становиться простым — два совершенно разных процесса, каждый из которых ведет в разном направлении. Только, когда желание стать заканчивается, есть действие бытия. Но прежде, чем мы вникнем во все это, можно поинтересоваться, почему вы чувствуете, что должны обладать качеством простоты? Каков мотив за этим побуждением?

«На самом деле, я не знаю. Но жизнь становится все более и более сложной, идет более сильная борьба, с нарастающим безразличием и разрастающейся поверхностностью. Большинство людей живет на поверхности и делает из этого много шума, и моя собственная жизнь не очень глубока, поэтому я чувствую, что должен стать простым».

Простой во внешнем проявлении или внутри?

«И так, и так».

Является ли внешнее проявление аскетизма — иметь мало одежды, есть только один раз в день, обходиться без обычного комфорта и так далее — признаком простоты?

«Внешний аскетизм необходим, не так ли?»

Мы обнаружим истинность или ошибочность этого через время. Вы думаете, что это простота загромождать ум верованиями, желаниями и их противоречиями, завистью и жадной властью? Есть ли простота, когда ум поглощен его собственным продвижением в добродетели? Является ли поглощенный ум простым умом?

«Когда вы ставите вопрос таким образом, то становится очевидным, что это не простой ум. Но как ум можно очистить от его накоплений?»

Мы еще не дошли до того момента, не так ли? Мы видим, что простота это не вопрос внешнего проявления, и что, пока ум переполнен знаниями, опытами, воспоминаниями, он не прост в действительности. Тогда, что такое простота?

«Я сомневаюсь, что смогу дать правильное ее определение. Такие вещи очень трудно передать словами».

Мы же не ищем определение, верно? Мы найдем правильные слова, когда будем иметь чувство простоты. Поймите, что одна из наших трудностей в том, что мы пытаемся найти адекватное словесное выражение, не прочувствовав качество, сущность явления. Мы вообще когда-либо чувствуем что-нибудь напрямую? Или мы чувствуем все через слова, через концепции и определения? Мы когда-либо смотрим на дерево, на море, на небо, не формируя слова, не помечая их?

«Но как почувствовать характер или качество простоты?»

Разве сами вы не мешаете себе почувствовать ее характер, требуя метод, который вызовет ее? Когда вы голодны, и перед вами стоит пища, вы же не спрашиваете «Как мне есть?» «Как» — это всегда отклонение от факта. Чувство простоты не имеет никакого отношения к вашим мнениям, словам и умозаключениям относительно этого чувства.

«Но ум, со всеми его сложностями, всегда вставляет то, что, как он думает, он знает о простоте».

Что мешает ему пребывать с чувством. Вы когда-либо пробовали пребывать с чувством?

«Что вы подразумеваете под пребыванием с чувством?»

Вы пребываете с чувством удовольствия, не так ли? Испытав его, вы стараетесь удержаться за него, вы планируете продолжение его и так далее. А сейчас, можно ли пребывать с чувством, представленным словом «простота»?

«Мне кажется, что я знаю, какое это чувство, так что я не могу оставаться с ним».

Существует ли чувство отдельно от реакций, пробужденных словом «простота»? Существует ли чувство отдельно от слова, термина, или же они неотделимы? Само чувство и его обозначение почти одновременны, не так ли? Слово всегда создается, составляется, но чувство — нет, и очень трудно отделить чувство от слова.

«А такое вообще возможно?»

Неужели невозможно чувствовать сильно, чисто, без искажения? Чтобы чувствовать сильно относительно чего-либо, относительно семьи, относительно страны, относительно причины, сравнительно легко. Интенсивное чувство или энтузиазм могут возникать, например, через отождествление себя с верой или идеологией. Об этом известно. Можно увидеть стаю белых птиц в голубом небе и почти упасть в обморок от интенсивного чувства такой красоты, или можно отпрянуть от ужаса жестокости человека. Все подобные чувства пробуждаются словом, сценой, поступком, объектом. Но разве нет интенсивности чувства без объекта? И разве это чувство несравнимо огромное? Тогда это чувство или кое-что совсем другое?

«Боюсь, я не знаю, о чем вы говорите, сэр. Я надеюсь, что вы не возражаете, что я вам об этом говорю».

Нисколько. Существует ли состояние без причины? Если существует, то можно ли прочувствовать его, не на словах или теоретически, а фактически осознать состояние? Чтобы

быть таким образом остро осознающим, словесное выражение в любой форме и всякое отождествление со словом, с памятью должны полностью прекратиться. Существует состояние без причины? Разве любовь не такое состояние?

«Но любовь чувственна, и кроме того она божественна».

Мы снова возвратились в то же самое запутанное состояние, не так ли? Делить любовь на ту и эту — это по-мирски. От этого разделения получается выгода. Любить бессловесно — без моральной преграды вокруг нее — это состояние сострадания, которое не пробуждено объектом. Любовь — это действие, и к тому еще и реакция. Действие, рожденное реакцией, только порождает конфликт и горе.

«Если можно так выразиться, сэр, это мне не по зубам. Позвольте мне быть простым, и затем, возможно, я пойму глубинное».